

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
Высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

20'2006

Научное издание

Екатеринбург – 2006

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

20'2006

Editor-in-Chief

A.P. Chudinov

Editorial Board

N.B. Ruzhentseva

E.V. Budayev

M.B. Voroshilova

A.M. Strelnikov

Yekaterinburg, 2006

УДК 409.34
ББК Ш 107
П 50

Редакционная коллегия:

Главный редактор: доктор филол. наук, профессор А. П. ЧУДИНОВ
Заместитель главного редактора: кандидат филол. наук Э. В. БУДАЕВ,
Заместитель главного редактора: кандидат филол. наук М. Б. ВОРОШИЛОВА
доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА,
кандидат филол. наук А. М. СТРЕЛЬНИКОВ

П 50 Политическая лингвистика. Выпуск 20 / Урал. гос. пед. ун-т;
Главный ред. Чудинов А. П. – Екатеринбург, 2006. – 303 С.
ISBN 5-7186-0287-5

Общие задачи издания: обмен новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает два основных раздела – «Язык в политической коммуникации» и «Язык – политика – культура». Сборник предназначен для ученых-языковедов всех специальностей, он может представлять интерес для преподавателей, аспирантов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34
ББК Ш 107

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
ВЫПУСК 20

Подписано в печать _____. Формат 60x84/16.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. печ. л. – _____. Тираж 120 экз. Заказ _____

Оригинал макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@diapup.uk.ru

P.S. Статьи выходят в авторском варианте, редакция не несет ответственности за их содержание и оформление.

ISBN 5-7186-0287-5

© Политическая лингвистика , 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

8

РАЗДЕЛ 1. ЯЗЫК В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Андерсон, Ричард Д. (мл.) Лос-Анжелес, США	On a Cross-Cultural Resemblance among Certain Metaphors for Political Power.	9
Балашова Л. В. Саратов, Россия	Общественно-политическая лексика как источник метафоризации вне политического дискурса	21
Бейн, Дж., Статс, К., Чабан, Н. , Крайстчерч (Новая Зеландия), Аделаида (Австралия)	«Политический Франкенштейн» или «финансовый Гаргантюа»? метафоры персонафикации при освещении расширения евросоюза в новостях Австралии	43
Будаев Э. В. Нижний Тагил, Россия	«Могут ли метафоры убивать?»: прагматический аспект политической метафорики	67
Будаев Э. В., Чудинов А. П. Нижний Тагил, Екатеринбург, Россия	Становление и эволюция зарубежной политической лингвистики	75
Васильев А. Д. Красноярск, Россия	Некоторые манипулятивные приемы в текстах телевизионных новостей	95
Данн, Дж. А. Эдинбург, Великобритания	Что такое «политтехнологическая феня» и откуда она взялась?	116
Клочко Н. Н. Женева, Швейцария	Этноцентрические мифологемы в современном славянском коллективном сознании	126
Макарова В. В. Каунас, Литва	Наша партия лучше: способы убеждения в ситуации предвыборной борьбы	135
Пшенкин А. А. Барнаул, Россия	Метафорический образ СССР / России в американском и российском политическом дискурсе	146
Спиридовский О.В. Воронеж, Россия	Интертекстуальность президентского дискурса в США, Германии и Австрии	161
Ширманов И. А. Саратов, Россия	Концептуальная метафора в дискурсе президентской предвыборной кампании в США (2004 г.)	170

РАЗДЕЛ 2. ЯЗЫК– ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Аникин Е. Е. Колумбия (Южная Каролина), США	Тактика имплицитного сопоставления в рекламном дискурсе США	175
Ворошилова М. Б. Екатеринбург, Россия	Креолизованный текст: аспекты изучения	180
Журавлева О. Н. Киров, Россия	Гроза в свите Воланда	190
Кушнерук С. Л. Челябинск, Россия	Использование прецедентных феноменов для ситуативного промоушена в российской печатной рекламе	198
Луканина М. В. Москва, Россия	Текст средств массовой информации и конвергенция	205
Лутовинова О. В. Волгоград, Россия	Лингвокультурный типаж «хакер»	215
Надель-Червиньска Маргарита Катовице, Польша	Семантика <i>ГОРЫ</i> в польской народной сказке и лингвокультурологический кон- текст европейского фольклора	229
Шустрова Е. В. Екатеринбург, Россия	Метафорическое олицетворение чувства и состояния в афроамериканском литера- турном дискурсе	253

РАЗДЕЛ 3. КЛАССИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Русова И.А., Толмачева М.В. Сургут, Екатеринбург, Россия	Научное наследие классиков политиче- ской лингвистики	262
Лассвелл, Гарольд Оруэлл, Джордж	Язык власти Политика и английский язык	264 280

РАЗДЕЛ 4. ХРОНИКА

Гиниатуллин И.А. Екатеринбург, Россия	Хроника. О работе Диссертационного совета К 212.283.05. в УрГПУ (2006 г.)	295
Пирогов Н.А. Екатеринбург, Россия	Хроника. О работе Диссертационного совета Д 212.283.02 в УрГПУ (2006 г.)	297

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЕЙ И ПЕРЕВОДЧИКАХ	302
--	------------

CONTENTS

EDITORIAL

8

PART 1. LANGUAGE IN POLITICAL COMMUNICATION

Anderson R. Los Angeles, the USA	On a Cross-Cultural Resemblance Among Certain Metaphors for Political Power	9
Balashova L.V. Saratov, Russia	Social and political vocabulary as a source of metaphorization beyond the political dis- course	21
Chaban N., Bain J., Stats K. Christchurch, New Zealand; Adelaide, Australia	“Political Frankenstein” or “Fiscal Gargantua”? Metaphors of Personification in the Australasian News Reports of the EU Enlargement	43
Budayev E.V. Nizhnii Tagil, Russia	“Can Metaphors Kill?”: Pragmatic Aspects of Political Metaphors	67
Budayev E.V., Chudinov A.P. Nizhnii Tagil, Yekaterinburg, Russia	The Genesis and Evolution of Political Linguistics	75
Vasilyev A.D. Krasnoyarsk, Russia	Some Tools of Manipulation in TV News Texts	95
Dunn J. A. Edinburgh, the UK	What is the 'polittekhnologicheskaja fenja' and where does it come from?	116
Klochko N.N. Geneva, Switzerland	Ethnocentric Mythologemes in the Contem- porary Slavonic Collective Consciousness	126
Makarova V. V. Kaunas, Lithuania	Our Party Is Better: Means of Persuasion in the Election Campaign	135
Pshenkin A.A. Barnaul, Russia	Metaphorical Image of the USSR / Russia in American and Russian Political Discourse	146
Spiridovskiy O. V. Voronezh, Russia	Intertextuality in Presidential Discourse (Based on the speeches of the presidents of the USA, Germany and Austria)	161
Shirmanov I. A. Saratov, Russia	Conceptual Metaphor in Political Discourse (Based on the Presidential Election Cam- paign in the USA in 2004)	170

PART 2. LANGUAGE – POLITICS–CULTURE

Anikin E. E. Columbia (South Carolina), USA	The tactics of implicit comparison in the US advertising discourse	175
Voroshilova M.B. Yekaterinburg, Russia	Creolized Text: Aspects of Research	180
Zhuravlyeva O. N. Kirov, Russia	The Thunderstorm In Woland’s Retinue	190
Kushneruk S. L. Chelyabinsk, Russia	Precedent Phenomena Within the Scope of Situational Promotion in Russian Advertising	198
Lukanina M. V. Moscow, Russia	Media Text and Convergence	205
Loutvinova O.V. Volgograd, Russia	Cultural Personality Type «Hacker»	215
Nadel-Czerwińska M. Katowice, Poland	The Semantics of <i>the Mountain</i> in Polish Folk Tales and Linguo-Cultural Context of European Folklores	229
Shustrova E.V. Yekaterinburg, Russia	Feelin’ & Fallin’: Metaphoric Personification in African American Literary Discourse	253

PART 3. CLASSICS OF POLITICAL LINGUISTICS

Rusova I.A., Tolmacheva M.V. Surgut, Yekaterinburg, Russia	Scientific Heritage of Political Linguistics’ Classics	262
Laswell H.	The Language of Power	264
Orwell G.	Politics and the English Language	280

PART 4. CHRONICLES

Giniatullin I.A. Yekaterinburg, Russia	The Dissertation Board of the USPU K 212.283.05. (2006) : the chronicles	295
Pirogov N.A. Yekaterinburg, Russia	The Dissertation Board of the USPU D 212.283.02 (2006) : the chronicles	297

LIST OF CONTRIBUTORS & TRANSLATORS	302
---	------------

ПРЕДИСЛОВИЕ

Редакционная коллегия представляет двадцатый выпуск межвузовского научного сборника «Лингвистика», который теперь будет выходить под названием «Политическая лингвистика». Уточнение названия связано с тем, что первые выпуски нашего сборника включали статьи по самым различным лингвистическим проблемам, но в последние годы выделились два раздела, которые и определяют специфику нашего издания.

Первые выпуски «Лингвистики» включали преимущественно статьи ученых из Екатеринбурга, но постепенно на его страницах появлялось все больше публикаций из других городов России, а затем и государств постсоветского пространства. В последних выпусках нашего сборника были опубликованы статьи специалистов из США, Франции, Великобритании, Сингапура, Австралии, Новой Зеландии. Не стал исключением и настоящий выпуск: в нем представлены статьи специалистов из зарубежных стран (Соединенные Штаты, Австралия, Новая Зеландия, Литва, Польша, Швейцария) и различных городов России (Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Киров, Красноярск, Москва, Нижний Тагил, Саратов, Челябинск).

В разделе «Хроника» традиционно представлены сведения о работе диссертационных советов в Уральском государственном педагогическом университете по специальностям 10.02.20 (сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание), 10.02.01 (русский язык), 13.00.02 (теория и методика обучения и воспитания: русский язык и иностранные языки) и 13.00.08 (теория и методика профессионального образования).

Впервые в нашем сборнике появился раздел «Классика политической лингвистики (новые переводы)».

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам. Ежегодно мы ждем от потенциальных авторов статьи объемом от 6 до 30 страниц (двенадцатый кегль, до 40 строк на странице) до 1 февраля, 1 июня и 1 ноября. Единственное ограничение – статьи должны соответствовать проблематике сборника.

Мы не платим гонораров, но и не берем с авторов деньги за подготовку статьи к публикации и тиражирование сборника. Срок выпуска каждого сборника – не более двух месяцев. Сборник своевременно рассылается всем отечественным и зарубежным авторам.

Следует подчеркнуть, что мы не занимаемся научным и (или) литературным редактированием и какой-либо правкой поступивших в редакцию статей. Если статья нам кажется неинтересной, то мы ее не печатаем. Вместе с тем публикация статьи не означает ее полного одобрения редакционной коллегией. Авторы несут полную ответственность и за все возможные ошибки или не очень удачные выражения, за

точность цитирования и правильность ссылок. Сказанное относится также к переводчикам статей, написанных зарубежными специалистами.

С содержанием предшествующих выпусков данного сборника можно познакомиться на сайте cognitiv.narod.ru. На этом же сайте размещены другие публикации по проблемам политической лингвистики.

Контакты. Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации.

Телефоны (343) 2357612 (кафедра); (343) 3361592 (проректор по научной и инновационной деятельности). Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru, shinkari@mail.ru

С уважением и надеждой на сотрудничество:

Эдуард Владимирович Будаев,
Мария Борисовна Ворошилова,
Александр Михайлович Стрельников
Наталия Борисовна Руженцева,
Анатолий Прокопьевич Чудинов

РАЗДЕЛ 1. ЯЗЫК В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ричард Д. Андерсон (мл.).

Лос-Анжелес, США

ON A CROSS-CULTURAL RESEMBLANCE AMONG CERTAIN METAPHORS FOR POLITICAL POWER

Abstract

В статье анализируются метафоры, связанные с телесным опытом человека и используемые для формирования представлений о политической власти в разных культурах. Ориентация в пространстве, чувственные ощущения, манипуляция объектами и движение – все это телесный опыт известный как слушателю, так и говорящему в любой культуре. Основываясь на анализе метафор из английского, русского, арабского, китайского и других языков, автор рассматривает межкультурное подобие метафор власти в контексте проблем демократизации, отношений власти и общества, межкультурных конфликтов.

The body supplies the basis for a wide variety of metaphors that humans use to communicate the meaning of abstractions such as political power. Orientation, sensation, interaction, manipulation, and movement are all bodily experiences familiar to both hearers and speakers. Knowing that these experiences are shared by their hearers, speakers can confidently assume that lexical items mentioning bodily experience will be understood by hearers when used as metaphors to talk about abstractions presented as unfamiliar. Since the bodies found in any human community are very similar, it follows from the use of shared bodily experience to construct metaphors that different linguistic communities could use the same bodily experience to construct

their representations of political power.

This conjecture flies in the face of arguments, such as those made by Russian *evraziist*y or by the American Samuel P. Huntington in his famous (or, perhaps, infamous) *Clash of Civilizations* that cultures differ in their conceptions of political power and that these disagreements produce both contrasting paths of internal development and ongoing strife between cultural communities known as civilizations. It is perfectly true that linguistic forms expressing the same notion will seldom if ever coincide from one language to the next, and then almost exclusively because of common roots or borrowing. While English and Russian, for example, display a substantial common vocabulary, especially if we accept divergent pronunciations such as *brat* and *brother* or *us* and *nas* or even *otets* and *father* as representing a single shared word in each case, this sharing of vocabulary is attributable not to the common features of English-speaking and Russian-speaking bodies but to the combination of shared linguistic origins, occasional borrowing from Russian into English and vice versa, and frequent common borrowing from third languages, particularly Greek or French. Thus pairs like *democracy-demokratiia* are not relevant to the hypothesis; nor are calques like *people power* and *narodovlastie*. It is the resemblances among independent metaphors not derived from any common linguistic source that concern me here.

Language possesses the paradoxical feature that while each utterance is an event of very brief duration, continuing repetition of these abbreviated events perpetuates various features of any natural language almost unchanged for hundreds or even thousands of years. As the examples of *brat* and *brother* reveal, some speakers mentioning male siblings have repeated identical or very similar articulations for five or six millennia regardless of whether the speech of their communities has remained or ever was mutually intelligible. Accordingly the contemporary political lexicon of any language draws on metaphors composed of items left over from many centuries ago. Because representative democracy (as opposed to classical Greek forms) is such a recent phenomenon, during almost the whole period of the development of any language, political power is exercised by a few rulers controlling a multitude of the ruled. Accordingly the metaphors for political power in contemporary language include some drawing a distinction between rulers and ruled.

If a set of these metaphors drawn from widely scattered languages is subjected to close examination, they display a common feature. Their source domain is the bodily experience of seeing, which proceeds by distinguishing a figure against the ground composed of all other objects and then compiling the various figures into a composite that humans experience slightly later as a holistic visual image. In the case of each member of the set of metaphors

to be examined, the original etymological form is a figure-ground metaphor in which the wielders of political power are represented by some kind of figure visible against a ground constituted by those denied political power. Terminology to be discussed is drawn from Russian, English, Chinese, Arabic, Javanese and Wolof. Because contacts among these languages, sometimes direct, sometimes mediated through Arabic or through languages not on the list, are of very long standing, the possibility of contagion cannot be absolutely excluded, but on the other hand this sample is quite scattered and the languages in question do not all belong even to the same typological categories.

A Russian Metaphor of Political Power. Any form of political power is a relationship between the few who exercise it and the many who experience it. It is a noticeable feature of Russian that many words designating those who exercise power derive from linguistic sources foreign to the language's East Slavic base. The traditional terms *kniaz'* and *korol'* were borrowed from Germanic sources, *tsar'* and *imperator* from Latin, *boiarin'* apparently from Turkish, *gosudar'* from South Slavic. For the modern terms *sekretar'*, *ministr*, *prezident* and *deputat* Russian has turned to French, and when Peter I recast the service class, he took *shlakhetskvo* from Polish and looked to Swedish and German for particular titles of rank (M. Raeff, "La Noblesse et le discours politique sous le regne de Pierre le Grand," *Cahiers du Monde Russe et Sovietique* (1993) 34(1-2):34-35, 39). Among the pre-revolutionary terms *dvorianin* and *znat'* and among the newer ones *predsedatel'* are East Slavic, but at least the last two of these are presumably calques (respectively of French originals) and even the first one has been alleged to be (from a derivative of German *hof*). In any case the *dvoriane* originally occupied the lowest rank of the ruling group, and it was only because the holder of the title *tsar'* relied on them in his conflict with *boiars* that the term gradually extended to encompass more exalted servitors. Of course Russian is not unique in this regard. English *noble*, *president*, *senator*, *member of parliament*, *representative*, *secretary* and *minister* all derive from Latin usually through some form of French; *rule* derives from Latin and *government* through Latin from Greek.

The foreign origins of political lexicon are of course not irrelevant to a broader version of the conjecture. Words of foreign origin conform only by chance or modification to the phonetic patterns characteristic of the language into which they are borrowed. While *korol'* shares the *-oro-* that marks East Slavic variants, palatalized *l* is unusual as the following element at least in nouns; *tsar'* shares the element *-ar'* common in modern Russian names for professions (although it takes a sense of humor to categorize *tsar'* together with job titles like *slesar'* or *tokar'*) but it is the only one preceded by a lone consonant rather than the syllabic root of a verb. Especially when contrasted to words of local origin designating the ruled, such as *narod* or *folk*,

the very foreignness of political vocabulary constructs a phonetic icon that is an auditory figure against the ground of local sound patterns.

The term *sobornost'* may be examined as a metaphor of East Slavic derivation used in representing a quality said to be characteristic of political life in Russia. Of course the degree to which *sobornost'* is actually a term characteristic of Russian discourse is disputable. Coined by A. Khomiakov, a nineteenth century landowner with intellectual pretensions, to describe a quality he discerned as unique to the Orthodox branch of Christianity, it was generalized by Khomiakov's younger associate K. Aksakov to the political life that the latter held, on no convincing grounds, to be natural for traditional Russia but tragically disrupted by Peter I and his successors. It may possibly be a sign of the confinement of this concept to a narrow circle of intellectual dilettantes that the nineteenth-century lexicographer Dal' did not think the term deserved a separate entry or even mention in his Russian dictionary. After the overthrow of the Soviet Union, some contemporary Russian intellectuals revived the concept as supposedly distinguishing Russian political practices from the individualism putatively essential to Western democracy. In a book whose English title contrasts democracy with Russian "traditional culture," V. Sergeev and N. Biriukov claimed that the incompatibility of *sobornost'* with individualism rendered Russia incapable of successfully adopting electoral institutions such as a parliament or a presidency (V. Sergeev, N. Biryukov, *Russia's Road to Democracy: Parliament, Communism, and Traditional Culture* (Brookfield, Vt.: E. Elgar, 1993)). Without necessarily using the term, Russian opponents of the new democracy labeling themselves "patriotic forces" bore the concept in mind when they conceived a voluntary association of persons and movements, each perhaps holding divergent beliefs, as capable of forming a broad coalition to resurrect a distinctively Russian statehood in opposition to the new elected Russian government (A. Prokhanov, "A ty gotov postoiat' za Rossiuu?" *Den'* 25-31 October, 1992. This is the text of his speech at the founding congress of the Front for National Salvation held in the same month. The same illusion continues to underlie the strategy propounded by the leader of the now dwindling Communist Party of the Russian Federation: see G. A. Ziuganov, *Vernost'* (Moskva: Molodaia gvardiia, 2003)).

While the abstract noun *sobornost'* has circulated only narrowly and belatedly in Russian discourse, it abstracts terms that have been much more prominent. The underlying noun *sobor* has named both ecclesiastical and political institutions in traditional Russia, where state is demarcated from church only vaguely if at all, as is evident in the Russian chronicles' frequent mention of forcible tonsuring of men who fall into political disfavor or the confinement to nunneries of their wives, sisters and widows, as well as in the state's persecution of religious dissenters. Of course by metonymy it has also been the name of the most prominent church building. The underlying combination of prefix and verbal stem *sobr-* forms the base the agentive *sobiratel'* that, followed by *russskikh zemlei*, remains an epithet of Iaroslav

Mudryi. The same base also generates the nominalization on which Emperor Paul I insists when the subversive term *obshchestvo* circulates as a description for those under his power; the emperor demands retention of the older term *sobranie* instead (I.F. Protchenko, *Leksika i slovoobrazovanie russkogo iazyka sovetskoi epokhi: sotsiolingvisticheski aspekt*, 2nd expanded edition (Moskva, 1985), 127). In post-Soviet times *sobor* reappears in the name of various movements formed by self-designated “patriotic forces”; *sobranie* reappears in the name for the legislative branch of the Russian state introduced by the Constitution of 1993. While in all these usages (except possibly that demanded by Paul I, depending on whom *sobranie* includes) *sobor/sobranie* refers to the ruling stratum, in all cases the *sobor/sobranie* is an entity subordinate to the ultimate authority, whether *tsar*, *imperator*, or *prezident*.

In order to express the relational quality of the exercise of political power, people develop metaphors in pairs designating the participants in the relationship. If the forms abstracted by *sobornost'* mention a quality ascribed to the ruled in Russia, the complement to *sobornost'* mentioning a quality ascribed to rulers has been *tsarstvennaia osoba*. *Osoba* has meant more than its near synonym *litso* (itself another bodily metaphor); an *osoba* has been a *litso* with standing, with distinction, with additional status. It is in the pairing of *osoba* with the forms abstracted by *sobornost'* that the figure-ground metaphor becomes apparent: in contrast to the ground represented by the absence of distinction among members in the gathered crowd, the visible figure is the *osoba* isolated or standing apart.

While the continuities linking Imperial rule to the new state established after 1917 can easily be exaggerated, one noticeable feature was the new rulers' duplication of the old contrast *sobornost'/osoba* in novel form. Considering themselves after the model of their leader Lenin to be Marxists, albeit without much justification, and therefore atheists, the post-1917 rulers perhaps wanted to distinguish themselves in their own minds from the theological connotations of *sobornost'* while nevertheless retaining its sharp distinction between themselves as exclusive exercisers of power and the indistinguishable crowd targeted by their actions. The old pairing *sobornost'/osoba* was replaced in the discourse of the new Soviet Union by the new juxtaposition *kollektiv/deiatel'*. Of course *kollektiv* did not express the same meaning as *sobornost'*; the new rulers were desperately trying to communicate that the meaning of their rule was different from that of their predecessors' domination. But as an etymological metaphor, it was an exact copy. The new term simply substituted the Latin *con-* (phonetically assimilated to the following consonant) for its precise Slavic equivalent *s(o)-*, the Latin pluperfect *-lect-* for the semantically equivalent Slavic verb stem *-b(o)r-*, and the Latin adjectival suffix *-iv*, stripped of its inflection and reanalyzed by speakers of modern West European languages as a nominal suffix, for the

Slavic nominal suffix *-nost'*.

Meanwhile the existing Russian word *deiatel'* was recruited as a complement to designate those who exercised power over the *kollektiv*. While not directly expressing isolation like its predecessor *osoba*, *deiatel'* nevertheless took on this significance from context. The term acquired a visual meaning from its frequent pairing with the adjective *vidnyi* and a connotation of separateness from pairing with the adjective *vydaiushchii*, a connotation that ultimately turned into part of the word's denotation. Moreover, because both English and Russian belong to language families that soon lost the Proto-Indo-European distinction between the aspirated and unaspirated voiced dental, words for doing and dividing have become conflated in both languages. Russian *delo* derives from the same unaspirated form as Russian *delit'*, but its contemporary semantic meaning has drifted much closer to that of etymologically unrelated Russian *delat'* deriving from the aspirated form. The same is true of English *deal*, which now belongs in the same semantic field as etymologically unrelated *do* but in its original meaning "part" has been supplanted by the Latin prefixed verb form "divide" (seemingly a reduplicative combination of two Proto-Indo-European elements each meaning "separate"). That is, given the organization of the Russian language, the term *deiatel'* has associated itself with the meaning of separateness that is explicit in *osoba* even though nothing in the origins of *deiatel'* pertains to separateness. Like its predecessor, and especially in its frequent contexts *vidnyi* and *vydaiushchii*, *deiatel'* became the distinguishable figure against the visual ground of *kollektiv*. Its semantic origin in a word for action reinforced the metaphor by the contrast between active and passive, the latter expressed in the Latin pluperfect that would be understood by Russian hearers as contrasting with the active *deiatel'* by the neutrality of any Latin form on the Slavic active-passive dimension. The contrast between the Slavic sound of *deiatel'* and the complementary Latinism inverted but therefore reproduced the phonetic iconism of separateness between ruler and ruled.

The question of whether the contrast between *sobornost'* and *osoba*, reproduced in the contemporary pairing of *kollektiv* with *deiatel'*, represents a peculiarity of the Russian language or culture can be addressed by examining whether metaphors for undemocratic forms of political power show the same figure-ground contrast in other languages.

English *Noble* and *Commoner*. It is immediately apparent that English (a closely related language deriving from the same ultimate source as Russian) expresses the concept of undemocratic political power by a distinction precisely parallel to the Russian pairing of *sobornost'* with *osoba* or *kollektiv* with *deiatel'*. As the ruling group in England gradually switched between 1100 and 1400 from speaking Norman French to speaking English, the French word *noble* replaced the English *heimen*, contemporary "high men," which

is attested as late as 1300, as the name for wielders of political power. *Noble* originates in Latin *gnobile*, “knowable,” the lost *g* is still seen in the contrary form *ignoble*. While contemporary speakers of English may be presumed with great confidence to be unaware of the Latin derivation of *noble*, its pronunciation is barely distinguishable from that of *knowable*, and a priming experiment might confidently be predicted to find that either activates the other, implying that they are associated in cognition. While the rulers were knowable, those over whom they ruled acquired the designation *commoners*. Originally the distinction was tripartite. Peasants who composed the vast majority of the population were called *villeins* or *rustics*. In changed spelling the former term now means “evildoer,” while the latter occurs most often in the singular as an adjective meaning “rural.” Neither has remained a social category. *Commoner* was originally the third category for persons who were neither *nobles* nor *villeins*, from a Latin form that in the emerging Romance languages had come to refer to a town. Thus commoners were townsmen. Yet the Latin form came to designate towns because of its older meaning, which persists as the deontic meaning of contemporary English *common*, as interchangeable. Thus the *noble* was a distinguishable figure against the ground of interchangeable and therefore unidentifiable *commoners*, with the reference of the latter term gradually extending to displace the former distinction from peasants. While of course the social category of nobles has, with the recent changes in the House of Lords, at long last finally lost its political significance throughout the English-speaking world, and the Congress of the United States remains forbidden by the Constitution to establish a nationwide nobility (Article I, section 9), the word *noble* remains in active use both as a designation for a member of a past social category or for a contemporary category that might exist in some other country, while particularly in the phrase *the common people* its counterpart also remains active.

The earlier *heiemen* also represented a designation of rulers by visual salience against a ground composed of the corresponding *lowe men*. As Talmy Givon has observed, “in paired antonymous adjectives, most typically of size, extension, elevation, texture, loudness, brightness, speed, weight etc., the positive member of the pair... has greater *perceptual saliency*.” (Talmy Givon, *Mind, Code, and Context: Essays in Pragmatics* (Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1989), 161). Of course the contrast between the lexical item *heiemen* and the combination of head noun with modifier *lowe men* represents both a phonetic and a visual icon of the visual metaphor. When the composition of the ruling group changed after the victory in 1066, the transition from *heiemen* to *nobles* precisely mirrors the supplanting of *osoba* by *deiatel’* after 1917.

Chinese *Jieji*. As Chinese thinkers began to contemplate political reform

of the Qing dynasty toward the end of the nineteenth century, they borrowed from Japanese predecessors (who used Chinese characters as *kanji* when writing Japanese) the practice of translating the Marxian concept “social class” by the pair of traditional painted characters that are transliterated into Latin script as *jieji*. This pair of characters reprises the figure-ground metaphor found in *osoba-sobornost*’ and again in *noble-commoner*. In traditional usage *jieji* meant “rank of silk” and served as a metonym for the hierarchy of Chinese officials whose relative standing was measured by the quality of silk cloth with which their predecessors had once been remunerated in kind. By the Qing dynasty, however, the term had fallen into disuse. As separate characters, *jie* means “rungs on a ladder” and by extension “ladder,” while *ji* means “silk cloth” and by extension “cloth” in general (I thank my student Bang Zhou for carefully investigating the history of this term in Chinese sources that I cannot read or even cite and for writing the term for me in both formal and cursive characters. He is not responsible for my interpretation, with which he disagrees).

Both conceptually and graphemically the use of *jieji* as a metaphor for political power expresses the experience of vision. Conceptually, a ladder has the same structure as cloth woven from threads: both are composed of vertical and horizontal members at right angles. At the same time, a ladder functions only if the vertical and horizontal members are visually separate – otherwise it is at best a ramp that cannot be used to climb at a sharp vertical angle; conversely, a cloth functions only if the threads are so close together as to be nearly indistinguishable – otherwise it is a net that is useless as a cloth. Graphemically both the formal character and the modern cursive character for *jieji* present reduplicative visual icons of the conceptual relationship. Formal Chinese characters consist of a cue to meaning on the left and a cue to sound on the right. The cue to meaning in *jie* is the character pronounced *fu*, translated “hill,” a common meaning cue in words mentioning elevation or things found in association with elevations. Its initial element looks like an English cursive capital B (Russian *v*) with the leftmost vertical elongated downward; visualize B on a pole. As the eye moves to the right, a parallelogram occurs that, consisting of two elongated strokes at angles to three shorter strokes, looks at least to a Western eye very like a depiction of a ladder in perspective. Both the meaning and the sound element of the formal character *ji* contain shapes that suggest folds of cloth. In the cursive form, *jie* and *ji* are both written with vertical squiggles, but the horizontal strokes of the cursive *jie* are further apart and visually more distinct than the corresponding elements of cursive *ji*, with the result that the representation of *jie* is higher than that of *ji*. Remarkably the visual icon is preserved even in *pinyin* transliteration, as *jie* contains one more alphabetic character than does *ji*.

While *jieji* was used to translate the Marxian concept of social class, in extralinguistic context it had the same meaning as noble-commoner. Even at

the end of the nineteenth century, China of course had developed very little or nothing in the way of either a bourgeoisie or a proletariat in Marx's sense, and in describing China, any term for "social class" could describe only the traditional distinction between *shi* and *simin*, "literati" and "city folk," that like *noble-commoner* simply omitted the peasants who composed the vast bulk of the Chinese population. In translating social class, *jieji* meant the exercise of political power. As in the case of *noble-commoner*, when the Qing dynasty was overthrown and ultimately a new authoritarian republic replaced it, the revived term displaced an earlier distinction in terms of elevation between *shang* and *xia*, "those above" and "those below." (J.n Judge, *Print and Politics: "Shibao" and the Culture of Reform in Late Qing China* (Stanford, Ca.: Stanford, 1996), 6).

Arabic *ru'at-ra'iyya*. According to Ami Ayalon, "Until the twentieth century there had been one Arabic expression to indicate the political status of the ruled: *ra'iyya* [meaning] herd or flock of livestock." Its complement for the rulers was *ru'at*, "shepherds," since in the Arabic-speaking world, the herd most often consisted of sheep. The distinctive figure of the shepherd stood out against the ground of nearly indistinguishable sheep; his vertical torso and staff contrasted with the horizontal orientation of the sheep torsos and elevated him above them. As Turkish rule began to deteriorate, a new metaphor emerged in Arabic to mention the local authorities who displaced central power: *a'yan*, "eyes," the significance of which as a metaphor of vision, focus of attention and verticality in the body hardly requires further comment (A. Ayalon, *Language and Change in the Arab Middle East: The Evolution of Modern Political Discourse* (New York: Oxford, 1987), 44, 61).

The earlier shepherd-flock distinction goes far back in Semitic tradition. For example, it is found in Psalm 23 traditionally attributed to King David: "The Lord is my shepherd, I shall not want..." And its contrast of vertical orientation for the ruler versus horizontal orientation for the ruled is even older. Around 1800 B.C. Old Babylonian refers to a member of the class of royal servitors as *awilum*, "man," but to one of those over whom they ruled as *mushkenum*, "one who prostates himself." (J. David Schloen, *The House of the Father as Fact and Symbol: Patrimonialism in Ugarit and the Ancient Near East* (W. Lake, Ind.: Eisenbrauns, 2001), 285-286). Even earlier a diagram of an upper torso turned sideways began to signify "man" in Sumerian writing, while rulers were mentioned in writing by a vertical diagram of a standard, a pole topped by a banner or sign with a wedge on the bottom for insertion into a hole dug to keep it upright (S. Noah Kramer, *The Sumerians: Their History, Culture, and Character* (Chicago: Chicago, 1963), 302; K. Szarzyńska, "Archaic Sumerian Standards," *Journal of Cuneiform Studies* 48 (1996), 1-15). As powerholders writing in Sumerian were replaced by writers of Semitic languages, first Akkadian, then Aramaic, and ultimately Arabic, new metaphors emerged, but each new metaphor replicated the original distinction pitting the visually salient vertical figure against the ground of the horizontal.

Javanese *unggah-ungguh*. In traditional Javanese society kings ruled with the aid of their *priyayi*, a loanword derived from Sanskrit *priya*, “friend,” reprised probably by accident in Russian *priatel*. The *priyayi* might be kinsmen of the king in various degree or unrelated appointees to offices of various importance. When two *priyayi* met, they needed to determine who was entitled to the elaborate deference encoded in *krama*, the esoteric form of Javanese taught only to the sons of *priyayi*. The determination depended on weighing the status conferred by closeness of kinship against importance of office. They signaled this mutual determination by the paralinguistic gesture known as *unggah-ungguh*, each extending his parallel forearms forward and turning the palms upward and then moving the upturned palms up and down. While interpreted as an imitation of balancing scales, visually this practice signified the determination of rank by the relative elevation of the palms. In turn it likened the *priyayi* to the focus of visual attention against the unseen *wong cilik*, “little people,” who lacking social rank and having learned only the unelaborated form of Javanese *ngoko* or perhaps the intermediate *madya*, were unable to display linguistic deference and therefore had no use for performing *unggah-ungguh* (J. J. Errington, *Language and Social Change in Java: Linguistic Reflexes of Modernization in a Traditional Royal Polity* (Athens, Ohio: Ohio University, Center for International Studies, 1985), 4, 27-40). Thus the power in traditional Java was symbolized by a visual metaphor of relative height contrasting the figure of action by the rulers to the ground of inaction of the ruled.

Wolof “Conspicuous Disfluency”. Speakers of Wolof are concentrated in Senegal although spilling over, as is customary in post-colonial Africa, into neighboring states whose boundaries were established without regard for local ethnic identities by foreign colonizing powers. Wolof speakers distinguish between *waxu gewel*, a laconic form stereotypically associated with members of the caste that ruled before colonial occupation but continues to be identifiable, and *waxu geer*, full of emotional expressiveness and metaphorical variety and increasingly frequent as social rank diminishes until it is used most fully by the *griot* caste whose task it is express sentiments that would be undignified if voiced by persons of more importance. While Wolof speakers attribute *waxu gewel* and *waxu geer* to the powerful and the powerless respectively, observation reveals that speakers generally use both forms, depending on whether their social rank or immediate needs enable them to demand or compel them to request favors from their interlocutor. Consequently, outranking all others, the Wolof chief rarely or never engages in *waxu geer*. His speech and that of other important men tends to be marked by “conspicuous disfluency”: a continuous slurred mumble displaying hesitancy, repetitiveness and frequent grammatical errors. The Wolof explain the need for the powerful to restrict themselves to *waxu geer* by the greater weight of their words that would otherwise crush people with less

rank (Judith T. Irvine, "Registering Affect: Heteroglossia in the Linguistic Expression of Emotion," in Catherine A. Lutz and Lila Abu-Lughod, eds., *Language and the Politics of Emotion* (Cambridge and New York: Cambridge, 1990), 131-145). While weight is a tactile rather than a visual metaphor, it entails a visual component. Weight matters because the powerful may bear *down* on the powerless. Thus in the Wolof conception the powerful are elevated, as they are in the other cases, and because greater weight in humans is associated with larger size, the powerful are also construed as visually enlarged relative to the less powerful. While in the description of the Wolof case available to me, the figure-ground metaphor is only implicit, it still organizes the conception of political power.

Conclusion. A thousand years of intermittent strife marks the interaction between speakers of English and of Arabic. Russian speakers and Chinese speakers have clashed again and again during the three centuries since the eastward spread of the one and northwest spread of the other brought them into contact. Frenchmen using the metaphor *noble* conquered the Wolof, and Dutchmen who still call their government the *overheid*, "that which is above," subdued the Javanese. Even if Russian speakers and English speakers may rarely have fought, neither the Cold War nor the subsequent development of independent Russia's relations with the United States can be described as a consistent record of mutual concord. None of this strife can be attributed to differences in cultural conceptions of political power, since the cultural conceptions in question are constructed in the same way. Of course metaphors of political power do not exhaust cultures, and nothing I have said excludes the possibility that some other cultural trait may underlie conflict.

It would be possible to imagine a process of cultural diffusion rather than independent conception by which the observations I have reported spread from a common Sumerian source. Some scholars think that traders brought Sumerian writing down one river, along the coast and up another river to Indian Harappa, where it either became known to invaders who brought Indo-European speech, or was adapted by the locals who adopted foreigners' Indo-European speech, or even may have been modified by the locals who were the first users of Indo-European. Perhaps the Sumerians' vertical-horizontal distinction between rulers and ruled spread with their script. Since cultural diffusion invariably proceeds by *misunderstanding* that leads to modification, Sumerian forms, which originated from the chance transposition of an originally vertical diagram of the torso into a horizontal one when their writing turned from vertical columns to horizontal lines, may conceivably have turned into the source for the vertical Vedic conception of priests who sprang from the forehead of the principal god, rulers from his arms, their subjects from his belly, all resting on labor by those born of his feet. Hindu traders took it along with their Sanskrit word *priya* as far as Java, while Bud-

dhist missionaries could have spread the vertical conception to China where it became “those above” and “those below.” From the Chinese, Mongols and Tatars may have taken it to Russia. Meanwhile Greeks could have acquired it with the syllabary that they turned into an alphabet and handed it along to Romans from whom speakers of early Germanic languages, including the predecessor of English, might have understood no more than the Chinese and ended up with “high” and “low.” Arabs penetrating into West Africa might have been dimly understood by speakers of languages that ultimately became Wolof who might have thought that weight distinguished a herdsman from an animal, the sheep, that they had never seen. It would be interesting to know whether Amerind languages show this same distinction, but thus far I have been unable to find an account containing the necessary information. And even then contacts across the Pacific are not out of the question, although reliance on them would strain the credibility of the process.

It is a matter of intellectual curiosity whether this fanciful process of diffusion or the far less demanding hypothesis of independent invention from experience of a shared human body accounts for the pattern of the representation of political power by visual figure-ground metaphors. In any case the receptivity to a common metaphor, whether independently conceived or transmitted by contact, must be a sign the people could understand visual contrast and vertical elevation by consulting their own ordinary bodily experience.

While the cross-cultural similarity in concepts of political power precludes the supposition that they can account for strife among members of different cultural communities, the character of these conceptions precludes the hypothesis that they explain why some communities democratize while others retain authoritarian rule. A figure-ground contrast between rulers and ruled does not prevent democratization, it enables it. As speakers of a language learn to represent political oppression in terms of a figure-ground metaphor, they also acquire a capacity easily to imagine what the elimination of oppression would look like: all they have to do is subtract either the figure or the ground. Thus Americans liberating themselves from English overlords simply wrote a Constitution eliminating nobility; only commoners would be left, and while the particular Americans composing the Constitution desired to preserve slavery, exterminate the indigenous population, and limit popular influence on politics, their erasure of half the metaphor of political domination has continuously subverted accomplishment of their original goals. If one looks at the discourse of Russia after 1991, it is striking how *deiatel'* has dwindled and *kollektiv* has become specialized to *trudovye kollektivy*, the workforce of enterprises, whose continuing privatization has removed the term from the semantic field of politics. It is perfectly true that a new metaphor like *siloviki* reproduces the perceptual salience of paired antonymous

adjectives and that *upravliaemaia demokratia* reproduces the Slavic-foreign phonetic iconism characteristic of traditional Russia, but these instances are at most weak echoes of past undemocratic patterns that hold promise for the same kind of slow movement with plenty of reversals that characterizes the development of any democratic state.

© Ричард Д. Андерсон (мл.), 2006

Балашова Л.В.

Саратов, Россия

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КАК ИСТОЧНИК МЕТАФОРИЗАЦИИ ВНЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Abstract

The article analyses the metaphorization of the social and political vocabulary beyond the political discourse. The types of the metaphors formed on the ground of this vocabulary, and also degree of the conceptualization of the process of metaphorization are been discovered.

Практически во всех современных исследованиях наблюдается стремление представить метафорическое пространство языка как сложную и разнообразную по типам, функциям систему [см.: Арутюнова 1999; Гак 1988; Телия 1988], причем системность процесса метафоризации проявляется не только в пространстве, но и во времени.

Как показал наш анализ [Балашова 1998], на протяжении всего исторического периода развития русского языка (XI – нач. XXI в.) метафора играет значительную роль в становлении и развитии лексико-семантической системы в целом. При этом процесс метафоризации одновременно является как номинативным средством языка, так и способом мышления о мире [Баранов 1991; Лакофф, Джонсон 2004; Чудинов 2001].

Социальная метафорическая макросистема – одна из основных в истории русского языка. Она объединяет метафоры, репрезентирующие предметный и не предметный мир как определенную социальную модель, связанную с жизнью человека в обществе, с различными типами общественно-политических реалий.

Вместе с тем данная макросистема имеет целый ряд специфических особенностей. Так, если пространственная и натуралистическая макросистемы метафорических переносов складываются уже в древнерусском языке и достаточно стабильно функционируют на протяжении тысячелетия, то социальная макросистема до Нового времени значительно уступает им по продуктивности. Напр., в русском языке XI – нач. XV в. пространственная метафорическая макросистема включает несколько тысяч единиц, тогда как социальная – несколько сотен. Лишь с XVIII в. наблюдается активизация метафоризации единиц этой сферы. Особенно ярко это проявляется в XX в., что связано, безусловно, с экстралингвистическими факторами. Глобальные социальные

потрясения в жизни русского этноса и мировой цивилизации, активизация политической жизни не могли не отразиться на метафорической системе русского языка. В первую очередь это затронуло политический дискурс [Балашова 2004; Баранов 1991; Баранов, Караулов 1994; Будаев, Чудинов 2006]. Вместе с тем в последние десятилетия наблюдается активизация метафоризации общественно-политической и идеологической лексики вне социальной и политической сферы. Исследователи отмечают, что «интенсивное развитие информационных технологий, возрастающая роль СМИ, все большая театрализация политической деятельности способствуют повышению внимания общества к политическому дискурсу» [Будаев, Чудинов 2006: 11].

Как показал наш анализ, достаточно активно общественно-политическая лексика становится источником метафоризации вне «книжных вариантов» литературного языка – в разговорной речи и внелитературных стратах, в частности, в просторечии и жаргонах (в данной статье рассматриваются такие динамичные страты, как общий, молодежный, компьютерный, уголовный жаргоны, а также сленг военнослужащих).

Показательной является уже сама система лексем, активно включающихся в процесс метафоризации.

Пожалуй, наименее последовательно переносные значения развивают лексемы, дающие общую характеристику общественному строю, причем самыми «востребованными» оказываются два общественных уклада – рабовладельческий и коммунистический / социалистический (ср.: *рабство, коммуниздить, скоммуниздить, заря коммунизма, утюг коммунизма, маяк коммунизма / социализма*). Достаточно редко используются обобщенные наименования национально-государственного устройства (ср.: *империя, рейх*). Примечательно, что государственное устройство России в XX веке (Советский Союз) именуется не с помощью официальных терминов, а разговорных и просторечно-жаргонных номинаций (ср.: *совдепия, совдеповский, жизнерадостные дети совка*).

Более регулярно в процесс метафоризации включаются лексемы, характеризующие органы государственной власти и управления. Обращает на себя внимание достаточно широкая эрудиция носителей просторечия и жаргонов: здесь представлены номинации руководящих органов как прошлого, так и настоящего, как европейских, так и азиатских, латиноамериканских государств (ср.: *рейхстаг, бундестаг, хунта, Кнессет*). Номинации российских реалий во многом отражают бюрократический характер нашего государства (ср.: *декреты, шарашкина контора, конторить, канцелярия, ЖЭК, отдел кадров, ревком, паспорт, гострах, главбрезно*). Современная представительская власть (*Дума, Думляндия*) «востребована» только компьютерным сленгом.

Самой продуктивной оказывается система номинации первых лиц

государства, реже – других государственных и административных должностей от античности до настоящего времени, России, Запада и Востока (ср.: *бонза* ‘чванное должностное лицо, надменный чиновник’, *богдыхан* ‘китайский император’, *босс*, *бригадир*, *генсек*, *губернатор*, *император*, *канцлер*, *князь*, *кесарь*, *комендант*, *конторщик*, *кормчий*, *король*, *королева*, *королек*, *короновать*, *короноваться*, *нарком*, *руководящий орган*, *султан*, *фараон*, *фюрер*, *царь*, *цезарь*). Современные реалии в основном связаны с новой парламентской системой (ср.: *делутат*, *думец*, *сенатор*, *спикер*).

Достаточно разнообразны как источник метафоризации номинации правоохранительных органов. Как правило, они характеризуют правоохранительную систему, политический сыск, карательные органы и места заключения царской России, СССР и современной России (ср.: *большая зона*, *бутырка*, *вертухай*, *жандарм*, *казак*, *конвой*, *конвоировать*, *работник органов*, *чекист*). Иностраные реалии также связаны с историей России – это номинации карательных органов фашистской Германии, противостоявшей СССР в годы Второй мировой войны (ср.: *гестапо*, *гестаповец*, *гестаповка*, *Бухенвальд*, *Освенцим*). Из других исторических реалий представлено лишь одно наименование – *Бастилия* (политическая тюрьма в королевской Франции), известная по курсу истории Великой французской революции.

Очень активно в метафорическую систему современной разговорной речи, просторечия и жаргонов включаются лексемы, характеризующие внутрисполитическую жизнь общества – классовый, сословный и социальный состав общества, экономическую политику государства, внутрисполитическую борьбу, политические и идеологические течения, национальную политику, отдельные политические реалии конкретного периода развития государства.

Одной из самых многочисленных является группа слов, именуемая классовый и сословный состав различных социальных и государственных систем, преимущественно – привилегированных, как российских, так и иностранных, от античности и Древней Руси до наших дней (ср.: *аристократ*, *барин*, *барыня*, *барчук*, *боярин*, *бояровать*, *буржуин*, *буржуйка*, *воевода*, *гегемон*, *гегемонить*, *дворянин*, *дворянское гнездо*, *граф*, *графья*, *знатный*, *капиталист*, *самодур*, *свет*, *бай*, *башатунбай*, *барон*, *бей*, *бюргер*, *гранд*, *дон*, *леди*, *лорд*, *рабовладелец*, *работарговец*, *самурай*, *сатрап*, *феодал*, *феодалка*). Низшие слои общества также характеризуют сословия и деклассированные, асоциальные элементы России, Западной Европы и Азии в прошлом и настоящем (ср.: *батрак*, *безлошадный*, *гладиатор*, *дворник*, *крепостной*, *раб*, *пролетарий*, *пролетариат*, *бандит*, *бич*, *босота*, *босьяк*, *бродяга*, *зэк*, *нищий*, *висельник*, *вор*, *жулик*, *разбойник*).

В рамках противопоставления высших и низших слоев населения страны функционирует также группа слов, характеризующая место проживания гражданина («город – деревня», «центр – периферия»),

которые осмысляются как более и менее привилегированные части общества (ср.: *москвич, город – глубинка, глушь, лимита, деревня, крестьянин, колхоз, колхозник, Барнаул, барнаулить, Воркута, Колыма, любер, хохлома*). Характерно также использование синекдохи – наименований одежды или орудий труда, типичных для городских / деревенских жителей, фабричных рабочих, интеллигентов XIX – XX вв. (*валенки, калоша, коромысло, лапоть, пиджак, пиджачок, пижон, соха, сапог*), а также антропонимов – типичных русских имен (ср.: *Ваня, Ванёк, Васёк, Вася, Гаврик, Гаврила, Агафон*). Социальные группы вне противопоставления «высший – низший» представлены менее регулярно, и они также в основном характеризуют российское общество XX в. (ср.: *единоличник, кооператор, рабфак трудящихся, целинник*).

Экономическая политика государства не столь регулярно отражена в метафорической системе разговорной речи, просторечия и жаргонов. Это в основном номинации социально и политически значимых экономических явлений, проектов, социально-экономических групп советского или постсоветского периода (ср.: *БАМ, соцсоревнование, ударник комтруда, ваучер, ваучеренок, инвестор, инвестировать, спонсор, дефолт*).

Значительно более последовательно переносные значения формируются лексемами, характеризующими идеологические, политические течения, общественные объединения, присущие советскому периоду развития нашего государства, а также некоторые политические и культурные реалии, связанные с ними (ср.: *анархист, активист, активистка, агитатор, агитка, агитпункт, коммунар, коммунист, забайкальский комсомолец, КПСС, патриот, пионер, пионерить, шпионерить, пионерия, профсоюз, тимуровец, красный день календаря*). Из неофициальных общественных группировок в процесс метафоризации включается лишь движение хиппи, получившее распространение в России с 70-х гг. XX в. (ср.: *хиппи, хипово, хиповский, хипповать*). Перестройка и становление современной политической системы в России отражены в ряде номинаций, связанных с демократизацией политической жизни общества (ср.: *гуманизация, гуманизатор, демократ, демократка, демократизатор, демократизация, ветер перемен, политический рейтинг, процесс пошел*). Из реалий прошлых эпох как источник метафоризации используются лишь фармазон 'масон', *фармазонить, декабрист, декабристка*. Единичными примерами представлены и политические движения зарубежных стран (напр.: *хунвейбин*).

Очень активно как источник метафоризации используется лексика, характеризующая классовую и политическую борьбу в России. Это реалии, связанные с Октябрьской революцией и гражданской войной, а также с периодом активного политического противостояния в 90-е гг. XX века (ср.: *барабанщик революции, белые, красные, красная армия, бомбист, трескаться с броневичка, бунтовать, белая гвардия, под красным зна-*

менем, знаменательный, козлогвардеец, контра, красный партизан, митинг, митинговать, защитник белого Дома, флаг тебе в руки).

Нации и национальная политика регулярно отражены в метафорической системе разговорной речи, просторечия и жаргонов. Это наименования наций и народностей, городов, населенных пунктов России и СССР и РФ, национальных движений и группировок (ср.: *абрек, азербайджан, аул, башкир, гости из Красной Башкирии, Бухара, еврей, карела / корела, Криворожье, Ташкент, Удмуртия, чалдон*). Внешняя политика и геополитическая карта мира также становится регулярным источником метафоризации. Это лексемы и словосочетания, включающие наименования рас, национальностей и национальных языков, стран и отдельных городов стран мира, типичных имен и исторических достопримечательностей государств практически всех континентов за исключением Антарктиды и Австралии (ср.: *абиссинец, албанец, американец, арапка, Афганистан, Африка, Эйфелева башня, Бухарест, Вашингтон, Версаль, Гонза, Гондурас, Голландия, Голливуд, голливудить, Иерусалим / Ерусалим, Зимбабве, индеец, индус, инженер, ирокез, китайцы, Ким, Мабуту, негр, Париж, Роттердам, суахили, Африка, немецкий счет, таджимахала, Китай, китайский, француз, шведский комсомолец*)

Внешнеполитическая жизнь представлена номинациями, связанными с министерством иностранных дел (ср.: *дипломат, дипломатничать, персона нон грата, виза*), с внешней разведкой СССР, РФ и фашистской Германии (ср.: *абвер, абверовский, агент глубокого внедрения, боец невидимого фронта*), с общей направленностью внешней политики государства и конкретными историческими фактами революционной эпохи, Второй мировой войны и войны в Афганистане (ср.: *агрессия, агрессор, голубь мира, милитарист, Коминтерн, рот-фронт, власовец, камикадзе, фашист, душман*). Более ранние военные конфликты, в которых участвовала царская Россия, представлены номинациями *Ватерлоо, гайдамак*.

Еще один пласт лексики, который именно в разговорной речи, просторечии и жаргонах широко используется как источник метафоризации, – имена конкретных исторических деятелей прошлых эпох и современности. При этом носители данных стратов обнаруживают достаточно широкую эрудицию. В метафорическую систему включаются русские исторические личности средневековой Руси и царской России (ср.: *Аракчеев, Берия, Гапон, Ермак, Иван Грозный, Кутузов, пугачевка, пугачевщина, Столыпин*), революционной и советской эпохи (ср.: *андроповка, андрополь, Брежнев, Буденный, Бухарин, бухарик, бухарист, Валя Котик, сталинские внуки, Железняк, живой классик, Ильич, Ленин с нами, Махно, махновец, мичуринец, Ворошиловский стрелок, железный Феликс, Чапаев, играть в Чапаева, Щорс*), а также эпохи перестройки и современной России (ср.: *Борискин, Бориска, бурбулизация, бурбулятор, Гамсахурдия, Горби, жиринов-*

ка, *отчубайсить*, *Раиска*, *черномырдя*, *Явлинский*). Зарубежные исторические и политические деятели связаны с коммунистической идеологией и революционным движением (ср.: *Ким*, *Клара Целкин*, *Маркс*, *Энгельс*) и фашистской Германией (ср.: *Борман*, *Гудерьян*, *Мюллер*), хотя используются и более современные реалии (ср.: *агдам Хусейн*, *пиночетки*).

Наконец, достаточно регулярно метафорическую систему разговорной речи, просторечия и жаргонов пополняют лексемы, характеризующие такую форму общественного сознания и мировоззрения, как религия: номинации религиозных течений и их представителей, служителей культа и священных текстов (ср.: *аббат*, *бабтист*, *брахмапутра*, *библия*, *далай*, *гуру*, *духовенство*, *духовенство совделии*, *дьячок*, *еретик*, *жрец*, *квакер*, *Коран*, *ксендз*, *митрополит*, *молитвенный*, *молитва*, *папа Римский*, *патриарх*, *печать Магомета*, *пилигрим*).

Таким образом, можно констатировать, что лексика общественно-политической и идеологической сферы активно используется как источник метафоризации, что свидетельствует о том, что она составляет важную часть концептосферы носителей разговорной речи, просторечия и жаргонов. Следует, однако, отметить, что многие единицы сознательно или бессознательно искажаются, используются при формировании собственных словообразовательных производных или устойчивых словосочетаний (ср.: *бандера* – искаженная фамилия украинского националиста Бендеры, *агдам хусейн* – иракского диктатора Саддама Хусейна, *Клара Целкин* – немецкой революционерки Клары Цеткин, *гудерьян* – военного деятеля фашистской Германии Гудериана, *жек* – искаженное ЖЭК, *ерусалим* – искаженное Иерусалим, *синатор* – искаженное сенатор, *гострах* – по образцу Госстрах).

В принципе формирования переносных значений, а также в степени их концептуализации можно обнаружить общее и различное в сопоставлении с книжными подсистемами русского языка. В частности, яркой особенностью не книжных вариантов современного русского языка является использование лексики общественно-политической и идеологической сферы для номинаций явлений предметного мира. В истории русского языка такие переносы крайне малочисленны, более или менее регулярно они фиксируются в первой половине и середине XX века, причем сам принцип такой номинации близок к метонимии и синекдохе. Кроме того, именно в этой группе весьма распространены так называемые частичные метафоры, «когда образование нового значения связано с морфологическим изменением слова, с добавлением аффиксов к основе, используемой в переносном значении» [Гак 1988: 13–14] (ср.: *печка-буржуйка*, *буденовка*). В современной разговорной речи, просторечии и жаргонах это не только один из самых многочисленных, но и разнообразных по конкретной семантике метафорических классов.

Так, регулярно общественно-политическая лексика используется для номинации артефактов: средств передвижения (ср.: *голубь мира* 'во

время чеченских военных компаний: вертолет Ми-8»; *купец* 'транспортное судно ВМФ'; 'военный транспортный самолет', *бюргер* 'самолет компании «Люфтваганза», *утюг коммунизма* 'крейсер «Аврора»'), мебели, посуды, бытовых приборов и орудий труда (ср.: *бурбулятор* 'электрический прибор для кипячения воды'; 'самогонный аппарат' (намек на политического деятеля 1990-х гг. Бурбулиса), *бухарка* 'рюмка' (намек на политического деятеля 1920-х – 1930-х гг. Бухарина), *ударник комтруда* 'большая совковая лопата'; 'кирка', *железный Феликс* 'громоздкий предмет, артефакт старого образца, старой конструкции', *центр* 'красивая вещь'), элементов одежды (ср.: *колымка* 'шапка заключенного', *ходить во флаге* 'ходить в советской обуви', *еврейка* 'шапка рэппера', *жириновка* 'черная фуражка', *пиночетки* 'черные комнатные тапки с мехом'), вооружения и элементов экипировки правоохранительных органов (ср.: *гуманизатор*, *демократка*, *демократор*, *демократизатор* 'милицейская резиновая дубинка'; *жек*, *жулик*, *кесарь* 'нож').

В компьютерном сленге такой тип метафоризации используется при номинации программного обеспечения компьютера, компьютерных игр и др. (*ветер перемен* 'смена операционной системы на компьютере', *борман* 'компания Borland International', *карела / корела*, *король дров*, *комендант* 'компьютерный редактор', *КПСС* 'файловая система', *ревком* 'часть Интернета, распространяемая на СНГ', *УК* 'архиватор', *чекист* 'тестовая программа').

Очень активно данный тип лексики именуется здания, строения и отдельные помещения различного функционального назначения (ср.: *бастилия* 'Главное высотное здание МГУ в Москве', *андрополь* 'здание КГБ на Лубянке в Москве', *Артек*, *рабфак трудящихся*, *рейстаг*, *таджмахала* 'тюрьма; ИТУ', *бутырка* 'дом на отшибе'; 'отдельная квартира', *бухенвальд* 'химический завод', *гестапо* 'кабинет директора в школе', *дворянское гнездо* 'учительская', *Ватерлоо*, *Дворец Съездов*, *империя*, *Париж* 'общественный туалет', *Ерусалим* 'место, где хранятся ценности', *Индия* 'штрафной изолятор в ИТУ', *канцелярия* 'офисерская кают-компания', *контора*, *шарашкина контора* 'отделение милиции', *эвакопункт* 'ОВИР', *Стена плача* 'забор на Невском проспекте у Гостиного двора в Санкт-Петербурге, где коммунисты и национал-патриоты продают свою прессу').

Характерная особенность современного просторечия, общего, уголовного и молодежного жаргонов – широкое использование данного типа лексики при номинации спиртных напитков (ср.: *агдам Хусейн*, *андроповка*, *бурбулизация*, *партейнос*, *пионерка*, *пионерчик*), продуктов питания (ср.: *ваучер* 'печенье-крекер', *железняк* 'ржаной хлеб', *заря коммунизма* 'тюремная баланда', *москвич* 'смесь пива с водкой', *бухенвальдский паек* 'скудный обед', *чернышевский* 'ржаной хлеб'). Встречаются слова общественно-политической и идеологической сферы и при номинации документации различного назначения (ср.: *ваучер* 'студенческий талон на обед в столовой', *коран* 'документация к программному обеспечению').

При этом, в отличие от книжных вариантов литературного языка, многие из таких номинаций относятся к так называемой «звуковой» метафоре [см.: Москвин 2006: 130], где термин «метафора» связан с планом выражения слова [Любимов, Пинежанинова, Сомова 1996]. Наиболее ре-

гулярно звуковая метафора связана с фонетической мимикрией английской компьютерной терминологии, напр.: *КПСС* 'файловая система' (от OS/2 HPFS – High Performance File System), *босьяк* 'язык BASIC', *дефолт* 'опция «По умолчанию»' (от англ. default), *дума* 'игра DOOM', *квекер* 'игрок в Quake', *командир* 'файл command.com', *карела / корела* 'графический пакет Corel DRAW™', *зсесовец* '(S)creen (S)aver', *ревком* 'Relcom', *синатор*, *сионист* 'программист, пишущий на языке СИ', *спикер* 'встроенный динамик компьютера (PC speaker)' *УК* 'архиватор UC', *фюрер* 'Hacker's Viewer'.

Подобного рода внешняя метафора встречается и в других внелитературных сферах, причем основой для фонетической метафоры может стать не только иноязычное слово, но и русское литературное, жаргонное, просторечное слово в первичном или метафорическом значении, напр.: *агдам хусейн* 'дешевое некачественное вино' (от распространенной марки такого вина «Агдам» и типа напитка – сухое вино), *балтимор* 'общественная баня у Балтийского вокзала в Санкт-Петербурге', *ватерклоо* 'общественный туалет' (от первичного значения ватерклозет), *чернышевский* 'ржаной (черный) хлеб', *бурбулятор* 'электрический прибор для кипячения воды'; 'самогонный аппарат' (от бурлить), *жек / ЖЭК* 'нож' (от звукоподражания *жикнуть*), *бухарка* 'рюмка' (от жаргонного бухать 'пьянствовать'), *антисемит* 'презерватив' (от существительного семя). Иногда мотивация подобного типа может быть осложнена метонимией и синекдохой (ср.: *Явлинский* 'шампунь «Яблоко»' – по фамилии лидера партии «Яблоко»). Никакого внутреннего «сходства» между первичным и вторичным значениями здесь не наблюдается, однако формирование за счет мимикрии новой внутренней формы создает образный экспрессивный потенциал такой номинации, являясь своеобразной языковой игрой.

Содержательная (внутренняя) метафора при номинации явлений предметного мира может мотивироваться внешним или собственно политическим, идеологическим (концептуальным) потенциалом единицы. Первый тип, как уже отмечалось, представлен в не книжных вариантах русского языка и в более ранние периоды. Напр., артефакты могут ассоциироваться с реальными историческими лицами, как правило, политическими деятелями, правителями, с определенными классами, социальными группами, нациями и народностями, которые впервые использовали данные предметы или инициировали его распространение (ср. наименования головных уборов в XIX – перв. пол. XX века: *боливар*, *баярка*, *буденовка*).

В разговорной речи, просторечии и жаргонах этот тип номинации представлен, хотя его продуктивность не очень велика (ср.: *жириновка* 'черная фуражка'). Более или менее регулярно по имени, фамилии политического деятеля, при котором артефакт получил распространение, именуется спиртные напитки (ср.: *раиска* 'бутылка спиртного объемом 0,33 л' (намек на жену президента СССР Раису Максимовну Горбачеву: именно в период правления М.С. Горбачева такая тара получила распространение), *андроповка* 'водка

«Московская», цена на которую была снижена во время пребывания Ю.В. Андропова на посту Генерального секретаря КПСС); денежные единицы (ср.: бориски ‘новые денежные купюры, выпущенные при президенте Борисе Николаевне Ельцине’, *борискин* ‘десятитысячная купюра, самая ходовая при президенте Б.Н. Ельцине’). Связь с метонимией и синекдохой достаточно четко проявляется при номинации артефакта по месту или социальной группе, ставшими символами определенного социального феномена, ср.: *бюргер* ‘самолет компании «Люфтганза»’ (бюргеры – социальная группа, воплощающая в себе, с точки зрения носителей русского языка, многие национальные черты немцев); *колымка* ‘шапка заключенного’ (Колыма стала символом ГУЛАГа, системы исправительно-трудовых колоний советского периода); *ходить во флаге* ‘ходить в советской, отечественной обуви’ (красный флаг – символ СССР); *горбатые колхозные форточки* ‘MS Windows for WorkGroup’ (символом коллективной, совместной работы (WorkGroup) становится колхоз); *пионерка* ‘шкалик водки’, *пионерчик* ‘бутылка спиртного объемом 0,25 л’ (пионеры стали символом детей и подростков в Советском Союзе, поэтому они и ассоциируются с небольшой порцией спиртного); *пролетарский* ‘красный’ (символом пролетарской революции, диктатуры пролетариата стало красное знамя, поэтому возможна и обратная мотивация, напр.: *пролетарское пальто*).

В целом ряде случаев ассоциация с политическим деятелем, социальной группой может быть осложнена ориентацией на конкретную ситуацию, имевшую место в политической жизни страны. Напр., *железный Феликс* ‘громоздкий предмет, артефакт старого образца, старой конструкции’, с одной стороны, формируется под влиянием восприятия ЧК и ее лидера Ф.Э. Дзержинского как символа ушедшей политической системы (устаревший по конструкции артефакт), с другой стороны, демонтаж скульптуры Дзержинского (громоздкой и тяжелой) на Лубянской площади прошел с большим трудом, потребовал значительного времени (этот сюжет не раз демонстрировался по телевидению).

Вместе с тем характерной особенностью современных не книжных вариантов языка является использование собственно политического, идеологического (концептуального) потенциала единицы при формировании переносного значения. Так, очень показательной в этом отношении является номинация милицевских резиновых дубинок такими единицами, как *гуманизатор*, *демократка*, *демократор*, *демократизатор*. С одной стороны, этот вид амуниции правоохранительных органов появился в первые годы перестройки, проходившей под знаком демократизации и гуманизации общественно-политической жизни. С другой стороны, именно с этого времени дубинки активно использовались при разгоне митингов и демонстраций, поэтому подобного рода номинация отражает и отношение носителей исследуемых стратов к переменам в России в конце 80-х и 90-е гг. XX века.

В целом восприятие жизни в современной России как катастрофы, военного лихолетья и деспотического режима отражено во многих номинациях. Именно поэтому ОВИР назван *эвакопунктом* (выезд за рубеж как эвакуация из зоны бедствия), а предприятия, школы, вузы, даже собственные дома и квартиры ассоциируются с местами заключения и жестокой расправы (ср.:

бастилия ‘Главное высотное здание МГУ в Москве’, *бутырка* ‘дом на отшибе’; ‘отдельная квартира’, *бухенвальд* ‘химический завод’, *гестапо* ‘кабинет директора в школе’). Продукты, произведенные в России, ассоциируются с деклассированными элементами, способными есть что угодно и в каких угодно условиях (ср.: *бомжи* ‘пакет вермишелевого супа отечественного производства’). О негативном отношении к реалиям общественной и политической жизни, к правоохранительной системе свидетельствуют и ироничные, шуточные номинации, построенные по принципу антонимии (ср., *таджмахала* ‘тюрьма; ИТУ’ – от названия дворца в Индии, который иногда называют восьмым чудом света; *Индия* ‘штрафной изолятор в ИТУ’).

Восприятие советской идеологической системы как демагогической, где насилие и деспотизм прикрыты демократической риторикой, проявляется в иронических номинациях мест заключения, орудий труда заключенных и т.д. через символы социализма и советского государства (ср.: *ударник комтруда* ‘большая совковая лопата’; ‘кирка’, *Артек*, *рабфак трудящихся* ‘тюрьма; ИТУ’, *заря коммунизма* ‘тюремная баланда’). Показательны и шуточные номинации с использованием советской риторики и лозунгов того времени (ср.: *голубем мира* российские военнослужащие во время войны в Чечне называли плохо защищенный вертолет Ми-8, *Ленин с нами* ‘широкая супружеская кровать’). В целом шуточная номинация неprestижных реалий с помощью политической и идеологической лексики отражает отношение к самим этим институтам (ср.: *зубком*, *Дворец Съездов* ‘общественный туалет’, *ваучер* ‘студенческий талон на обед в столовой’, *билет в коммунизм* ‘продовольственный талон’).

Конечно, далеко не все концептуализированные номинации связаны с характеристикой общественно-политической обстановки в России в прошлом и настоящем. Так, номинация *Ерусалим* ‘место, где хранятся ценности’ мотивирована восприятием Иерусалима как религиозного центра и «яблока раздора» в течение тысячелетия (крестовые походы в Средние века, противоборство израильтян и палестинцев в наши дни). Противопоставление столицы и периферии отражено в таких оценочных номинациях, как *центр* ‘красивая модная вещь’, *москвич* ‘смесь пива с водкой’. Однако политически и идеологически обусловленных мотиваций значительно больше.

Показательно, что в целом не политически или идеологически обусловленных номинаций (за исключением звуковой метафоры) достаточно мало, тогда как в книжных вариантах русского языка этот тип мотивации переноса является основным. Интересно также то, что выбор источника метафоризации часто отличается оригинальностью. Напр., *китайкой* железнодорожники называют уже использованное белье, которое вновь выдается пассажиру (по-видимому, модуль сравнения – желтоватый цвет такого белья, напоминающий цвет кожи китайцев).

Номинация явлений предметного мира, хотя и продуктивная в не-

книжных вариантах русского языка, все же составляет не более 20 % от общего числа единиц рассматриваемой метафорической системы. Подавляющее большинство членов этой системы связаны с характеристикой человека и общества. В частности, в отличие от книжных вариантов, здесь регулярно фиксируется метафорическая номинация человека как физического существа, как биологического вида (части тела, внешний вид, физиология, расовая и этническая принадлежность). Правда, в разных группах и подгруппах степень продуктивности будет различной.

Основная мишень метафорической экспансии – половая и сексуальная сфера. Так, более 20 единиц именуют мужской член (ср.: *гамсахурдия, Ильич, Карл Маркс, живой классик, Котовский, субъект федерации, агитпункт, фюрер, барон, Эйфелева башня, боец невидимого фронта, ваучер, маяк коммунизма, красный партизан, руководящий орган, рейтинг, рот-фронт, чекист*), около 10 – менструацию (ср.: *Красная Армия, демонстрация, красный день календаря, красные пришли, выбросить красный флаг*). Остальные единицы преимущественно называют мужчину с точки зрения его сексуальной активности, сексуального поведения, женщину с точки зрения ее невинности, сам половой акт и т.д. (ср.: *главтрах* ‘мужчина с высокой потенцией’, *бабтист* ‘ловелас’, *половой демократ* ‘импотент’, *Клара Целкин* ‘девственница’, *лишать чинов и званий* ‘совершать изнасилование’, *партвзноссы* ‘сперма’). К этой сфере примыкает номинация социальной группы представителей сексуальных меньшинств, преимущественно гомосексуалистов (ср.: *профсоюз, секс-меньшевик, половой демократ, ермак, королева, крестьянка, партизанка, партизанщина, славянка, Анджела Девис*). Другие сферы представлены единичными примерами (ср.: части тела и внешний вид – *агитатор* ‘язык’, *гудермес* ‘ягодицы’, *гудырьян* ‘анальное отверстие’, *прокез* ‘прическа в виде гребня’, *удмуртия, страшнее атомной войны* ‘о некрасивой девушке’, *Феликс* ‘крепкий выносливый мужчина’; *бейный* ‘толстый’, *негр* ‘смуглый или загорелый человек’, *Анджела Девис* ‘смуглый кудрявый пассивный гомосексуалист’, *Феликс* ‘лысый мужчина’, *хипповать, панковать* ‘одеваться необычно, подобно хиппи’; мимика – *эскимоситься* ‘щуриться’; жесты – *голосовать* ‘поднимать, держать поднятой руку, пытаясь остановить попутный транспорт’; физиологические опрвления – *сдать ваучер, инвестировать* ‘испражниться’; заболевания – *пишгерим* ‘больной туберкулезом’, *персона нон грата* ‘человек, больной сифилисом’).

К сфере характеристики человека как биологического вида примыкают номинации лиц по расовой и национальной принадлежности, хотя данная группа одновременно относится и к собственно социальной сфере – гражданская, государственная принадлежность лица (ср.: *китаец* ‘негр’, *негр* ‘украинец’, *душман, басмач, эскимос, самурай* ‘азиат’, *печать Магомета* ‘человек с семитской внешностью’, *француз* ‘еврей’, *бандеры, негры* ‘украинцы’, *самурай* ‘японец’, *Ким, кимирсен* ‘кореец’, *басмач, индеец* ‘не русский житель южных регионов страны; представитель кавказских народов’, *абрек, чех* ‘чече-

нец', *чингиз* 'казах'). Достаточно регулярно этническая характеристика совмещается в жаргонах с профессиональной, социальной и поведенческой характеристикой личности (ср.: *хунвейбин* 'азиат, осужденный за хулиганство', *басурман* 'военнослужащий из Азии', *башибузук* 'головорез из Средней Азии', *камикадзе* 'вооруженный бандит-кавказец').

В отличие от предметной сферы здесь редко представлена звуковая (внешняя) метафора. В основном это номинации половых органов, сексуальной сферы и извращений (ср.: *главтрах*, *бабтист*, *Клара Целкин*, *декреты писать*, *гамсахурдия*, *рот-фронт ермак*, *секс-меньшевик*). В целом сексуальная сфера жизни человека представляет систему эвфемизмов. Мужские гениталиями и высокая потенция регулярно ассоциируется с привилегированными слоями, правителями государства, властными структурами или же с символами коммунистической идеологии (ср.: *барон*, *царь пижамы*, *чекист*, *жрец*, *главтрах*, *субъект федерации*, *руководящий орган*, *член политбюро*, *агитпункт*, *Ильич*, *Карл Маркс*, *живой классик*, *Котовский*, *агитпункт*, *маяк социализма*) или военизированными формированиями, лицами, действующими тайно (*красный партизан*, *боец невидимого фронта*, *агент глубокого внедрения*). Интересно, что демократическое направление в политике оценивается отрицательно, воспринимается как слабое, неавторитетное явление (ср.: *половой демократ* 'импотент'; 'гомосексуалист'). Показательно также то, что испражнение и экскременты ассоциируются с элементами современной экономической политики (ср.: *сдать ваучер*, *инвестировать*).

Единой является мотивация значений, связанных с женским менструальным циклом: в рамках революционной и митинговой лексики актуализируется простой внешний признак – красный цвет крови. Это языковая игра, не связанная с каким-либо типом концептуализации самого явления.

При номинации сексуальных меньшинств обычно подчеркивается обособленность этой социально-сексуальной группировки, специфичное, часто манерное поведение через ассоциацию с социальными группами самодержавной или советской России (ср.: *профсоюз*, *свет*, *Версаль*, *форум*). Специфика сексуального поведения и самоопределения гомосексуалистов проявляется в регулярном использовании слов женского рода (ср.: *агентесса*, *королева*, *крестьянка*, *комендантша*, *славянка*).

Характерной особенностью данной сферы в целом является регулярное использование в качестве источника метафоризации наименований представителей этносов, этнических общественно-политических групп. Обычно актуализируется чисто внешний признак, свойственный, по представлению носителей исследуемых стратов, этим этносам и группам, напр., общая привлекательность / непривлекательность, фигура, разрез глаз, цвет кожи, типичный волосяной покров и т.д. (ср.: эс-

кимоситься 'шуриться', *негр* 'смуглый или загорелый человек', *француз* 'еврей', *индеец* 'не русский житель южных регионов страны; представитель кавказских народов', *удмуртия* 'некрасивая девушка', *бейный* 'толстый'). Возможно использование синекдохи: этнос получает наименование через номинацию лидера этнического государства, этнической политической группы, раса – через наименование одного из этносов этой расы (ср.: *душман*, *эскимос* 'азиат', *самурай* 'японец', *Ким*, *кимирсен* 'кореец', *чингиз* 'казах', *абрек* 'чеченец').

Использование конкретного этнического или социально-этнического наименования может отражать концептуальное представление носителей исследуемых стратов о национальном характере или особенностях поведения этноса. Так, беспокойная обстановка в кавказском регионе, вооруженные конфликты порождают представление о народностях, населяющих этот регион, как об агрессивных и недружественных по отношению к русским (ср.: *басмач*, *индеец*). Номинация *китаец* 'негр' выглядит весьма экстравагантной, но, возможно, в основе переноса лежит отношение этносов к труду (ср.: *Пашу, как негр на плантации; вкальвать как сто китайцев*). Кроме того, китайские рабочие в современной России, как негры в эпоху рабства, работают почти бесплатно (ср. в жаргоне музыкантов: *китай* 'игра без оплаты') (*Отлабали китай и разбежались, чего тут ловить еще?*). Подобное отношение прослеживается и в отношении украинцев, которые также могут именоваться *неграми*.

Семантическая сфера «Человек как психическое существо» не слишком активно использует общественно-политическую и идеологическую лексику. В основном это номинации психического здоровья, интеллектуальных способностей человека, совмещаемых часто с оценкой его социального поведения, жизненного опыта (ср.: *жизнерадостные дети Совка* 'психические больные', *император*, *канцлер* 'психически больной', *гегемон* 'умственно отсталый человек', *Ванёк*, *Ванька из Криворожья*, *Васёк*, *Тимофей*, *крестьянин*, *лапоть*, *вахлак* 'недалекий, малограмотный и необразованный человек; простак', *Иван*, *чукча* 'тупица', *взят от сохи*, *челюскинец*, *албанец*, *кнехт* 'наивный человек, простофиля', *Валя Котик* 'молодой человек, сказавший или сделавший глупость', *тимуровец* 'человек, склонный к неадекватному, часто глупому поведению').

Показательно, что отсутствие интеллектуальных способностей, простодушие и глупое поведение регулярно ассоциируются с советской символикой и идеологемами (*жизнерадостные дети Совка*, *тимуровец*, *челюскинец*, *Валя Котик*), а также с жителями провинции и национальных окраин (*Ванька из Криворожья*, *вахлак*, *чукча*). Слабый интеллект и простодушие ассоциируются с такими социальными группами, как крестьяне, рабочий класс. Характерная особенность данной сферы – номинация социальной группы через метонимию и синекдоху (ср.: крестьянство – *колхоз*, *колхозник*, *соха*, *лапоть*; рабочий класс – *гегемон*). К этой

группе примыкает антропонимы – имена, распространенные, по мнению носителей исследуемых стратов, именно в русской глубинке – среди рабочих и крестьян (*Агафон, Ванёк, Васёк, Гаврила, Тимофей*).

Среди других семантических групп и парадигм более или менее регулярно за счет общественно-политической и идеологической лексики пополняются те, что связаны с оценкой мыслительной деятельности, полученной информации. К ним примыкает общеоценочная лексика, отражающая интеллектуальную и эмоциональную оценку чего-либо или кого-либо (ср.: *хохлома* ‘ерунда’, *антидюринге* ‘нечто абсурдное’, *грузия* ‘ненужная информация’, *нести голландию* ‘говорить нечто абсурдное’; *на хрена французу чум, Ленин в шалаше, на фига генсеку чирик* (*чирик* ‘десять рублей’), *на фига еврею лапти, на хрена жиду гармошка* ‘о явном несоответствии, абсурде; о чем-то совершенно ненужном’, *дать маху и Фейербаху* ‘совершить промах, ошибку’, *жидомасон* ‘о любом человеке (неодобрительно)’, *китайский* ‘плохой, некачественный’, *совковый* ‘плохой’).

Часть таких номинаций можно отнести к звуковым (напр., *грузия* – от жаргонного грузить ‘вести пустые, бессмысленные разговоры’; *голландия* – от галиматя; возможно, частично и *хохлома* – от хохол, хохлушка, хохляндия). Однако, как и при номинации интеллектуально неполноценных лиц, в мотивации переносного значения можно обнаружить своеобразную концептуализацию идеологической сферы. Во-первых, все, что связано с пропагандой народности (*хохлома*), с коммунистической идеологией (*Ленин в шалаше, антидюринге*), воспринимается как абсурд и бессмыслица, а руководство СССР (*Ленин, генсек*) – как особая каста, абсолютно отделенная от народа. Во-вторых, в этом же положении оказываются иностранцы (*французы*) и евреи, поскольку представить их в отдаленной национальной глубинке или в деревне просто невозможно. В таких номинациях отражаются и фобии, присущие русскому этносу на бытовом уровне (отношение к украинцам, евреям, китайской промышленности). Вместе с тем именно евреи воспринимаются как люди с высоким интеллектом (ср.: *жид* ‘одобрительно: умный заключенный’).

Сфера «Человек как социальное существо» является самой продуктивной в плане использования общественно-политической и идеологической лексики, что, конечно, не случайно. В целом перенос: «Человек как социальное существо» → «Человек как социальное существо» – является самым регулярным в истории русского языка, получая развитие уже в древнерусском языке [Балашова 1997; 1999а; 1999б]. Исследователи не раз отмечали, что в социальной метафорической макросистеме при формировании переносных значений обычно не происходит решительной смены сферы «приложения» метафоры: социальная метафора преимущественно функционирует внутри социальной макросистемы (ср.: [Балашова 1998; 2001; Ваулина, Склярская 1995]).

В разговорной речи, просторечии и жаргонах в основном представ-

лено два пласта социальной лексики. Первый связан с характеристикой человека, его связей и отношений, а также его поведения вне официальной обстановки, второй ориентирован на характеристику человека как представителя официальной государственной и общественно-политической структуры.

Номинация человека вне официальной обстановки включает наименования родственных связей (*Марксы*, *начальство* 'родители', *агрессор* 'теща', *контра* 'жена', *власовец* 'заключенный, бросивший свою многодетную семью и осужденный за неуплату алиментов', *сталинские внуки* 'дети заключенных женщин, родившиеся в ИТУ', *гострах* 'государственное планирование семьи'); межличностных контактов и проведения досуга, прежде всего – флирта, вечеринок и пьянства, конфликтов (ср.: *конвоировать* 'прогуливать с девушкой', *митинг* 'свидание', *голливудить* 'приятно, весело проводить время', *махачкала* 'драка', *послать подальше Афганистана*, *послать на БАС* 'обругать нецензурно', *бухара*, *бухенвальд*, *голливуд* 'пьянка', *бухарить* 'пьянствовать', *бухарин* 'пьяница', *нарком* 'наркоман', *политрук* 'алкоголик', *портвейнгеноссе* 'собутельник', *пролетарий* 'хронический алкоголик', *немецкий счет* 'вечеринка в складчину', *мафия* 'дружеская компания'). Единичными примерами представлены отдельные эпизоды жизни человека, его распорядка дня (ср. школьный и студенческий жаргоны: *бухенвальдский набат* 'звонок на урок', *карабах* 'првал на экзамене').

С помощью исследуемой лексики дается оценка морально-нравственных качеств, поведения и жизненного опыта человека, (*бундесовать* 'вести себя как иностранец', *кто хиппует, тот поймет* 'о необычном, непонятном поведении, поступке', *депутата корчить* 'стремиться выглядеть солидно', *королиться* 'вести себя вызывающе, заносчиво', *троцкий* 'болтун', *грузин* 'лгун', *хитрый*, *как сто китайцев* 'об очень хитром, изворотливом человеке', *мичуринец* 'бездельник', *брахмапутра* 'странный, погруженный в себя человек', *отчерномырить* 'совершить странный, экстравагантный поступок', *петух гамбургский* 'пижон', *москвич* 'наглый зазнавшийся заключенный'; *патриот*, *коммунист* 'отличник в школе; зубрила'; *пионеры*, *пионерия* 'новички в молодежной группировке'; 'неопытные молодые люди').

Характерная особенность именно жаргонной лексики – регулярная номинация популярных музыкальных коллективов, певцов и их поклонников (ср.: *ариец* 'поклонник группы «Ария»', *бомжи* 'американская рок-группа «Бон-Джови»', *Ринго Сталин* 'Ринго Старр, ударник рок-группы «Битлз»', *пугачевец* 'член молодежной группировки поклонников певицы А. Пугачевой', *леди* 'шутовое название группы LED ZEPPELIN', Макаренко 'рок музыкант Пол Маккартни', *Щорс* 'рок-группа «Дорз»').

Вторая группа, как отмечалось, непосредственно характеризует общественно-государственную и политическую жизнь общества. Показательно, однако, то, что далеко не все сферы этой жизни регулярно именуется с помощью исследуемой лексики. Так, единичными примерами представлена номинация государства в целом (ср.: *Черномырдия*

‘Россия’, *большая зона* ‘СССР’). Достаточно редко данный тип лексики используется для обобщенной номинации представителя иностранного (обычно западноевропейского и США) государства (ср.: *буржуин, капиталюга, гамбургер, фирма*). Малопродуктивно наименование политических партий, движений, причем это в основном коммунистическая партия и внутренняя оппозиция до периода распада СССР (ср.: *партайгеноссе* ‘коммунист’, *бонза* ‘представитель номенклатуры КПСС’, *духовенство Советских* ‘номенклатурные партаппаратчики’, *аббат* ‘парторг батареи’, *еретики, кнессет* ‘осужденные диссиденты’, *фашист, черносотенец* ‘политзаключенный, диссидент’).

Вместе с тем достаточно разнообразно представлена номинация классовой и социальной структуры общества (как советского, так и современного российского), причем большинство таких наименований – в уголовном арго и молодежном жаргоне (ср.: *буржуин* ‘богатый человек; новый русский’, *боярин* ‘богатый солидный человек’, *барыга* ‘зажиточный, богатый человек (обычно жадный)’, *ваучеренок* ‘малолетний коммерсант’, *гранд* ‘заклоченный, занимавший на воле видное общественное положение’, *гегемон, негр* ‘рабочий; человек, выполняющий грязную, тяжелую работу’, *черный коммунар* ‘колхозник’, *парижанин* ‘сельский житель’, *интеллигент* ‘ученик ПТУ’, *лимита* ‘провинциалы в Москве’, *служить у графа Ветрова* ‘быть безработным’, *дворянин, чалдон* ‘бродяга’, *ворошиловский стрелок* ‘нищий’, *негр* ‘лицо без гражданства; не гражданин (в Латвии)’).

Очень продуктивна, причем не только в уголовном арго, номинация различных асоциальных элементов (ср.: *босс, крепостной* ‘заключенный’, *колхоз* ‘воровская группировка’, *хунта* ‘агрессивная молодежная группировка’, *архаровец* ‘хулиган’, *любер* ‘агрессивный подросток’, *пугачиха* ‘осужденная, бежавшая из ИТУ’, *шамиль* ‘член преступной молодежной группировки’, *абиссинец* ‘рэкетир’, комиссар ‘вор, действующий под видом работника милиции’, *шведский комсомолец* ‘нарушитель границы’, *консул* ‘посыльный, связной’, *кормчий* ‘человек, выдающий деньги членам преступной группировки’, *подпольщик* ‘квартирный вор’, *афганец* ‘убийца’, *абрек* ‘вооруженный бандит’), а также асоциального поведения (*коммуниздить, пионерить, спиионерить* ‘красть’, *пролетарское самосознание* ‘воровство на производстве’, *соцсоревнование* ‘массовый выпуск брака’, *партизаниить* ‘скрываться от органов милиции’).

Профессиональная деятельность представлена в основном номинацией органов власти и правопорядка, хотя именуется и другие профессии (ср.: *серый барон, башкир, гапон, козлогвардеец, контра, пират, полицей, фараон* ‘милиционер’, *бизнесмент* ‘милиционер, берущий взятки’, *патриарх* ‘председатель суда, судья’, *дьячок* ‘судебный исполнитель’, *работорговец* ‘инспектор бюро по трудоустройству’, *работник органов* ‘врач-гинеколог’, *воевода* ‘учитель НВП’, *милитарист* ‘солдат’, *чекист, черносотенец, гайдамак* ‘солдат ВВ МВД’, *шляхтич* ‘охранник’, *ворошиловский стрелок* ‘сторож’, *духовенство* ‘музыканты духового оркестра’).

К этой группе примыкает, пожалуй, одна из самых многочисленных парадигм, в которой номинация профессии совмещена с фиксацией

иерархического статуса человека. Так, люди, занимающие высокое положение, лидеры получают такие наименования: *аракчеев* 'классный руководитель', *бай* 'начальник отряда в ИТК', *барин, рабовладелец, император* 'начальник ИТУ', *рабовладелец* 'руководитель предприятия', *барин* 'менеджер, продюсер', *Борман* 'заместитель начальника ИТУ по оперативной работе', *вельможа* 'начальник УВД, ОВД', *графья* 'дирекция, руководство фирмы, предприятия, учреждения', *зэк / зек* 'заведующий кафедрой', *Мюллер* 'начальник оперчасти ИТУ', 'директор школы', *султан, шах* 'генерал МВД', *белые люди* 'чиновники', *гуру* 'опытный программист; мастер', *король* 'лидер коллектива'. Несколько реже именуются лица, стоящие на нижней ступени профессиональной иерархии, возможно, потому, что этот оценочный компонент уже содержится в номинации классов, социальных групп и процессов (ср.: *негр* 'о том, кто выполняет литературную работу по заказу, вместо кого-либо, под именем заказчика и без права на авторство', *раб* 'студент младшего курса, который помогает старшекурсникам делать дипломный проект', *батрак* 'прислужник', *бич* 'моряк, списанный с корабля', *элита* 'неопытные пользователи компьютером, имеющие крайне преувеличенное представление о собственной значимости и своем искусстве').

Очень распространена статусная номинация в уголовном арго (ср.: *аристократ* 'уважаемый вор-рецидивист', *босс* 'наркобарон', *бойрин, босс, князь, король, митрополит* 'главарь группировки', *лорд* 'авторитетный вор', *француз* 'вновь прибывший, неопытный заключенный', *граф Табуреткин* 'кличка неавторитетного заключенного').

В не книжных вариантах русского языка с помощью общественно-политической и идеологической лексики может даваться оценка социального поведения человека, причем независимо от конкретного значения преобладает отрицательная оценка двух взаимосвязанных принципов поведения – контакт с официальной властью и предательство корпоративных интересов (ср.: *активист из сучьего парламента* 'заключенный, сотрудничающий с администрацией ИТУ', *трескать с броневишка* 'произносить патриотические речи', *анархист* 'опасный преступник, не признающий воровских законов'; *Махно* 'бывший вор; вор, сотрудничающий с органами').

Внешняя (звуковая) метафора, языковая игра не слишком продуктивна. Она концентрируется в основном в рамках первой подгруппы, особенно при номинации популярных музыкальных коллективов и их поклонников, а также пьянства, наркомании, конфликтов (ср.: *гострах, ариец, бомжи, Ринго Сталин, портвейнгеноссе, нарком, бухарить, Бухарин, бухара, бухенвальд* (от жаргонного *бухать* 'распивать спиртные напитки'), *политрук* (от жаргонного политура 'поллитровая бутылка спиртного'), *махачкала* 'драка' (от жаргонного махаться 'драться'). Единичные примеры такой звуковой игры, подчеркивающие именно несоответствие формы и содержания, обнаруживаются и во второй подгруппе, напр.: *зэк / зек* 'заключенный' → 'заведующий кафедрой' (совпадение сокращений), *бизнесмент* 'милиционер, берущий взятки', *духовенство* 'музыканты духового оркестра', *ворошиловский стрелок* 'нищий' (от жаргонного и просторечного стрелять 'просить'), *висельник* 'неопытный программист' (от жаргонного виснуть 'о компьютере: не отвечать ни на какие действия

оператора»), *дворянин* 'бродяга' (человек, не имеющий дома, живущий во дворах), *раб-ботник органов* 'врач-гинеколог', *служить у графа Ветрова* 'быть безработным' (ср.: свободен как ветер в поле, ветер в карманах), *кормчий* 'человек, выдающий деньги членам преступной группировки' (от кормить, кормушка и одновременно от Великий Кормчий – одна из традиционных перифраз при указании на многолетнего лидера Китая Мао Цзэдуна).

Однако абсолютное большинство социальной лексики формирует внутренние метафоры, причем, в отличие от других семантических сфер, многие из них строятся на тех концептуальных моделях, что при-сущи книжному варианту русского языка начиная с древнерусского пе-риода.

В частности, при формировании переносных значений обычно про-исходит своеобразное метафорическое расширение: сохраняется ос-новная качественная характеристика лица, тип отношений и зависимо-стей, но при этом меняется сфера приложения этих признаков (ср.: *еретик* 'отступник от норм господствующей религии' → 'осужденный диссидент, т.е. отступник от господствующей коммунистической идеологии', *партизанить* 'воевать в партизанском отряде, т.е. в тылу врага, скрытно' → 'скрываться от органов милиции'; *дьячок* 'низший церковный служитель в православной церкви' → 'судебный исполни-тель', *махновец* 'представитель анархо-крестьянского движения на Украине в 1918 – 1920 гг., выступавшего под лозунгами «безвластного государства» и занимавшегося грабежами и разбоем мирного населения' → 'вор, грабящий всех подряд, не соблю-дающий воровских законов', *негр* 'представитель негроидной расы, раб в США до отмены рабства' → 'лицо без гражданства; не гражданин (в Латвии)'; 'рабочий; чело-век, выполняющий грязную, тяжелую работу', *индеец* 'чеченский боевик из незакон-ного вооруженного формирования, не соблюдающий условий договора между РФ и Чечней о прекращении военных действий и стоящий еще «на тропе войны»). Этот тип переноса может быть назван самым продуктивным, причем в качестве источника метафоризации используются члены всех групп и подгрупп социальной лексики. Типично также подключение к метафоризации метонимии и синекдохи, когда определенная национальная, социаль-ная группа или ее представитель, политический деятель именуют яв-ление в целом, становятся символом определенного социального ка-чества (ср.: *буржуин*, *капиталюга*, *гамбургер*, *фирма* 'иностранец', *кнессет* 'осужденные диссиденты', *лимита* 'провинциалы в Москве', *чалдон* 'бродяга', *любер* 'агрессивный подросток', *афганец* 'убийца', *абрек* 'вооруженный бандит', *гапон* 'милиционер').

подавляющее большинство таких наименований имеет оценочный характер. Выбор признака, определяющего тип социальной оценки, может выявляться логически или психологически, он может быть дос-таточно предсказуемым или диффузным, сугубо ассоциативным, но в его основе чаще всего лежит противопоставление концептуальных оп-позиций («свой – чужой»; «властвующий – подвластный»). Тип оценки определяется социальными факторами, системой значимостей, кото-

рые существуют в социуме в данный период его развития.

Так, как и в книжных вариантах русского языка, монархи, правители, представители привилегированных классов и сословий воспринимаются как лидеры, привилегированная часть современного социума или отдельных групп. Интересно, что, как в русском языке в целом, положительную или нейтральную оценку при переносе сохраняют наименования российских и западноевропейских монархов, а также большинство привилегированных сословий, получающих титул по наследству (власть дана от Бога и по закону): напр.: *боярин* 'солидный человек'; *боярин, князь, король, митрополит* 'главарь группировки', *лорд* 'авторитетный вор', *король* 'лидер коллектива', *аристократ* 'уважаемый вор-рецидивист', *гранд* 'заключенный, занимавший на воле видное общественное положение'. Оценка может меняться на противоположную за счет намеренного фонетического, грамматического искажения (ср.: *элита* 'неопытные пользователи компьютером', *графья* 'дирекция, руководство') или необычного сочетания (ср.: *граф Табуреткин* 'кличка неавторитетного заключенного', *серый барон* 'милиционер'). В то же время пытаться присвоить себе такие привилегии оценивается отрицательно (ср.: *королиться* 'вести себя вызывающе, заносчиво').

Правители империи или азиатских монархий воспринимаются как лидеры, наделенные абсолютной властью, однако отрицательной оценки такие наименования обычно не содержат (ср.: *император* 'начальник ИТУ', *султан, шах* 'генерал МВД'). Интересно, что примерно так же воспринимаются современные руководители коммерческих организаций: при метафоризации этой группы слов на первое место выходит признак абсолютной власти, а оценка может быть либо нейтральной, либо отрицательной (ср.: *босс, шеф*).

Как правило, отрицательно оцениваются лидеры и привилегированная часть группы, коллектива, если в качестве источника метафоризации используются наименования фаворитов государей (власть дана не по закону, а вследствие благосклонности правителя, ср.: *бонза* 'представитель номенклатуры КПСС', *вельможа* 'начальник УВД, ОВД'), правители, получившие власть незаконно или отличавшиеся особой жесткостью, а также привилегированные классы, распорядившиеся жизнью подвластных народных масс (помещики, рабовладельцы, ср.: *хунта* 'агрессивная молодежная группировка', *работорговец* 'инспектор бюро по трудоустройству', *барин* 'менеджер, продюсер'; *бай* 'начальник отряда в ИТК', *барин, рабовладелец* 'начальник ИТУ', *рабовладелец* 'руководитель предприятия'; 'человек (житель Чечни), использующий труд похищенных людей, заложников или пленных военнослужащих', белые люди 'чиновники'). Отрицательно оценивается и принадлежность к сословиям, выполнявшим охранные функции (к этой группе примыкают имена представителей правоохранительных органов авторитарных систем, отличавшихся большой жестокостью), ср.: *полицай* 'милиционер', *чекист, гайдамак* 'солдат ВВ МВД', *Борман* 'заместитель

начальника ИТУ', *Мюллер* 'начальник оперчасти ИТУ'). Показательно, что в той же системе координат мыслятся отношения между ближайшими родственниками и между учениками и учителями (ср.: *начальство* 'родители', *агрессор* 'теща', *Мюллер* 'директор школы', *аракчеев* 'классный руководитель', *Борман* 'зам. директора школы по воспитательной работе').

Отрицательно оценивает современное российское общество богатых, экономически независимых лиц, что проявляется в словообразовательной или внутренней семантической мотивации (ср.: *буржуин* 'богатый человек; новый русский', *барыга* 'зажиточный, богатый человек (от жаргонного первичного значения 'скупщик краденого', *ваучеренок* 'малолетний коммерсант').

Народ и нижние слои общества ассоциируются с абсолютно бесправными классами и сословиями рабовладельческого общества и феодализма, а также деклассированными элементами (ср.: *негр* 'рабочий'; 'о том, кто выполняет литературную работу по заказу, вместо кого-либо, под именем заказчика и без права на авторство', *крепостной* 'заключенный', *раб* 'студент младшего курса, который помогает старшекурсникам делать дипломный проект', *батрак* 'прислужник').

В целом отрицательно воспринимается все, что связано с СССР и коммунистической идеологией. Так, само социалистическое государство – это концлагерь, фашистское и одновременно клерикальное государство, где коммунистическая идеология – религиозное учение (ср.: *большая зона* 'СССР', *партайгеноссе* 'коммунист', *бухенвальдский набат* 'звонок на урок', *духовенство Совдепии* 'номенклатурные партаппаратчики', *аббат* 'парторг батарен').

Еще в большей степени такое отрицательное отношение проявляется при использовании коммунистической символики и советских идеологем в качестве источника метафоризации. Можно сказать, что при метафоризации этой семантической сферы реализуется глобальное концептуальное представление «свой – чужой», где все, что связано с социалистическим государством и укладом жизни, воспринимается носителями исследуемых стратов как «чуждое», враждебное. Такие наименования обычно содержат отрицательную оценку и / или иронию (ср.: *коммуниздить*, *пионерить*, *спионерить* 'красть', *пролетарское самосознание* 'воровство на производстве', *соцсоревнование* 'массовый выпуск брака', *колхоз* 'воровская группировка', *троцкий* 'болтун', *мичуринец* 'бездельник', *пролетарий* 'хронический алкоголик', *послать на БАС* 'обругать нецензурно', *отметить столетие лошади Буденного* 'выпивать без повода'). Показательно, что в сферу «чуждых» попадают родители (с точки зрения детей) – *Марксы*, прилежные ученики (с точки зрения одноклассников) – *коммунисты*. Извращается и представление о патриотизме, который воспринимается как поддержка государственных структур (ср.: *патриот* 'зубрила, отличник', *трескать с броневичка* 'произносить патриотические речи').

Как «чуждые» и потому оцениваемые отрицательно могут воспри-

ниматься, однако, и те, кто боролся с советской властью или Советским союзом. Интересно, что именно в этих категориях осмысляются правоохранительные органы (*контра* 'милиционер'), внутренняя оппозиция (*фашист*, *черносотенец* 'политзаключенный, диссидент') и семейные связи, причем к последним относится не только родитель, предавший своих детей (*власовец* 'заключенный, бросивший свою многодетную семью и осужденный за неуплату алиментов'), но и супруга (*контра*) с точки зрения ее мужа.

Не получает положительной оценки и то, что связано с новым, демократическим укладом. Его лидеры становятся символами нелогичного, абсурдного поведения, страна воспринимается как часть этого «театра абсурда» (ср.: *отчерномырить* 'совершить странный, экстравагантный поступок', *Черномырдия* 'Россия'), а новая представительная власть – те же партийные бонзы и номенклатурные работники (ср.: *депутата корчить* 'стремиться выглядеть солидно').

К разряду «чуждых» носители разговорной речи, просторечия и жаргонов часто относят иностранцев (ср.: *петух гамбургский* 'пижон', *бундесовать* 'вести себя как иностранец'), причем за отдельными нациями могут закрепляться различные концептуальные характеристики (хитрость китайцев, расчетливость немцев и др.). Но «чуждыми» для провинциальной России является и столица (ср.: *москвич* 'наглый зазнавшийся заключенный').

Следует сказать, что абсолютно цельных и единых концептуальных моделей в не книжных вариантах русского языка все же не образуется. Большая часть метафорических наименований связана с актуализацией концептуальных признаков, присущих отдельным политическим, идеологическим явлениям, личностям, причем часто при этом актуализируются далеко не самые важные концептуальные признаки. Так, движение хиппи и индийская философия ассоциируются только со странным поведением, а Голливуд – только со светской, богемной жизнью. Кроме того, в просторечии и жаргонах представлена своеобразная языковая игра, когда наименование дается по принципу антонимии (ср.: *мафия* 'дружеская компания', *парижанин* 'сельский житель', *интеллигент* 'ученик ПТУ'). Особенность не книжных вариантов русского языка заключается также в том, что в основе языковой игры может лежать именно нейтрализация наиболее значимого идеологического, политического и другого компонента, указывающего на тип ситуации и систему зависимостей (ср.: *конвоировать* 'прогуливаться с девушкой', *митинг* 'свидание').

Таким образом, можно констатировать, что общественно-политическая и идеологическая лексика играет важную роль в концептуальной картине мира носителя разговорной речи, просторечия и жаргонов. Во многом этому способствует активная экспансия политического дискур-

са, его влияние на все стороны жизни в СССР и современном российском обществе. Явно прослеживается отрицательное отношение народных масс (а именно они и составляют подавляющее большинство носителей данных стратов) к советскому прошлому, а также к современной общественно-политической жизни России. Можно отметить также наличие определенных фобий (недоверие и неприязнь к богатым, чиновникам, иностранцам, конкретным нациям и народностям). Однако преувеличивать концептуализацию такого рода также не следует, поскольку, с одной стороны, представители одной и той же национальной, социальной, политической группы могут получать при метафоризации как положительную или нейтральную, так и отрицательную оценку, а с другой, – чисто внешний, часто случайный признак столь же регулярно становится основой для формирования переносного значения у слов той же сферы. Наконец, нельзя абсолютизировать влияние самого политического дискурса на формирование метафорической системы, поскольку многие, особенно исторические политические реалии, входят в языковую картину мира носителей исследуемых стратов даже не из учебников, а из популярных кинофильмов, книг и анекдотов (ср. ироничные номинации: *играть в Чапаева* 'окутать головой в тазик с грязной водой (вид издевательства над молодыми солдатами, сокамерниками)', *Мюллер 'директор школы'*, *отметить столетие лошади Буденного* 'выпивать без повода').

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1999.
- Балашова Л.В. Метафора в жанре жития древнерусской литературы // *Жанры речи*. Вып. 1. – Саратов, 1997.
- Балашова Л.В. Метафора в диахронии (на материале русского языка XI – XX вв.). – Саратов, 1998.
- Балашова Л.В. Образ автора и образ адресата в торжественной оде и любовной лирике XVIII века // *Жанры речи*. Вып. 2. – Саратов, 1999а.
- Балашова Л.В. Социальная метафора в диахронии // III Житниковские чтения: Динамический аспект лингвистических исследований: В 2-х ч. Ч. 2. – Челябинск, 1999б.
- Балашова Л.В. Социальная метафора и языковая картина мира (на материале русского языка XI – XX вв.) // *Русский язык: исторические судьбы и современность*. – М., 2001
- Балашова Л.В. Социальные иерархические отношения в пространственной системе координат // *Проблемы речевой коммуникации*. Саратов, 2004.
- Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. *Русская политическая метафора*. Материалы к словарю. – М., 1991.
- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. *Словарь русских политических метафор*. – М., 1994.
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. *Метафора в политическом интердискурсе*. – Екатеринбург, 2006.
- Ваулина Е.Ю., Складарская Г.Н. *Картина мира в языковой метафоре* // *Scandoslavica*. 1995. Т. 41.
- Гак В.Г. *Метафора: универсальное и специфическое* // *Метафора в языке и тексте*.

– М., 1988.

Грачев М.А. Словарь современного молодежного жаргона. – М., 2006.

Коровушкин В.П. Словарь русского военного жаргона. Екатеринбург, 2000.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М., 2004.

Левикова С.И. Большой словарь молодежного сленга. – М., 2003.

Любимова Н.А., Пинежанинова Н.П., Сомова Е.Г. Звуковая метафора в поэтическом тексте. СПб., 1996.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2001.

Москвин В.П. Стилистика русского языка: Теоретический курс. Ростов н/Д, 2006.

Никитина Т.Г. Молодежный сленг: Толковый словарь. М., 2004.

Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании русской языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. – М., 1988.

Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения. СПб., 1998.

Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). – Екатеринбург, 2001.

© Балашова Л.В., 2006

**Джессика Бейн, Катрина Статс, Наталия Чабан,
Крайстчерч (Новая Зеландия), Аделаида (Австралия)**

Перевод: Зайцева А.Б.

**«ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФРАНКЕНШТЕЙН»
ИЛИ «ФИНАНСОВЫЙ ГАРГАНТЮА»?:**

**метафоры персонификации при освещении расширения
евросоюза в новостях Австралии**

Abstract

This paper aims to highlight the peculiarities of the EU's imagery created outside the Union's borders. It also attempts to alert the stakeholders about the stereotypes of a newly enlarged EU currently being cemented around the world. The paper scrutinised two cases – Australian and New Zealand news media representations of EU enlargement by means of the conceptual metaphor of personification.

Полагают, что полное понимание сути Евросоюза (ЕС) является ключевой проблемой, которая встает перед ЕС и его гражданами. Напр., Жан-Кристоф Филори, представитель Уполномоченного по Расширению, утверждает, что «проблема в том, что Евросоюз не понимают, и необходимо ликвидировать разрыв между ЕС и его гражданами» (Lydia Bell). Марго Валлстрем, вице-президент Комиссии ЕС, повторила эту идею, рассматривая отсутствие «общего нарратива» о самой сущности Европы: «настоящая проблема в Европе в том, что нет согласия и понимания того, для чего Европа и куда она идет» (Margot Wallström). Чтобы решать вопросы «демократического» и «коммуникативного дефицита» (см. Christoph Meyer; Claes H. de Vreese; Margot Wallström) В

ЕС, европейские политики изобрели новую коммуникативную стратегию, также известную как «План-Д» (где «Д» означает диалог, дебаты и демократия) (Margot Wallström). Однако в «Плане-Д» игнорируется один ключевой фактор понимания ЕС, а именно во внимание не берутся внешние образы и восприятия Союза. Возможно, что видение себя глазами Других может способствовать идентификации Себя. Следовательно, цель данной работы – информационный прорыв для исследователей ЕС, для лиц, принимающих решение и для всех, интересующихся представлениями о ЕС за границами Союза и о значении этих представлений для развития Союза и его взаимодействия со всем миром.

Считается, что среднестатистические граждане Европы мало знают о Евросоюзе, членами которого являются их страны, помимо того, что они читают в прессе и смотрят в телевизионных новостях (Lydia Bell). Мы считаем, что такое незнание еще более велико в странах, не принадлежащих к ЕС. В Австралии, которая является «Чужим» по отношению к ЕС (что и стоит в центре данного исследования), большая часть информации о Евросоюзе поступает исключительно из новостей в СМИ [Chaban, Holland 2005]. Используя когнитивный метод концептуальной метафоры (понимаемой в традиции Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона) [Lakoff, Johnson 2003], данная работа представляет собой исследование образа Евросоюза в дискурсах СМИ двух стран Австралии – Австралии и Новой Зеландии. Высокочастотные метафоры в дискурсах СМИ двух стран предположительно используются местными СМИ для создания образа ЕС как важного иностранного аналога Австралии. Мы полагаем, что живые, действенные и эффективные метафорические категоризации этого далекого Чужого выделяют некоторые из его концептуальных измерений и игнорируют другие, чтобы создать для местной аудитории новостей определенный образ Евросоюза.

В данной работе исследуется конкретный случай репрезентаций значительного Чужого в новостях – концептуальная метафора *персонификации*. Наблюдения показали, что эта концептуальная метафора лежит в основании значительного количества лингвистических метафор, обнаруженных в текстах новостей Австралии и Новой Зеландии, освещающих ЕС в целом и его расширение в частности. В данной работе мы утверждаем, что концептуализация расширения ЕС в публичных дискурсах Австралии находится под влиянием метафорической категоризации *персонификации*, которая объединяет специфическую образность и ее последующую долгосрочную оценку. Мы полагаем, что широко и часто распространенные средствами массовой информации в различных формах образы, которые являются результатом доминантной метафорической категоризации, имеют серьезные и подлин-

ные импликации для мира иностранной политики как на уровне ответственности, так и на уровне принятия политических решений в регионе. Согласно Джоупу Леерсену, «хотя вера иррациональна, влияние этой веры не является нереальным» (Joep Leerssen).

МЕТАФОРА ПЕРСОНИФИКАЦИИ. По словам Софии Брострем, «образы – чрезвычайно богатые и объединяемые единицы информации, которые передают всю свою информацию сразу и которые не легко разделяются» [Sofia Broström 1994: 38]. Качественный анализ образности проводится через изучение буквальных и метафорических репрезентаций. Метафорические категоризации представляют особый интерес в случаях, когда у реципиентов информации еще не сформировалось определенное мнение. При том, что новости из-за рубежа кажутся далекими, невидимыми, недостижимыми и следовательно не имеющими отношения к жизни страны, считается, что при осмыслении международной политики публика в основном использует метафорическое мышление [Lakoff 2004]. Таким образом, чтобы показать, как выражен в публичных дискурсах Австралии сложный концепт внешней политики «Расширение ЕС», в данной работе систематически рассмотрено употребление лингвистического образного средства – метафоры – составителями международных новостей в регионе.

Метафора, которую Жак Деррида провозгласил центром философии и мысли [цит: Raymond Gozzi 1999: 39], стала «звездой дискурса XX-го века» [Raymond Gozzi 1999: 30]. С тех пор появилось множество теорий, изучающих явление метафоры. Данная работа придерживается «когнитивного подхода», а именно, теории «концептуальной метафоры» [Lakoff, Johnson 2003] Дж. Лакоффа и М. Джонсона при понимании и определении метафоры. При данном подходе метафора понимается как сложный процесс, при котором «сплетение» ассоциированных значений из сферы-источника проецируются на другие «сплетения», чтобы описать черты другого «сплетения», сферы-мишени [Dylan Glynn 2002: 542]. Такое проецирование знакомым и понятным образом вызывает и заново закрепляет когнитивные структуры сферы-источника, при этом автоматически происходит перенос логических и культурных заключений концептуальных аналогий [Otto Santa Ana 1999: 217]. Напр., абстрактное понятие ЛЮБОВЬ (сфера-мишень) часто понимается в терминах весьма конкретного понятия ВОЙНА (сфера-источник): «He is known for his many rapid conquests» / «Он известен множеством быстрых завоеваний», «She fought for him, but his mistress won out» / «Она боролась за него, но победила его любовница», «He fled from her advances» / «Он спасался бегством от ее наступления», «She is besieged by suitors» / «Ее осаждают поклонники», и т.д. [Lakoff, Johnson 2003: 49]. Результат такого концептуального проецирования, которое применяется к данным парам *источник-мишень*, – *концептуальная метафора*. В вышеописанном примере это концептуаль-

ная метафора ЛЮБОВЬ – ЭТО ВОЙНА. Другими словами, концептуальные метафоры – это «семантические переносы, которые принимают форму СФЕРА-МИШЕНЬ – ЭТО СФЕРА-ИСТОЧНИК [Richard Bailey 2003]. Полагают, что эти переносы могут мотивировать и моделировать повседневные письменные или устные метафорические языковые выражения.

Многие исследователи, включая выдающихся Лакоффа и Джонсона [2003: 7-14], придавали большое значение этому структурирующему аспекту концептуальных метафор. В этом отношении понятие концептуальной метафоры сходно с понятиями, разработанными в более ранних исследованиях, такими как «продуктивные метафоры», «конститутивные аналогии», «научные парадигмы» и «корневые метафоры» [цит.: David E. Leary 1995]. Структурирующий аспект концептуальной (или «корневой») метафоры был описан Пеппером: «Человек, пытающийся понять мир, ищет ключ к его пониманию. Он сталкивается с какой-либо областью действительности и пытается в ее терминах осмыслить другие области. Эта оригинальная идея становится затем его основной аналогией, или корневой метафорой. Он, как может, описывает характеристики этой понятийной области, или распознает ее структуру. Список ее структурных характеристик становится его основными концептами для объяснения и описания. Мы называем их набором категорий. В терминах этих категорий он может изучать другие области действительности. Он пытается интерпретировать все факты в терминах данных категорий» [цит.: David E. Leary 1995].

Систематические исследования кластеров лингвистических метафор открывают метафоры на концептуальном уровне. Последние являются основой первых, производя ментальные структуры для интерпретации явлений, подвергающихся категоризации. В данной работе анализ ограничивается концептуальными метафорами *персонификации* и их структурами, проявляющимися в текстах новостей, освещающих расширение ЕС в Австралии, используется определение метафор *персонификации*, сформулированное Лакоффом и Джонсоном: метафоры персонификации – это метафоры, в которых материальный объект интерпретируется как человек [Lakoff, Johnson 2003: 33].

Метафоры *персонификации* всегда привлекали внимание исследователей. Их исследовал римский ритор Квинтилиан в I веке н.э.: он отмечал, что метафора может переносить из неодушевленной сферы в одушевленную [цит.: Raymond Gozzi 1999: 51. Три другие пары, исследованные Квинтиллианом, – *одушевленное в неодушевленное, неодушевленное в неодушевленное и одушевленное в одушевленное*]. Гораздо позднее Лакофф и Джонсон приняли и развили понятие *персонификации* в своей теории концептуальной метафоры, отметив, что метафоры *персонификации* позволяют «осмыслить наш опыт взаимодействия с неживыми сущностями в терминах человеческих мотиваций, характеристик и деятельности людей»

[Lakoff, Johnson 2003: 33]. Аспекты человеческого существования бесчисленны, так что когнитивный процесс метафорической категоризации в терминах *персонификации* чрезвычайно разнообразен. Кластеры лингвистических метафор, произведенные данной концептуальной метафорой, могли бы, к примеру, описать какие-либо культурные феномены, типичные для социального сосуществования индивидуумов (напр., война, семейная жизнь, романтические отношения и др.). Или же они могут быть тесно связаны с метафорами, воплощающими общие аспекты человеческого / телесного опыта (напр., физическое и эмоциональное здоровье человека и его поддержание).

И Рэймонд Гоцци (1999), и Джордж Лакофф (2004) утверждают, что метафора ГОСУДАРСТВО – ЭТО ЧЕЛОВЕК является одной из основных метафор, лежащих в основе концептов внешней политики. Когда государства описывают данной метафорой, в них видят присущие им характеры, что ведет к описанию государств как «миролюбивых и агрессивных, ответственных и безответственных, трудолюбивых и ленивых». Мы пришли к выводу, что не только отдельные государства, но и международные образования (такие как ЕС, ООН, Всемирная Торговая Организация и другие) могут быть концептуализированы как «человек», вовлеченный в социальные отношения в рамках мирового сообщества. В данном исследовании четко осознается, что Евросоюз не является государством, однако отмечено, что в политическом дискурсе и дискурсе СМИ (как в Союзе, так и за его пределами) ЕС часто сравнивают с государством буквально и метафорически. Так, Мэннерс и Уитман отмечали, что зачастую иностранные партнеры понимают ЕС и отзываются о нем как о государстве [Ian Manners, Rischard Whitman, 1998: 237]. Такое понимание приписывается сложности и беспрецедентности Евросоюза. Как журналистам, составляющим репортажи о ЕС для внутренней и внешней аудитории, так и людям, воспринимающим местные и международные новости, сложно осмыслить феномен Евросоюза, который находится между наднациональными амбициями и межправительственными переговорами, управляется группой разнообразных политических институтов. Соответственно, метафорические категоризации, рассмотренные в данной работе, часто описывают ЕС как «человека», который живет «по соседству» и имеет «соседей», «друзей» и «врагов», он участвует в разных видах социального взаимодействия, напр., «клуб», «семья», «романтические отношения», в разных видах социальной деятельности, напр., «война», «соревнование», «учеба в школе», «азартные игры» и др. Такие концептуализации знакомы и легко узнаваемы, так что использование их в дискурсе СМИ облегчает понимание сложного явления, делает его «готовым к употреблению» как журналистами, так и публикой.

Концептуальные метафоры имеют свои структуры, которые используются в дискурсах убеждения – а именно в политическом и в дискурсе СМИ – для того, чтобы наводить на конкретные выводы и оказывать влияние на эмоции. Мы считаем, что метафоры *персонификации* исключительно сильны в данном контексте. Эти метафоры помогают аудитории новостей осмысливать и интерпретировать сложные и неясные явления международной политики (в нашем случае – ЕС) в знакомых, повседневных терминах, то есть в терминах человеческого взаимодействия и существования [Lakoff, Johnson 2003: 34]. В конечном счете метафоры *персонификации* могут формировать не только мнение о сложных явлениях и деятелях внешней политики, но и формулировать образ действий по отношению к ним. Описание в СМИ международных действий в терминах действий, предпринимаемых государствами как «настоящими» людьми, побуждает аудиторию новостей как к созданию образа Других (по отношению к их стране), так и к формированию эмоционального отношения к этому образу наиболее выгодным образом. В критических ситуациях такие эмотивные предположения могут привести к тому, что политики, участвующие во внешнеполитических делах, получают обратную связь со стороны аудитории (напр., антивоенные протесты во время войны во Вьетнаме и, позже, войны в Ираке после того, как в средствах массовой информации появлялись разоблачающие образы; протесты мусульманской общности по всему миру после появления карикатуры с религиозной тематикой; публичные выступления в России, которые последовали за 24-часовой телевизионной трансляцией новостей о Бесланской трагедии; благотворительные пожертвования стали собираться по всему миру после того, как в новостях были освещены разрушительные последствия цунами в Азии и др.).

Цель данного исследования – дать ответ на два вопроса: 1. Какие образы расширяющегося ЕС были переданы широкой публике посредством концептуальной метафоры *персонификации* в дискурсах СМИ Австралии и Новой Зеландии? 2. Каким образом глубокие концептуальные структуры метафор *персонификации* способствуют категоризации ЕС в двух публичных дискурсах стран Австралазии и каковы их последствия для диалога ЕС с Австралией и Новой Зеландией?

ДАННЫЕ. Данная работа представляет собой дискурсивный ин-тертекстуальный анализ доминантных и вторичных метафорических категоризаций, составляющих концептуальную метафору *персонификации*, использованных при освещении расширения ЕС в текстах новостей в Австралии Новой Зеландии. Под *доминантными* (высокочастотными) метафорами понимаются те, которые использовались с относительно большей частотностью и встречались в большем разнообразии

форм [Otto Santa Ana 1999: 198]. В отличие от них, метафоры, которые встречались менее часто и в меньшем разнообразии форм, названы *вторичными*.

Австралия и Новая Зеландия – страны Тихоокеанского региона, участники ОЭСР (Организация по экономическому сотрудничеству и развитию). Обе страны имели многочисленные исторические и культурные связи с Европой в прошлом и настоящем. Напр., активное сотрудничество с Великобританией, драматическое участие в двух мировых войнах в Европе, а также эти связи видны в Европейском туризме и иммиграции. Кроме того, обе страны имеют существенные экономические связи с ЕС: Евросоюз, состоящий из 25 стран-участниц, – один из трех ведущих торговых партнеров обеих стран и один из основных инвесторов в экономику Австралазии. Однако, несмотря на такое одинаковое сотрудничество с ЕС, политическое отношение Австралии и Новой Зеландии к Евросоюзу отличается. Австралийское правительство иногда предпочитает поддерживать во внешней политике США, а Новая Зеландия, наоборот, часто поддерживает внешнеполитический статус ЕС. Наиболее яркие примеры разницы во взглядах на международную политику этих двух стран Австралазии – их действия по отношению к ратификации Киотского Протокола и к войне в Ираке (в этих вопросах ЕС и США также занимают разные позиции). Кроме того, некоторые внутривнутриполитические линии данных стран повторяют особенности внутренней политики США (в случае с Австралией) и ЕС (в случае с Новой Зеландией). Прежде всего это касается благосостояния государства (Новая Зеландия разделяет взгляды на благосостояние, типичные для некоторых государств ЕС) и прав человека (Австралия, напр., не поддержала объединение прав человека и торговли в Основном Соглашении с ЕС, которое окончательно потерпело неудачу в 1997) (Полагают, что правительство Австралии было против соединения прав человека и торговли в Соглашении из-за беспокойства о том, что для решения национальных разногласий, таких как вопросы о правах коренного населения и профсоюзные споры, можно будет обращаться за поддержкой в ЕС. [см Fred Brenchley 1997]). Принимая во внимание такую разницу двух политических парадигм в Австралазии, в данной работе мы делаем попытку выявить и сравнить метафорические категоризации *персонификации*, использованные для освещения расширения ЕС в новостях авторитетных СМИ двух стран.

Самое крупное и самое спорное в истории ЕС вступление в него восьми бывших коммунистических стран и двух небольших средиземноморских государств 1 мая 2004 неизбежно стало самым ярким событием, освещенным в СМИ Австралии и Новой Зеландии в 2004 г.. Пользуясь результатами проекта *Восприятие Европейского Союза обществом, элитой и СМИ в странах азиатской части тихоокеанского региона: Сопоставительное исследование* (Проект был основан с

целью изучения связи между восприятием Евросоюза обществом, элитой и СМИ в четырех азиатских странах Тихого океана – Австралии, Новой Зеландии, Южной Кореи и Тайланда. Проект состоял из трех частей. Для получения данных по трем группам применялись различные методы – контент-анализ местных СМИ, социологические исследования и подробные интервью с представителями политической, деловой и медиа элиты. Для более подробной информации [см. www.europe.canterbury.ac.nz /app/]), в данной работе мы обработали с помощью контент-анализа десять газет в двух странах и четыре программы новостей (вещающих в прайм-тайм) наиболее популярных телеканалов (Новозеландские газеты, использованные в проекте: *The New Zealand Herald*, *The Waikato Times*, *The Dominion Post*, *The Press*, and *The Otago Daily Times*. Австралийские газеты включали: *The Herald-Sun*, *The Sydney Morning Herald*, *The Australian*, *The Australian Financial Review*, и *The Canberra Times*. Телевизионные выпуски новостей в Новой Зеландии: *TV1 в 6.00* и *TV3 в 18.00*, в Австралии *The ABC National Nightly News в 19.00* и *The Channel Nine Nightly News bulletin в 18.00*) Австралии и Новой Зеландии за «точный» период расширения ЕС – с апреля по июнь 2004 г.. Расширение было знаменательным событием всего года. «Точный» период охватывает само событие, а также предварительную агитацию и анализ после празднования события.

Было выявлено, что в пяти газетах Новой Зеландии опубликовали 53 статьи о расширении ЕС в период с апреля по июнь 2004 г.. Австралийские газеты опубликовали 102 статьи на эту тему за обозначенный период. В обеих странах эти цифры составили почти 9% от всего объема освещения темы в 2004 г.. Телевизионный материал составил 9 программ новостей в Новой Зеландии (или 41% всех телевизионных новостей о Евросоюзе в 2004 г.) и 5 в Австралии (или 33% всех теленовостей).

В печатных СМИ было собрано четыре обширных набора метафорических выражений – 219 метафорических примеров из газет Новой Зеландии, 36 из телевизионных новостей Новой Зеландии, 616 из статей австралийских газет и 31 из Австралийских телевизионных новостей, освещающих различные аспекты расширения ЕС. Лингвистические метафоры, относящиеся к концептуальной метафоре *персонификации*, составили приблизительно 38% от метафор в Австралии и 32% в Новой Зеландии. Примеры метафор персонификации в телевизионных новостях составили 58% всех метафорических примеров в Австралии и 47% в Новой Зеландии (Для сравнения, метафора *пространственности*, еще одна существенная группа метафорических категоризаций о расширении ЕС, составила 30% от всех метафорических примеров в австралийской прессе и 39% в новозеландской; также 29% всех метафорических словоупотреблений в австралийских теленовостях и 44% в новозеландских).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. ДОМИНАНТНЫЕ МЕТАФОРЫ ПЕРСОНИФИКАЦИИ. Мы полагаем, что метафоры персонификации при описании расширения ЕС в новостях Австралии представлены

двумя фреймами, а также они способствовали их формированию. Оба фрейма – КЛУБ и СЕМЬЯ – концептуально обоснованы социо-культурным опытом людей. Фрейм КЛУБ представлен описанием ЕС (15 участников) как **«культурного клуба»** христианских и пост-христианских наций» (*Sydney Morning Herald*) или **«Клуба Евро»** (*ABC News*), новые члены – «новички», вступают в клуб, их принимают или нет. Фрейм СЕМЬЯ был часто представлен метафорой «большая европейская **семья**» (*Canberra Times*), в которую входят новые члены.

Клуб / Club. В сценарии «КЛУБ» 15 старых членов ЕС были представлены как разборчивые богатые члены эксклюзивного клуба для избранных, а новые члены были описаны как бедные новички, умоляющие принять их. Старые участники ЕС часто изображались как **«клуб богачей»** / **«rich man's club»** (Peter Wilson) **«привилегированных богатых стран»** / **«privileged, highly affluent countries»** (Peter Fray). Этот «клуб» – предмет мечтаний новых членов, и они **«умоляют»** / **«crave»** (*Sydney Morning Herald*) принять их, они терпеливо **«постоят в очереди»** / **«queue»** (Gwynne Dyer) или **«запишутся»** / **«list»** (*Canberra Times*), **«встает в строй»** / **«lining up»** (Geoff Kitney), чтобы получить доступ в так называемый **«сад Европы»** / **«garden of Europe»** (Geoff Kitney). До того, как государства, не являющиеся членами ЕС **«подготавливаются»** / **«qualify»** (*The Australian*) и их признают **«годными»** / **«fit»** (*TV1 News*) к тому, чтобы быть членами союза, они **«колотят в дверь»** / **«bang on the door»** (Gwynne Dyer). Этим самым они «разрушают спокойствие сплоченного и одинаково мыслящего Европейского **клуба»** / disrupting «the cosy days of a close and like-minded European **club»** (Michael Meyer), а **«старшние»** члены / **«senior» members** (Alan Kennedy) и **«старожилы»** / **«old-timers»** (*TV3 News*) (такие как Германия, Франция и Великобритания), находящиеся внутри клуба, **«нервничают»** / **«fret»** (*Canberra Times*).

Пока новые государства были вовлечены в **«борьбу за то, чтобы их впустили»** / **«a struggle to be admitted»** (*Canberra Times*), старый Евросоюз, включающий 15 государств, изображали как привратника. Когда речь идет о месте, куда ограничен доступ, метафоры дверей имеют как позитивный (открытые двери), так и негативный (закрытые двери) потенциал. В СМИ Австралазии последний представлен гораздо ярче. Было показано, что ЕС открывает двери новым членам, **«но не очень широко»** / **«but not too far»** (Peter Fray). Вместо того чтобы **«приветствовать [новых членов] с распростертыми объятиями»** / **«welcome [entrants] with open arms»**, ЕС **«приветствуем их с наполовину открытой дверью»** / **«is welcoming them with the door half open»** (Peter Fray). Изредка, будучи местом, куда открыт доступ, **«приветствующим»** / **«welcoming»** (*TV3 News*) и **«распахивающим**

свои двери перед новичками из Восточной Европы» / **«throwing open its doors to newcomers from Eastern Europe»** (Catherine Field), Евросоюз чаще описывается как место с ограниченным доступом, напр., как тщательно охраняемая **«крепость»** / **«fortress»** (Neal Wallace), в которой только и ищут возможность **«ограничить»** / **«restrict»** (Colin Espiner) или **«запретить»** / **«deny»** (Stephen Brook) доступ новым членам. Такие действия побудили одного комментатора спросить, **«захочет ли когда-либо Евросоюз открыть свои двери»** / **«if the EU would ever be willing to open its doors»** (*Sydney Morning Herald*) 60 миллионам турецких мусульман.

Семья / Family. При том, что концептуальная метафора ЕС – ЭТО КЛУБ содержит двойственность – некоторые члены находятся внутри, а других держат снаружи, сценарий «СЕМЬЯ» содержит аналогичную «внутреннюю оппозицию». А именно, 15 членов ЕС часто концептуализируются как старшие, более мудрые и более богатые родственники в этой «семье», им противопоставлены более молодые и бедные дальние родственники (новые государства-участники Евросоюза), которым иногда не хватает жизненного опыта. Первые представлены в роли хозяев, принимающих новых родственников в «Европейском **общем доме»** / «European **common house»** (Michael Meyer). Австралийские новости представляли вступление государств Восточной Европы как «возвращение в Европейскую **семью»** / «return to [the] European **family»** (Wojciech Moskwa). Новые государства-участники **«возвращались домой»** / **«returning home»** (Catherine Field) после **«странствий по востоку»** / **«wandering in the east»** (Alan Kennedy). Образы семьи были усилены образами теплой и приветливой атмосферы, в которой присутствует «радость, когда восток **[пришел] из холода»** / «joy as **east [came] from cold»** (Jonathan Este). Новым членам семьи был оказан радужный прием, старшие родственники **«обняли»** / **«embraced»** (*ABC News*) их.

Для **«юных** политических систем» / **«youthful political systems»** (*Canberra Times*) блудных сыновей-государств нужен был родительский образ. На эту роль претендовали некоторые европейские политики – бывшего канцлера Германии Гельмута Коля называли «одним из **отцов** европейского воссоединения» / «one of the **fathers** of European reunification» (Wojciech Moskwa), а президент Франции Жак Ширак по-отцовски **«бранил»** / **«berated»** (*Canberra Times*) новичков за то, что они поддерживали США и Британию в иракском конфликте.

Восстановленные родственные связи не стали, однако, сплоченной семьей. На самом деле оказалось, что, «когда лидеры 25 государств нового Евросоюза позировали для очередного **«семейного фото»** / **«family photo»**, даже опытные дипломаты с трудом могли вспомнить

имена некоторых политиков». Их называли **«пестрой толпой хороших, плохих и в некоторых случаях отвратительных»** / **«a motley collection of the good, the bad and in some cases the ugly»**. Должно быть эта **«семья»** / **«family»** (*Canberra Times*) была разочарована, узнав, что ее семейное «наследие» представляет собой немногим большее, чем «серия территориальных и этнических диспутов» (*Canberra Times*).

Так же как и в австралийских новостях, в новостях Новой Зеландии расширение ЕС активно было представлено в терминах семейных отношений. В то время как новозеландские телевизионные новости показывали, какой теплый прием был оказан новым государствам-участникам (вплоть до праздников, устроенных в их честь) (*TV3 News*), газетные комментаторы были более осторожны. Они предсказывали будущие проблемы, ожидающие «расширенную семью Европейского союза» / «enlarged European Union **family»** (*Otago Daily Times*). Обращение к Евросоюзу как к семье спровоцировало описание новых членов союза как **«бедных родственников»** / **«poorer cousins»** (Colin Espiner), которые соперничают за место за уже переполненным **«столом»** / **«table»** (*Otago Daily Times*). **«Что угодно, только не счастливая семья»** / **«anything but a happy family»**. 15 участников Евросоюза **«прохладно»** / in a **«chilly manner»** (Colin Espiner) приветствовали новых членов. Обеспокоенные возможностью потока мигрантов из восточноевропейских стран, правительства 15 стран ЕС «спешно подняли ограничения для членов, входящих в их европейскую семью / the **incoming members of their European family»** (Michael Meyer). Комментаторы также предсказывали, что в будущем **«семью»** расширенного Евросоюза / the «enlarged European Union **family»** (*Otago Daily Times*) ожидают проблемы.

В СМИ обеих тихоокеанских стран мы видим, что у членов только что расширившейся «семьи» ЕС есть разнообразные физические проблемы. Старые страны-участницы безоговорочно сравнивались с престарелыми, которым необходим заряд бодрости, которую, как уверены многие, могут обеспечить «молодые» государства-члены ЕС. Сами **«старожилы»** / **«old timers»** (*TV3*) страдают от экономического **«склероза»** / economic **«sclerosis»** (*Sydney Morning Herald*) и «политического паралича» / «political **paralysis»** (Geoff Kitney) и нуждаются в **«восстановлении сил»** / **«revival»** (Alan Kennedy), **«оживлению»** / **«resuscitation»** и **«помощи»** / **«boost»** (*Canberra Times*). Новые члены-государства рассматриваются как **«вливание новой крови»** / **«infusion of new blood»** и «энергия», **«подбадривающая»** и **«усиливающая»** ЕС / **«energy» «invigorating» and «strengthening» the EU** (Geoff Kitney). Влияние крупнейшего расширения ЕС было расценено как **«инъекция такой необходимой энергии»** в зону экономик ЕС / **«inject some much-needed energy into the EU zone economies»** (Geoff Kitney), как

«спасательная веревка», «укрепляющая» Союз как целое и его новых членов в отдельности / а *«lifeline»* (Peter Fray) *«strengthening»* the Union as a whole and its new members individually (*Herald Sun*).

Однако прогноз австралийских СМИ не был полностью положительным. По мнению австралийских СМИ, у стран-членов ЕС «впереди больше боли» / «more *pain* lies ahead» (*ABC News*). ЕС показан «слабым экономически и слабым на мировой арене» / «*weak* economically, and *weak* on the world stage» (*The Australian*), а также он «страдает от усиливающихся болей» / «*suffering from growing pains»* (Peter Wilson), что является результатом расширения. Эти страдания обострились оттого, что расширение совпало с «последними муками болезненных дебатов о новой конституции Союза» / «the final *throes* of a *painful* debate about the Union's new constitution». Процесс расширения иногда изображался как преждевременно родившийся ребенок – «рождение величайшего мирового торгового блока» произошло «слишком рано» / «the *birth* of the world's biggest trading bloc» (Wojciech Moskwa) had come «*too soon»* (Lydia Bell). Это существо иногда описывали как отвратительное и даже искусственно зачатое, также ЕС сравнивали с «политическим Франкенштейном» / «political *Frankenstein»* (Geoff Kitney).

Кроме того, новички из Восточной Европы были показаны страдающими от «всех видов осложнений коммунистической эры» / «all sorts of *hangover problems* of the communist era» (Geoff Kitney), возникших сразу после обретения независимости. После «шоковой терапии» / «*shock therapy»* (*Canberra Times*) ориентированными на рынок реформами восемь бывших коммунистических государств «постепенно вернули к жизни свои экономики» / «*gradually revived* their economies» (Jonathan Este). Напр., Болгарию однажды назвали «большим Европой» / the «*sick man* of Europe» (Stephen Brook), но по мере того, как она продвигалась к вступлению в ЕС, она медленно оживала. Экономические реформы в Словакии до вступления в ЕС были показаны как ведущие к «вырождению» государства / causing the state to «*degenerate»* (Stephen Brook), но своевременные ускоренные реформы остановили разрушительный процесс. Также они узнавали, что «все же со вступлением в ЕС связано много боли» / «there's still *a lot of pain* associated with joining the EU» (Peter Fray). Кроме того, казалось, что у старых членов ЕС заразная болезнь, и они могут «заразить» новичков своей политической слабостью и разлаженностью» / «*infect* the new with their political squeamishness and discord» (Geoff Kitney).

Новости Новой Зеландии в основном делали акцент на последствиях расширения для ЕС, и их диагноз был довольно печальным. Предполагалось, что старые государства-участники скорее всего «пострадают от Расширения» / «*suffer* from the Enlargement» в отноше-

нии растущей безработицы и перегруженной системы социального обеспечения (Colin Espiner). В перспективе им **«угрожает кровоизлияние** от массового ухода рабочих мест на Восток» / **«at threat, haemorrhaged** by an exodus of jobs to the East» (Catherine Field). Поддержка расширения до самого расширения со стороны старых государств-участников ЕС **«быстро увядала»** / was **«fading fast»** (Colin Espiner). У состоящего из 15 членов ЕС появлялся на свет ребенок, который **«был рожден преждевременно** и был слишком большим» / was **«premature and far too big a bite»**. Из-за того, что экономики старых членов ЕС воспринимались как слабые, и из-за страха перед чрезмерной иммиграцией Европа могла **«упустить величайший шанс получить дозу энергии** за все годы» / **«miss out on its biggest chance for a shot of energy** in years». Кроме того, был страх перед тем, что после присоединения к телу ЕС десяти **«неопытных юнцов»** / 10 **«fledgling»** new members (Catherine Field) расширенный Союз кончит **«параличом»** / wind up in **«paralysis»** (Otago Daily Times).

Метафоры здоровья включают образы пищи и ее потребления, которые, будучи обнаружены, были отнесены к человеческому здоровью. ЕС сравнили с «финансовым **Гаргантюа**» / **«fiscal Gargantua»** (Lydia Bell), который при своем огромном размере, **«переваривая** свежую пачку участников» / **«digesting** the latest batch of members» (Canberra Times), скорее всего когда-нибудь съест и сам ЕС. Если бы Союз оправился от последнего приема пищи, следующей, возможно, в ход пошла бы Турция и стала бы **«самой жесткой для переваривания»** / **«the toughest of all to digest»** (Peter Wilson). Хотя некоторые полагают, что **«самым большим и неперевариваемым куском**, который ЕС когда-либо пытался **проглотить»** / **«the biggest and the most indigestible lump** that the EU might ever try to **swallow»** (Gwynne Dyer) станет Россия. Таким образом, предсказывают, что такая сложная задача как присоединение десяти новых членов **«уменьшит аппетит»** / **«dampen any appetite»** (Peter Wilson) к последующему росту.

Пока, согласно некоторым австралийским обозревателям, будущее Европы **«некрасиво выглядит»** / **«not a pretty sight»** (Peter Fray), другие полагали, что расширение придавало ЕС **«новое лицо»** / **«new face»** (Peter Fray) и это стоило отпраздновать. Расширение **«драматически изменяло профиль** союза» / was **«dramatically altering the profile** of the union» (Chris Wright). Полагали, что это **«меняющееся лицо** Европы» / **«changing face** of Europe» (Richard Jinman, Victoria Hynes) наверняка **«значительно усилит»** / **«considerably enhanced»** (John Onto) бизнес и возможности рынка. Предполагали, что после **«подтяжки лица»** / **«face-lift»** ЕС сможет найти работу на глобальном подиуме, работая моделью для других «региональных блоков власти в Азии, Тихом океане, в

Южной Америке и Африке» (*Sydney Morning Herald*).

Раньше об Австралии говорили, что она **«ведет хозяйство втроем»** (живет «шведской семьей») / **«*kin a ménages à trois*»** с Америкой и Азией, а Европа не может даже **«войти в спальню»** / **«*get in the bedroom*»** (Tim Harcourt). Европе сложно было **«иметь шансы на успех»** / **«*get a look-in*»**, находясь в тени Азии, но сейчас Европа стала «слишком большой», чтобы Австралия ее **«не замечала»** / **«*to ignore*»** (John Onto). От **«дебютантов ЕС»** с их деловым потенциалом «австралийский бизнес уже **«облизывается»** / «the newest EU **debutants»** (*Canberra Times*) with their business potential were **«wetting the corporate lips of Australian business»** (John Onto). Новые государства-участники становились «даже **более близкими и более привлекательными партнерами** для Австралии в области политики, экономики и культуры» / an «even **closer and a more attractive partner** for Australia in political, economic and cultural domains» (*Canberra Times*). Мало кто удивляется тому, что австралийские политики, такие как министр иностранных дел Александр Даунер и министр иностранных дел теневого кабинета Кевин Радд, после расширения предприняли командировку с целью **«поухаживать за Европой»** / **«*court Europe*»** (John Kerin, Dennis Shanahan).

Сценарий романтических отношений также был использован для описания отношений старых и новых членов Евросоюза. До расширения государства Центральной и Восточной Европы преследовали романтические отношения с ЕС, который иногда сопротивлялся. Австралийская пресса при освещении расширения в изобилии использовала метафору романтических отношений. Официальные заявления, такие как «Европа **воссоединяется»** / «Europe's **getting reunited»** (*Herald Sun*) и «сегодня Европа **объединяется»** / «today, Europe **unites»** (*Sydney Morning Herald*) подразумевали празднование бракосочетания или повторного бракосочетания. Желая сделать союз совершенным и положить начало семье, новые члены ЕС стали подумывать о **«принятии евро»** (досл. усыновлении) / **«*adopting* the euro»** (*Canberra Times*). Кроме того, ЕС платил по обязательствам России, когда она вступила в новые отношения с Центральной и Восточной Европой. Россию, тем не менее, оставили в противоречивых чувствах, с огромным желанием тоже попасть в широкие объятия Европы и в страхе, что ее забудут и оставят (Helen Womack).

Говорили, что новые члены **«приняли»** (досл. обняли) свободный рынок с большим энтузиазмом, чем их западные коллеги» / «have **embraced** the free market more enthusiastically than their western colleagues» (Peter Wilson), в особенности Венгрия, наиболее ярый поклонник ЕС. О ней говорили, что она **«следует за своим сердцем** обратно в Европу» / «following its **heart** back into Europe» (James Jeffery) и выдвигает себя как

«**стабильный партнер**» / **«a stable partner»** (*Canberra Times*), чей «**энтузиазм**» / **«enthusiasm»** Евросоюзу сложно будет упустить (James Jeffrey). В случае с Польшей, к ней романтично подкрадывался частный сектор Евросоюза, «**присматриваясь** к прибыльным возможностям, представленным многочисленной образованной рабочей силой и растущей экономикой Польши» / **«eying up** the lucrative opportunities presented by Poland's large, educated workforce and a growing economy» (Jonathan Este). Однако этот европейский роман был представлен в австралийской прессе не как самый гладкий. Способность Европы «находить **энтузиазм** к новым перспективам и **любопытство друг к другу**» / ability to «find **enthusiasm** for new prospects, and **curiosity about each other»** (Alan Kennedy) были поставлены под сомнение некоторыми обозревателями. В то время как новые государства-участники были «намерены поддерживать **партнерство** с ЕС» / were «determined to maintain their **partnership** with the EU» (Peter Wilson), старые члены ЕС были менее преданы этим отношениям. Как было показано в репортажах, 15 государств ЕС **«тепло обняли»** / **«warmly embracing»** лидеров девяти новых стран-участниц, «**оказали холодный прием** десятому – Кипру» / **«giving a cold shoulder** to the 10th, Cyprus» (Geoff Kitney). Было отмечено, что Чешская республика «имела **натянутые отношения** с Европой» / «endured **strained relationship** with Europe» (Stephen Brook) в прошлом. Продолжающаяся политическая нестабильность среди новых членов сделала их «партнерами, **сложными** в переговорах» / **«difficult** negotiating partners» (Peter Wilson). Также отмечалось, что новички – партнеры с **«разным положением»** / partners of **«unequal standing»** (*The Australian*) – в одной австралийской газете была приведена цитата из «Экономиста» (*The Economist*): «Пройдут десятилетия, прежде чем вновь вошедшие в ЕС страны станут также богаты, как и их партнеры на западе» / «It will be decades before the new entrants become as rich as their partners to the west» (*Sydney Morning Herald*). Государства-подражатели богатым соседям иногда были замечены в романтических перебранках друг с другом по пути к вступлению в ЕС. Напр., кандидаты на вступление в 2007 г. Болгария и Румыния **«лоббировали развод»** / **«lobbying** for divorce» – Болгария хотела, чтобы ее переговоры прошли «отдельно от Румынии» / **«decoupled** from Romania» (Stephen Brook).

В прессе Новой Зеландии метафора романтических отношений не была приоритетной, но когда ее использовали, она, в основном, передавала негативные отношения. До расширения бедные и политически нестабильные восточноевропейские государства **«держали на почтительном расстоянии»** / **«were kept at arm's length»** (Catherine Field) от ЕС. После расширения наблюдалась **«новая напряженность»** /

«**new strains**» (*Otago Daily Times*) между богатыми западными европейцами и бедными восточными европейцами. «Казанова»-Евросоюз вместо поцелуев раздавал **«пустые обещания»** / **«empty promises»** (John Burgess).

Такие проблематичные отношения характеризовались **«скандалами»** / **«rows»** и **«ссорами»** / **«spats»** (Michael Meyer), **«перебранками** из-за бюджета и субсидий» / **«squabbling over budgets and subsidies»** (Gwynne Dyer) и **«ведением** преувеличенных диспутов из-за власти и денег» / **«tackling looming disputes over power and money»** (*Otago Daily Times*), что делало их похожими на **«бесконечный бой быков»** / **«endless bullfight»** (*Sydney Morning Herald*), несмотря на недавнее воссоединение. Часто говорят, что ЕС использует «пряники» в качестве мотива для побуждения к проведению реформы для установления полного членства, а также говорят, что ЕС **«издевается»** / **«taunting»** над новыми членами своими обещаниями полной унификации. Между новыми членами ЕС в результате расширения завязалась драка (Peter Fray), и даже Россия участвовала в ней, **«упершились** в вопросе об условиях жизни довольно многочисленной русской общественности в Латвии и Эстонии» / **«digging in its heels over the conditions of the sizable Russian communities in Latvia and Estonia»** (Helen Womack).

В результате писали, что и новые государства ЕС, и старые **«находятся в смешанных чувствах** по поводу того, какое значение это изменение будет иметь для них и для Европы» / **having «mixed feelings about what this change will mean for them and for Europe»** (Geoff Kitney). Хотя некоторые комментаторы отмечали, что **«радость привела к опасениям** и даже **враждебности»** / **«joy has given way to apprehension and even hostility»** со стороны и старых, и новых государств-участников, австралийские репортажи предсказывали, что **«энтузиазм** должен в значительной степени перевесить» тревоги / **«enthusiasm should vastly outweigh» the anxiety»** (*The Australian*). **«Тревожность»** / **«anxiety»**, сопровождавшую расширение, считали неизбежной. Для небольших новых государств (напр., для Мальты) расширение ЕС обернулось страхами, что крупные европейские государства **«разорят их»** / **fears about being «overwhelmed»** (Stephen Brook) или **«уничтожат»** / **«wiped out»** (*ABC News*). Для более крупных новичков (напр., Польши) результатом расширения стало чувство того, что их **«предали** решением ЕС отложить полное субсидирование новых членов ЕС на 10 лет» / **a feeling of being «betrayed by the EU's decision to postpone the full extent of subsidies for new members for 10 years»** (*The Australian*).

Во многих старых государствах-участниках ЕС воссоединение континента привело к **«страху»** / **«fear»** (*Canberra Times*) перед мигрантами из бывших коммунистических государств. Этот страх привел к публич-

ной **«истерии»** / **«hysteria»** по поводу того, что старые правительства ЕС не смогли ограничить доступ новичкам к общественному жилью и пособиям (Geoff Kitney). Естественно, несколько государств ЕС были замечены в **«недовольном настроении»** / in a **«grudging mood»** (*The Australian*) – многие из этих государств стали **«гораздо менее уверены»** / became **«much less confident»** (Peter Wilson) в расширении.

Образы отношений, окрашенные впечатлениями и эмоциями, были среди самых очевидных в новозеландских репортажах о расширении ЕС. Доминируют образы общих страхов, которые влияют на отношения между старыми и новыми членами ЕС. Граждане 15 старых государств-участников относились к расширению или **«безразлично, или со страхом»** / **«indifferent or afraid»** (Catherine Field) – расширение вызывало **«больше беспокойства, чем эйфорию»** / **«more angst than euphoria»** (Michael Meyer). Возможная иммиграция из новых государств ЕС повергла некоторые государства-участники старого ЕС (напр., Великобританию и Ирландию) в состояние **«истерии»** / **«hysteria»** на долгие месяцы (Anne McHardy). Сообщалось, что, чтобы **«успокоить измотанные нервы»** / **«calm frayed nerves»**, Международная Организация по Миграции (ИОМ) в Женеве выпускает серию исследований о влиянии расширения на старых и вновь вошедших членов Евросоюза (Colin Espiner). Граждан 15 государств ЕС **«преследовал призрак миграционной волны»** / **«spooked by hysteria over a migration wave»**. Новые государства тоже были показаны обеспокоенными последствиями расширения, хотя и по разным причинам. Политики-популисты в Восточной Европе **«раздували волнения»** / **«stirring up worries»**, и в результате мифы о крайностях в ЕС превратились в **«страшные истории»** / **«scare stories»** (Catherine Field).

Доминантные метафоры **персонификации**, содержащие образы Евросоюза как клуба и семьи, пронизаны оппозициями и противоречиями. В «клубе» Евро, клубе, известном эксклюзивностью и избирательностью, богатство и зрелость старых членов ЕС была противопоставлена молодости и бедности новичков. Этот контраст подчеркивался изображением наполовину открытых или закрытых дверей, что символизирует ограниченный доступ в элитный клуб, а также роль сторожа «закаленных» членов ЕС в процессе допуска. В европейской «семье» эти параллели и контрасты продолжились в дихотомии молодой бодрости новых членов ЕС (иногда неискренности и неуклюжести) и старых (а следовательно, более мудрых, но с недостатком энергии и энтузиазма) родительских образов пятнадцати изначальных государств ЕС. Отношения между двумя частями семьи часто натянуты и даже доходят до драки и потасовки.

ВТОРИЧНЫЕ МЕТАФОРЫ ПЕРСОНИФИКАЦИИ. Доминантные ме-

тафоры *персонификации* «клуб» и «семья» поддерживались отдельными метафорами, которые добавляли «остроты» к образу «социальной» деятельности расширяющегося ЕС в европейской «общественности». В Новой Зеландии встречались следующие отдельные метафоры персонификации: *расширение – это поход по магазинам, расширение – это игра, расширение – это интеллектуальная / научная деятельность*. Напр., новые члены ЕС были заняты «**покупкой** благополучия» / «welfare **shopping**» (Colin Espiner). Также расширение было представлено как игра, в которой новые члены «что-то **выигрывали**, но в то же время что-то **теряли**» / «both **gaining** something, but also at the same time **losing** something» (Catherine Field). В этой игре Евросоюз «столкнулся с обескураживающими **трудностями**» / «faced daunting **challenges**», чтобы поднять экономические стандарты новых государств до стандартов Западной Европы. Кроме того, расширяющийся Евросоюз приступал к своему «самому амбициозному политическому **эксперименту**» / «most ambitious political **experiment**» (Michael Meyer). Приводилась цитата Тони Блэра, где он сравнивал вход десяти новых членов с «**катализатором** для изменений» / «**catalyst** for change» в ЕС (*Otago Daily Times*). Иммиграция, следующая за расширением, описывалась как сложная задача, к «**решению**» которой Брюссель должен «быстрее **приступить**» / «**come up with a solution** quickly» (Colin Espiner). Если решение не будет найдено, Евросоюз может потерять то, что является экономической возможностью десятилетия.

Как и в прессе Новой Зеландии, в австралийских газетах вступление в союз десяти новых членов рассматривалось как научная / исследовательская / учебная деятельность, где расширение являлось «**катализатором** для внезапного прогресса в экономических и стратегических мероприятиях» / «**catalyst** for sudden progress on economic and strategic challenges» (Geoff Kitney) и новой «**главой**» / a new «**chapter**» (Jonathan Este) в европейской истории. Новые государства-участники сравнивались с элементами «**сложной головоломки**» / the «**complex jigsaw**» (*Sydney Morning Herald*) Евросоюза. Присутствовал и образ похода за покупками – расширенный Евросоюз был представлен в качестве «**универсального магазина**, где могут делать бизнес 25 разных экономик» / a «**one-stop-shop** for doing business in 25 diverse economies» (*Canberra Times*).

В отличие от дискурса Новой Зеландии, австралийские СМИ ярко выражено показывали расширение ЕС как выступление на сцене – изменение границ ЕС на восток и на юг было «**драматичным**» / «**dramatic**» (Geoff Kitney), риск инвестиций в центральных европейских странах был «**драматически** снижен» / «**dramatically** reduced» (Geoff Kitney), а мировая политическая география должна пройти «самое **дра-**

матичное изменение контуров» / the «most **dramatic** redrawing» (Geoff Kitney) со времени падения Берлинской стены. Успех новых государств-участников зависел от того, как они «выступают в качестве ЕС по сравнению с тем, как они выступали вне союза» / how they «**perform** as EU members compared with the way they **performed** outside it» (Geoff Kitney). Некоторые новички, напр., Эстония, были названы «**выдающимися исполнителями**» / an «**outstanding performer**» среди переходных экономик ЕС (*Canberra Times*). Также становилась более важной «**роль** на международной **сцене**» / «**role** on the international **scene**» (*Canberra Times*) у Словакии. Новый, увеличенный Евросоюз иногда представлялся как импресарио шоу-бизнеса, который «**продвигает** идею более спокойного и более демократичного мира» / «**promoting** a more peaceful world ... [as well as] a more democratic one» (*The Australian*).

В австралийских газетах также была представлена метафора, дополняющая метафору здоровья – метафора пробуждения ото сна. Расширение «**разбудило**» / «**awoke**» (Geoff Kitney) Евросоюз и подтолкнуло его к ряду политических, экономических и социальных изменений. Новые государства-участники «**просыпались** от глубокого советского **сна**» / were «**waking up** from the big Soviet **sleep**» (Phil Jarratt and Alistair Jones). А устранение многих тарифов и барьеров для иностранных инвестиций в новых восточноевропейских странах «**пробуждало** интересы иностранных фирм» / was «**awakening** the interest of overseas firms» (*Canberra Times*).

В то время как доминантные метафоры *персонификации* были довольно конфликтными по своей сути, вторичные метафоры были более беспечными и дружелюбными. Метафоры, описывающие расширение как поход за покупками, игры, выступление на сцене и интеллектуальную и научную деятельность, значительно отличались от скандальных образов, сопровождаемых негативными коннотациями, которые были обнаружены в доминантных метафорах, описывающих расширение ЕС как клуб и семью. Однако вторичные метафоры, из-за их относительно низкой частотности в текстах новостей, не составляют значимого противовеса доминантным метафорам, следовательно, эти категоризации не противоречат образам серьезного противостояния, которые содержатся в доминантных метафорах. Тем не менее, и те, и другие метафоры составляют ключевую образность, изображающую Евросоюз как человека, совершающего повседневные поступки, что делает сложное политическое явление расширения ЕС легко узнаваемым и понятным.

Выводы. В данной работе рассмотрен конкретный случай метафорической категоризации – концептуальная метафора *персонификации* в убеждающем дискурсе новостей. Анализ основывается на предположениях, что в дискурсе новостей «из-за рубежа» содержится

большое количество лингвистических метафор, и что концептуальные метафоры *персонификации* составляют значительную часть всего корпуса метафор, обнаруженных в текстах новостей. Соответственно, в данном исследовании было выделено несколько продуктивных кластеров поверхностных метафор, объединенных концептуальной метафорой *персонификации*, в австралийских и новозеландских новостях, освещающих расширение Евросоюза.

Лакофф и Джонсон отмечали, что «персонификация представляет собой общую категорию, охватывающую широкий круг метафор, каждая из которых основывается на специфическом свойстве человека или на способе его восприятия» [George Lakoff, Mark Johnson 2003: 34]. Что объединяет эти категоризации, так это то, что с их помощью мы можем понимать сложные феномены (включая явления внешней политики), «исходя из собственных мотиваций, целей, действий и свойств». Концептуальная метафора *персонификации* описывала расширение Евросоюза, сложное и противоречивое событие для Европы, в знакомых, «удобных» («user-friendly») терминах для международной аудитории вне союза. Метафора *персонификации*, будучи простой и узнаваемой, несет сильные контекстуализированные эмоциональные коннотации и эффективно передает прагматический подтекст. Используемые в СМИ образы наций и международных организаций (в нашей работе Евросоюза) как «реальных людей», вовлеченных в различные, преимущественно конфликтные, отношения, выявляют схему связей между мировыми «соседями». В данном исследовании было отмечено, что расширяющийся Евросоюз четко описан в терминах человеческих сообществ – клуба и семьи. Их члены участвуют в сложных отношениях, активно взаимодействуют друг с другом, испытывают смешанные эмоции и имеют проблемы со здоровьем.

Используемые метафорические категоризации выявили конфликтные, драматические и негативные аспекты расширения, показав их через знакомые повседневные сценарии «клуба» и «семьи». Это было отмечено как на макро-, так и на микро-уровне. Макро-уровень – это уровень определения концепта: концепт клуба представляет объединение людей, основанное на выборочном членстве и общих интересах, открывающее свои двери лишь немногим избранным. В отличие от этого, понятия семьи подразумевают безусловное и любезное принятие всех членов. Микро-уровень конфликтной образности можно наблюдать в сценариях фреймов. И метафора РАСШИРЕНИЕ ЕС – ЭТО КЛУБ, и метафора РАСШИРЕНИЕ ЕС – ЭТО СЕМЬЯ безоговорочно разделяют старые и новые государства ЕС и дают им совершенно разные, противоположные роли. Напр., старые государства-участники были описаны как родственники, которые старше, мудрее и богаче, а также

как члены клуба, которые, пользуясь властью, могут допустить или не допустить в общий европейский дом более бедных и более молодых новых участников ЕС. 15 членов ЕС имели выбор приветствовать новичков любезно или прохладно, а новые страны всеми силами старались вступить в союз. 15 государств ЕС были показаны старыми и слабыми, а десять новых стран изображались молодыми и энергичными. Кроме того, фрейм «семья» вывел на первый план драматичные натянутые отношения, слабое здоровье и эмоциональный дискомфорт как старых, так и новых членов ЕС.

Рэймонд Гоцци утверждал, что роль метафоры – выдвигать некоторые аспекты описываемого явления и в то же время скрывать другие, которые нужно проигнорировать и забыть [Gozzi 1999: 72]. Однако требования рекламы, диктующие СМИ предпочтение негатива и конфликта, превращают образ внешнего мира (в нашем случае ЕС) в матрицу противостоящих конфликтующих элементов, которые несут негативную нагрузку. Другая, несущая позитивную нагрузку, образность (также возможная во фреймах «семья» и «клуб») не была доминантной в рассматриваемых текстах новостей в обеих странах Австралии. Рассматривая наиболее явные категоризации, мотивированные концептуальной метафорой *персонификации*, данная работа также ставила целью осветить аспекты, на которые не обращают внимание составители новостей. Метафоры, как отмечает Ричард Бэйли, не являются неизменными [Bailey 2003], и в идеале составителям новостей и их потребителям приходится иметь дело с устоявшимися, переработанными и «готовыми к употреблению» образами.

Верно то, что метафоры «haute-couture» скорее всего не будут регулярно встречаться в текстах ежедневных новостей. Ограничения при составлении новостей обусловлены и мастерством журналистов, и тем, что читатели новостей предпочитают знакомые и узнаваемые образы, а также их нежеланием заново категоризировать уже установленные ментальные структуры [См.: Boulding 1956: 6-7]. Эти ограничения усложняют включение в дискурс новостей менее известных образов. Однако такое постоянство использования образов конфликта и негатива при изображении расширения ЕС может надолго оставить отпечаток в общественном мнении и таким образом способствовать созданию стереотипа. Под стереотипом мы понимаем концепт, который одна социальная группа часто использует, говоря о другой группе, чтобы оправдать определенное дискриминирующее поведение. Гоцци предупреждает нас, что концептуальные метафоры *персонификации* могут «создавать ошибочное чувство о преднамеренности и сплоченности сложных мероприятий внешней политики и дипломатии, которые в конце концов являются результатом множества конфликтов групп и инте-

ресов» [Gozzi 1999: 63].

Исторически, экономически и культурно десять новых государств ЕС имеют мало общего с Австралией и Новой Зеландией. Хотя в обеих странах имела место иммиграция из этих новых государств-участников ЕС, количество иммигрантов (по сравнению с другими европейскими странами) невысоко (Перепись населения 2001 в Новой Зеландии показала, что количество жителей Новой Зеландии, рожденных в новых государствах ЕС – Чешской республике и Словакии – очень низко: напр., 663 человека родились в Чешской республике и 141 родились в Словакии, 800 поляков приехали в годы II Мировой Войны, из них 734 – дети-сироты.). Идеологические отличия между двумя тихоокеанскими государствами-членами Организации по экономическому сотрудничеству и развитию и восемью в прошлом коммунистическими странами Центральной и Восточной Европы мешали более тесному политическому, экономическому и культурному взаимодействию в годы холодной войны. В отношении торговли, ни Австралия, ни Новая Зеландия не старались развивать связи с бывшими социалистическими странами. Исключения здесь – Мальта и Кипр: являясь членами Содружества, они традиционно имели больше связей с Австралией и Новой Зеландией.

При том, что личное общение австралийцев и новозеландцев с жителями новых государств ЕС происходит в малой степени, новости в СМИ остаются основным источником информации о Евросоюзе [Chaban, Holland 2005]. Мы полагаем, что образность, рассмотренная в данной работе, влияет на отношение общественности и Австралии, и Новой Зеландии к взаимодействию их стран с расширяющимся Евросоюзом. Напр., изображение ЕС в образе членов (которым присущи снобизм и избирательность, которые осторожны в связях) клуба, куда ограничен доступ, передает идею, что у чужаков могут возникнуть трудности, если им понадобится войти в «крепость Европу». Подобно этому, образы ссорящейся семьи передают идею, что у чужаков есть шанс оказаться вовлеченными во внутренние драки в ЕС.

Однако противоречие, обнаруженное на макро- и микро-уровне метафорического моделирования, показывает, что существует и другая основа общественного восприятия. «Семья» ЕС все-таки поделилась своим «общим домом», иногда открывая двери, обнимая новичков и устраивая празднования в их честь. Десять новичков были показаны полными энтузиазма, энергии и бодрости, и они могли оживить старый ЕС. Более того, противоречивость метафорических образов позволила дискурсам СМИ Австралии передать идею того, что Евросоюз все-таки имеет значение для Тихоокеанского региона. Хотя 25 государств-участников Евросоюза изображались физически нездоровыми, они не были показаны переносчиками инфекционных заболеваний, опасных для других стран. Иногда увеличенный Евросоюз изображался слабым,

больным, лишенным энергии, но ни в коем случае эти болезни не переносятся им за пределы союза. Может, Евросоюз и был показан погруженным в негативные эмоции паники и страха, но эти эмоции не отражались на других странах. Более того, было отмечено, что стремления ЕС к изменениям поощряются другими государствами (в нашем случае Австралией и Новой Зеландией). Не удивительно, что образы романтических отношений вошли в новости, освещающие расширение, именно в контексте семейных отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. При том, что Евросоюз занят созданием собственного «бренда» [Berry 2006] (что, как предсказывают, будет полезным для объяснения его политики его гражданам), он не придает значения общественному мнению зарубежных стран для процесса создания «бренда». Цель данной работы – показать значение особенностей образа ЕС, созданного за границами Союза. Также мы попытались предупредить участников о том, что сейчас в мире складываются стереотипы расширенного Евросоюза. В работе рассмотрены два случая репрезентации расширения Евросоюза средствами концептуальной метафоры *персонификации* – в новостях Австралии и Новой Зеландии. Драматичная и сильная образность, результат этой концептуализации, также как и прагматические импликации, возникающие при использовании этих образов в региональных публичных дискурсах, показывают необходимость систематического и регулярного анализа репрезентаций ЕС во всем мире. Без этого публичная дипломатия Евросоюза, «Золушка в мировой деятельности ЕС» / «the current Cinderella of the EU's global engagement», рискует никогда не попасть на «бал» международных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Abrams, Meyer H. *The Mirror and the Lamp: Romantic Theory and the Critical Tradition.* (New York: Oxford University Press, 1953).

Bailey, Richard. «Conceptual Metaphor, Language, Literature and Pedagogy». *Journal of Language and Learning* 1, no. 2 (2003).

Boulding, Kenneth E. *The Image: Knowledge in Life and Society.* (Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1956)

Broström, Sofia. *The Role of Metaphor in Cognitive Semantics.* Lund University Cognitive Studies, 31 LUHFDA/HFKO-3003-SE (Lund: Lund University, 1994), 38.

Burgess, John. «Unease about Poland's EU Entry.» *Otago Daily Times*, May 3 2004.

Burke, Kenneth. *Permanence and Change: An Anatomy of Purpose.* 2d rev. ed. (New York: New Republic, 1965).

Chaban, Natalia and Martin Holland (eds). *The EU Through the Eyes of the Asia-Pacific: public perceptions and media representations* NCRE Research Series No.4 (University of Canterbury: NCRE, 2005).

de Gouveia, Phillip Fiske and Hester Plumridge. *European Infopolitik: Developing EU Public Strategy* (London: The Foreign Policy Centre, 2005), 10.

de Vreese, Claes H. «Communicating Europe». *Foreign Policy Centre/British Council*

- Next Generation Democracy Pamphlet. <<http://www.network-europe.net>> (October 4, 2005).
- Glynn, Dylan. «Love and Anger: the Grammatical Structure of Conceptual Metaphors». *Style* 36, no.3 (2002): 541-559.
- Gozzi, Raymond. *The Power of Metaphor in the Age of Electronic Media* (Cresskill, NJ: Hampton Press Inc, 1999).
- Kuhn, Thomas S. *The Structure of Scientific Revolutions*. 2d ed. (Chicago: University of Chicago Press, 1970).
- Lakoff, George and Mark Johnson. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago, 2003.
- Lakoff, George. *Metaphor in Politics. An Open Letter to the Internet*. 1991 <<http://philosophy.uoregon.edu/metaphor/lakoff-l.htm>> (August 12, 2004).
- Leary, David E. «Naming And Knowing: Giving Forms to Things Unknown» *Social Research*, 62, no.2 (1995). Database: Academic Search Premier
- Leerssen, Joep. *National identity and National Stereotype*, 1998. www.hum.uva.nl/images (August 3, 2005).
- Manners, Ian and Richard G. Whitman, «Towards Identifying the International Identity of the European Union: A Framework for Analysis of the EU's Network of Relationships», *European Integration*, 21 (1998): 231-49.
- Meyer, Christoph. «Political Legitimacy and the Invisibility of Politics: Exploring the European Union's Communication Deficit». *Journal of Common Market Studies* 37, no. 4 (1999): 617-39.
- Pepper, Stephen C. *World Hypotheses: A Study in Evidence* (Berkeley: University of California Press, 1942).
- Sain Iey Berry, Peter «In Search of European Brand», *EUobserver*, May 5, 2006. <www.EUobserver.com> (May 7, 2006).
- Santa Ana, Otto. «'Like an Animal I was Treated': Anti-Immigrant Metaphor in US Public Discourse». *Discourse and Society* 10, no.2 (1999): 191–224 .
- The Encyclopaedia of New Zealand: Te Ara. «1870s–1940s: Refugee Groups». <http://www.teara.govt.nz/NewZealanders/NewZealandPeoples/Refugees/2/en> (June 15, 2006).
- The Encyclopaedia of New Zealand: Te Ara. «Central and South-eastern Europeans» <<http://www.teara.govt.nz/NewZealanders/NewZealandPeoples/CentralAndSouth-easternEuropeans/5/en>> (June 15, 2006).
- Wallström, Margot. «Communicating a Europe in Stormy Waters: Plan D», *SPEECH/05/396*, June 28, 2005a.
- Wallström, Margot. Interview for EurActiv *Slow progress on communication strategy due to Commission's internal problem* <http://www.euractiv.com/Article?tcmmuri=tcmm:29-137597-16&type=Interview> Published: Wednesday 6 April 2005;
- Wallström, Margot. Speech, Presented By The Director-General Of Dg Press, Mr Jorge De Oliveira E Sousa Commission de la Culture et de l'éducation (CULT) Lundi, 14 Mars 2005, 15:00 h, Bruxelles, PHS, P5B001.
- Whirman, Richard. *Global Europe 02: New Terms of Engagement*. The Foreign Policy Centre, 2005.
- Wikipedia, «Stereotype» <<http://en.wikipedia.org/wiki/Stereotype>> (June 15, 2006).

© Наталия Чабан, Джессика Бейн, Катрина Статс, 2006

© Зайцева А.Б. (перевод), 2006

Будаев Э. В.
Нижний Тагил, Россия

**«МОГУТ ЛИ МЕТАФОРЫ УБИВАТЬ?»:
ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРИКИ**

Abstract

The paper reviews a number of researches into persuasive power of metaphors in political discourse and distinguishes the basic approaches to the analysis of the phenomenon: 1) psycholinguistic methodologies, 2) linguo-cultural analysis 3) content-analysis. It is argued that despite a set of nowadays tools of research the pragmatic problematic is one of the most little-studied areas of political metaphorology, and theses concerning persuasion power of political metaphors are often based on speculative assumption than empirical data.

В современной политической лингвистике теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff, Johnson 1980; Lakoff 1993] получила заслуженное признание и популярность: на сегодняшний момент едва ли возможна исчерпывающая библиография когнитивных исследований политической метафорики, развивающих названную теорию. Вместе с тем очевидно, что прагматика когнитивной метафоры в политической коммуникации значительно менее разработанный вопрос, нежели ее семантика. Большинство исследований политической метафоры семантически ориентированы, и если речь идет о прагматическом измерении рассматриваемого феномена, то специалисты предпочитают писать о «прагматическом потенциале» метафоры, но не о ее «прагматическом эффекте».

Наиболее известное исследование когнитивной метафорики в области политической коммуникации было проведено самим Дж. Лакоффом на примере анализа метафорических средств оправдания первой войны в Персидском заливе в американском политическом дискурсе [Lakoff 1991]. Свое видение прагматического аспекта политической метафорики автор выразил достаточно ясно: «Metaphors can kill» («Метафоры могут убивать»). Разумеется, что это тоже метафора, и речь идет о влиянии метафор на сознание рядовых американцев в сложной цепи причинно-следственных связей, приведших к военной кампании. Вместе с тем «оправдание» определенного сценария развития ситуации посредством метафор, еще не означает реального убеждения. Если учитывать, что многие американцы не поддержали военную операцию в Ираке, то становится ясно, что речь идет скорее о моральном самооправдании власти, чем об успешной тотальной суггестии американской нации.

Механизмы прагматического воздействия политической метафорики рассматривались в работах многих исследователей, и предложенные специалистами теоретические объяснения последовательны и убедительны [Баранов 1991, 2004; Чудинов 2001, 2003; Ausmus 1998; Belt 2003;

Bosman 1987; Charteris-Black 2004; Chilton 1993; Lakoff 2004; Mio 1996; Zinken 2002]. Вместе с тем практических изысканий, направленных на эмпирическое доказательство эффективности этих механизмов, не так уж много. Основная проблема заключается в том, что собственно лингвистическими методами вопрос об эффективности метафорического воздействия решить невозможно, и поэтому лингвисты вынуждены обращаться к междисциплинарным эвристикам в рамках широко понимаемого дискурс-анализа или использовать гипотетические допущения (что совсем не означает, что эти допущения не верны). Так или иначе, научный подход к осмыслению явлений действительности требует дедуктивной проверки тех гипотетических положений, верификация которых возможна.

В современной политической лингвистике нашли применение три подхода к изучению прагматики политической метафорики. К ним относятся психолингвистические методики, контент-анализ и лингвокультурологические эвристики.

Психолингвистические методики. Исследования в этом направлении очень важны при рассмотрении прагматических эффектов. Анализ метафор в политическом дискурсе позволяет реконструировать концептуальные структуры в сознании адресанта коммуникации или выявить его интенции, но для того, чтобы определить степень эффективности использования этих метафор, выяснить реализуется ли заложенный в метафорах прагматический потенциал, необходимо непосредственно обратиться к изучению сознания адресата. Так как большинство граждан непосредственного участия в порождении собственно политического или медийного дискурса не участвует, материалом для анализа становятся данные, полученные в результате специальных экспериментов, чаще всего опроса, анкетирования.

Примером такого исследования может служить работа Я. Босмана и Л. Хагендорна [Bosman, Hagendoorn 1991]. В первой части эксперимента описывалась относительная эффективность метафорических и буквальных политических сообщений. Участники эксперимента читали неметафорическое и метафорическое описание расистской политической партии, а потом письменно заполняли опросные листы, в которых отвечали на вопросы о политике этой партии и возможных путях противодействия этой политике. Обработав результаты, Я. Босман и Л. Хагендорн пришли к выводу, что, хотя метафоры и оказывают влияние на идеи, предлагаемые участниками эксперимента, но неметафорические выражения не менее эффективны.

Очень показательно исследование Т. Белта [Belt 2003], который, основываясь на результатах 4 специальных экспериментов, продемонстрировал, что метафоры убедительны не сами по себе, а только во

взаимодействии с определенными характеристиками аудитории: расстановкой приоритетов в системе социальных ценностей адресатов коммуникации, а также индивидуальным эмоциональным отношением к метафорическому выражению.

Примером использования психолингвистической методики изучения политических метафор может служить исследование В. Харди [Hardy 2003]. Автор провел анкетирование американских граждан на предмет их отношения к законопроекту об ограничении образования на испанском языке и установлении английского языка в качестве единственного официального языка штата Калифорния. Используя полученные данные, В. Харди выявил, что при концептуализации жителей штата Калифорнии – латиноамериканцев по происхождению – сторонники этого закона использовали метафоры войны, водных потоков и концептуальную метафору «Американская нация – это ткань» (ткань может порваться, если многие нити будут другого состава, размера и качества). Названное исследование позволило показать важную роль метафоры в осмыслении политических проблем рядовыми гражданами и вместе с тем продемонстрировало, что метафорическое представление о действительности среди рядовых граждан во многом совпадает с картиной мира, предлагаемой в СМИ. Это совпадение может служить подтверждением того, что метафоры СМИ формируют картину мира рядовых граждан. Вместе с тем механизм этого совпадения можно объяснить и тем, что создатели политических текстов являются членами определенного социокультурного сообщества и отражают в метафорах картину мира, сложившуюся в данном обществе.

Психолингвистические методы исследования метафорики позволяют получать данные об особенностях метафорического конструирования мира политики рядовыми гражданами, определенными социальными группами, что недоступно при традиционном анализе политического дискурса, материалом для которого обычно становятся тексты, созданные журналистами, политиками или их спичрайтерами. Таким образом, изыскания в этом направлении позволяют скорректировать гипотетические предположения, иногда принимаемые как само собой разумеющееся.

Контент-анализ. Становление и развитие метода контент-анализа применительно к политической коммуникации связано с работами А. Грея, Дж. Гольдсена, Д. Каплана, Г. Лассвелла, Н. Лейтеса, С. Якобсона и др. [см. *Language...*1949.]. При использовании этого метода ученые ориентируются на количественные данные, на основе которых делаются выводы о качественных характеристиках политической коммуникации. Основная задача таких исследований сводится к выявлению связи между социально-политической жизнью общества и использованием по-

литического языка, поиску закономерностей функционирования политического дискурса, выраженных в статистической форме.

Знаменательным исследованием, выполненным в рамках контент-анализа, стала опубликованная в 1991 г. работа Х. де Ландтсхеер, в которой на примере анализа голландского политического дискурса было доказано, что в периоды политических и экономических кризисов значительно возрастает количество политических метафор [Landsheer 1991]. Впоследствии Х. де Ландтсхеер и ее коллеги, сопоставив метафорику бельгийского предвыборного дискурса с метафорикой дискурса в периоды между выборами, обнаружили, что количество метафор в СМИ увеличивается в предвыборный период [Vertessen, Landsheer 2005]. Полученные с помощью контент-анализа данные позволили математически доказать тезис о том, что метафора является способом преодоления проблемных ситуаций и средством воздействия на процесс принятия решений.

К заметным исследованиям последних лет, выполненным в рамках контент-анализа, относится публикация О. Байшы и К. Халлахана [Baysha, Hallahan 2001]. Предметом изучения стал корпус, состоящий из 829 медиатекстов, посвященных украинским политическим событиям 2000–2001 гг. Указывая на значительные идеологические разногласия в украинских СМИ, авторы выделяют два общих способа воздействия на массовое сознание: открытая пропаганда и скрытая манипуляция. Доминирующее место в реализации обоих способов в политическом дискурсе отводится метафоре.

Среди исследований по прагматике политической метафорики, выполненных с применением контент-анализа, выделяются оригинальные работы американского ученого Р. Д. Андерсона, посвященные роли метафоры в процессах демократизации общества [Anderson 2001, 2002a, 2002b]. По мнению автора, истоки демократических преобразований в обществе следует искать в дискурсивных инновациях, а не в изменении социальных или экономических условий. По Р. Д. Андерсону, при смене авторитарного дискурса власти демократическим дискурсом в массовом сознании разрушается представление о кастовом единстве политиков и их «отделенности» от народа. Дискурс новой политической элиты элиминирует характерное для авторитарного дискурса наделение власти положительными признаками, сближается с «языком народа», но проявляет значительную вариативность, отражающую вариативность политических идей в демократическом обществе. Когда люди воспринимают тексты политической элиты, они не только узнают о том, что политики хотят им сообщить о мире, но и о том, как элита соотносит себя с народом (включает себя в социальную общность с населением или отдаляется от народа).

Для подтверждения своей теории Р. Д. Андерсон обращается к анализу советско-российских политических метафор. Исследовав частотность двух групп метафор (метафор размера и метафор личного превосходства и субординации), Р. Д. Андерсон пришел к выводу, что частотность этих метафор уменьшается по мере того, как население начинает самостоятельно выбирать представителей власти, а на смену «вертикальным» метафорам приходят «горизонтальные», цветовые метафоры, метафоры сторон и др.

Полученные Р. Д. Андерсоном результаты показательны, но их еще не достаточно для выводов о прагматике политических метафор. Смена метафор может быть только отражением общественных процессов, интериоризованных и переработанных сознанием членов социума. При другом подходе метафора не отражает, но побуждает к принятию нового решения, направлена на переконцептуализацию политической картины мира в сознании адресата, предшествует общественным изменениям.

Р. Д. Андерсон делает акцент на второй точке зрения и предлагает ей теоретическое обоснование. Исследователь проводит историко-политологический анализ, показывая, что процессы демократизации общества наблюдаются как в странах, испытывающих большие экономические трудности, так и в экономически высокоразвитых странах, что позволяет усомниться в экономическом детерминизме общественных преобразований. Особенно подчеркивается, что смена политических метафор предшествует процессу демократизации, из чего делается вывод о том, что метафоры обладают каузальной силой. Для опровержения этого тезиса необходимо продемонстрировать общество, в котором процессу демократизации не предшествовали бы изменения в системе политических метафор или найти третий фактор, всегда предвосхищающий изменение системы метафор и процесс демократизации, чего никому пока не удалось сделать.

Требование эмпирической верификации гипотетических положений опирается на методы точных наук и экспериментальное знание. Необходимость междисциплинарного изучения прагматических исследований очевидна, но рассмотренные методы не исчерпывают эвристических возможностей современной политической метафорологии. В арсенале гуманитарных наук существуют и другие методики, позволяющие с достаточной долей достоверности получать научное знание. Ведущее место среди них занимает лингвокультурологический подход к анализу политической метафорики, под которым здесь будет пониматься не только направление в современной российской лингвистике, но и ряд схожих подходов в зарубежной науке, изучающих прагматические аспекты политической метафоры в контексте культуры.

Лингвокультурологический подход. Сущность лингвокультурологического подхода к анализу политической метафорики можно выразить словами Дж. Лакоффа и М. Джонсона о том, что «наиболее фундаментальные культурные ценности согласованы с метафорической структурой основных понятий данной культуры» [Лакофф, Джонсон 1990: 404].

Очевидно, что убеждающий эффект метафоры связан с актуализацией отдельных сегментов концептуальных структур в сознании адресата политической коммуникации, а сами эти структуры формируются в процессе формирования языковой личности в семиотическом пространстве определенной культуры. Поэтому даже с крайне скептических позиций нельзя отрицать тот факт, что прагматический эффект метафор, несогласованных с определенной культурой, а значит и с концептосферой определенного лингвокультурного сообщества, ничтожен. Наоборот, если прагматический эффект в принципе возможен, в чем едва ли кто-то сомневается, то он должен основываться на лингвокультурном опыте определенного социума. В этом заключается эвристический потенциал лингвокультурологического подхода, позволяющий получать достоверное знание о прагматических аспектах политической метафорики без использования процедур позитивистского характера.

Культурный коррелят прагматического измерения метафоры рельефно проявляется при межкультурном сопоставлении. К примеру, если в США президента принято сравнивать с менеджером, то в России глава государства осмысливается в понятиях системы монархической власти [Чудинов 2003, Каслова 2003]. Неудивительно, что при выборе мультимедийной метафоры американские журналисты отдадут предпочтение концептам «команчи», «сиу», «апачи» или «ковбои» [Carpenter 1990; Lule 2004], а итальянские задействуют метафору «карабинеры» [Scolari 2003]. Если россияне склонны видеть в системе российской государственной власти «уделы», «княжества» и «воеводства», то жители британских островов описывают ту же реальность в понятиях «ленов», «феодов» и «бенефициариев» [Будаев 2006].

В период югославского кризиса сербские СМИ метафорически представляли сопротивление силам НАТО через образы борьбы *югославских партизан с фашистами* или *битвы на Косовом поле*, в США же эту ситуацию осмысливали через метафоры *американской кавалерии*, умиряющей *диких индейцев* [Kennedy 2001] и т.д.

Отдельный интерес представляет анализ прагматических неудач, связанных с использованием в политическом дискурсе креативных метафор (*creative metaphors*). Исследователи политической метафоры сходятся во мнении, что политическая метафора – значимый инстру-

мент манипуляции общественным сознанием. Вместе с тем предлагаемые политиками метафоры лишены аргументативной силы, если они не согласуются с концептуальными прототипами того или иного общества.

В этом отношении показательна работа П. Друлака [Drulak 2005], в которой автор анализирует кризис словацко-чешских отношений накануне распада Чехословакии. В 1991 г. чешский премьер-министр Петр Питхарт, пытаясь ослабить националистические разногласия, выступил по телевидению с речью, в которой он признал, что в прошлом к словакам относились не совсем справедливо, и предположил, что обе нации могли бы в будущем жить в своего рода «двойном доме» (DVOJ DOMEK). Метафора «двойного дома», не использовавшаяся до этого в чехословацком политическом дискурсе, вызвала бурные споры, а менее чем через год лидеры Чехии и Словакии пришли к решению о невозможности дальнейшего сосуществования в рамках одного государства. Следуя за П. Чилтоном и Дж.Лакоффом, исследователь отмечает, что метафора дома как контейнера с четким разграничением внутреннего и внешнего пространств доминировала в осмыслении государства на протяжении столетий. Предложенный политиком концепт должен был стать альтернативой представлениям о едином чешском доме или двух отдельных домах для каждой нации, но П. Питхарт не смог объяснить, как выглядит такой «двойной дом», поэтому ни чехи, ни словаки ее просто не поняли и предпочли прототипический вариант собственного дома для каждой нации.

Лингвокультурологические исследования имеют еще одно немаловажное преимущество. Уже упоминавшаяся работа Дж. Лакоффа начинается фразой *Metaphors can kill*. Если метафора не просто фигура речи, а механизм нашего мышления, то она, действительно, играет довольно значимую роль в мире политики, а метафоры не только «могут убивать», но и примирять или, по крайней мере, могут помочь избежать конфликта. В этом контексте исследования прагматики политических метафор в межкультурном контексте содержит в себе значимый гуманистический смысл.

В настоящей статье выделены три основных исследовательских подхода к изучению прагматики метафор, что не означает, что прагматическая проблематика не рассматривается с других методологических позиций. Почти любое исследование политической метафоры предваряется обоснованием актуальности научных изысканий, в котором отмечается важная роль метафоры в манипуляции общественным мнением, но в большинстве публикаций по политической метафорике изучение собственно прагматических явлений не является первоочередной задачей.

Рассмотрение методологических оснований исследования показывает, что изучение прагматики политической метафоры неизбежно носит интердисциплинарный характер. С одной стороны, метафоры отражают национальное сознание (подсознательное) и соответственно анализ метафор – это анализ концептосферы определенного сообщества. С другой – прагматический потенциал метафор сознательно используется в политическом дискурсе для переконцептуализации картины мира адресата. В действительности метафорическое отражение национальной картины мира и прагматически ориентированное конструирование метафорической модели мира для достижения определенных целей диалектически взаимосвязаны, поэтому прагматическая проблематика неразрывно связана с решением вопросов, относящихся к области психологии, дискурс-анализа, лингвокультурологии и когнитивной семантики.

На современном этапе развития лингвистики сформировалась система методов, предоставляющая инструментарий для решения вопросов прагматики метафор, используемых в политическом дискурсе. Вместе с тем прагматическая проблематика остается одной из самых малоизученных областей политической метафорологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М., 1991.
- Баранов А.Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М., 2004
- Будаев Э.В. Метафорическое моделирование постсоветской действительности в российской и британской прессе: Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2006.
- Каслова А.А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.): Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2003.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М., 1990.
- Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003.
- Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография / УрГПУ. – Екатеринбург, 2001.
- Anderson R.D., Jr. The Causal Power of Metaphor in Politics // www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/anderson/MetaphorsCauses.htm – 2002a.
- Anderson R.D., Jr. The Discursive Origins of Russian Democratic Politics // <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/Anderson/AFHRChapter.htm> – 2001.
- Anderson R.D., Jr. Metaphors of Dictatorship and Democracy: Change in the Russian Political Lexicon and the Transformation of Russian Politics // <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/anderson/Metaphor13.htm> – 2002b.
- Ausmus W. Pragmatic Uses of Metaphor: Models and Metaphor in the Nuclear Winter Scenario // Communication Monographs. – 1998. – Vol. 65. – № 1.
- Baysha O., Hallahan K. Media framing of the Ukrainian political crisis, 2000-2001 // Journalism Studies. – 2004. – Vol. 5. – № 2.

- Belt T.L. Metaphor and political persuasion. – Los Angeles, 2003.
- Bosman J. Persuasive effects of political metaphors // Metaphor and Symbolic Activity. – 1987. – Vol. 2. – № 2.
- Bosman J., Hagendoorn L. Effects of literal and metaphorical persuasive messages // Metaphor and Symbolic Activity. – 1991. – Vol. 6(4).
- Carpenter R.H. America's Tragic Metaphor: Our Twentieth-Century Combatants as Frontiersmen // Quarterly Journal of Speech. – 1990. – Vol. 76.
- Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor. – Basingstoke, 2004.
- Chilton P. "La plaie qu'il convient de fermer ...": Les metaphores du discours raciste // Journal of Pragmatics. – 1993. – Vol. 21(6).
- Hardy V. Metaphoric Myth in the Representation of Hispanics: A Thesis for the degree of Master of Arts. – Washington, 2003.
- Lakoff G. Don't Think Of An Elephant! Know Your Values and Frame the Debate: The Essential Guide for Progressives. – White River Junction, 2004.
- Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf // metaphor.uoregon.edu/lakoff-1.htm – 1991.
- Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought / ed. A. Ortony. – Cambridge, 1993.
- Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. – Chicago, 1980.
- Language of Politics: Studies in Quantitative semantics. – New York, 1949.
- Landsheer Ch., de. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // Communication and Cognition. – 1991. – Vol. 24. – № 3/4.
- Lule J. War and its metaphors: news language and the prelude to war in Iraq, 2003 // Journalism Studies. – 2004. – Vol. 5. – № 2.
- Mio J.S. Metaphor, Politics, and Persuasion // Metaphor: Implications and Applications. – Mahwah, 1996.
- Scolari C.A. La zona roja: Invasión, espacio y conflicto durante el vértice del G8 en Génova // Sphera Pública. – 2003. – № 3.
- Vertessen D., Landsheer Ch., de. Metaphorical Election Style? Patterns of Symbolic Language in Belgian Politics // www.essex.ac.uk /ecpr/events/jointsessions/paperarchive /granada/ws14/Vertessen.pdf – 2005.
- Zinken J. Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition: Dissertation zur Erlangung der Würde eines Doktors im Fach Linguistik. – Bielefeld, 2002.

© Будаев Э.В., 2006

Будаев Э.В., Чудинов А.П.

Нижний Тагил, Екатеринбург, Россия

СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Abstract

The paper analyses the genesis of political linguistics and the basic stages of its evolution against the historical and socio-political background. It is argued that starting with World War One international challenges predetermined the forming of political linguistics as a separate discipline. Nowadays the development of this trend is characterized by the expansion of methodologies and peculiarities of national research approaches.

Истоки современной политической лингвистики можно обнаружить уже в античной риторике: проблемами политического красноречия активно занимались в Древней Греции и Риме, однако эта традиция оказалась прерванной на много столетий, когда на смену античным демократиям пришли феодальные монархии. Изучение политической коммуникации оказывается социально востребованным прежде всего в демократическом обществе, а поэтому соответствующие исследования вновь появились лишь вместе с развитием демократии в Западной Европе и Северной Америке. Рассмотрим основные этапы в истории изучения политической коммуникации.

1. Исследования политической коммуникации в рамках традиционной риторики и стилистики. Первоначально (т.е. еще до возникновения политической лингвистики как особого научного направления) публикации по проблемам политической коммуникации воспринимались как разновидность стилистических или риторических исследований. Соответствующие публикации носили преимущественно «рецептурный», восхваляющий или критический (дискредитирующий) характер. В публикациях первого типа авторы стремились показать своим читателям, каким образом можно добиться успеха в публичных выступлениях или иной публичной речевой деятельности, в том числе в политической сфере.

В публикациях второго типа основное внимание уделялось детальному описанию достоинств и – в меньшей степени – недостатков в речевой деятельности конкретных политических деятелей. Особенно активно изучались разнообразные аспекты риторического мастерства политических лидеров. Причины убедительности президентских выступлений искали в фонетических и ритмических особенностях, остроумии, задушевности, открытости, простоте, образности и иных качествах речи.

В работах критической направленности основное внимание традиционно уделялось «разоблачению» недобросовестных уловок политических противников, а также их косноязычию, малообразованности и речевой небрежности. Значительное число критических публикаций было посвящено «порче» родного языка, среди причин которой обычно назывались те или иные политические события, а также общее падение нравов, утрата духовных основ и уважения к национальным традициям.

2. Возникновение и становление политической лингвистики (20–50-ые гг. XX века). История возникновения и становления любой научной дисциплины неразрывно связана с историей общества. В череде событий XX в. точкой отсчета для становления политической лингвистики стала Первая мировая война, которая привела к невиданным

человеческим потерям и кардинальному изменению мироощущения человечества. В новых условиях необходимость изучения политической коммуникации и ее взаимосвязи с общественно-политическими процессами становилась все более очевидной. После опыта беспрецедентного пропагандистского противостояния воюющих стран, знание о механизмах манипуляции общественным мнением приобретает высокую научную и гуманитарную ценность. Поэтому неудивительно, что после войны внимание исследователей языка политики было направлено на изучение способов формирования общественного мнения, эффективности политической агитации и военной пропаганды.

Наиболее значимые работы этого периода связаны с деятельностью У. Липпманна, П. Лазарсфельда, Г. Лассвелла.

У. Липпманн в период Первой мировой войны писал пропагандистские листовки для армии союзников во Франции, после войны занялся изучением вопросов пропаганды и агитации, служил советником у двенадцати президентов США. В современной политической лингвистике используется предложенное У. Липпманном понятие «процесса установки повестки дня» (*agenda-setting process*), т.е. высвечивания в политической коммуникации одних вопросов и замалчивания других. Таким образом, ученый разграничил реальную актуальность той или иной проблемы и ее «важность» в восприятии общества.

Также У. Липпманну принадлежит первенство в применении контент-анализа в качестве метода для исследования общественных представлений о политической картине мира. В частности, в 1920 г. У. Липпманн опубликовал исследование корпуса текстов газеты «The New York Times», которые были посвящены Октябрьской революции 1917 г. Как показал У. Липпманн, среднему американцу невозможно было составить сколько-нибудь объективного мнения о происходящих в мире событиях ввиду антибольшевистской предвзятости анализируемых текстов.

Другим значимым предшественником политической лингвистики был Пол Лазарсфельд, активно занимавшийся изучением пропаганды в Колумбийском университете. В 1937 г. он руководил исследовательским проектом по воздействию информации радиовещания на американскую аудиторию. Впоследствии этот проект вылился в создание «Бюро прикладных социальных исследований» – единственного основанного на базе университета исследовательского института того времени, который занимался вопросами политической и массовой коммуникации. Вместе со своим коллегой Р. Мертоном П. Лазарсфельд разработал метод опроса фокус-группы, который применялся для сбора данных об отношении рядовых американцев к правительственным призывам по радио разводить «огороды победы» или приобретать об-

лигации военных займов. Примечательно, что эти правительственные программы разрабатывались и анализировались как самим П. Лазарсфельдом, так и другими исследователями (в том числе Г. Лассвеллом).

П. Лазарсфельду принадлежит первенство в применении контент-анализа к исследованию зависимости электорального поведения от предвыборной агитации в СМИ. Наибольшую известность получило его исследование, проведенное в округе Эри (штат Огайо). В течение полугодия вплоть до президентских выборов 1940 г. П. Лазарсфельд и его коллеги проводили опрос фокус-группы в 600 человек с целью выявить эффективность агитационного воздействия политических текстов СМИ на американских граждан. К удивлению исследователей, только 54 участника эксперимента поменяли за полгода свои предпочтения в пользу другого кандидата в президенты, и еще меньшее количество респондентов сделало это под прямым воздействием газет, журналов и радиопередач. Этот эксперимент заставил засомневаться в доселе принимаемом как само собой разумеющееся положении о тотальном характере воздействия СМИ на избирателя.

Впоследствии П. Лазарсфельд и другие исследователи разработали модель двухуровневой коммуникации, согласно которой в любом обществе существуют восприимчивые к воздействию политической пропаганды «лидеры общественного мнения» (opinion leaders), распространяющие политическую информацию по каналам межличностного общения. Методика П. Лазарсфельда получила значительное распространение и применяется вплоть до настоящего времени. Хотя исследователи указывали на недооценку пропагандистской роли СМИ, разработки П. Лазарсфельда инициировали интерес к исследованию дополнительных факторов коммуникационного воздействия на избирателя.

Среди предшественников современной политической лингвистики называют также Гарольда Лассвелла, которому принадлежит заслуга значительного развития методики контент-анализа и ее эффективного применения к изучению языка политики. С помощью контент-анализа Г. Лассвеллу удалось продемонстрировать связь между стилем политического языка и политическим режимом, в котором этот язык используется. По мнению исследователя, дискурс политиков-демократов очень близок дискурсу избирателей, к которым они обращаются, в то время как недемократические элиты стремятся к превосходству и дистанцированию от рядовых членов общества, что неизбежно находит отражение в стилистических особенностях политического языка власти. Языковые инновации предшествуют общественным преобразованиям, поэтому изменения в стиле политического языка служат индикатором приближающейся демократизации общества или кризиса демократии.

Продемонстрированный Г. Лассвеллом исследовательский потенциал методов квантитативной семантики получил значительное распространение. Так, в 40-е гг. XX в. Г. Лассвелл, Н. Лейтес, С. Якобсон и другие исследователи выявляли различные взаимозависимости между семантикой языковых единиц и политическими процессами на основе анализа советских лозунгов, языка Интернационала, текстов фашистской пропаганды [Lasswell et al. 1947].

В этот период появляется дополнительный импульс к осмыслению роли языка в политике, связанный с практикой тоталитаризма и новой, еще более разрушительной мировой войной. Рассматривая этот этап развития политической лингвистики, историки науки называют, помимо специалистов по коммуникации, английского писателя Джорджа Оруэлла и немецкого литературоведа Виктора Клемперера, обратившихся к критическому изучению тоталитарного дискурса.

Первый из них написал в 1948 г. роман-антиутопию «1984», в котором были описаны принцип «двоемыслия» (doublethink) и словарь «новояза» (newspeak), то есть на конкретных примерах были охарактеризованы способы речевого манипулирования человеческим сознанием в целях завоевания и удержания политической власти в тоталитарном государстве. Джордж Оруэлл наглядно показал, каким образом с помощью языка можно заставить человека поверить лжи и считать ее подлинной правдой, как именно можно положить в основу государственной идеологии оксюморонные лозунги «Война – это мир», «Свобода – это рабство» и «Незнание – это сила». Пророческий дар Дж. Оруэлла постоянно отмечают современные специалисты по политической пропаганде: иногда кажется, что именно по рецептам «новояза» советские войска в Афганистане решили называть ограниченным контингентом, а саму эту войну – интернациональной помощью. Аналогичные приемы использовали и американские лидеры, которые называли свои военные действия против Югославии и Ирака «борьбой за установление демократии».

Несколько ранее Дж. Оруэлл опубликовал статью «Politics and the English Language» [Orwell 1993/1947]. Дж. Оруэлл обратил внимание на то, что в политической речи такие слова, как *democracy*, *socialism*, *freedom*, *patriotic*, *realistic*, *justice* не имеют определенного значения (meaningless words), а попытки дать им однозначное определение встречаются среди политиков сопротивление. Напр., в слове *демократия* универсальной является только оценочная характеристика. Когда мы называем страну демократической, мы ее хвалим, поэтому защитники всякого политического режима (в том числе фашистского или коммунистического) стремятся назвать этот режим демократией. Тоталитарные лидеры сопротивляются тому, чтобы дать термину «демократия» точное определение,

поскольку в этом случае они уже не смогут свободно его использовать. Как отмечает Дж. Оруэлл, подобные слова умышленно используются в целях манипуляции общественным сознанием. Такие выражения, как *маршал Петен был настоящим патриотом, советская пресса самая свободная в мире, католическая церковь противится преследованиям* «свидетельствуют о намерении обмануть слушателя». К словам, регулярно используемым в манипулятивных целях, относятся также *class, totalitarian, progressive, reactionary, bourgeois, equality*. Дж. Оруэлл указал на широкую распространенность подобных слов (сейчас бы их назвали идеологемами) в политической коммуникации различных государств.

Описанный Джорджем Оруэллом «новояз» был плодом его фантазии, предположением о том, к чему может привести развитие тоталитарных идей в Великобритании. Немецкий филолог Виктор Клемперер подробно охарактеризовал «новояз», за которым он имел несчастье наблюдать 12 лет. Его книга «LTI. Notizbuch eines Philologen» («LTI. Записная книжка филолога») [Klemperer 1947] была посвящена коммуникативной практике германского фашизма, а буквы «LTI» в ее названии обозначают «Язык Третьей империи». Следует отметить, что практика нацистского «новояза» оказалась значительно многообразнее и изощреннее созданной Джорджем Оруэллом теории. Напр., оказалось, что вовсе необязательно запрещать то или иное выражение – достаточно взять его в кавычки. Напр., «немецкий поэт» Гейне – это уже совсем не немецкий и не совсем поэт; соответственно написание «выдающийся ученый» Эйнштейн позволяет поставить под сомнение гениальность выдающегося физика. На службу идеям фашизма в гитлеровской Германии были поставлены и многие другие языковые средства: особенно детально Виктор Клемперер описывает символику и метафорику фашистской пропаганды, а также практику запрета на «неудобные» слова и понятия с одновременной пропагандой «новых» слов и идей.

Позднее появилось описание коммунистического новояза и языкового сопротивления ему в Польше, Восточной Германии, Чехии, России и других государствах существовавшего во второй половине прошлого века «социалистического лагеря». Эти исследования позволили обнаружить множество сопоставимых фактов и закономерностей. Вместе с тем обнаруживались и признаки национальных тоталитарных дискурсов: напр., в советском политическом дискурсе очень значимыми были политические определения, кардинально преобразующие смысл и эмоциональную окраску слова. Так, в советском новоязе *Буржуазный гуманизм* или *Абстрактный гуманизм* – это вовсе не человеколюбие, а негативно оцениваемое проявление слабости, недостаточная жестокость по отношению к политическим противникам, представителям

«эксплуататорских классов» и просто сомневающимся. С другой стороны, в качестве *Социалистического гуманизма* могли быть представлены жестокие действия «против классово чуждых элементов», особенно если эти действия воспринимались как полезные «для трудового народа» в его «классовой борьбе».

Исследования коммуникативной практики тоталитарных режимов продолжают до настоящего времени. Специалисты выделили характерные черты тоталитарного дискурса, для которого, как правило, свойственны централизация пропагандистской деятельности, претензии на абсолютную истину, идеологизация всех сторон жизни, лозунговость и пристрастие к заклинаниям. Среди признаков тоталитаризма выделяют также ритуальность политической коммуникации, превалирование монолога «вождей» над диалогичными формами коммуникации, пропагандистский триумфализм, резкую дифференциацию СВОИХ и ЧУЖИХ, пропаганду простых и в то же время крайне эффективных путей решения проблем.

Среди предшественников современной политической лингвистики называют также Гарольда Лассвелла, указавшего на тесную связь между стилем политического языка и политическим режимом [Lasswell 1949]. По мнению Г. Лассвелла, дискурс политиков-демократов очень близок дискурсу избирателей, к которым они обращаются, в то время как недемократические элиты стремятся к превосходству и дистанцированию от рядовых членов общества, что неизбежно находит отражение в стилистических особенностях политического языка власти. Языковые инновации предшествуют общественным преобразованиям, поэтому изменения в стиле политического языка служат индикатором приближающейся демократизации общества или кризиса демократии.

Особенно активно изучались разнообразные аспекты риторического мастерства президентов США [Braden, Brandenburg 1955; Brandenburg, Braden 1952; Brembeck 1952; Carson 1958; Crowell 1952; Dahlberg 1945; King 1937; Ray 1956; Randolph 1948; Schiffman 1949; Sillars 1958; Voelker 1936; White, Henderlider 1954; Wilson 1957; Zelko 1942 и др.]. Причины убедительности президентских выступлений искали в фонетических и ритмических особенностях, остроумии, задушевности, открытости, простоте, образности и иных качествах речи.

Уже в начале прошлого века высказываются предположения о том, что метафора способна задавать способ осмысления политической реальности. Так, шведский политолог и создатель термина «геополитика» Р. Челен задался вопросом о том, какие понятия используются в прессе для осмысления политических сущностей. Исследователь пришел к выводу о том, что в представлении прессы мир международных отношений населяет группа человекоподобных существ, которые находятся друг с другом в дружественных или во враждебных отноше-

ях, имеют имена вроде «Дядя Сэм» или «Суоми-Неито», соперничают за пространство, живут и умирают и т.п. В 1916 г. Р. Челен выпустил книгу «Staten som liffsform» [Kjellen 1916], в которой изложил эти наблюдения и привел примеры из прессы того времени, что позволяет считать его наблюдения первым опытом исследования антропоморфной политической метафоры.

3. Политическая лингвистика 60–80-х гг. XX века. На следующем этапе развития политической лингвистики зарубежные специалисты сосредоточили свое внимание на изучении коммуникативной практики в современных западных демократических государствах. Эти исследования показали, что и в условиях «свободы» постоянно используется языковая манипуляция сознанием, но это более изощренная манипуляция.

Новые политические условия привели к изменению методов коммуникативного воздействия, но политика – это всегда борьба за власть, а в этой борьбе победителем обычно становится тот, кто лучше владеет коммуникативным оружием, кто способен создать в сознании адресата необходимую манипулятору картину мира. Напр., опытный политик не будет призывать к сокращению социальных программ для малоимущих, он будет говорить только о «снижении налогов». Однако хорошо известно, за счет каких средств обычно финансируется помощь малообеспеченным гражданам. Умелый специалист будет предлагать бороться за социальную справедливость, за «сокращение пропасти между богатыми и бедными», и не всякий избиратель сразу поймет, что это призыв к повышению прямых или косвенных налогов, а платить их приходится не только миллионерам. Точно так же опытный политик будет говорить не о сокращении помощи малоимущим, а о важности снижения налогов, однако легко предположить, какие именно статьи бюджета пострадают после сокращения налоговых поступлений.

Подобные факты широко обсуждаются в критической теории Франкфуртской школы, представители которой (Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Хоркхаймер) начали изучать формы тоталитаризма, антидемократизма, националистического шовинизма после окончания Второй мировой войны. Аналогичные материалы представлены также во многих публикациях англоязычных авторов.

Вполне закономерно, что в эпоху холодной войны между Востоком и Западом особое внимание лингвистов привлекал милитаристский дискурс. На фоне «балансирования между войной и миром» понимание того, как политики убеждают рядовых граждан в необходимости применения ядерной бомбы, получает гуманистический смысл. По аналогии с «новоязом» Дж. Оруэлла (newspeak), в понятийном арсенале лингвистов закрепляется понятие «нюкспик» (nukespeak) [Chilton

1982], т.е. «ядерный язык», который используют политики для оправдания возможного применения ядерной бомбы, для завуалирования и затемнения катастрофических последствий такого сценария развития событий. С другой стороны, важную роль в развитии политической ситуации играли и метафорические образы, подчеркивающие всю опасность последствий атомной катастрофы («ядерная зима», «атомный апокалипсис», «поджигатели войны» и др.). Неудивительно, что осознание актуальности задач, стоящих перед исследователями политической коммуникации, становится значимым фактором в становлении политической лингвистики.

В этот период получили распространение исследования политической лексики [Bebermeyer 1981; Bergsdorf 1985; Freitag 1974; Geissler 1985; Glotz 1985; Hermanns 1980; Klein 1989; Lübbe 1967; Pelster 1976; Strauss 1986], теории и практики политической аргументации [Klein 1984, 1985; Kopperschmidt 1976; 1983], политической коммуникации в исторической перспективе [Allhoff 1975; Cobet 1973; Grünert 1984, 1985; Hikins 1983; Jensen 1977; Wülfing 1980], политических символов [Edelman 1964; Elder, Cobb 1983; Sarcinelli 1987]. Внимание исследователей привлекали вопросы функционирования политического языка в ситуации предвыборной борьбы [Clyne 1979; Sarcinelli 1987; Wachtel 1988; Weiß 1976; Wolff 1976], парламентских и президентских дебатах [Bartels 1988; Bishop, Meadow 1980; Bitzer, Rueter 1980; Klein 1985; Kühn 1983], в партийном дискурсе [Berschlin 1984; Kuhn 1983; Schönbohm 1974] и др.

В рамках изучения языковых средств политической коммуникации исследователи уделяли значительное внимание рассмотрению политических метафор [Aden 1988; Arendt 1983; Bachem, Battke 1989; Betz 1977; Blankenship 1973; Bosman 1987; Burkhardt 1988; Chilton 1985, 1987, 1988; Drommel, Wolff 1978; Gribbin 1973; Hastings 1970; Henry 1988; Hook 1985; Howe 1977; Howe 1988; Ivie 1982, 1986, 1987, 1989; Jamieson 1980; Jensen 1977; Kahn 1965; Keller-Bauer 1983; Kress 1989; Kurz 1982; Küster 1978, 1983; Miller 1979; Mumby, Spitzack 1983; Osborn 1967a, 1967b, 1977; Perry 1983; Rayner 1984; Rickert 1977; So 1987; Stelzner 1977; Thaiss 1978; Zarefsky 1986; Zashin, Chapman 1974].

Важное место в политической лингвистике рассматриваемого периода занимает французская школа анализа дискурса (Ж. Дюбуа, Ж.-Ж. Куртин, М. Пеше, М. Фуко и др.). Как показывает П. Серио, эта школа возникла «как попытка устранить недостатки контент-анализа, применявшегося в то время гуманитарных науках, особенно в Соединенных Штатах» (Квадратура смысла, 2002, с. 16-17). По мнению французских ученых, американский контент-анализ «предполагает упорядочивание поверхностного разнообразия текстов, открывая тем самым возможность их сравнения и исчисления» (там же, с.17). Соответственно задача исследователя – это обобщение различных способов выражения сходного содержания и статистический анализ полученных результатов. Такой анализ воспринимается французскими специалистами как

«совокупность второстепенных технических приемов».

Теоретической основой для французской школы анализа дискурса стали идеи психоанализа, марксизма и структурной лингвистики. Как пишет Патрик Серио, в теории дискурса Мишеля Пеше главенствуют три имени, «объединяемых под шутливым названием «Тройственное согласие» – Карл Маркс, Зигмунд Фрейд и Фердинанд де Соссюр. Предмет исследования во французской школе анализа дискурса – это не отдельный текст, а множество текстов с учетом их исторической, социальной и интеллектуальной направленности, с учетом их взаимосвязей с другими текстами и с учетом институционных рамок, которые накладывают значительные ограничения на акты высказывания. При этом учитывается не только содержание текста, но и интенции автора, не только то, что сказано, но и то, что не сказано. По возможности следует также сопоставить содержимое текста с интрадискурсом автора (другими его высказываниями по соответствующей проблеме) и интердискурсом (высказываниями других лиц по соответствующей проблеме).

Уже в этот период изучение политической коммуникации складывается в относительно самостоятельное направление лингвистических изысканий. В 70–80-х гг. за рубежом регулярно появляются монографии и учебники по политической коммуникации и методам ее анализа [Atkinson 1984; Bachem 1979; Bergsdorf 1978; Corcoran 1979; Dieckmann 1975, 1981; Edelman 1977; Fairclough 1989; Geis 1987; Green 1987; Hahn 1988; Handbook... 1981; Shapiro 1981 и др.].

4. Современный этап развития политической лингвистики.

Особенно активно зарубежные исследования политической коммуникации развиваются в конце XX – начале XXI вв. (R. Anderson, A. Beard, F. Beer, W. Benoit, J. Blommaert, A. Burkhardt, D. Busse, P. Chilton, W. Connolly, H. Diekmannshenke, T. van Dijk, N. Fairclough, E. Felder, L. Feldman, H. Girth, D. Hahn, K.L. Hacker, R.P. Hart, F. Januschek, S. Jäger, J. Klein, J. Kopperschmidt, P. Kornelia, G. Lakoff, Ch. de Landtsheer, F. Liedtke, U. Maas, A. Musolff, O. Panagl, P. von Polenz, B. Pörksen, F. Rigotti, C. Schäffner, H. Stürmer, D. Watts, C. Wächter, R. Wesel, J. Wilson, R. Wodak и др.). Можно выделить следующие признаки современного этапа развития политической лингвистики.

1) Происходит «глобализация» политической лингвистики. Если ранее соответствующие научные исследования проводились, как правило, в Европе или Северной Америке, то в последние годы подобные публикации все чаще появляются в самых различных странах Азии, Африки, Латинской Америки и Океании. После падения «железного занавеса» специалисты из постсоветских государств начали все активнее осваивать методологии, методики, эвристики и темы, которые раньше были им недоступны по политическим причинам.

2) Политическая лингвистика, которая ранее характеризовалась

преимущественным внимание к тоталитарному дискурсу и к дискурсу западных демократий, все активнее обращается к принципиально новым проблемам современного многополярного мира. Сфера научных интересов новой науки расширяется за счет включения в анализ новых аспектов взаимодействия языка, власти и общества (дискурс терроризма, дискурс «нового мирового порядка», политкорректность, социальная толерантность, социальная коммуникация в традиционном обществе, фундаменталистский дискурс и др.).

3) На современном этапе развития науки становится все более ясным, что политическая лингвистика, которую раньше объединял лишь материал для исследования (политическая коммуникация, «язык власти») становится самостоятельным научным направлением со своими традициями и методиками, со своими авторитетами и научными школами. В этот период получает широкое распространение и признание название дисциплины (*political linguistics*, *Politolinguistik*), проводятся специальные научные конференции, публикуются многочисленные сборники исследований соответствующей тематики. Политическая лингвистика активно вбирает в себя эвристики дискурс-анализа и когнитивной методологии,

В рамках современной политической лингвистики можно выделить четыре относительно автономных научных направления: критический анализ, контент-анализ, риторический анализ, когнитивное исследование политического дискурса.

Важно иметь в виду, что между представленными направлениями нет непроницаемых границ и в практических исследованиях возможно использование разнохарактерных методов. Иногда приходится фиксировать «фамильное теоретическое сходство» исследований: когнитивный подход может сочетаться с критическим дискурс-анализом, а тот, в свою очередь, дополняться психолингвистическими методиками. Вместе с тем базовые различия в теоретических основаниях и ведущих методах исследований не вызывают сомнения.

Критический анализ политического дискурса направлен на изучение способов, с помощью которых социальная власть осуществляет свое господство в обществе. Специалисты стремятся выяснить, как именно при помощи коммуникативной деятельности предписывается и воспроизводится социальное неравенство, а также наметить способы языкового сопротивления. Представители этого направления занимают активную социальную позицию, они ищут пути для предупреждения социальных конфликтов. Эти исследования представляют собой своего рода реакцию на традиционные публикации «рецептурного» и «восхваляющего» направлений предшествующей научной парадигмы. Детальный анализ данного направления представлен в книге

М.В. Гавриловой «Критический дискурс-анализ в современной зарубежной лингвистике» [2003].

Материалом для критического дискурс-анализа становятся политические тексты, создаваемые в ситуации социального риска и отражающие неравенство коммуникантов. Определение «критический» используется в подобных исследованиях для того, чтобы подчеркнуть обычно скрытые для неспециалистов связи между языком, властью и идеологией. Детальное изучение текстов помогает выявить имплицитно выраженные бессознательные установки коммуникантов и на этой основе показать результаты воздействия дискурса на восприятие информации. С 1990 г. выходит специальный журнал «Discourse and Society» («Дискурс и общество»), представляющий публикации названного направления, созданные в различных странах, а также журналы «Critical Discourse Studies» («Критические исследования дискурса») и «Discourse Studies» («Исследования дискурса»).

В работах специалистов по критическому дискурс-анализу особое внимание уделяется социальному, гендерному (половому) и этническому неравенству. Внимание авторов особенно привлекают факты злоупотребления властью в различных сферах общественной жизни. В частности, феминистские критические исследования представляют женщин как угнетенную социальную группу, характеризуют многообразные коммуникативные проблемы, являющиеся следствием угнетенного положения женщин в патриархальном обществе. Не меньшее внимание уделяется коммуникативным аспектам этнического и расового неравенства.

Внимание специалистов по критическому дискурс-анализу особенно привлекают отрицательные образы «чужих» как представителей иных рас, этносов и культур. Примером могут служить исследовательские программы, выполненные под руководством Т. ван Дейка в Голландии. При реализации этих программ изучается то, как суринамцы, турки, марокканцы и другие «чужаки» представлены в публикациях голландских СМИ, учебниках, парламентских дебатах, корпоративном дискурсе и др. В исследованиях, выполненных под руководством Рут Водак (Венский университет), детально охарактеризован антииммигрантский и антисемитский дискурс в Австрии. Подобные научные программы активно реализуются и в иных демократических государствах.

Важный результат сопоставления националистических дискурсов в различных европейских странах состоит в обнаружении значительного сходства между стереотипами, предубеждениями и другими формами вербального умаления «чужих», которые преимущественно представлены как нарушающие традиционные нормы, то есть лентяи, преступники, нравственные уроды или фанатики.

Значимое место в современной зарубежной политической лингвистике занимает контент-анализ политического дискурса, имеющий более чем вековую историю применения к изучению политической коммуникации. Среди хрестоматийных примеров эффективного использования этой методики – предсказание британскими и американскими аналитиками использования фашистской Германией крылатых ракет «Фау-1» и баллистических ракет «Фау-2» против Великобритании, сделанное на основе анализа пропагандистских кампаний в Германии. Другой пример связан с работой американской военной цензуры в годы Второй мировой войны: повторение определенных тем в прессе послужило основой для обвинения редакторов некоторых СМИ в связях с нацистами.

В отличие от критического дискурс-анализа лингвисты этого направления полностью дистанцируются от субъективности исследователя и анализируют большие корпуса политических текстов с использованием методов компьютерной обработки материала. Исследователи ориентируются на количественные данные, на основе которых делаются выводы о качественных характеристиках политической коммуникации. Основная задача таких исследований сводится к выявлению связи между социально-политической жизнью общества и использованием политического языка, поиску закономерностей функционирования политического дискурса, выраженных в статистической форме. Первоначально девизом подобных исследований было «чем больше корпус, тем лучше». Однако многие исследователи акцентировали внимание на важной роли небольшого, но специально подобранного корпуса политических текстов. При подобном подходе материал для контент-анализа связан с конкретным политическим событием, институциональным дискурсом, определенным временным периодом.

В рамках современного контент-анализа активно изучаются количественные характеристики тактик восхваления, критики и защиты; соотношение в речи политиков содержания, ориентированного на общественные проблемы, и на личные характеристики политиков; соотношение в политическом дискурсе акцентов на прошлое, настоящее и будущее (В. Бенуа, Л. Бразеаль, А. Клюковски, В. МакХейл, П. Пир, В. Уэллс, А. Харткок и др.). Напр., как показали такие исследования, во многих странах претенденты на президентский пост всегда чаще используют тактику дискредитации оппонента, чем действующий президент, баллотирующийся на второй срок.

К риторическому направлению в изучении политического дискурса принадлежат специалисты, стремящиеся использовать традиционные, хорошо зарекомендовавшие себя методики (Р. Айви, Р.Д. Андерсон, Р. Карпентер, М. Осборн, В. Риккерт и др.). Следует согласиться с тем,

что новизна методики не гарантирует высокого качества исследования, что еще не до конца исчерпаны возможности традиционных методик изучения политической коммуникации. Вместе с тем наблюдается и несомненное развитие методик риторического изучения политической коммуникации.

Совершенно особый характер имеют исследования политической лингвистики, выполненные за пределами Европы и Америки.

В истории становления и развития политлингвистического направления в азиатской науке прослеживаются две тенденции.

Первая характеризуется значительным влиянием западных теорий и активным их внедрением в исследовательскую практику азиатских лингвистов. В основном это относится к странам и регионам, не вошедшим в лагерь социалистических государств и ориентировавшихся на рыночную экономику и политическое развитие по западному образцу. Теории анализа языка политики в рамках дискурс-анализа, когнитивной лингвистики, контент-анализа получили распространение в Южной Корее (Й. Ву, Т. Ким, Й. Ли, К. Ли, Й. Так), Сингапуре (А. Ви, Е. Куо, А. Чой), Тайване (Дж. Вэй, Й. Гонг, П. Куо, Ш. Хуанг, Р. Ченг).

Вместе с тем ряд национальных научных школ выпали из этого ряда. Напр., совершенно особое развитие политическая лингвистика получила в Японии (М. Ида, Й. Ито, Т. Макита, Уемура). Западные исследователи склонны считать японские исследования по политической коммуникации теоретически ограниченными. Их удивляет возможность построения научных теорий на основе концептов «стыд» или «сохранение лица». Однако сами японские специалисты объясняют невысокую популярность западных теорий их малой эвристичностью в контексте японской культуры. К примеру, использование понятия «лидеры общественного мнения» при изучении политической коммуникации в Японии а priori не целесообразно: японцы избегают личных разговоров на политические темы, чтобы предупредить возможное расхождение мнений и межличностную конфронтацию. По мнению японских лингвистов, для изучения политической коммуникации в Японии не подходят европейские и американские теории по воздействию СМИ на общество или правительство. Так, Й. Ито [Ito 2000] предлагает взамен существующих западных теорий использовать при анализе японских СМИ «триполярную модель кууки» (tripolar kuuki model): «правительство – СМИ – общество». Согласно этой модели, информационное давление на один из компонентов триады возможно только при наличии особой атмосферы согласия (kuuki) между двумя остальными компонентами.

Аналогичные мысли о невозможности механистического применения западных теорий к азиатскому политическому дискурсу высказыва-

лись и другими исследователями. По мнению китайского специалиста Г. Чу [Chu 1988], в западных исследованиях политической коммуникации редко учитывается культурная переменная. Культура часто рассматривается как некая константа (по западному образцу), которую можно не принимать во внимание. Также исследователь указывает на то, что доминирование в западной лингвистике количественных методов ограничивает круг исследуемых вопросов. На Западе преимущественно исследуются вопросы, которые можно решить с помощью статистических методов, в то время как изучение политического дискурса включает в себя более широкую проблематику.

По-своему сложилась история исследования политического языка в Китае, в чем-то напоминающая аналогичный процесс в нашей стране. В период холодной войны китайские исследователи анализировали структуру, функции и эффективность китайской коммунистической пропаганды, часто в сравнении с риторическими «образцами» советских журналистов и политиков. С 80-х гг. прошлого века в китайскую науку о языке начинают просачиваться демократические веяния и западные теории. Если в предыдущий период лингвисты использовали в качестве материала для анализа официальные тексты, то в последнее время становится возможным изучение языковых механизмов идеологического контроля в Китае, сравнительный анализ политической коммуникации в Китае и капиталистических государствах, исследование коммуникативной «борьбы между рынком и коммунизмом» за влияние на СМИ, изменения в политической коммуникации после событий на площади Тяньаньмэнь и др. [Chan, Lee 1991; Chang et al. 1993; Guo 2000, 2001; He 1996, 2000; Lee 2000; Ling 1991; Zhao 1998, 2000; Zhu 1997; Zhu et al. 1997 и др.].

Следует принимать во внимание, что некоторые направления политической лингвистики, получившие развитие в Европе и США, невозможны в отдельных азиатских странах ввиду особенностей законодательства и политических систем. К примеру, в Китае и Сингапуре нельзя проводить исследования общественного мнения, направленные на выявление восприятия рядовыми гражданами политических лидеров или кандидатов на государственные должности. Свои ограничения накладывают традиции освещения политических событий в СМИ.

Наконец, в некоторых странах только начинается процесс становления политической лингвистики как области лингвистических исследований. Примером может служить Индонезия, в которой долгое время исследования политического языка были затруднительны из-за жесткого цензурного контроля, существовавшего при президенте Сухарто. После падения тоталитарного режима в 1998 г. стали появляться исследования, ориентированные на объективное изучение роли СМИ в демократизации общества [d'Haenens et al. 1999; Sen, Hill 2000].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гаврилова М.В. Критический дискурс-анализ в современной зарубежной лингвистике. СПб., 2003.
- Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999.
- Aden R. Entrapment and Escape: Inventional Metaphors in Ronald Reagan's Economic Rhetoric // Southern Communication Journal. 1988. Vol. 54.
- Allhoff D.-W. Rhetorische Analyse der Reden und Debatten des ersten deutschen Parlamentes von 1848/49. Insbesondere auf syntaktischer und semantischer Ebene. München, 1975.
- Arendt D. Geschichten und Lieder vom Rattenfänger oder Sprache und Bild als demagogische Handlung // Frankfurter Hefte. 1983. Bd. 38. H. 12.
- Atkinson J. M. Our masters voices: the language and body language of politics. – London, 1984.
- Bachem R. Einführung in die Analyse politischer Texte. München, 1979.
- Bachem R., Battke K. Unser gemeinsames Haus Europa: Zum Handlungspotential einer Metapher im öffentlichen Meinungsstreit // Muttersprache. 1989. Bd. 99.
- Bartels L. M. Presidential primaries and dynamics of public choice. Princeton, 1988.
- Bebermeyer R. «Krise» in der Krise: Eine Vokabel im Sog ihrer Komposita und auf dem Weg zum leeren Schlagwort // Muttersprache. – 1981. – Bd. 91.
- Bergsdorf W. Politik und Sprache. München; Wien, 1978.
- Berschlin H. Liebe Freundinnen und Freunde. Über die Sprache der Grünen im Bundestag // Die Grünen – Partei wider Willen / Klaus Gotto / Hans-Joachim Veen (Hg.). Mainz, 1984.
- Bishop G., Meadow R.G., Jackson-Beeck M. (Eds.). The Presidential Debates. New York, 1980.
- Bitzer L. Rueter T. Carter vs Ford: The counterfeit debates of 1976. Madison, 1980.
- Blankenship J. The search for the 1972 Democratic nomination: A metaphorical perspective // Rhetoric and communication: Studies in the Illinois tradition / J. Blankenship & H.G. Stelzner (Eds.). Urbana, 1973.
- Bosman J. Persuasive effects of political metaphors // Metaphor and Symbolic Activity. 1987. Vol. 2. № 2.
- Braden W., Brandenburg E. Roosevelt's Fireside Chats // Communication Monographs. 1955. Vol. 22.
- Brandenburg E., Braden W. Franklin D. Roosevelt's Voice and Pronunciation // Quarterly Journal of Speech. 1952. Vol. 38.
- Brembeck C. Harry Truman at the Whistle Stops // Quarterly Journal of Speech. 1952. Vol. 38.
- Burkhardt A. Metaphors We Die By. Die tödliche Metaphorik von Rüstungswerbung, Innen- und Militärpolitik / N. Oellers (Hg.): Germanistik und Deutschunterricht im Zeitalter der Technologie: Selbstbestimmung und Anpassung. Vorträge des Germanistentages. Band 2: Politische Aufgaben und soziale Funktionen von Germanistik und Deutschunterricht. Tübingen, 1988.
- Carson H.L. War Requested: Wilson and Roosevelt // Central States Speech Journal. 1958. Vol. 10.
- Chan J.M., Lee C.C. Mass media and political transition: The Hong Kong press in China's orbit. New York, 1991.
- Chang T.K., Chen C.H., Zhang G.Q. Rethinking the mass propaganda model: Evidence from the Chinese regional press // Gazette. 1993. Vol. 51.

- Chilton P. Metaphor, Euphemism and the Militarization of Language // *Current Research on Peace and Violence*. 1987. Vol. 10. № 1.
- Chilton P. Nukespeak: Nuclear Language, Culture and Propaganda // *Nukespeak: The Media and the Bomb* / C. Aubrey (ed.). London, 1982.
- Chilton P. Orwellian Language and the Media. London, 1988.
- Chu G.C. In search of an Asian perspective of communication theory // *Communication theory: The Asian perspective* / Ed. W. Disssanayake. Singapore, 1988.
- Clyne M.G. Linguistic analysis and the 1972 Bundestag election campaign // *Linguistic Method: Essays in Honor of Herbert Penzl* / I. Rauch, G. F. Carr (Hg.). The Hague, 1979.
- Cobet C. *Der Wortschatz des Antisemitismus in der Bismarckzeit*. München, 1973.
- Corcoran P. E. *Political language and rhetoric*. Austin, 1979.
- Crowell L. *Word Changes Introduced Ad Libitum in Five Speeches by Franklin Delano Roosevelt* // *Communication Monographs*. 1952. Vol. 25.
- Dahlberg W.A. *Lincoln, the Wit* // *Quarterly Journal of Speech*. 1945. Vol. 31.
- d'Haenens L., Gazali E., Verelst, C. *Indonesian television news-making before and after Suharto* // *Gazette*. 1999. Vol. 61.
- Dieckmann W. *Politische Sprache – politische Kommunikation: Vorträge, Aufsätze, Entwürfe*. Heidelberg, 1981.
- Dieckmann W. *Sprache in der Politik. Eine Einführung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache*. Heidelberg, 1975.
- Drommel R., Wolff G. *Metaphern in der politischen Rede* // *Der Deutschunterricht*. 1978. Bd. 30.
- Edelman M. *Political Language*. New York, 1977.
- Edelman M. *The Symbolic Uses of Politics*. Urbana, 1964.
- Elder C.D., Cobb R.W. *The Political Uses of Symbols*. New York, 1983.
- Fairclough N. L. *Language and Power*. London, 1989.
- Freitag R. *Zum Wesen des Schlagwortes und verwandter sprachlicher Erscheinungen* // *Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität: Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe*. 1974. Jg. 23. Heft 2.
- Geis M. L. *The language of politics*. New York, 1987.
- Geissler H. *Sprache und Politik* // *Germanistik – Forschungsstand und Perspektiven: Vorträge des deutschen Germanistentages 1984* / G. Stötzel (Hg.): Erster Teil. Berlin; New York, 1985.
- Glutz P. *Die Rückkehr der Mythen in die Sprache der Politik*. In: Georg Stötzel (Hg.): *Germanistik – Forschungsstand und Perspektiven: Vorträge des deutschen Germanistentages 1984, Erster Teil*. Berlin; New York, 1985.
- Green D. *Shaping political consciousness: The language of politics in America from McKinley to Reagan*. Ithaca, 1987.
- Gribbin W. *The Juggernaut Metaphor in American Rhetoric* // *Quarterly Journal of Speech*. 1973. Vol. 59.
- Grünert H. *Deutsche Sprachgeschichte und politische Geschichte in ihrer Verflechtung* // *Sprachgeschichte: Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung* / Werner Besch u.a. (Hg.). – Halbbd. 1. Berlin; New York, 1984.
- Grünert H. *Sprache und Politik: Untersuchungen zum Sprachgebrauch der ‚Paulskirche‘*. Berlin; New York, 1974.
- Guo Z. *Media use habits, audience expectations and media effects in Hong Kong's first legislative council election* // *Gazette*. 2000. Vol. 62.

- Guo Z. To each according to its niche: Analyzing the political and economic origins for a structural segregation in Chinese press // *Journal of Media Economics*. 2001. Vol. 14.
- Hahn D. F. *Political Communication : Rhetoric, Government, and Citizens / 2nd ed.* New York, 2003.
- Handbook of political communication / Ed. D. Nimmo, K.R. Sanders. – Beverly Hills, 1981.*
- Hastings A. *Metaphor in Rhetoric // Western Speech*. 1970. Vol. 34.
- He Z. *Mass Media and Tiananmen Square*. New York, 1996.
- He Z. Working with a dying ideology: Dissonance and its reduction in Chinese journalism // *Journalism Studies*. 2000. Vol. 1.
- Henry D. The rhetorical dynamics of Mario Cuomo's 1984 keynote address: Situation, speaker, metaphor // *Southern Speech Communication Journal*. 1988. Vol. 53.
- Hermanns F. *Brisante Wörter. Zur lexikographischen Behandlung parteisprachlicher Wörter und Wendungen in Wörterbüchern der deutschen Gegenwartssprache // Studien zur neuhochdeutschen Lexikographie II / H.E. Wiegand (Hg.). Marburg, 1980.*
- Hikins J. W. The Rhetoric of 'Unconditional Surrender' and the Decision to Drop the Atomic Bomb // *The Quarterly Journal of Speech*. 1983. Vol. 69.
- Hook G. D. Making nuclear weapons easier to live with: The political role of language in nuclearization // *Bulletin of Peace Proposals*. 1985. Vol. 1.
- Howe J. *Carrying the village: Cuna political metaphors // The Social Use of Metaphor. Philadelphia, 1977.*
- Howe N. *Metaphor in Contemporary American Political Discourse // Metaphor and Symbolic Activity*. 1988. Vol. 3. № 2.
- Ito Y. What causes the similarities and differences among the social sciences in different cultures? Focusing on Japan and the West // *Asian Journal of Communication*. 2000. Vol. 10.
- Ivie R. L. *Literalizing the Metaphor of Soviet Savagery: President Truman's Plain Style // Southern Speech Communication Journal*. 1986. Vol. 51.
- Ivie R. L. *Metaphor and Motive in the Johnson Administration's Vietnam War Rhetoric // Texts in Context: Critical Dialogues on Significant Episodes in American Political Rhetoric. Davis, 1989.*
- Ivie R. L. *Metaphor and the Rhetorical Invention of Cold War 'Idealists' // Communication Monographs*. 1987. Vol. 54.
- Ivie R. L. *The Metaphor of Force in Prowar Discourse: The Case of 1812 // Quarterly Journal of Speech*. 1982. Vol. 68.
- Jamieson K.H. *The Metaphoric Cluster in the Rhetoric of Pope Paul VI and Edmund G. Brown, Jr. // Quarterly Journal of Speech*. 1980. Vol. 66.
- Jensen J. *British Voices on the Eve of the American Revolution: Trapped by the Family Metaphor // Quarterly Journal of Speech*. 1977. Vol. 63.
- Kahn H. *On Escalation: Metaphors and Scenarios*. New York, 1965.
- King R. D. *Franklin D. Roosevelt's Second Inaugural Address // Quarterly Journal of Speech*. 1937. Vol. 23.
- Kjellen R. *Staten som lifsform*. Stockholm, 1916. Vol. III.
- Klein J. *Wortschatz – Wortkampf – Wortfelder in der Politik*. In: ders. (Hg.): *Politische Semantik. Bedeutungsanalytische und sprachkritische Beiträge zur politischen Sprachverwendung*. Opladen, 1989.
- Klein J. *Die öffentliche Nachrüstungs-Diskussion. Überlegungen zu ihrer argumentationsanalytischen Beschreibung // Jenseits von Orwell. Analysen zur Instrumentierung der Kul-*

tur / H.-D. Kübler (Hg.). Frankfurt/M., 1984.

Klein J. Argumentation in politisch-parlamentarischer Debatte. Linguistische Anmerkungen zur politischen Kultur in der Bundesrepublik Deutschland // Germanistik - Forschungsstand und Perspektiven. Vorträge des Dt. Germanistentages 1984 / G. Stötzel (Hg.). Teil 1. Berlin; New York, 1985.

Klemperer V. LTI. Notizbuch eines Philologen. Leipzig, 1947.

Kopperschmidt J. Argumentation. Ein Vorschlag zur Methode ihrer Analyse // Wirkendes Wort. 1983. Bd. 33. Lasswell H.D. Style in the language of politics // Language in politics: Studies in quantitative semantics. New York, 1949.

Kopperschmidt J. Methode statt Appell. Versuch einer Kommunikationsanalyse // Der Deutschunterricht. 1976. Bd. 28. H. 4.

Kress G. Linguistic Processes in Sociocultural Practice / 2nd ed. Oxford, 1989.

Kuhn F. Überlegungen zur politischen Sprache der Alternativbewegung // Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht. 1983. Bd. 51.

Kühn P. Der parlamentarische Zwischenruf als mehrfachadressierte Sprachhandlung // Sprache, Diskurs und Text // Akten des 17. Linguistischen Kolloquiums Brüssel 1982 / René Jongen u.a. (Hg.). Tübingen, 1983. Band 1.

Kurz G. Metapher, Allegorie, Symbol. Göttingen, 1982. Küster R. Militärmetaphorik im Zeitungskommentar: Darstellung und Dokumentation an Leitartikeln der Tageszeitungen ‚Die Welt‘ und ‚Süddeutsche Zeitung‘. Göppinger Arbeiten zur Germanistik Series 246. – Göppingen, 1978.

Küster 1983 – Küster R. Politische Metaphorik // Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht. 1983. Bd. 51.

Lee C.C. (Ed.). Power, money, and media: Communication patterns and bureaucratic control in cultural China. Evanston, 2000.

Ling C. Culture, politics, communication and development: A tentative study on the case of China // Gazette. 1991. Vol. 48.

Lübbe H. Der Streit um Worte. Sprache und Politik // Das Problem der Sprache / H.G. Gadamer (Hg.). München, 1967.

Miller E. F. Metaphor and Political Knowledge // American Political Science Review. 1979. Vol. 73. № 1.

Mumby D. K., Spitzack C. Ideology and Television News: A Metaphoric Analysis of Political Stories // Central States Speech Journal. 1983. Vol. 34. № 3.

Orwell G. Politics and the English language // The Norton anthology of English literature. New York, 1993 [1947].

Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // Quarterly Journal of Speech. 1967a. Vol. 53.

Osborn M. The Evolution of the Archetypal Sea in Rhetoric and Poetic // Quarterly Journal of Speech. 1977. Vol. 63.

Osborn M. The Evolution of the Theory of Metaphor in Rhetoric // Western Speech. 1967b. Vol. 31.

Pelster T. Zur Semantik politischer Leitwörter // Praxis Deutsch. 1976. Bd. 17.

Perry S. Rhetorical Functions of the Infestation Metaphor in Hitler's Rhetoric // Central States Speech Journal. 1983. Vol. 34.

Randolph J. The 1948 Presidential Campaign: Truman – A Winning Speaker // Quarterly Journal of Speech. 1948. Vol. 34.

Ray R.F. Ghostwriting in Presidential Campaigns // Communication Quarterly. 1956.

Vol. 4.

Rayner J. *Between Meaning and Event: An Historical Approach to Political Metaphors* // *Political Studies*. 1984. Vol. 32.

Rickert W. *Winston Churchill's Archetypal Metaphors: A Mythopoetic Translation of World War II* // *Central States Speech Journal*. 1977. Vol. 28.

Sarcinelli U. *Symbolische Politik. Zur Bedeutung symbolischen Handelns in der Wahlkampfkommunikation der Bundesrepublik Deutschland*. Opladen, 1987.

Schiffman J. *Observation on Roosevelt's Literary Style* // *Quarterly Journal of Speech*. 1949. Vol. 35.

Schönbohm W. *Funktion, Entstehung und Sprache von Parteiprogrammen* // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 1974. Bd. 34-35.

Sen K., Hill D.T. *Media, culture and politics in Indonesia*. Melbourne; Oxford, 2000.

Shapiro M. *Language and political understanding*. West Hanover, 1981.

So C. *The Summit as War: How Journalists Use Metaphors* // *Journalism Quarterly*. 1987. Vol. 64.

Stelzner H. *G. Ford's War on Inflation: A Metaphor That Did Not Cross* // *Communication Monographs*. 1977. Vol. 44. Thaiss G. *The conceptualization of Social Change Through Metaphor* // *Journal of African and Asian Studies*. 1978. Vol. 13.

Strauss G. *Der politische Wortschatz: Zur Kommunikations- und Textsortenspezifik*. Tübingen, 1986.

Voelker C. H. *A Phonetic Study of Roosevelt* // *Quarterly Journal of Speech*. 1936. Vol. 22.

Wachtel M. *Die Darstellung von Vertrauenswürdigkeit in Wahlkampfspots*. Tübingen, 1988.

Weiss H.-J. *Wahlkampf im Fernsehen*. Berlin, 1976.

White E.E., Henderlinder C.R. *What Harry S. Truman Told Us about His Speaking* // *Quarterly Journal of Speech*. 1954. Vol. 40.

Wilson G.L. *Rhetorical Echos of a Wilsonian Idea* // *Quarterly Journal of Speech*. – 1957. – Vol. 43.

Wolff G. *Sprache im Wahlkampf* // *Praxis Deutsch*. 1976. Bd. 18.

Wülfing W. *Schlagworte des Jungen Deutschland. Mit einer Einführung in die Schlagwortforschung*. Berlin, 1980.

Zarefsky D. *President Johnson's war on poverty*. Tuscaloosa, 1986.

Zashin E., Chapman P.C. *The uses of metaphor and analogy: Toward a renewal of political language* // *The Journal of Politics*. 1974. Vol. 36.

Zelko H. *Franklin D. Roosevelt's Rhythm in Rhetorical Style* // *Quarterly Journal of Speech*. 1942. Vol. 28.

Zhao Y. *Media, market and democracy in China: Between the party line and the bottom line*. Urbana, 1998.

Zhao Y. *From commercialization to conglomeration: The transformation of the Chinese press within the orbit of the party state* // *Journal of Communication*. 2000. Vol. 50.

Zhu J.H. *Political movements, cultural values, and mass media in China: Continuity and change* // *Journal of Communication*. 1997. Vol. 47.

Zhu J.H., Weaver D., Lo V.H., Chen C., Wu W. *Individual, organizational, and societal influences on media role perceptions: A comparative study of journalists in China, Taiwan, and the United States* // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 1997. Vol. 74.

© Будаев Э.В., Чудинов А.П., 2006

НЕКОТОРЫЕ МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ПРИЕМЫ В ТЕКСТАХ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ НОВОСТЕЙ

Abstract

The paper reviews the problems of manipulative technologies, verbal methods of influence on the individual and public opinion used in the texts of TV news. The following tools of verbal manipulation are distinguished: euphemisation of the past; imitation of the abundance of information; succession in introducing information; alogism of messages.

Для внимательного наблюдателя совершенно очевидно, что перманентные радикальные реформы, развернутые в России, не были бы столь успешными (в каком-то смысле этого слова или с чьей-то точки зрения), если бы не чрезвычайно активное участие и использование в их проведении так называемых СМИ (ср.: «По словам агентства Интерфакс, президент Б. Ельцин считает, что СМИ являются четвертой властью и относятся к силовикам» [ОПТ. 25.12.98] (*силовик*¹ – публ. разг. 'руководитель силового министерства, ведомства или крупного подразделения'; *силовой* – публ....2) 'относящийся к подразделениям государственной власти, призванным гарантировать соблюдение законности и правопорядка, карать за их нарушение, обеспечивать государственную безопасность и опирающимся на военный и полицейский аппарат' [ТССРЯ 2001: 721-722]. Кстати, оба слова снабжены графическими пометами, указывающими на их актуализацию. Ср. следующую иерархию ролей тех, кто ратует за благо народное, построенную явно по признакам убывающей степени их влияния: «От СМИ, органов государственной власти, науки и системы образования, общественных организаций и гражданских движений, от федеральных концепций и программ, наконец, от самих себя мы вправе ожидать расширения мобилизационных усилий по целенаправленной поддержке современных трансформационных процессов» [Губогло 2002: 36].

Конечно, научно-технические изобретения сделали возможной невиданную ранее скорость передачи информации, причем одновременно для многомиллионной аудитории, – но при этом оказалась столь же возможной интенсификация информационно-психологической войны, выражающейся в манипуляциях индивидуальным и общественным сознанием. «Если цель [европейских войн начала XIX столетия] – распространение идей, то книгопечатание исполнило бы это гораздо лучше, чем солдаты» [Толстой 1981: 249]; понятно, что в этом отношении радио и особенно телевидение, с помощью видеоряда транслирующее или успешно имитирующее действительность, гораздо более эффективны в своем влиянии на психику и поведение людей, которым даже и не обязательно быть грамотными (т.е. хотя бы в малой степени уметь читать).

Одним из существенных признаков современного мироустройства

справедливо считают **медиа-тизацию** – «процесс и результат глобального воздействия на мышление индивидов при помощи различных медиа, выражающегося в формировании картины мира посредством специфически медийных когнитивных структур познания и представления реальности – возникающих при взаимодействии индивида с глобальным информационным пространством» [Рогозина 2003: 121]. При этом формируется особая **медиа-картина мира** – «продукт непрерывной информационной деятельности по познанию мира, сопровождающаяся постоянной экстернализацией содержания сознания отдельных людей, его мультипликацией и последующей трансляцией на аудитории, имеющие массовый характер» [Рогозина 2003: 122].

Степень зависимости потребителей продукции СМИ от предлагаемой им «духовной пищи» (точнее, конечно, ее суррогатов) может быть – и оказывается, как свидетельствуют некоторые данные, – чрезвычайно высокой, сродни наркотической: ср. чуть ли не всеобщее увлечение «россиян» многочисленными телесериалами, ток-шоу, реалити-шоу, «юмористическими» (скорее, все-таки пропагандистскими) передачами и т.п. (По некоторым данным, «в 1994 г. на сахаровских чтениях Е. Боннэр учила президента Ельцина никогда не пользоваться этническим именем русский, а заменить его прозвищем россиянин» [Миронова 1997: 6]. Ср. иронический комментарий современного писателя: «О русской идее здесь напоминало только блатное обращение «россияне», всегда казавшееся Татарскому чем-то вроде термина «карестанты», которым воры в законе открывают свои письменные послания на зону, так называемые «малявы» [Пелевин 1999: 180]. Несмотря на мощную и непрерывную пропагандистскую обработку, посредством которой большинству населения России пытаются внушить весьма коварную самоидентификацию «россияне», всё-таки, по некоторым данным, после того, как прежнее идеологизированное определение общности «советский народ» утратило смысл и соотношение с былыми реалиями, «фактор национальности оказывается гораздо важнее, чем гражданство. Интересно, что «русские» [кавычки принадлежат цитируемому автору. – А.В.] в два раза чаще предпочитают называть себя именно этим словом, а не словом «россияне» [Сергеева 2004:240]) Это весьма напоминает эпизоды почти пророческого романа Р. Брэдли «451° по Фаренгейту», большинство действующих лиц которого настолько увлечено перипетиями псевдожизни телевизионных персонажей, что совершенно не обращает внимания ни на своих близких, ни на события реальной действительности (в которой, между прочим, неотвратимо назревает ядерная война). Происходит то, что полуиронически формулируется современным писателем как «самый существенный феномен конца второго тысячелетия.... Смене изображения на экране в результате различных техномодификаций можно поставить в соответствие условный психический процесс, который заставил бы наблюдателя переключать свое внимание с одного события на другое и управлять своим вниманием так, как это делает за него съемочная группа. Возникает виртуальный субъект этого психического процесса, который на время телепередачи

существует вместо человека, входя в его сознание как рука в резиновую перчатку.... Для человека, смотрящего телевизор, ничего реальнее этого виртуального субъекта нет.... Чувства и мысли, выделение адреналина и других гормонов в организме зрителя диктуются внешним оператором и обусловлены чужим расчетом» [Пелевин 1999: 104-105].

Что же касается вышеназванных российских «юмористических» телепередач, то о них следует сказать особо. Тиражируемые телевизионные тексты местечковых скетчистов весьма многочисленны и как-то натушно веселы (что – на общем малорадостном фоне – невольно заставляет вспомнить классическое «восславим царствие Чумы»); при этом они, как правило, довольно однородны: и тематика, и содержание, и манера сценического исполнения (за очень редкими исключениями) направлены на переориентацию аксиологических координат социума, низведение его духовных потребностей до уровня удовлетворения физиологических инстинктов. Как метко сформулировал И. Волгин, происходит «быдловизация всей страны».

В связи с этим сто́ит обратиться к произведениям Ф.М. Достоевского; они, «будучи переведенными на другие языки, стали тем знанием о системе под названием «Русский народ», которое и явилось основой для современных разработчиков стратегий и тактик информационной войны». Здесь же приводится высказывание одного из персонажей писателя: «Весь закон бытия человеческого лишь в том, чтобы человек всегда мог преклониться пред безмерно великим. Если лишить людей безмерно великого, то не станут они жить и умрут в отчаянии» – с комментарием: «Информационное же оружие можно применять как раз для уничтожения в человеке именно этой связи с «безмерно великим». После этого до идеи самоуничтожения он дойдет уже сам» [Расторгуев 2003: 192] (ср. фразеологизм *ничего святого*).

Действительно, глубоко символичен тот факт, что роман, содержащий прообраз классической стратегии информационной войны, называется «Бесы». Многие речи и поступки его персонажей (либералов, революционеров и т.п.) удивительно созвучны актам сегодняшних деятелей, таких же Лямшиных. Напр.: члены «кружка» Верховенского-старшего «впадали в общечеловеческое»; «наш русский либерал прежде всего лакей и только и смотрит, как бы кому-нибудь сапоги вычистить»; «они первые были бы страшно несчастливы, если бы Россия как-нибудь вдруг перестроилась, хотя бы даже на их лад, и как-нибудь вдруг стала безмерно богата и счастлива», а сам Верховенский-отец решает, что «русские должны быть истреблены для блага человечества, как вредные паразиты». Когда «в моде был некоторый беспорядок умов», членов другого кружка (супруги губернатора), мастеров устраивать публичные скандалы, «звали насмешниками или надсмешниками,

потому что они мало чем брезгали». Наконец, организация Верховенского-младшего ставила своей целью «систематическое потрясение основ, ...разложение общества и всех начал»; «систематическою обличительною пропагандою... зародить цинизм., полное безверие во что бы то ни было... наконец, ввергнуть страну..., если надо, даже в отчаяние» [Достоевский 1957: 36, 146, 147, 229, 336, 570, 696].

Среди прочих «забавных штучек», придуманных одним из «бесов»-активистов Лямшиным (впрочем, «был слух, что Лямшин украл эту пьеску у одного талантливого и скромного молодого человека., который так и остался в неизвестности»), была и «забавная, под смешным названием: «Франко-прусская война». Начиналась она грозными звуками «Марсельезы» Слышался напыщенный вызов, упоение будущими победами. Но вдруг, вместе с варьированными тактами гимна, где-то сбоку, внизу, в уголку, но очень близко, послышались гаденькие звуки «Mein lieber Augustin». «Марсельеза» не замечает их.; но «Augustin» все нахальнее, и вот такты «Augustin» как-то неожиданно начинают совпадать с тактами «Марсельезы»... «Марсельеза» как-то вдруг ужасно глупеет: ...это вопли негодования, это слезы и клятвы с простертыми к провидению руками... Но она уже принуждена петь с «Mein lieber Augustin» в один такт. Ее звуки как-то глупейшим образом переходят в «Augustin», она склоняется, погасает... Но тут уже свирепеет и «Augustin», который переходит в неистовый рев... Франко-прусская война оканчивается. Наши [члены «кружка» – А.В.] аплодируют» [Достоевский 1957: 339-340].

В связи с этим эпизодом можно привести аналогичную современную «забавную штучку» – песенку русскоязычной группы «Ван моо» (видимо, от англ. *one more* – «еще раз»). Текст этого произведения начинается примерно так: «У меня дружок есть Ваня, он играет на баяне: по полю-полю» с рефреном: «Такие песни поем мы вместе», рефреном второго куплета звучало уже кришнаитское «Харе Рама», а в третьем *crescendo* нарастала «Хава нагила», сопровождавшаяся соответствующим национально-танцевальным представлением, и – «Такие песни поем мы вместе!». Всё сливается в торжествующих звуках «Хава нагила»... Разные российские телеканалы настойчиво транслировали этот шедевр по несколько раз в день... Любопытно, что о дальнейшей творческой судьбе группы «Ван моо» ничего более неизвестно (то ли она прекратила существовать, то ли обрела какую-либо историческую родину); не менее любопытно, что «забавная штучка» особенно активно демонстрировалась приблизительно в июле – сентябре 1993 г.. При желании, конечно, это можно считать неким случайным совпадением. Но в медиатизации как выражении информационно-психологической войны случайности допускаются редко; точнее говоря, они обычно хорошо

продуманы, поскольку также используются в целях манипулирования.

Известны различные определения манипуляции. Ср. следующие лексикографические дефиниции: *манипуляция* – 1) 'движение рук, связанное с выполнением определенной задачи, напр. при управлении каким-л. устройством'; 2) 'демонстрирование фокусов, основанное преимущественно на ловкости рук, умение *отвлечь внимание зрителей от того, что должно быть от них скрыто*' [курсив. – А.В.] 3) 'махинация, мошенническая проделка' [СИС 1979: 300]. Вероятно, на основе двух последних значений (одно из которых является к тому же метафорическим, что, наверное, облегчило его переход в иные сферы использования) развилось несколько иное – как специального термина социальных наук: «*манипуляция* – (соц. и соц.-псих.) 'система способов идеол. и дух.-псих. воздействия с помощью средств массовой коммуникации на массы с целью их подчинения бурж. ценностям и образу жизни, насаждения потребит. психологии, антикоммунистич. идеологии' [СЭС 1983: 755]. Этот термин, очевидно, призван был служить отрицательно-оценочным обозначением явления, присущего враждебным социальным процессам и тем СМИ, которые их обеспечивают. Ср.: «...В условиях буржуазного общества главной функцией массовой коммуникации является социальная манипуляция общественным сознанием, адаптация населения к стандартам и канонам буржуазного образа жизни...» [Ножин 1974: 8].

Впоследствии появились и более нейтрализованные определения: «Манипуляция – это вид психологического воздействия, при котором мастерство манипулятора используется *для скрытого внедрения* в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент» [Доценко 1996:60].

Отметив, что слово *манипуляция* имеет отрицательную окраску («им мы обозначаем то воздействие, которым недовольны, которое побудило нас сделать такие поступки, что мы остались в проигрыше, а то и в дураках»), С.Г. Кара-Мурза описывает его этимологию и семантические эволюции, приведшие к такому результату: современное переносное значение слова – ловкое обращение с людьми как объектами, вещами. Оксфордский словарь английского языка трактует манипуляцию как «акт влияния на людей или управления ими с ловкостью, особенно с пренебрежительным подтекстом, как скрытое управление или обработка...»; изданный в 1969 г. в Нью-Йорке «Современный словарь социологии» определяет манипуляцию как «вид применения власти, при котором обладающий ею влияет на поведение других, не раскрывая характера поведения, которое он от них ожидает» [Кара-Мурза 2002: 15]. Одним из важных этапов в развитии метафорического употребления слова было, по мнению психологов, искусство артистов, фокусников-манипуляторов, которые способны добиваться эффекта своего высту-

пления, используя психологические стереотипы зрителей, отвлекая, перемещая и концентрируя таким образом иллюзии восприятия. К главным, родовым признакам манипуляции относят следующие: 1) это вид духовного, психологического *воздействия*, мишенью которого являются психологические структуры личности; 2) это *скрытое* воздействие, факт которого не должен быть замечен объектом манипуляции; 3) это воздействие требует от манипулятора значительного *мастерства и знаний*; 4) это *отношение к людям*, сознанием которых манипулируют, не как к личностям, а как к объектам, особого рода *вещам* [Кара-Мурза 2002: 16-17].

Наверное, можно выделить некоторые сферы профессиональной деятельности, где квалифицированное владение приемами манипуляции играет решающую роль в достижении успеха. К таковым возможно отнести, напр., управление различными по количеству и объединяющему их признаку коллективами; образование и культуру (прежде всего т.н. шоу-бизнес); юриспруденцию и журналистику; рекламное дело и связи с общественностью; прикладную социологию и психологию; религию, политическую агитацию и пропаганду, а также некоторые др. Повидимому, особенно значим фактор манипуляции в политике: здесь последствия успешных манипулятивных операций оказываются наиболее крупными и долговременными. «Новые политические условия привели к изменению методов коммуникативного воздействия, но политика – это всегда борьба за власть, а в этой борьбе победителем обычно становится тот, кто способен создать в сознании адресата необходимую манипулятору картину мира. Напр., опытный политик не будет призывать к сокращению социальных программ для малоимущих, он будет говорить только о «снижении налогов». Однако хорошо известно, за счет каких средств обычно финансируется помощь малообеспеченным гражданам» и т.п. [Будаев, Чудинов 2006: 19].

Манипуляции – неизбежный модус поведения и необходимый атрибут и инструмент любой власти так же, как и СМИ, без которых осуществление манипулятивных операций заведомо невозможно (в лучшем случае мало эффективно). «Политические лидеры, СМИ, воздействуя на общество и конкретную личность, используют разнообразные приемы, в том числе и речевое давление, языковое манипулирование» [Семенюк 2001: 279]. Понятие «языковое (речевое) манипулирование» представляется более узким, нежели «манипулирование вообще». Приведем некоторые определения.

Языковое манипулирование – «вид языкового воздействия, используемый для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент. В основе языкового мани-

пулирования лежат такие психологические и психолингвистические механизмы, которые вынуждают адресата некритично воспринимать речевое сообщение, способствуют возникновению в его сознании определенных иллюзий и заблуждений, провоцируют его на совершение выгодных для манипулятора поступков» [Быкова 1999: 99]. – «Под языковым манипулированием нами понимается манипулирование, осуществляемое путем сознательного и целенаправленного использования тех или иных особенностей устройства и употребления языка. Таким образом, языковое манипулирование надо рассматривать как особую разновидность речевого воздействия» [Остроушко 2002: 90]. – «Под языковым манипулированием мы понимаем скрытое воздействие на реципиента (группу индивидов), совершаемое в интересах воздействующей стороны, с целью достижения определенного эффекта. Путем манипуляции в сознание внедряются идеи, образы, ассоциации, стереотипы, которые могут полностью, причем незаметно для человека, изменить его отношение к миру» [Любимова 2005: 1].

Проблемы манипулятивных технологий, методов речевого воздействия на индивидуальное и общественное сознание рассматриваются специалистами в разных аспектах, среди которых, на наш взгляд, главным является анализ особенностей употребления лексико-фразеологических элементов в соответствующих дискурсах СМИ (используем пока – в силу распространенности – последнее обозначение). В каком-то отношении подобный подход весьма традиционен: эффективность информационно-психологических операций основывается прежде всего на активизации именно вербальных единиц и их блоков, вне зависимости от сменяющихся и / или дополняющих друг друга форм и способов хранения и передачи информации (устная речь, письменность, книгопечатание, звукозапись, радио, телевидение) – см. работы В.В. Колесова, Н.К. Фролова, Л.Н. Синельниковой, С.Г. Кара-Мурзы, А.П. Чудинова, А.Д. Васильева и др., где вопросы этого круга рассматриваются под разными углами зрения и на материалах различных источников. При этом постоянно учитывается, что «главная проблема идеологического творчества – это проблема интерпретации (истории, национальной культуры, религии и философии). Главная задача – обеспечение мобилизации с целью манипуляции. Проблемы интерпретации, мобилизации и манипуляции – это прежде всего проблемы языка» [Ветров 2000: 201].

Приемы языкового манипулирования многообразны, потому в настоящей публикации попытаемся характеризовать и иллюстрировать только некоторые из них.

1. Относительный (временный) манипулятивный эффект может произвести замена слова, имеющего или в результате каких-то обстоя-

тельств обретшего в сознании общества негативную оценочность (обычно из-за реалий, этим словом обозначаемых), на другое, приблизительно с тем же лексическим значением, еще не успевшее (как правило, из-за действий той же власти) украсить подобной аурой. Происходит нечто вроде эвфемизации – или, скорее, псевдоэвфемизации, поскольку многие носители языка почти сразу же разгадывают суть этого словесного фокуса. Ср.: «На совещании предложили назвать реформу [жилищно-коммунальную] *преобразованием*, чтобы не раздражать население» [ИКС. КГТРК. 14.05.01]. «В Пенсионном фонде стараются не употреблять слово *реформа*, а говорить о *совершенствовании* пенсионной системы» [Новости. ОРТ. 01.01.02]. «..Почему это и не *реформа* называется, а *модернизация*; мы должны постепенно [!] довести до сведения всех [введение т.н. «профильного образования» – начальник информцентра министерства образования. – Обозрение – 7. 7 канал. 28.10.02]. «Это не столько *реформа*, сколько *оптимизация* Симптоматично и символично, что слово оптимизация (<лат. *optimus* наилучший) – «нахождение наибольшего или наименьшего значения какой-л. функции или выбор наилучшего (оптимального) варианта из множества возможных» [СИС 1979:357] тоже стало манипулятивным эвфемизмом, ср.: «Оптимизация расходов в медицинских учреждениях: сокращение количества коек [в больницах Красноярского края]» [Новости. Прима ТВ.17.12.04] [эти слова министра обороны С.Иванова тут же были интерпретированы диктором так: «Центральный аппарат [армии] будет не столько *реформирован*, сколько *видоизменен*». [Доброе утро, Россия. РТР. 21.04.04]. «Предстоит не *реформа* жилищного законодательства, а его *упорядочивание*» [Вести. РТР. 01.02.05] и др. Остронегативные ассоциации, вызываемые у большинства российских граждан словом *реформа*, когда оно звучит из уст представителей власти и деятелей СМИ, закономерно оправданы собственным малоприятным опытом существования огромной части населения за последние полтора-два десятилетия. Поэтому рядовой телезритель недоумевает: «Почему всюду говорят, что это *реформа* ЖКХ, а на самом деле – *поднятие тарифов*?» [ТВК.04.03.03], а депутат-журналист наконец-то прозревает: «Слово *реформа* жителей нашей страны уже просто пугает» [А.Клешко. После новостей. ТВК. 09.03.04] (кстати, этот же деятель в общем-то справедливо отметил, что «слово *депутат* в нашей стране стало ругательным» [Будни. ТВК. 23.01.03], правда, не объяснив достаточно внятно истоки пейоративности, казалось бы, нейтральной лексемы). По-видимому, именно с учетом отторжения общественным сознанием слова *реформа* как символа всего того, что с ним связано, кремлевские политтехнологи изобрели *национальные проекты*, воспринимаемые, впрочем, тоже, кажется, не с одинаковым энтузиазмом. Заметим, кстати, что используемое во вновь популяризуемом словосочетании прилагательное *национальный* семантически явно тяготеет к амер.-англ. *national* (подр. см. [Васильев 2006]).

2. Интерпретация фактов, в том числе – отдаленного прошлого, для их восприятия и оценки с позиций новых властителей, воспитыва-

вающих или перевоспитывающих таким образом аудиторию: «Кто управляет прошлым, тот управляет будущим; кто управляет настоящим, тот управляет прошлым» [Оруэлл 1989:41]. Ведь одна из важнейших задач информационной войны – сделать так, чтобы заставить информационную самообучающуюся систему [человека, государство...] «смотреть на мир чужими глазами», глазами той информационной системы, на которую данная должна стать похожей, т.е. глазами эталона» [Расторгуев 2003: 136].

Вот как представлен известный военно-исторический факт в одном из выпусков теленовостей: «Ровно шестьдесят лет тому назад произошла крупнейшая *катастрофа* на море. *Русская* подводная лодка потопила немецкое судно «Вильгельм Густлов», на борту которого было *около десяти тысяч человек*. Капитан *русской* подлодки Маринеско *нарушил все инструкции* ведения подводного боя... Немцы *во многом были сами виноваты: не было боевого охранения, плохо поставлена служба...* По некоторым данным, через несколько месяцев Маринеско был *понижен в должности и уволен*» [Сегодня. НТВ. 30. 01. 05.].

Семантические и коннотативные потенции графически выделенных приоритетных слов и синтагм позволяют предложить следующие интерпретации их и всего сообщения аудиторией:

1) *русская* подводная лодка: а) не «советская» (не будем упускать из виду, что последнее прилагательное в официозном публичном российском дискурсе либо употребляется для выражения негативной оценки, либо фактически табуировано [Васильев 2003: 180-211, 13]) (В этом легко убедиться, слушая внимательно, напр., тексты официальных речей и телекомментариев реформаторского периода по поводу Дня Победы: отсутствуют прилагательное *советский*, словосочетания *Советский Союз, советский народ, Красная (Советская) Армия* и им подобные (обычно вместо них произносят *наш народ, наша армия, наша страна* и прочие семантически размытые формулировки). Ср.: «Товарищ министр обороны Российской Федерации! Войска московского гарнизона для парада в ознаменование 56-й годовщины победы [чьей? – А.В.] в Великой Отечественной войне построены» [репортаж о репетиции парада. – Время. ОРТ. 20.04.01]. «Самый грандиозный залп тысячи орудий возвестил миру о победе [чьей? – А.В.] над фашистской Германией» [Доброе утро, Россия. РТР.08.05.03.]. «Празднование 60-летия победы [чьей? – А.В.] над фашизмом должно напомнить [кому? – А.В.] о решающей роли нашего народа [в чем? – А.В.]. [Парламентский час. РТР.30.05.04] и т.п. Неудивительно поэтому ни странные оговорки («трагедия, о которой нельзя забывать...60 лет назад советские войска освободили Освенцим»)- неужели это событие кто-то считает трагическим? [Новости. 1 канал. 27.01.05]), ни еще более странные параллели («как и 61 год назад... на полевой кухне дружно празднуют победу солдаты вермахта и Красной Армии» - о военно-исторической игре «Штурм Кенигсберга» [В.Ситникова. Сегодня. НТВ. 10.04.06])); б) *русский* с точки зрения иноязычной и чужекультурной, в том числе – бывшего [?] противника, – абсолютный синоним прилагательного *советский*;

2) «... около десяти тысяч человек ...» – значит, совершено престу-

пление против человечности (и человечества?); иначе – «военное преступление»; вопиюще антигуманный акт;

3) «Маринеско нарушил все инструкции ведения подводного боя» потому, что а) упомянутый капитан – закоренелый и злостный нарушитель воинской дисциплины; б) соответствующие советские инструкции были совершенно непригодными для применения в обстановке реального боя;

4) никакой особенной заслуги капитана Маринеско и его подлодки в потоплении «Густлова» не было: командование и экипаж германского судна преступно небрежно отнеслись к своим должностным обязанностям, за что и поплатились – якобы с фатальной неизбежностью;

5) «некоторые данные» (почему-то даже приблизительно не документированные, тем не менее, цитируемые как непреложные) свидетельствуют о том, что а) поступок Маринеско не был сочтен военным подвигом с точки зрения советского командования, для которого первостепенную важность имело тупое соблюдение официально утвержденных правил ведения боя, а не результативность операций; б) даже таких выдающихся капитанов советская власть не могла (не хотела?) ценить по достоинству.

Конечно, трудно судить о том, каковы были подлинные интенции авторов анализируемого сообщения, но общий смысл и вероятный манипулятивный эффект состоят приблизительно в следующем: совершенно случайно капитан Маринеско, нарушитель дисциплины (и, возможно, профессионально неграмотный командир), потопил мирное пассажирское судно, презрев законы человечности (потому что русский); однако даже такое страшное преступление тогдашней антигуманной властью не было расценено как подвиг (что вообще, по-видимому, должно было бы произойти). Разумеется, ключевым здесь является слово *катастрофа*, характеризующее, с одной стороны, масштаб события, с другой – высокую долю его стихийности, стечения обстоятельств.

И всё же: можно не сомневаться в том, что потопление «Вильгельма Густлова» стало действительно катастрофой – но для Германии: ведь на борту судна транспортировали для участия в дальнейших боях против советской армии тысячи хорошо подготовленных офицеров и курсантов-подводников (так же, скажем, как *катастрофой* можно при желании считать исход Сталинградской битвы) (Удивительно, но, то ли из соображений конкуренции (или создания ее видимости), то ли ради разнообразия (или его имитации), другой телеканал сообщил о том же военно-морском событии в формулировках, куда более близких историческим фактам: «На борту «Вильгельма Густлова» было 6740 человек по судовому списку, но их было от семи до десяти тысяч – 80 экипажей для новейших немецких подлодок ... Во время войны «Густлов» был превращен в учебную базу немецкого подводного флота... Маринеско отправил под ВОДУ целую немецкую дивизию. Они [такие суда, как «Густлов»] были боевые немецкие корабли»

[Новости. 1 канал. 05.05.05). Итак: подвиг советского капитана и его экипажа – или катастрофа? Несомненно, последнее: такую трактовку факта навязывают аудитории, заставляя ее «смотреть на мир глазами эталона». Любопытен по аналогии частный пример манипулятивной операции того же «эталона»: В. Бергсдорф упоминает, что «в нацистской Германии специальным распоряжением министерства пропаганды от 22.08.1936 было предписано именовать погибших немецких солдат не «gefallenen» («павшие»), а «ermordeten» («убитые»), дабы подчеркнуть, что национал-социалистические бойцы пали не в битве с честным врагом, а были злодейски убиты» [Остроушко 2002: 88].

3. Одним из наиболее распространенных приемов, который, пожалуй, самым интенсивным образом практикуется в дискурсе российских телеканалов (особенно в выпусках новостей), является имитация обилия информации. Такой прием используется постоянно; с пропагандистской точки зрения он очень плодотворен, так как оказывается, при обычной своей внешней малозаметности, чрезвычайно эффективным инструментом выработки того отношения аудитории к тем или иным фактам и лицам, которого, вероятно, желают манипуляторы. Казалось бы, такая мелочь, как кончик гвоздя, торчавший из табуретки на кухне президента Ельцина и тщательно обследованный Э. Рязановым в его сугубо документальном фильме, является на самом деле очень значимой. Она «очеловечивает» образ главы государства («вот, дескать, и у него то же, что у нас»), заставляя к тому же наглядно убедиться в его круглосуточной занятости великими делами на благо России (из-за чего на устранение собственных бытовых неудобств нет ни времени, ни сил). С помощью этого приема возможно сотворение мифологических фрагментов картины мира требуемой конфигурации. Скажем, из передач телезритель узнает о гастрономических, музыкальных, спортивных и т.п. вкусах и пристрастиях высших руководителей страны, их умений (без малейшей специальной подготовки!) управлять стратегическим бомбардировщиком или командовать подводной лодкой (не «Курском») (невольно вспоминается пушкинское «..то мореплаватель, то плотник..»); о ближайших родственниках этих руководителей, их семейных традициях, домашних животных и прочем, столь же насущном для электората. Однако подлинные ориентиры и приоритеты представляемого («позиционируемого») таким образом персонажа, мотивация его решений по кардинально важным политическим, социальным, экономическим вопросам по-прежнему остается телеаудитории неведомой.

Приведем также в качестве примеров ряд сообщений, прозвучавших по разным телеканалам, о деятельности так называемых *антиглобалистов*.

«Разъяренные молодчики (*антиглобалисты* в Германии)» [Новости. ОРТ.

02. 05. 02.] (здесь оценка обозначаемых лиц – а заодно, очевидно, и системы их взглядов, – дается не только за счет семантики атрибутива *разъяренные* «охваченные яростью, бешенством» (МАС 2), но и очевидной негативной коннотацией существительного *молодчик* – ‘человек, обычно молодой, нарушающий нормы общественного поведения, способный на преступления, на хулиганство и т. п.’ (МАС 2).

«*Антиглобалисты* (в Калгари) ведут себя на удивление мирно» [Вести. РТР. 27. 06. 02] (оказывается, сам факт мирного поведения *антиглобалистов* должен быть удивительным). «В Зальцбург стянуты огромные силы австрийской полиции. И пока эти меры себя оправдывают: *антиглобалисты* ведут себя мирно» [Вести. РТР. 17. 09. 02] (можно предположить, что только угроза применения значительного контингента сил правопорядка способна удержать *антиглобалистов* от неких страшных гипотетических злодеяний).

«Нью-йоркская полиция арестовала около шестисот *антиглобалистов*... Они [во время заседания Международного банка реконструкции и развития] закидали полицию дымовыми шашками и разбили несколько витрин... На центральных улицах Нью-Йорка убраны даже [!] урны: полиция опасается, что *антиглобалисты* могут использовать их как оружие» [Сегодня. НТВ. 28. 09. 02] (картина возможного нападения *антиглобалистов*, вооруженных уличными урнами, то ли на симпатичный МБРР, то ли на беззащитную американскую полицию, способна напугать не только слабонервных).

«Для *антиглобалистов* это историческое решение [о приеме в НАТО семи новых членов] – лишний повод выйти на улицы [Праги] с лозунгами... Профессиональные нарушители общественного порядка» [24. Ren TV – 7 канал. 21.11.02] (напомним, что сравнительно недавно «историческими» обычно именовались – в советском пропагандистском дискурсе – решения партийных съездов и пленумов ЦК КПСС: налицо своеобразная преемственность; итак, с одной стороны, «исторические» (т.е. имманентно положительные и сугубо благодатные для человечества) решения, с другой – противостоящие им лица, квалифицируемые, по существу, как профессиональные хулиганы, нарушители общественного порядка и спокойствия без каких бы то ни было оснований).

«Демонстранты, в основном *антиглобалисты* и пацифисты, жгли костры и ломали кустарники. Полиции удалось оттеснить демонстрантов...» [Вести. РТР. 28.02.03 – о демонстрации в Вене против войны в Ираке] (зритель невольно начинает симпатизировать героическим венским полицейским, которым «удалось» – как можно предположить, преодолев ожесточенное сопротивление вероятно превосходящих сил противника, – восстановить необходимый *Ordnung*).

«Миротлюбивые швейцарцы, соблюдая права человека, разрешили демонстрацию *антиглобалистов* [в Давосе], а теперь с тревогой ждут... Если демонстрация пройдет мирно и без эксцессов, это станет небольшим чудом...» [Сегодня. НТВ. 25.01.03] (иначе говоря, любое выступление *антиглобалистов* является агрессивным. Любопытно, кстати, заметить: возможная

интенция адресанта вполне может быть интерпретирована следующим образом: швейцарцы – миролюбивые блюстители прав человека, однако стоит ли соблюдать последние, имея дело с коварными (ср. эффект тревожного ожидания; мирный исход демонстрации настолько малопредсказуем, что его надо считать чем-то сверхъестественным) и агрессивными *антиглобалистами*; логично поэтому предположить, что *антиглобалист* – в общем-то, не совсем и человек. Между прочим, здесь же как о главном сообщается: к этой демонстрации «подготовились журналисты»).

«К границам Швейцарии [в преддверии саммита «большой восьмерки»] стягиваются усиленные наряды полиции, чтобы не допустить массового проникновения *антиглобалистов*» [Время. ОРТ. 21.05.03] (для постоянного потребителя телевизионных новостей такая информация уже не является неожиданной: понятно, что нельзя допускать, чтобы профессиональные хулиганы хоть чем-нибудь обидели руководителей «большой восьмерки»).

«В Берлине разворачивалось настоящее сражение [!]. Так *антиглобалисты* решили отметить 1 Мая [Очевидец. Рен ТВ – 7 канал. 31.05.03] (еще раз напоминает об агрессивной сущности *антиглобалистов*, а заодно делается попытка ассоциировать их деятельность с 1 Мая – некогда (в СССР) Днем международной солидарности трудящихся, а ныне – благопристойно внеклассовым Праздником Весны и Труда) (Занятно, что, по мнению российских тележурналистов, и за рубежом теперь отмечают этот праздник; так, рассказывая о драке берлинской молодежи с полицией, корреспондент заметил: «Немецкие демонстранты очень бурно отмечают Праздник Весны и Труда» [Сегодня. НТВ. 01.05.06]).

«Протесты в Женеве *антиглобалистов* приняли откровенно агрессивную форму» [Вести. РТР. 02.06.03] (телезритель, по-видимому, воспримет такую оценочную информацию как нечто само собой разумеющееся).

«Настоящей трагедией обернулась акция *антиглобалистов* в мексиканском городе Реконкун» (некий «кореец» – не вполне ясно, был ли он *антиглобалистом*, но это, в конечном счете, и неважно с точки зрения адресанта, – «нанес себе ножевые ранения»; «знакомые говорят, что это был акт отчаяния» – также неизвестно чем вызванного) [Вести. РТР. 12.09.03] (склонность к членовредительству, суициду, самоуничтожению – неотъемлемая черта любого *антиглобалиста*).

«*Антиглобалисты* вышли на улицы с плакатом «G 7 – pigs banquet» (т. е. «Большая семерка – банкет свиней») [НТВ. 09.02. 04] – *антиглобалисты* грубы и неблагодарны.

Ну и, конечно же, само собой разумеется, что по-прежнему «швейцарские власти опасаются выступлений *антиглобалистов* [в Давосе]... Силы безопасности работают в усиленном режиме, чтобы не допустить возможных эксцессов» [Новости. ОРТ. 26.01.05]: *антиглобалисты* совершенно неисправимы.

«...Начнется марш *антиглобалистов* [в Шотландии]. Многие жители уже

ставят *стальные решетки* на окна... Глав государств разместят в отеле, который без труда превращается в комфортабельную *крепость*» [Вести. РТР. 06.07.05]. – «Идиллическая картина в двухстах метрах от *линии фронта*... *Антиглобалисты* отступают под натиском превосходящих сил противника» [Новости. 1 канал. 07.07.05] и т.д.

Конечно, примеры подобных сообщений можно было бы без особого труда умножить; впрочем, наверное, достаточно приведенных, чтобы понять: создается инвариантный образ опаснейшего для «мирового сообщества» врага, совершенно беззащитного, способного на любые бесчинства и преступления во имя достижения своих целей (заметим попутно, каково трогательное единодушие разных российских телеканалов; недаром, наверное, слово *плюрализм*, столь популярное в период т.н. перестройки, явно удалилось в пассивный словарный запас).

Вполне естественно в сложившейся ситуации, что и Россия не отстает от «цивилизованных государств» (между прочим, кажется, никто еще не объяснил четко и внятно семантику этого несомненно мелиоративного словосочетания, ставшего – или сделанного? – устойчивым; еще труднее представить себе «нецивилизованное государство»: это, наверное, то ли толпа, то ли орда). Сообщается «о недопущении *антиглобалистов* на грядущие юбилейные торжества в Санкт-Петербурге» [Б. Грызлов. Вести. РТР. 12.02.03].

Небезынтересно, однако, что на этом фоне дружного и сплоченного противостояния *антиглобалистам* (и, вероятно, *антиглобализму* как таковому) совершенно отсутствует полная и недвусмысленная информация о том, что же представляет собою феномен *глобализации*. Удовлетворительного ответа на этот вопрос не дают ни многочисленные политологические справочники, ни новейшие лексикографические издания. Если иметь в виду уже, наверное, прочно укрепившийся в массовом сознании сугубо негативный стереотип *антиглобалиста* («два года назад... тысячи *противников глобализации* били стекла и дрались с полицией» [24. Реп TV - 7 канал. 21.11.02]); ср. уже в художественном произведении: «У меня возникла *дурная антиглобалистская идея*» [сериал «Светские хроники». ТВК. 30.09.02]), то простейшая – обыденная – логика подсказывает единственно правильный ответ: глобализация – нечто чрезвычайно хорошее и полезное; может быть, это единственный путь спасения человечества от вселенской катастрофы. Ср. некоторые (впрочем, и так единичные) примеры употребления родственных слов: «*Глобальные процессы стратегического партнерства*» [Вести. РТР. 14.06.02.] – за последние годы российское общество, кажется, прочно приучили к тому, что партнерство – это всегда хорошо. Вспомним хотя бы назойливую рекламу МММ: «Я не халявщик, я партнер!» (об истории слова *партнер* в русском языке см.: [Васильев 1993: 54-56]); прилагательное *стратегическое*, вроде

бы оценочно нейтральное, тем не менее обладает несомненно позитивным коннотативным потенциалом). «Президент Путин [выступая в Пекинском университете] призывал [кого?] придать процессам *глобализации* более прозрачный и управляемый характер» [Вести. РТР. 03.12.02].

Итак, получается, что *глобализация*, содержание и перспективы которой (в частности, для России) никто, кажется, и не стремится обнародовать, – это хорошо.

Однако объективности ради сто́ит, наверное, обратиться к иным источникам информации; напр., к тем, которые уже традиционно специалистами в самых разных областях именуются «оппозиционными» (пространность приводимой нами далее цитаты оправдывается скудостью сведений о семантике описываемых лексем): «*Антиглобалисты*» – это действительно ругательство, ярлык, кличка, придуманная врагами этих людей. Сами себя они «*антиглобалистами*» не называли и не называют. Западная пресса тоже их так давно уже не называет: приучили – тысячи человек, давая западным СМИ интервью, начинали эти интервью со слов: «И перестаньте наконец называть нас «*антиглобалистами*», если не хотите попасть под суд»...; эти люди называют себя «новым антикорпоративным движением». Или «новым антикапиталистическим движением». Или – чаще всего – «движением за глобальную демократизацию» (ДГД). То есть они не «*антиглобалисты*», а самые что ни на есть последовательные *глобалисты*. Что такое «*глобализация*»? Это – возникновение единой мировой экономики, единого мирового рынка – такого, какими были раньше национальные рынки, то есть единого рынка капитала, единого рынка товаров и услуг, единого рынка рабочей силы. И национальные границы никак не должны мешать этому единству... ДГД выступает не против «глобализации», а против тех форм, в которых транснациональные корпорации (ТНК) навязывают ее человечеству... ТНК, хотя и называются «транснациональными», тесно привязаны к банковскому капиталу США... Выяснилось, что подавляющее большинство ТНК обогащают финансовую верхушку США и что эти действия обусловлены «Вашингтонским консенсусом» [еще одно недавно популярное у нас слово! – А. В.] – пакетом полулегальных соглашений, заключенных в 1980-е гг. между министерством финансов США, МВФ и Всемирным банком...; политика МВФ разрушила экономику десятков стран мира... «Глобализация по МВФ» привела к чудовищному росту нищеты в мире и к форменному истреблению населения планеты голодом... В ряды демонстрантов были засланы сотни провокаторов... для того чтобы оправдать репрессии против демонстрантов... Против чего и кого выступает ДГД? Против МВФ, Всемирного банка, Всемирной торговой организации (ВТО), ТНК, «Вашингтонского консенсуса», всевластия финансового капитала, превращения человека в товар...» [Тарасов 2003]. Контраст с телевизионными сообщениями

просто разительный. Не беремся здесь судить о том, чья позиция (имплицитно подаваемая официальная или эксплицитно представленная оппозиционная) ближе к истине.

Стóбит сопоставить также и точки зрения некоторых специалистов. В то время как одни из них выдают за аксиому необходимость эволюции российского общества «от локализма к глобализму» (естественно, столь же насущны переходы «от социализма к капитализму, от коллективизма к индивидуализму, от романтизма к рационализму» – по видимому, от безусловно плохого к абсолютно хорошему, причем толком не объясняется, в чем преимущество этого хорошего не для цитируемого автора лично, а для упомянутого общества в целом [Губогло 2002: 36]), другие пытаются всё же анализировать тенденцию и прогнозировать последствия ее триумфального финала. Оказывается, в частности, что «глобализация имеет в виду процессы, в условиях которых национальные государства и их суверенитет вплетаются в паутину транснациональных субъектов и подчиняются их властным возможностям.... Складывается парадоксальная ситуация, когда лица, получающие фантастические сверхприбыли (олигархи, в российском понимании), становятся виртуальными налогоплательщиками; реальные же налогоплательщики – основная масса тех, кто в полной мере испытывает на себе неблагоприятное влияние глобального проявления экономики. Именно на эту часть населения (в России это люди со средним и ниже среднего доходами) возлагается основное бремя по выполнению государством социальной функции» [Иванец, Червонюк 2003: 87, 89].

Как видим, вероятные результаты не ограничиваются лишь (хотя и это само по себе немало) утратой государственного суверенитета и национальной идентичности. Ср.: «Кому принадлежит Россия? Она принадлежит акционерам, и они извлекают из нее дивиденды» [А. Пивоваров. НТВ. 04.03.02]. «Америке нужны стабильные партнеры, и Россия – один из них. Первые 240 тысяч тонн российской нефти точно 4 июля [т.е. в день главного праздника США – Дня независимости] доставлены в Хьюстон» [Вести. РТР. 07. 07. 02] – «Нынешнюю – сырьевую – Россию в ВТО уже ждут с нетерпением» [Доброе утро, Россия. РТР. 29.10.02]. – «Мы партнеры в том смысле, что Россия является ресурсной для западных стран» [цитата из выступления Дж. Шлезинджера, бывшего директора ЦРУ США. – Однако. ОРТ. 30.01.04]. – «В разгар энергетического кризиса в США прибыл первый танкер с грузом сжиженного газа из России... «Газпром» выходит на американский рынок» [Новости. 1 канал. 02.09.05] и т.п. Таковы в реальности результаты того, что изящно именуется «глобальными процессами стратегического партнерства» [Вести. РТР. 14.06.02]. Ср.: «Научно и промышленно отсталые страны должны будут платить за Зрелища ту цену, которую им установит производитель [т.е. победитель в информационно-психологической войне. – А.В.]. А собирать эту плату они будут за счет

безжалостной эксплуатации собственных недр и собственных народов» [Расторгуев 2003: 422].

4. Эффективный манипулятивный прием – последовательность подачи сообщений в телевизионных выпусках новостей. Обычно на первое место выносятся наиболее значимые для аудитории известия – или же те, которые зрителям предлагается считать первостепенно важными.

Напр., местный (государственный) телеканал сообщает: «Главная новость дня: задержан бежавший из зала суда [рецидивист]... Ввоз отработанного ядерного топлива на территорию края будет продолжаться» [ИКС. КГТРК. 14.02.02]; из чего можно заключить, что дальнейшее превращение территории Красноярского края в свалку отходов зарубежных атомных производств не столь уж опасно для красноярцев по сравнению с угрозой, исходившей от беглого подсудимого. Или: «В начале выпуска – срочное сообщение из США. В результате авиакатастрофы погибли 19 человек [следуют леденящие душу подробности]. Теперь – к другим темам. 24 тысячи россиян живут в домах, где температура немногим выше нуля...» [24. Ren TV – 7 канал. 08.01.03]; понятно, что упомянутым «россиянам» собственное вымерзание может представиться не таким уж страшным на фоне ужасного события, трагически оборвавшего жизни граждан цивилизованной страны. «ЧП в зоопарке «Роев ручей»: погибли уссурийский тигр и пума. Прошли похороны красноярского милиционера, погибшего в Чечне» [Новости. «Афонтово». 21.01.03]; поскольку здесь же было сообщено, что каждое из умерших животных стоило 4-5 тысяч американских долларов, то, в сопоставлении с судьбой очередного павшего в «контртеррористической операции» (да и еще, наверное, не стоившего таких денег), это событие кажется более важным.

Возьмем также в качестве довольно типичного примера тематику и последовательность подачи новостей программы «Вести» [РТР. 27.07.04]: 1) состоялся съезд демократической партии США; 2) «Джордж Буш опять упал с велосипеда..., отделался легкой царапиной на колене» (это – «главные новости»).

«К другим новостям»: 3) «сразу несколько мощных взрывов прогремело в центре Багдада. Там расположено американское посольство...»; 4) «еще один заложник освобожден в Ираке»; 5) исламские активисты не борются больше с американцами, а с алкоголиками – как противниками Корана; 6) «в» Украине завершается выдвижение кандидатов в президенты; 7) «флагман Северного флота крейсер «Петр Великий» встал на боевое дежурство»;

«Коротко о некоторых других событиях за рубежом»: а) «стрельба» израильтян в палестинцев в палестинском лагере беженцев; б) на Кубе построена первая морская буровая платформа; в) португальские власти просят Евросоюз о помощи в борьбе с лесными пожарами; г) индийский штат Трипура отрезан наводнением; д) на Землю обрушилась магнитная буря; е) компьютерный вирус заблокировал работу Интернета; ж) уникальная находка археологов

в Армении – стоянка людей эпохи мезолита; 3) количество медалей для предстоящей олимпиады; «Вести» продолжают следить за событиями в России и за рубежом» (между прочим, в тот же день, по сообщениям других СМИ, произошло еще немало важного, в том числе и взрыв в центре Воронежа) (Ср. реакцию на теленовости литературного персонажа – «простого американца»: «Последние известия – с одного на другое пересказывают, ну прямо цирк какой-то. И бестолковщина, как в брошюре про укрепление здоровья» [Гарднер 1981: 203]. Однако, как видим, векторы манипулятивных тенденций обнаруживаются довольно четко).

Ср. иерархию композиционной структуры некоторых других выпусков новостей:

1) ООН запретила Израилю провести депортацию Ясира Арафата; 2) в результате урагана сто тысяч жителей Вашингтона остались без электричества; 3) новости российской политики: Госдума приняла главный финансовый документ – бюджет страны... [24. Ren TV. 20.09.03];

1) как лечат овчарку Рекса, которую сторож заповедника подстрелил, приняв за бродячую; 2) 60-я годовщина прорыва блокады Ленинграда [этот сюжет в несколько раз короче предыдущего. – Новости. ТВК. 27.01.04].

1) «Президент США Джордж Буш совершенно здоров. Его состояние даже лучше, чем год тому назад» [Вести. РТР. 01.08.05].

Любопытны случаи, когда рекламные клипы разрывают тексты телепередач: во вновь выстраиваемой системе ценностей нравственным оказывается то, что прибыльно. Это подтверждается (по существу, утверждается) наиболее наглядно таким распределением времени выпуска новостей: «Через одну-две минуты [после «рекламной паузы»] у нас [в новостях] – падающие тополя [один из которых, как будет сообщено, проломил череп прохожей] и похищения людей» [Новости. ТВК. 03.09.01]. «Сразу после рекламы – подробности страшного происшествия на острове Отдыха [где утонули два подростка]» [Новости. 7 канал, 09.07.02]. «У мужчины в руках взорвалась боевая граната. Он вместе с четырехлетней дочерью госпитализирован... Подробности этого страшного происшествия – после рекламы» [Новости. Прима-ТВ. 07.07.03] и т.п. (См. еще о том, что «информационное агентство может, формально соблюдая требование беспристрастности, выразить свою позицию, сформировать у потребителя информации определенное отношение к ней»; это подтверждается, в частности, сопоставительным анализом текстов сообщений трех ведущих российских агентств [Лашук 2002]).

5. Еще один интересный манипулятивный прием – алогизм сообщения, причем, как правило, ориентирующего аудиторию на позитивную оценку излагаемой информации.

«Американцы не собираются их [ядерные боеголовки] уничтожать, в то время как Россия настаивает на утилизации [боеголовки]. Тем не менее, [российские] военные довольны результатами визита в США. Главное [!] – подготовить общую платформу для визита Джорджа Буша в Москву» [24. Ren TV – 7 канал. 17.01.02]; иными словами, каждая из сторон осталась при своем мнении, хотя американская – в явно выигрышной позиции: ведь таким образом не потребуется вновь тратить огромные средства на производство

ядерного оружия, а просто при необходимости извлечь его из хранилищ и установить на носители. Но российские генералы *довольны* – значит, всё хорошо...

«Россия стала практически полноправным членом НАТО. Правда [!], она не будет участвовать в решении вопросов о приеме новых членов – это внутреннее дело НАТО, но надо, чтобы Россия стала европейским государством, а не государством около Европы» [политолог А.Коновалов. Новости. ОРТ. 27.05.02] – из этой словесной эквилибристики зритель, вероятно, должен уяснить, что у «уважаемых россиян» есть большой повод для радости.

«Для пропаганды ЕГЭ среди учителей красноярских школ приглашен ведущий специалист по тестированию Марк Зельман из США... Это нашло понимание...» [Вести-Красноярск. 26.04.05]; однако, судя по показанным здесь же блиц-интервью с учителями, подвергшимся упомянутой пропаганде, они «так и не поняли, зачем всё-таки нужен ЕГЭ и в чем состоят его достоинства». Жаль, конечно, что есть еще такие косные педагоги, но ведь, оказывается, даже у них «нашло понимание»...

Почти полвека назад американский социолог Р.Миллс писал (разумеется, имея в виду современные ему СМИ США): «Массовые средства общения поставляют много всяких сообщений и известий о том, что происходит в мире, но редко дают возможность слушателю или зрителю по-настоящему поставить свою повседневную жизнь в связь с этой более широкой действительностью. Они не связывают поставляемую ими информацию по общественным вопросам с заботами индивидуума... Наоборот, они отвлекают внимание человека от основного, главного и затрудняют ему саму возможность познать самого себя и окружающий его мир» (цит. по [Кукаркин 1974: 479]) . Очевидно, российские теледеятели работают по тем же схемам.

В рамках данной статьи не представляется возможным достаточно подробно характеризовать во всем его многообразии арсенал манипулятивных приемов, применяемых в конструировании текстов телевизионных сообщений. Однако, вероятно, и приведенных примеров достаточно, чтобы иллюстрировать важнейшую функцию СМИ – функцию социального контроля (см. [Леонтьев 2003: 71]). «...С повышением способностей информационных систем в части их обучения акцент будет все более смещаться в сторону применения не огнестрельного оружия, а информационного: если систему [т.е. человека или государство] дешевле уничтожить и создать заново в нужном виде, чем переучить, то уничтожают; если же ее проще переучить, то переучивают» [Расторгуев 2003: 15]. Вероятно, с точки зрения манипуляторов, последнее оказалось более выгодным: Россию и ее народ (который, впрочем, теперь гораздо чаще именуют «населением» – (см. [Васильев 2005]) активно «переучивают». Великий русский писатель, сделавший пессимистический вывод: «Только в наше самоуверенное время популяризации знаний,

благодаря сильнейшему орудию невежества – распространению книгопечатания, вопрос о свободе воли сведен на такую почву, на которой нет и не может быть самого вопроса» [Толстой 1981: 339], конечно, не мог предугадать появления российского телевидения... Главное в его сообщениях – «идеи, внедряемые в наше сознание контрабандой» [Карамурза 2002: 811].

Значимость телевидения (не жалеющего на саморекламу сил и средств, в том числе и госбюджетных) возросла неимоверно, и вряд ли благотворно для здоровья общества (пусть и мифического «гражданского»; ср.: «Сегодня о результатах работы за прошлый год отчитается перед журналистами [не перед избирателями! – А.В.] депутат Госдумы Раиса Кармазина» [02.02.06]). Зачастую из противоречивых сообщений просто невозможно понять, что, собственно, считают истинным сами теледеятели; ср. содержание высказываний ведущего новостей и корреспондента той же компании, включенных в один сюжет: «[Ведущий:] Вирус птичьего гриппа добрался до Крыма... Отчего погибли эти птицы – неизвестно... [Корреспондент:] Замерзли птицы или погибли от гриппа – не выяснено» [Сегодня. НТВ. 02.02.06]. Последствия тиражирования невежества иногда оказываются весьма серьезными – правда, не для его распространителей: «Это день [Ивана Купалы], который дает начало купальному сезону [!], но не вся молодежь об этом знает... *Сегодня можно волю обливаться водой*» [Н. Жабько. Новости ТВК. 07.07.98] – и: «К сожалению, как и в прошлом году, этот праздник не обошелся без жертв. Был сбит машиной четырнадцатилетний мальчик, который выбежал на дорогу, спасаясь от обливавших его друзей» [Н. абыко. Новости ТВК. 08.07.98].

Неоднократно говорилось о почти магической силе слова; она подтверждается и новейшими научными исследованиями. Так, заведующий кафедрой клинической психологии красноярского госуниверситета В.Кожевников считает, что «мы знаем, как слово наше отзовется»... Слово может вызвать изменения на геномном уровне» [Обозрение-7. 7 канал. 01.12.02].

Следует сказать, что многие теледеятели хорошо понимают это: «До сих пор телевидение заменяло собой всё, чего не было в природе» [М. еонтьев. Однако. ОРТ. 24.04.01]. «Телевидение варьирует ложь, делает ее светлее или грязнее» [А. Невзоров. Однако. ОРТ. 24.04.01]. «Четвертая власть давно стала первой, поскольку, манипулируя словом, можно манипулировать сознанием... Под влиянием сообщений о катастрофах, убийствах и прочей негативной информации у человека пропадает желание жить» [А. Мартыненко. Обозрение-7. 7 канал]. «Продажность [журналистов]? Да, продажность, но она все-таки [!] как бы опосредована симпатиями журналистов» [Е. Сажина. Пресс-клуб. 7 канал. 15.01.03]. «Намек на реалии» – так теперь принято называть реальность, которую загнали в телеящик» [Неделя. Ren TV. 21.08.05] и т.п. В общем, «его не удивило такое отношение телевизионщиков к своему труду, хотя степень духовной извращенности этих людей давала возможность допустить, что кто-то из них даже любит свою работу» [Пелевин 1999: 72-73].

В заключение приведем еще одно сообщение местного телекана-

ла: «В деревне Ивановка Партизанского района осталось всего пять жителей... У людей нет ни телевизора, ни радио, и они чувствуют себя вполне счастливыми» [Новости. Прима ТВ. 02.08.05]. Может быть, это естественно?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург, 2006.
- Быкова О.Н. Языковое манипулирование // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 1(8). Красноярск-Ачинск, 1999.
- Васильев А.Д. Судьбы заимствований в русской лексике. Красноярск, 1993.
- Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире. М., 2003.
- Васильев А.Д. От народа – к «населению» // Материалы XXXIV Международной филологической конференции. Вып. 6: Русский язык и ментальность. Ч.1. – СПб., 2005.
- Васильев А.Д. Современные национальные загадки // Материалы XXXV Международной филологической конференции. Вып. 13: Русский язык и ментальность. Ч.1. – СПб., 2006.
- Ветров С.А. Идеология и ее язык // Язык. Человек. Картина мира. – Омск, 2000.
- Гарднер Дж. Осенний свет. М., 1981.
- Губогло М.Н. Представления толерантности и толерантность представлений // Мир русского слова. 2002. №5.
- Достоевский Ф.М. Собр. соч. в десяти томах. – М., 1957.
- Доценко Е.Л. Психология манипуляции. М., 1996.
- Иванец Г.И., Червонюк В.И. Глобализация, государство, право // Государство и право. 2003. №8.
- Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2002.
- Кукаркин А.В. По ту сторону расцвета (Буржуазное общество: культура и идеология). – Под общей редакцией А.Н. Яковлева. – М., 1974.
- Лашук О.Р. Проявление авторской позиции в материалах информационных агентств // Мир русского слова. 2002. №5.
- Леонтьев А.А. Деятельность СМИ в системе процессов общения // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., 2003.
- Любимова А.А. Рождественские чтения 2005. Prokimen.ru.
- Миронова Т. Всеоружие // Советская Россия. №112. 25. 09. 97.
- Ножин Е.А. Проблема определения массовой коммуникации // Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. М., 1974.
- Оруэлл Дж. 1984 // Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. М., 1989.
- Остроушко Н.А. Речевое воздействие как лингвистическая проблема (К понятию языкового манипулирования) // Мир русского слова. 2002. №5.
- Пелевин В. Generation «П». М., 1999.
- Расторгуев С.П. Философия информационной войны. М., 2003.
- Розина И.В. Функции и структура медиа-картины мира // Методология современной психолингвистики. М.-Барнаул. 2003.
- Семенюк О.А. Язык эпохи и его отражение в сатирико-юмористическом тексте. Кировоград, 2001.
- Сергеева А.В. Русские: Стереотипы поведения, традиции, ментальность. – М., 2004.
- Словарь иностранных слов. Изд. 7-е. М., 1979 [СИС 1979].
- Советский энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М., 1983 [СЭС 1983].

Тарасов А. ДГД // Советская Россия. №5. 16. 01. 03.
Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / Под ред. Г.Н. Скляревой. - М., 2001 [ТССРЯ 2001].
Толстой Л.Н. Война и мир // Толстой Л.Н. Собр.соч. в 22-х томах. Т. VII. М., 1981.
© Васильев А.Д., 2006

Дж. А. Данн
Эдинбург, Великобритания
Перевод: Сорокина М.В.

ЧТО ТАКОЕ «ПОЛИТТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ФЕНЯ» И ОТКУДА ОНА ВЗЯЛАСЬ?

Abstract

The aim of the article is to answer the questions 1) is there such a phenomenon 'polittehnologicheskaia fenja'? 2) if yes, what does it consist of? 3) to what extent does 'polittehnologicheskaia fenja' resemble other professional jargons in contemporary Russia.

Писатель Виктор Пелевин 3 ноября 2005 г. в интервью газете «Известия» между прочим заметил: (1) Говорить на политтехнологической фене стало в наше время так же модно, как в 1990-ых гг. было модно намекать на знакомство с «понятиями».

Если оставить без внимания достоверность данного заявления, замечание В. Пелевина вызывает ряд вопросов, а именно: существует ли такое явление как «политтехнологическая феня» и если да, то из чего она состоит и до какой степени напоминает другие виды профессионального жаргона, существующие в современной России?

В своем интервью В. Пелевин использует термин, включающий прилагательное, образованное от существительного *политтехнолог*. На английский язык это существительное обычно переводится как «spin doctor» ("спин – доктор", политтехнолог, эксперт по связям с общественностью (специалист по контактам с прессой, препарирующий информацию в духе, выгодном предоставляемой им политической структуре, и обеспечивающий ее подачу в средствах массовой информации под нужным углом зрения) – прим. пер.). Именно этот вариант используется в переводе данной статьи на английский язык. Однако данный перевод не совсем точен. В политических системах Великобритании и США «спин-доктор» занимается в основном вопросами презентации, в то время как *политтехнолог*, имеющий столь же малое отношение к философии или идеологии, как и «спин-доктор», занят главным образом процессом. Выборы являются единственной сферой, в которой их деятельность пересекается, поскольку оба разрабатывают военные хитрости и тактические ходы, необходимые, чтобы «правильный» кандидат был избран или (и это зачастую не менее важно), чтобы «неправильный» кандидат проиграл выборы. Тем не менее, объемы этих двух понятий не совпадают, и чтобы сохранить ясную связь с русскоязычным термином, в англоязыч-

ном оригинале данной статьи в дальнейшем вместо термина «spin doctor» используется переведенный с русского языка термин «political technologist» (*политический технолог*).

Хотя организация «*Центр политических технологий*» существует под этим названием по меньшей мере с августа 1993 г. (<http://www.cpt.ru/bunin.php>), термин *политтехнолог* начал активно использоваться в конце 1990-х гг., в частности, во время избирательных кампаний 1999 и 2000 гг.. Примечательно, что данное слово отсутствует в «Толковом словаре русского языка конца XX века» под ред. Г. Н. Складчиковой (1998) и «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (2004), но включено в «Русский орфографический словарь» под ред. В. В. Лопатина (2005). Наиболее заметной личностью, с которой ассоциируется данный термин, является Г. Павловский, основатель «*Фонда эффективной политики*» [Засурский 2001: 171-73].

Материалом для данного исследования послужили тексты из различных источников, включая статьи политической направленности из газет и интернет-источников, таких как www.ej.ru, а так же интернет-сайты, непосредственно связанные с теми, кто позиционирует себя или может быть назван *политтехнологом*, включая сайты www.fep.ru and www.kreml.org. Особенно полезным для получения материалов для данного исследования явился интернет-сайт «*Избирательной ассоциации политтехнологов*» (www.izbass.ru), который содержит «*Словарь политтехнолога*», предлагающий частичный ответ на первый из заданных в начале данной статьи вопросов.

Рассмотрение данных материалов в самом деле позволяет сделать вывод о том, что существует ряд слов и выражений, обычно используемых *политтехнологами* и лицами, комментирующими ход политического процесса. Для рассмотрения таких вопросов, как является ли этот язык разновидностью профессионального сленга, какова его лексика, и насколько он отличается от других профессиональных жаргонов, полезно разделить данные слова и фразы на несколько групп в зависимости от их происхождения.

Значительное влияние английского языка на русский в период с момента распада Советского Союза широко исследовалось и анализировалось, напр., в работах таких авторов, как Дуличенко (1994: 315-35), Костомаров (1994: 81-108, 1999: 110-44), Брейтер (1997), Савельева (1997: 36-55), Рязанова-Кларк и Вейд (1999: 136-65), Данн (2000: 87-101). Таким образом, остается лишь отметить, что в любом варианте русского языка, который возник после 1991 г., закономерно ожидать присутствия значительного количества англицизмов. На самом деле, в языке *политтехнологов* содержится огромное количество заимствований, но не все из них являются англицизмами.

Одну группу составляют слова, которые можно отнести к политическим интернационализмам, включающие общепринятые термины для наименования определенных политических тенденций (напр., *либерал, демократ, националист, экстремист*), которые в России, как и в любой другой стране, могут приобретать культурноспецифические значения. Напр., слово *демократ*, которое, хотя и не связано, как в США, с определенной политической партией, тем не менее, обычно относится к определенной части российского политического спектра, приобретая, таким образом, нетипичную возможность быть использованным в пейоративном значении. Слово *либерал* может использоваться в некоторых кругах для характеристики определенной политической тенденции в российском правительстве или президентской администрации. Специальные термины, относящиеся к электоральному процессу, также являются интернационализмами: *мажоритарный* (прил.), *пропорциональный, электорат* (форма данного слова указывает на заимствование, по всей вероятности, из немецкого языка, хотя отдельные варианты употребления данного термина (напр.: «сегмент электората вероятнее всего поддержит определенного кандидата») заимствованы, скорее всего, из английского языка).

Из всех терминов, однозначно заимствованных из английского языка, лишь около половины относятся исключительно к сфере политики. К таким терминам относятся: *имидж, имиджмейкер, лобби, лоббировать, спикер, спичрайтер, экзит пол*. Оставшаяся часть терминов-англицизмов была заимствована из таких сфер, как связи с общественностью и маркетинг: *бренд* или *брэнд, пиар, позиционирование, презентация, проект, ребрендинг / ребрэндинг, фокус-группа*.

Присутствие значительного количества терминов, связанных с такими сферами, как связи с общественностью и маркетинг, не удивительно, поскольку ясно прослеживается связь между «черной магией» «продажи» политического кандидата и работой по продаже более традиционных товаров. Не удивительно и то, что большое количество англицизмов, присутствующих в языке политтехнологов, относится именно к этой категории, поскольку бизнес во всех его аспектах является той сферой деятельности, в которой влияние английского языка по вполне понятным причинам особенно сильно [Рязанова-Кларк 1999: 141-43].

В дополнение ко всему вышесказанному нужно отметить еще один англицизм, не относящийся ни к сфере политики, ни к сфере экономики. Данным заимствованием из английского языка является слово *клан*, используемое в значении «тесно связанная группа индивидуумов, преследующих общую, зачастую бесчестную цель». По всей видимости, в данном значении это слово заимствовано не из английского языка непосредственно, но, более вероятно, является внутренним заимствованием из языка описания преступной деятельности (и в особенности организованной преступности), в котором оно прочно укоренилось.

В вышеприведенных случаях связь между языком или языками, из которых производится заимствование, и русским языком в основном очевидна. Трудности возникают, когда на основе заимствованной лексики в русском языке происходят словообразовательные процессы, в результате которых появляются слова, которые хотя и имеют иностранную основу, но уже не могут рассматриваться как заимствования. Отличным примером подобного заимствования является слово *пиар*, от которого образованы такие существительные как *пиармен*, *пиарист*, *пиарщик*, означающие «человек, работающий в сфере связей с общественностью, пиара», а также глагол *пиарить*. В отличие от оригинального заимствования, которое само по себе почти полностью или даже абсолютно совпадает по значению со словом PR (пиар) в английском языке, ставшим источником заимствования, образованные по словообразовательным моделям русского языка слова не имеют точных эквивалентов в английском языке. Особенно трудно перевести глагол *пиарить*; во многих случаях он, вероятно, может быть переведен как английский глагол «to spin» (подавать информацию, разрабатывать, придумать, «раскручивать» – прим. пер.). Приставки еще больше усложняют ситуацию: *допиарить*, *запиарить*, *обпиарить*, *отпиарить*, *пропиарить*, *распиарить*. Несмотря на то, что приставки лишь немного меняют оттенок значения, разрыв между значением слова в языке-источнике и языке-реципиенте заимствования еще больше увеличивается. Еще одну разновидность языкового творчества можно наблюдать на материале регулярных словосочетаний, образованных на основе заимствований. Одна из наиболее распространенных форм использования слова *пиар* – это использование его в словосочетании *черный пиар*, которое не имеет абсолютного эквивалента в английском языке, и может быть переведено как *dirty tricks* (низкие шутки, подлые фокусы, грязные делишки – прим. пер.). К той же категории относятся словосочетания со словом *электорат*, которые либо не имеют эквивалента в английском языке, либо в английском языке для обозначения того же понятия используется другое словосочетание: *базовый электорат* (в англ. core electorate, букв. основной, центральный электорат – прим. пер.), *подвижный электорат* (в англ. floating voters, букв. колеблющиеся избиратели – прим. пер.), *пакетированный электорат* (не имеет эквивалента в англ. яз., переводится описательно как избиратели, которые легко принуждаются обстоятельствами к голосованию за определенного кандидата – прим. пер.) (примеры с сайта <http://izbass.ru/ae.htm>).

Тем не менее, в языке политтехнологов содержится лишь небольшое количество терминов, появление которых связано с прямым или косвенным влиянием иностранных языков. Более важное значение имеют слова и выражения, появившиеся в русском языке без какой-либо посторонней помощи. Значительная часть таких терминов отно-

сится к группе, состоящей из слов иностранного происхождения (в основном интернационализмов), которые были полностью ассимилированы русским языком и связаны нормами сочетаемости друг с другом или исконно русскими словами, в результате чего образованы термины, относящиеся непосредственно к российскому политическому контексту. Несмотря на входящие в состав данных терминов (словосочетаний и универбатов) интернационализмы, их типичной чертой является отсутствие близкого смыслового эквивалента в языках Западной Европы, и трудность или невозможность точного и идиоматического перевода.

Интересным примером подобных терминов является само слово *политтехнолог*, общепринятый перевод которого на английский язык (*spin doctor*, спин-доктор) не является, как было продемонстрировано выше, абсолютно точным, в то время как буквальный перевод (*political technologist*, политический технолог) не имеет смысла без дальнейших пояснений. Сходная проблема наблюдается в случае с термином *административные ресурсы*, общепринятый перевод которого (*administrative resources*) не совсем приемлем для описания по-английски таких ресурсов как, напр., деньги, люди, зависимые средства массовой информации, находящиеся в распоряжении высокопоставленного лица и используемые для влияния на итоги выборов. В некоторых случаях, особенно если целью официального лица является переизбрание на уже занимаемый пост, данное словосочетание может быть переведено на английский язык как *the advantages of incumbency* (букв. преимущества, связанные с пребыванием в определенной должности – прим. пер.).

К другим примерам подобных выражений относятся словосочетания *вертикаль власти*, *управляемая демократия*, *суверенная демократия*, *цветные революции*, *одномандатник*, *компромат*, *Гарант Конституции*, *спор или конфликт хозяйствующих субъектов*, и загадочное выражение *структурирование самоорганизующейся силы* (<http://2006.novayagazeta.ru /nomer/2006/70n/n70n-s11.shtml>). Некоторые из этих терминов будут подробнее рассмотрены ниже.

Относительно небольшая группа включает русскоязычные термины, образованные исключительно на основе коренных русскоязычных форм. Некоторые из этих терминов относятся к политическому процессу в целом, напр., прочно укоренившееся в языке словосочетание *ближнее зарубежье* (то есть страны бывшего Советского Союза), *силовики* (лицо, пришедшее к власти через ту или иную структуру вооруженных сил или службы безопасности), *слив* (организованная утечка информации). Другие специальные термины используются для описания определенных приемов, применяемых политтехнологами во время из-

бирательных кампаний: *кандидат-подстава* (кандидат, отвлекающий внимание избирателей), *зачистка* (нанесение повреждений или уничтожение выборных материалов соперника), *лиманка* (привлечение учителей и других государственных служащих, чтобы заставить избирателей проголосовать за «одобренного» кандидата). Вероятно, последний термин образован от фамилии Лиманский, которую носил человек, занимавший одно время должность мэра Самары, которому ставится в заслугу (если так можно выразиться) изобретение данного приема.

Одну подгруппу таких терминов составляют комические термины (основанные, главным образом, на каламбуре). История появления таких терминов уходит корнями в начало 1990-х гг., когда возникли такие слова как *дерьмократ*, *прихватизация*, *выброссы* (сторонники партии Выбор России). К более поздним примерам можно отнести слова *Едро* (сокращение для обозначения партии Единая Россия) и *либераст* (либерал + педераст). Примером несколько другой модели является слово *мордодел*, образованное от дисфемизма *морда* и корня глагола *делать*, в результате сложения которых появился комический «доморощенный» эквивалент заимствования *имиджмейкер*.

Последняя группа терминов состоит из заимствований из других разновидностей сленга. Первоначальным значением слова *феня* в том смысле, в котором его использует Пелевин, является: воровской и тюремный жаргон [БСЖ: 624], и именно эта разновидность сленга является источником целого ряда терминов, используемых политтехнологами. Напр.: *беспредел* (экстремальная, вышедшая из-под контроля ситуация), *крышевание* (защита), *мочить* (атаковать, нападать), *наезд* (атака, нападение), *понятия* (подразумеваемые соглашения, действующие в преступной среде), *разборка* (сведение счетов). Два нижеприведенных термина заимствованы из различных видов жаргона: глагол *раскрутить* (обмануть, продвигать посредством жульничества, крикливо рекламировать, необоснованно возвысить), имеющий корни в криминальном сленге, заимствован, тем не менее, из языка музыкантов (как и его англоязычный эквивалент) (БСЖ: 502), а фраза *пилл хавает* (люди съедят что угодно) заимствована из молодежного жаргона (<http://izbass.ru/p.htm>).

Интересно, что практически все термины, заимствованные из криминального жаргона, подвергаются процессу, который можно описать как процесс расширения и смягчения их значений [Данн 1999: 20]. Это означает, что они используются с более широким спектром значений, чем в сленге-источнике заимствования, и для них не всегда характерны первоначально присутствовавшие коннотации физического насилия. Это означает, что даже в весьма неуютном мире российской политики слова *наезд* и *мочить*, скорее всего, относятся к силе слова, а *разбор-*

ка завершится без автоматных очередей. Даже процесс *крышевания* может означать что-то более цивилизованное, чем получение денег в обмен на непричинение ущерба и несовершение насильственных действий.

Советизмы составляют пласт политической лексики, который в основном отсутствует в языке политтехнологов. В целом, советский политический язык очень быстро исчез в России после 1991 г. [Данн 1999а: 4-7] и больше не возродился, несмотря на изменение отношения к советскому прошлому. Деятельность участвующих в любом событии политтехнологов, связанная с попытками повлиять на итоги якобы состязательных выборов и манипулятивно сформировать мнение граждан, имеющих доступ к конкурирующим источникам информации, вряд ли имеет параллели в советской политической системе, поэтому закономерно предположить, что данная сфера не может являться источником заимствования соответствующей терминологии.

Будучи языком преступников, в своем первоначальном виде *феня* была похожа на любой другой профессиональный жаргон. Такие разновидности языка служат в основном двум целям: (1) формирование или акцентирование профессиональной солидарности (жаргон является одним из индикаторов того, что его носитель принадлежит к определенной группе, будь то группа воров или политтехнологов); (2) исключение из сферы общения, поскольку владение жаргоном является привилегией членов соответствующей группы, те, кто не являются ее членами, лишены возможности понимать жаргон. В случае с криминальным сленгом данная цель имеет очевидное практическое значение, поскольку усложняет работу сотрудников правоохранительных органов, но даже в тех видах деятельности, которые являются в основном законными, использование профессионального жаргона позволяет воздвигнуть границу между специалистами в данной области и всеми прочими лицами.

Трудно оценить вопрос профессиональной солидарности: ремесло политтехнолога возникло недавно и занимаются им немногие, хотя существование сообщества, упомянутого в начале данной статьи, предполагает, что представление о профессиональной солидарности политтехнологов актуально по крайней мере для некоторых кругов. Еще более сложным является аспект ограничения сферы общения. Можно предположить, что данный вопрос будет неактуален для профессии, имеющей одной из своих задач общение. Тем не менее, отдельные факты подтверждают точку зрения, что язык политтехнологов может быть весьма неясен в некоторых его проявлениях. Следующее замечание было приведено в недавнем интервью с Глебом Павловским: И здесь: она очень простая, очень понятная, то есть не такие, как обычно,

статьи у Глеба Олеговича, там без пол-литра не разберешь [<http://www.kreml.org/other/126216661>].

Рассмотрев термины, составляющие жаргон политтехнологов, нетрудно представить, каким образом может быть достигнут эффект, описанный Ф. Леонтьевым. Большинство заимствованной терминологии, относящейся непосредственно к политическому процессу или к жаргону сфер пиара и маркетинга, по своей сути не может являться частью обычного языка. Отстраняющий эффект, достигаемый последней из упомянутых групп терминов, является особенно значительным, поскольку в этом случае необычное происхождение терминов сочетается с не менее необычной сущностью предмета, усиливая эффект отстраненности.

Тем не менее, в отдельных случаях собственно русскоязычные термины служат еще более эффективным средством внесения неясности. Это особенно очевидно в случае с терминами, используемыми для описания приемов проведения избирательных кампаний. Несмотря на то, что слово *зачистка* (хотя и с другим значением) присутствует в сленге вооруженных сил и правоохранительных органов, большая часть этих терминов возникла специально для описания приемов проведения выборов. В некоторых случаях значение этих терминов является частично понятным (*подстава*), в других – абсолютно неясным (*лиманка*), причем и в том, и в другом случае использование данных терминов ограничено очень узким контекстом, и при отсутствии соответствующего пояснения у этих терминов невелика вероятность быть понятыми лицами, не посвященными в таинства, которые эти терминами описываются.

В случае с терминами, являющимися интернационализмами или включающими интернационализмы в свой состав, эффект неясности достигается путем использования знакомых слов в необычных сочетаниях. В отдельных случаях может возникнуть подозрение, что туманность смысла не совсем случайна, что, напр., демонстрируется дискуссией о том, что именно означают термины *управляемая демократия* и *суверенная демократия*. В самом деле, эти термины соответствуют требованиям Шалтая-Болтая в книге «*Алиса в Зазеркалье*» Льюиса Кэрролла, поскольку хотя оба они относятся к описанию российской политической системы, их точное значение может определить лишь тот, кто эти термины употребляет.

Термин *суверенная демократия* является очевидным эвфемизмом, так же, как и термин *вертикаль власти*: в обоих случаях слова с позитивной или по меньшей мере нейтральной коннотацией сочетаются таким образом, что позволяют представить в позитивном свете политический курс или ситуацию, которая в определенных кругах может

быть воспринята неоднозначно или негативно. Еще более интересным является термин *конфликт хозяйствующих субъектов*, который, в сущности является иносказательным выражением для описания спора субъектов коммерческой деятельности. Данный термин может использоваться как эвфемизм, однако первоначально он появился скорее как дисфемизм для описания споров между информационными компаниями и миноритарными акционерами, желающими заполучить над ними контроль с целью их закрытия. Таким образом, первоначально данный термин использовался для деполитизации, а значит, и умаления значимости данного вида споров. Еще одной отличительной чертой данных терминов является тот факт, что использование интернационализмов придает им претенциозный или псевдо-академический характер, что лишь способствует усилению смысловой неясности. В связи с этим возможно провести параллель между сленгом политических технологов и «еврожаргоном», порожденным административными структурами Евросоюза.

Группа терминов, которые, как ни странно, не добавляют в язык политтехнологов неясности, состоит из терминов, заимствованных из криминального сленга. Этот бывший когда-то секретным язык, который, во всяком случае, был запрещен в качестве языка публичного общения в советские времена, сейчас используется в разнообразных социальных контекстах. По этой причине, а также потому, что термины, используемые политтехнологами, принадлежат к категории криминального жаргона, который перестал использоваться исключительно в контекстах, связанных с преступной деятельностью, понимание данных терминов не должно представлять трудность. Вместе с тем, вполне возможно, что присутствие данных терминов облегчило для тех, кто следует языковой моде, переход от использования криминального сленга к сленгу политтехнологов, о моде на который говорил В. Пелевин.

Что касается происхождения, то сленг политтехнологов весьма эклектичен. Он сочетает заимствования и другие иноязычные влияния с собственно русскоязычными терминами, академические (или псевдо-академические) термины с заимствованиями из разговорного языка, специально созданные термины с терминами, заимствованными из других видов сленга. Хотя не все формы сленга однородны (молодежный жаргон, напр., сочетает заимствования из других видов сленга с лексическим пластом англицизмов), степень эклектизма, характерная для сленга политтехнологов, весьма необычно высока. В этом отношении сленг политтехнологов представляет собой неоспоримое подтверждение точки зрения, высказанной И. Югановым и Ф. Югановой [1997: 8] относительно того, что [русскоязычный] сленг не является замкнутой системой, и что взаимопроникновение различных видов сленга связано

со сходством образа жизни и способов мышления.

Особенно удивительным фактом является относительно незначительная роль англицизмов, что отличает *феню политтехнологов* от других профессиональных жаргонов (бизнес, СМИ), сложившихся в постсоветскую эпоху. Это может служить отражением уменьшения иностранного влияния на российский политический процесс за последние десять лет, хотя может также являться индикатором специфики сферы работы политтехнологов и проблематичности соотнесения их деятельности со знакомыми западными моделями.

Именно этот аспект оказывает значительное влияние на формирование у мирового сообщества представлений о политических процессах в постсоветской России. Советский политический язык был известен своей непохожестью на любой другой, но однородность политической системы и отсутствие точек соприкосновения между советской политической системой и политическими системами другого образца, означали, что более или менее буквальный перевод терминологии являлся вполне приемлемым решением. Падение этой изолированной политической системы в постсоветское время и сопровождающее его исчезновение ясного лингвистического кода, характерного для советской системы, дают привлекательную возможность описывать новую систему, пришедшую на место старой, в знакомых терминах. Несмотря на это, сам термин *политтехнолог* указывает на несостоятельность подобного подхода. Деятельность индивидуумов, занимающихся данным родом деятельности, породила обслуживающий политический процесс язык, который является не менее своеобразным, чем советский политический язык, «непохожесть» которого, однако, замаскирована поверхностным сходством систем (состязательные выборы, теоретически независимые и выражающие различные точки зрения СМИ) и значительным присутствием заимствований и интернационализмов. При переводе данный язык подвергается риску стать абсолютно непонятным или сформировать у реципиента ложные представления, что диктует необходимость искать другие решения, скорее всего, требующие активного использования приема перифразы и дополнительных пояснений. Какое бы мнение у кого ни сложилось о *политтехнологической фене*, которую В. Пелевин, справедливо или нет, считает переходящей модой, она является лингвистической реальностью, явлением, имеющим необыкновенно сложные формы и истоки, и представляющим собой непростую задачу для всякого, кто захочет этим языком овладеть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брейтер М.А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы. М., 1997.
Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона, СПб., 2001.
Кузнецов С.А. (ред.) Большой толковый словарь русского языка, СПб., 2004.

Дуличенко А.Д. Русский язык конца XX столетия, Slavistische Beiträge, 317, Sagner, Munich, 1994.

Dunn J.A. 'How to speak new Russian', Rusistika, 20, September 1999, pp. 19-24.

Dunn J.A. 'The Transformation of Russian from a Language of the Soviet Type to a Language of the Western Type', in J.A. Dunn (ed.), Language and Society in post-Communist Europe, Selected papers from the Fifth World Congress of Central and East European Studies, Warsaw, 1995, Macmillan, Basingstoke, 1999, pp. 3-22.

John A. Dunn, 'The Role of English in Modern Russian', in Lew N. Zybatow (ed.), Sprachwandel in der Slavia, I, Peter Lang, Frankfurt-am-Main etc., 2000, pp. 87-101.

Юганов И., Юганова Ф. Словарь русского сленга, Метатекст, М., 1997.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи, изд. 3-е, Златоуст, СПб, 1999.

Лопатин В.В. (ред.), Русский орфографический словарь, изд. 2-е, Институт русского языка имени В. В. Виноградова, РАН, М., 2005.

Larissa Ryazanova-Clarke and Wade (1999) Terence Wade, The Russian Language Today, Routledge, London – New York, 1999.

Савельева Л.В. Языковая экология, КГПУ, Петрозаводск, 1997.

Склярская Г.Н. (ред.) Толковый словарь русского языка конца XX в., Фолио-Пресс, СПб., 1998.

Засурский И. Реконструкция России: масс-медиа и политика в 90-е, М., 2001.

© Данн Дж. А., 2006

© Сорокина М.В. (перевод), 2006

Клочко Н. Н.

Женева, Швейцария

ЭТНОЦЕНТРИЧЕСКИЕ МИФОЛОГЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ СЛАВЯНСКОМ КОЛЛЕКТИВНОМ СОЗНАНИИ

We are such stuff as dreams are made on...

Shakespeare

Мы сделаны из той же материи, что и наши сны...

Шекспир

Abstract

Ethnocentric mythologemes in the contemporary Slavonic collective consciousness are of not only constructive but also of instrumental significance. Nowadays Slavic states seek cultural and political recognition in the world. The Illocutionary potential of the ethnocentric myths is directed to the increase of political status of those states and substantiation of the right to get an access to financial and economic resources of Europe. However the state, in which out-of-date ethnocentric myths support the idea of might, becomes extremely vulnerable.

Зависимость от своей собственной истории для каждого народа по своему драматична. Славянская история в каждый из периодов «тектонических сдвигов» (от принятия христианства до событий 1989-1991 гг.) формировала свои характеристики региона. При этом отнюдь не все исторические моменты оказались в равной степени запечатлены в славянском коллективном сознании, поскольку «каждая историко-культурная эпоха по-разному свидетельствует современную ей историю, различными путями возвращается к прошлому, по-разному его

сегментируя и селекционируя его отрезки» [Софронова 1990: 44-53]. Иногда селекция исторических событий определяется этнокультурной политикой, допускающей мистификации прошлого, его особую интерпретацию. Тогда формируются мифы.

В славянских культурах мифологический пласт (особенно пласт политической мифологии) чрезвычайно активен и сегодня. В современных славянских логосферах эксплицитно или – чаще – имплицитно актуализируются мифологизированные схемы истории, картины субъектов и объектов власти. Последние десятилетия со всей очевидностью демонстрируют мифологизированность славянского коллективного сознания, его деструктивную роль в межэтнических конфликтах и – как результат – в определении направлений политического развития региона. (Славянский вопрос, традиционный в европейской политике, в последнее десятилетие стал едва ли не основным. Президент Польской республики А. Квасьневский сформулировал проблему политической ориентации Славии как проблему войны и мира, отметив, что в ближайшие десятилетия именно славянский фактор «придаст динамику нашей старой Европе, усилит её самосознание и поможет покончить с историческими спорами» [Выступление Президента 1998: 14]).

Сегодня культурно-политическое состояние не только Славии, но и Европы в целом, во многом определяется активностью этноцентрических мифов, самых устойчивых в культурной памяти народа, в наибольшей степени влияющих на коллективное сознание этноса. Политический и нравственный экстремизм славянской этноцентрической мифологии отражает весьма специфическую культурную перспективу Славии. Мифы, о которых идет речь, показывают, что «отжившая идеология» не только не проявляет признаки утраты продуктивности, но, напротив, продолжает развиваться, захватывая всё новые и новые области коллективного сознания. Это даёт основание думать, что неуклонная апелляция современного славянского сознания к этноцентрическим мифам отвечает особой ориентации славянского семантического универсума и, в конечном счёте, славянской культуры. Представляется, что сопоставление славянских этногенетических версий позволит приблизиться к пониманию того, «где мы сегодня находимся и как мы сюда попали» [Шлезингер 1992: 11].

Не ставя перед собой глобальной задачи рассмотреть всю совокупность этноцентрических мифов, остановимся на тех из них, прагматические характеристики которых сопоставимы и выводят к пониманию причин сегодняшних проявлений националистических настроений в славянском языковом регионе. (Остановливаясь на этноцентрических (этнонационалистических) версиях славянской истории, мы сознательно отсекаем безусловно заслуживающие внимания вновь возникшие мифы, напр., о Чехии как «оазисе реформ» [см подр: Коровицына 2000: 16-26]; о «словенском чуде», «хорватском прорыве» и под. Очевидно, что новые условия формируют новые мифологемы. Возможно, новые мифы

со временем проявят свою готовность репродуцировать те же или сходные представления националистического характера, что и реликтовые, поскольку архетипы, сохраняя своё традиционное содержание, способны принимать современную форму).

Славянская, как и вообще надэтническая, националистическая парадигма выстраивается во времени и диктует видение реальности через призму этнического бытия с завышением оценки собственной общности и занижением оценки действий другой – «чужой» – общности. Две основные идеи, с которыми связано существование этноцентрического мифа, – идея творения и идея развития – в равной степени актуализируют действие этноцентрического механизма и обеспечивают преемственность этнических представлений о мире, о месте этноса в общем контексте развития цивилизации.

Идея «**творения**» в славянских этноцентрических мифах реализуется в рамках импрессионистической, феноменологической картины мира.

Речь идёт не о моменте творения как таковом, а о провидении, внезапном импульсе, результатом которого является **новая** история этноса, осознание им своего великого пути. Каждый сюжет возникновения славянских народов обогащается одними и теми же деликатными и высокоэмоциональными мотивами божьего благословения земли (ср., напр., семантику топонимов Bohemia, Pannonia), народа, родившегося или пришедшего на эту землю, и его предводителей. (Этимологические толкования названий стран и народов в средневековой историографии выводились часто из внешнего созвучия (напр., Германия < *gerzmo (яро). В хронике Далимила страна Чеха (одного из трёх праотцов и предводителей славян) названа Богемией, «божьей страной» [См. Nejstarší... 1958]. В рассуждениях хрониста Богухвала (XIII в.) Паннония описывается как колыбель всех славян: Scribitur enim in vetustissimis codicidum quod Pannonia sit mater et origo omnium slavonicarum nationum. При этом само название страны объясняется как «страна Пана», отца Леха, Чеха и Меха (или Руса) [См. Богухвал... 1961]. Архетип богоизбранности этноса представлен в этноцентрических версиях всех народов [См.: Тацит Корнелий 1970; Саксон Грамматик 1971]. Библейско-византийская теория о происхождении рода человеческого от трёх сыновей Ноя лежит в основе «Повести временных лет». Согласно хронике Мержвы XIII в. (Miersuae Chronicon). Славяне приводятся в родственную связь с праотцом Вандалом [Подр. об источниках некритического сумбура о происхождении славян: Ягич 1910: 3-23]).

Если идея божественного происхождения народов признана универсальной и всеобщей, то для славянского мира она является ещё и предкультурной, предопределившей известные элементы национальной психики, духовные ориентиры славян. В качестве примера приведём фрагмент из древней чешской хроники Пулькавы: «Я (*князь Пршемысл – Н.К.*) ... приказываю сохранять их (*лапти и суму – символы чешской королевской власти – Н.К.*) вечно для того, чтобы наши потомки знали, откуда они ведут свой род, чтобы они всегда жили в страхе и настороженности и чтобы люди, посланных им Богом, они не угнетали, не обращались с ними неспра-

ведливо по причине надменности, ибо все мы равны по природе» [Цит. по: Гудзь-Марков 1997: 87; см. также: Šonej 1995: 25]. Свидетельство Пулькавы даёт схематичное представление о том, на каких основаниях формировалась чешская культурная парадигма. Намеченные в древности и закреплённые в веках духовные приоритеты сформировали особые структуры чешского коллективного сознания: психотип «срединности», которому свойственны осторожность, толерантность, компромиссность и терпение, осознание себя нацией гуманистов, богоизбранным народом [Подр.: Коровицына 2000: 16-26]. Современная чешская политическая логосфера подтверждает феноменологию чешского коллективного сознания. Сравним:

*V takové řeži mezi Východem a Západem českům nezbude nic jiného než se permanentně otužovat (Večerní Praha, 04.03.98) – В такой резне между Востоком и Западом чехам не остаётся ничего другого как постоянно закаляться. *Otázka «s kým» je podstatně důležitější než «proti komu» (Dnes, 19.08.98) – Вопрос «с кем» сейчас важнее, чем «против кого». *Češi prostřednictvím všech svých mýtů o sobě vnímají jako Bohem vyvolený národ (Dnes, 16.03.97) – Чехи при посредничестве мифов воспринимают себя как Богом избранный народ.

Приведённые примеры иллюстрируют связь прошлого и настоящего. Очевидно, что каждый тип культуры вырабатывает свои модели «биографии государств», создаёт в своей идеальной модели тип государственной истории, государственных деятелей, намечает свою систему культурных кодов, духовные ориентиры нации и сохраняет их во времени.

Временная преемственность приоритетов, мотива «особенности», богоизбранности этноса сформировала мощнейшие направления новых мифологических версий, связанных с общей идеей **«развития»**.

Вся история существования славянских народов сопряжена с идеей глобального страдания. Перефразируя метафорическую формулу Лейбница, страдание как неотъемлемую черту богоизбранности и одновременно историческую славянскую очевидность можно обозначить как «алфавит славянской души». В славянском страдании присутствует прежде всего моральное измерение. Импликации страдания представлены нравственным абсолютом: за свободу надо бороться ценой **любых личных жертв**. Наиболее показателен в этом отношении исторический путь Польши. Приведём слова популярной польской песни, отражающие суть «польского страдания»: Wo wolność sie krzyżami mierzy – Ведь wolność измеряется количеством крестов (т.е. крестов на могилах павших в борьбе за неё). В период после разделов Польши 1773-1795 гг. «поляки начали бесконечную борьбу за выживание против восточноевропейских империй, идеологий и тираний, с дивной настойчивостью ведя национальный крестовый поход.... Во время Второй мировой войны она пала жертвой нацистской и советской агрессии и была обречена

стать европейской Голгофой» [Цит. по: Вежбицкая 1999: 468].

Страдание – всеславянская категория, не знающая ни территориальных, ни временных границ. В разные периоды истории эпитеты «скорбящая», «плачущая», «многострадальная» страна применимы к любой из стран Славии. В терминах когнитивной антропологии страдание можно назвать семантическим атрибутом славянского коллективного сознания.

Мотив санкционированного свыше страдания поддерживался и поддерживается до сих пор в современном коллективном сознании этноцентрическими версиями о спасении Европы от татаро-монгольского и турецкого ига. Достаточно схематично обозначить славянские мифологемы, чтобы увидеть их сопоставимость.

В русском историческом сознании активно бытует миф о том, что Русь остановила натиск диких монголов и спасла Западную Европу от разрушения и разграбления, за что Западная Европа должна быть ей благодарна. «Это, – замечает В. А. Шнирельман, – как бы даже возвышает Россию над Европой, делает её «старшим братом» [Шнирельман 1995: 3-13]. Заметим, что в равной степени мотив спасения Европы от татар свойственен и современному украинскому коллективному сознанию. При этом украинские националисты подчеркивают, что «русские узурпировали древнерусское и – шире – славянское наследие» [Шнирельман 1995: 12]. Украинская этноцентрическая версия утверждает, что именно им (т.е. украинцам) Европа должна быть благодарна за постоянную защиту от опустошительных набегов кочевников. Но в битве при Легнице в 1241 г. польские и немецкие рыцари (крестоносцы) вместе преградили путь тьмам хана Батыея. Это означает, что право на существование имеет и польская этноцентрическая версия о защите Европы. Сходная ситуация конкуренции в праве называться единственными защитниками Европы от Османского ига наблюдается в сербских, хорватских и словацких мифологемах. Известно, что и Венгрия больше века сдерживала попытки турецкой экспансии на север долины Дуная, в Центральную Европу.

Не будем касаться болезненной точки современного славянского (и прежде всего русского) сознания об освободительной миссии Советской Армии. Отметим лишь временную подвижность, способность к трансформации мифологем, активных уже в новейшей истории. В этой связи скажем, что существование фундаменталистской опасности сегодня и тот факт, что перед лицом мнимого (?) зла Запад отводит славянским странам, в первую очередь России, роль заградительного отряда, может в очень скором времени стать источником всевозможных этноцентрических версий современного политического мифа «о едином исламском фундаментализме как дикой мракобесной силе, угро-

жающей цивилизованному человечеству, особенно «богатому Северу» [Дугин 1999: 814].

Универсальная, как было выше показано, для славянских этносов идея мессианства на уровне политической истории не раз подвергалась различного рода трансформациям, как бы подчиняясь закону регулирующей функции противоположностей. (Древнегреческий философ Гераклит открыл психологический закон регулирующий функции противоположностей, охарактеризовав явление смены полюсов, в том числе и аксиологических, как «встречный бег» (Enantiodromia). Славянская политическая мифология, как и вообще славянская история, подчиняется закону перехода данности в свою противоположность. Пики напряженности славянских взаимоотношений наиболее показательны в этом отношении [см.: Новопашин 1998: 3-10]. Факт принятия Россией роли духовной наследницы Византии сформировал категорический императив «Москва – Третий Рим», принявший в русской истории архетипический характер. Тема христианства стала развиваться в сторону усвоения государственной властью священной миссии. Включив де-факто православную религию в структуру государственной идеологии, русское мессианство приобретает не столько религиозную, сколько политическую мотивированность. Долговременные следствия этого не потеряли своей силы до сегодняшнего дня. (Ср., напр.: «Русь, принявшая на себя географическую и политическую миссию Чингисхана, была призвана и **остаётся призванной** (выделено мной – Н.К.) объединить под своим контролем континентальные земли и культуры Востока и Запада») [Дугин 1999: 614]. Идея военной мощи, величия, исторической миссии России, внедренные в русское коллективное сознание и сконцентрированные в мифологеме «Москва – Третий Рим», парадоксальны в своей векторной противоположности. С одной стороны, концепция «Третьего Рима» воплощает высшее чаяние национальной воли, с другой – легитимизирует территориальные и политические претензии России, вбирая в себя идею мегаломании. Отметим справедливость замечания Шнирельмана: «Чем более блестящим представляется народу его прошлое, тем с большей настойчивостью он склонен претендовать на значительную политическую роль в современном мире» [Шнирельман 1995: 5].

Идея мегаломании оказалась заразительной для многих славянских государств. На Балканах *Megale idea* носила отчётливо религиозный характер. Главенствующая роль в православном мире Балкан от Греции перешла к Сербии. Идея Великой Сербии (мифологема «Великого начертания»), основанная на историческом прецеденте огромного балканского государства, созданного в XIV в. династией Неманичей, не единожды возрождалась. В XX веке она сопровождала создание Югославии (Идее Великой Сербии противостояла идея Великой Хорватии. О важнейших сферах столкновения национальных интересов сербов и хорватов: Городнянский 1997: 63-75; Šidak 1981), объединившего под сербским началом многие, в том

числе неславянские и неправославные народы. Этническая и конфессиональная доминация сербов и религиозный примат Православия периодически приводили к межэтническим конфликтам. События последних лет подтвердили неустойчивость этой геополитической конструкции и продемонстрировали живучесть в сербском коллективном сознании мифологемы «начертания», идеи Великой Сербии.

Актуализацию Великой идеи представлял собой и националистический проект «Болгария трёх морей», предполагавший присоединение к Болгарии Македонии, Фракии и Константинополя. Воспоминания о величии Болгарского царства, его культурной и политической значимости в раннем средневековье не только для славянского мира, но в целом для Европы, дали почву для прорастания в современном коллективном сознании мифологемы о «Сан-Стефанской Болгарии» [см.: Зудинов 1999: 44-58].

Периодически возрождающиеся лозунги «Великой Польши», «Польши от Одры и Нисы, со Щецином и Вроцлавом» демонстрируют витальность идеи мегаломании, реликтовые формы польского имперского сознания. Некритическое их тиражирование, – отмечает Я. Липский, – «процесс опасный, сопряжённый с проблемами не только политической оценки, но прежде всего с проблемами нравственными, культурными» [Липский 1993: 217-240].

«Культурная» мегаломания («Культурная» славянская мегаломания коррелирует с всеславянским культурно-просветительским мессианизмом. Ср., напр., Я. Коллар о славянах как избранном народе, призванном к обновлению европейской цивилизации: *O literární vzájemnosti mezi rozličnými kmeny a nářečnými slovanského národu* od Jana Kollara. Praha. 1853. s. 43-44), дифференцирующая национальные культуры на «высшие» и «низшие», – тема столь же тонкая и опасная, что и претенциозность политическая, она тоже может быть источником этнических конфликтов и взаимной неприязни (см., напр., миф о превосходстве польского шляхетского просвещения над русским, амбициозные идеи культурного превосходства чехов над словаками и противостоящий этому словацкий позитивный автостереотип о чести открытия миру славянской идеи; споры о культурном, а значит, о политическом, «старшинстве» между сербами и хорватами).

Обобщенная славянская *Megale idea*, актуализированная в коллективном сознании, – это проявление болезни славянского духа, формула самопотворства узко национальной гордости и, в общем, вчерашний день Европы. Политический и культурный климат новой Европы приглушает национализм, устраняет соблазн, одолевающий малые и слабые народности играть в большую политику, что зачастую не отвечает их интересам, но служит «средством успокоения раздраженного национального чувства» [Каргаманов 1993: 211].

Экспансия национальной идеи, поддерживаемая националистиче-

ским мифом, в истории межславянских отношений с периода позднего средневековья осмысливалась в контексте драматического противостояния двух (и более) государств, народов. К началу третьего тысячелетия линии основных политических и культурных антагонизмов Европы размещаются в основном на карте Славии, демонстрируя непрочность мифологемы о славянском единстве. Славянские исторические, политические конфликты, временные сближения на почве высоких идей славянской взаимности (вспомним призыв Й. Домбровского «За нашу и вашу свободу», лозунги движения иллиризма) представляют собой отдельную тему для историко-культурных и этнофилософских исследований. Важно здесь то, что каждая из противоборствующих сторон определяла претензии по максимальной мерке, углубляясь при этом в дебри «исторического права», ссылаясь на то, что некогда земли, на которые предъявлялись права, входили в сферу расселения «своего» народа или даже в его государственное образование (В Хронике Святокрижской (Rocznik świętokrzyski, Mon. Polon. hist. III. 1993), напр., приводится исторический факт о том, что польский король Сигизмунд (1517) обосновал право поляков предпринять поход на Москву на том основании, что «те» места (Московия) – общая славянская прародина), интерпретируя имевшиеся источники к выгоде для себя. Стремление к экспансии и гегемонии было присуще обеим конфликтующим сторонам, разумеется, в соответствии с их возможностями. В XX веке количество скопившегося горячего материала взаимных славянских обид и претензий (чешско – и польско-русских, украинско и белорусско-польских, словацко-чешских, македоно-сербских, сербско-болгарских и т.д.) стало критическим. Ксенофобия и национальная мегаломания питают и поддерживают друг друга. Готовность к рецидивам агрессии со стороны соседей, прежде всего со стороны России, определяет сегодня атмосферу межнациональных и межгосударственных отношений в славянском регионе Европы. Миф об агрессивных намерениях России коснулся даже сербских коллективных настроений, традиционно пророссийских. Политическое бездействие, выжидательная позиция Москвы в ходе последних военных событий в Югославии сербским обществом было расценено как потворство России американской агрессии. Акцентированный войной лозунг «помощи единоверным братьям» был возвращён в лоно мифологии.

Спор славян между собой, // «Домашний старый спор» (Мифический характер романтической мечты о единстве славян нашёл отражение в пушкинских стихах (1831) «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина») – вопрос, ставший общеевропейским, а следовательно, требующий быстрейшего разрешения. В ответ на множество действительных фактов агрессии, а также мифов и ложных представлений о взаимной вине славян, должно наконец прозвучать: «Прощаем и о прощении просим» (Слова из послания польских епископов в связи с приближавшимся 1000-летием крещения Польши к своим

немецким братьям во Христе. В послании говорится об исторической памяти поляков и необходимости прощения взаимных обид. Оно заканчивается словами: «Но несмотря на всё это... протягиваем Вам наши руки, прощаем и о прощении просим»). Зло, причиненное одними, не может быть оправданием ответного зла – таков закон христианской этики и западноевропейской цивилизации. Задача гуманизации славянского коллективного сознания заключается не в том, чтобы отказаться от наследства предков, что в принципе невозможно, а в том, чтобы, имея его, уметь совмещать в себе данные природой противоположности, находя верный выход сознательным и бессознательным потокам энергии.

Концептуальный взгляд на славянскую политическую мифологию позволяет заключить, что бытующие в современном славянском сознании этноцентрические мифологемы имеют не только конструктивное, но прежде всего инструментальное значение. Славянские государства сегодня борются за культурное и политическое признание их в новом мире, за верхние ступеньки европейской «лестницы приоритетов». Лозунговый характер, а следовательно, иллюкативный потенциал этноцентрических мифов направлен на повышение политического статуса своего государства, на обоснование права доступа к экономическим и финансовым ресурсам Европы. Есть в этом только одно «но». Государство, которое измеряет свою силу в устаревших понятиях и продолжает верить в своё могущество, апеллируя к мифологизированному сознанию народа, становится крайне уязвимым. И очень может быть, что для новых поколений насыщенность коллективного сознания мифологемами об особом пути нации, особой исторической миссии народа – все эти «тайны» славянской души – будут представляться «загадочной смутной непонятных отцов».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Čornej P. Panovníci Českých zemí. Praha, 1995
Nejstarší česká rymovaná Kronika tak řečeného Dalimila. Praha, 1958
Šidak J. Povijest Hrvatskog naroda. Zagreb, 1981
Богухвал еп. Познанский. Великопольская хроника. М., 1961
Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. Ключевые концепты культуры. Сценарии поведения. М., 1999
Выступление Президента Польской республики Александра Квасьневского. // XII Межд. конгресс славистов. Информационный бюллетень. № 2. Краков. 1998. С. 14
Городнянский А.В. Историческая ретроспектива сербско-хорватского конфликта. // Славяноведение. 1997. № 3.
Гудзь-Марков А.В. История славян. М., 1997
Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1999.
Зудинов Ю.Ф. Болгария: трудный путь в «большую Еропу». // Славяноведение. 1999. № 3.
Каргаманов Ю. Европа и мы. // ИЛ. 1993. № 6.
Коровицына Н.В. Самая «бархатная» революция: «чешский человек» на фоне об-

щественных перемен. // Славяноведение. 2000. № 3.

Липский Ян. Две родины – два патриотизма. Заметки о национальной мегаломании и ксенофобии поляков. / ИЛ. 1993. № 2.

Новопашин Ю.С. Об антисоветизме и русофобии в послевоенной восточной Европе: к постановке проблемы. // Славяноведение. 1998. № 1.

Саксон Грамматик. Деяние данов. М., 1971

Софронова Л.А. Ещё раз о проблемах истории культуры. // Сов. славяноведение. 1990. № 2.

Тацит Корнелий. О происхождении германцев и местонахождении Германии. // Соч. в 2 томах. М., 1970. Т. 1.

Шлезингер А.М. Циклы американской истории. М., 1992.

Шнирельман В.А. Националистический миф: основные характеристики (на примере этногенетических версий восточнославянских народ). // Славяноведение. 1995. № 6.

Ягич И.В. История славянской филологии. Санкт-Петербург. 1910

© Ключко Н.И., 2006

Макарова В. В.

Каунас, Литва

НАША ПАРТИЯ ЛУЧШЕ: СПОСОБЫ УБЕЖДЕНИЯ В СИТУАЦИИ ПРЕДВЫБОРНОЙ БОРЬБЫ

Abstract

The paper deals with the tools of persuasion in the election campaign in Russia in 2003. The author analyses a corpus of texts produced within political discourses of three Russian parties (the United Russia, the Communist Party of Russia, the Liberal Democratic Party of Russia) and focuses on the link of the common thesis «our party is better» to rational arguments aimed at the evidence of the declared thesis.

Интерес представителей различных гуманитарных наук к механизмам манипулирования сознанием неиссякаем настолько, насколько неиссякаемо человеческое стремление манипулировать своим ближним. В последние полвека с целью обнажения приемов воздействия на сознание в рекламных и политических текстах появилось множество лингвистических работ, внимание в которых было сосредоточено на выборе номинаций и грамматических форм, скрытых и подразумеваемых предпосылок, смене ярлыков и искажении причинно-следственных отношений, принципах порождения идеологизированных текстов.

В рамках данной статьи хотелось бы остановиться на способах воздействия на адресата с целью его убеждения в текстах российских партий в период обострения политической конкуренции – выборов в Государственную Думу в конце 2003 г.. Предвыборная ситуация представляет особый интерес для исследования не только потому, что в момент политической борьбы эксплицируются ценности как партий, так и общества в целом, и одно описание этих фрагментов действительности уже является важной задачей, но еще и потому, что ситуация выборов повторяется каждые несколько лет, поэтому результатом подоб-

ных исследований может стать повышение уровня самосознания получателей политических сообщений в преддверии грядущей агитации.

Пьер Бурдьё несколько лет назад в статье «За ангажированное знание» высказал мысль о том, что «исследователь не является ни пророком, ни властителем дум» и он «не должен давать уроков», но все же исследователь «должен искать и изобретать; он должен стараться помочь тем учреждениям, которые ставят перед собой задачу – к сожалению, все более вяло – сопротивляться неолиберальной политике; он должен поставить перед собой цель помогать им, снабжая их необходимым инструментарием» [Бурдьё 2002]. Элеонора Лассан в статье под названием, перекликающимся с вышеупомянутым, «Лингвистика как ангажированное знание» писала об установке исследователя-лингвиста – установке на предупреждение общества о последствиях для него тех или иных речевых действий политиков: «Думается, что сказанное позволяет оценить лингвистику, способную делать заключения об искренности / неискренности говорящего, об истоках предлагаемых идей, об этическом характере дискурса, как науку, ставящую диагноз состоянию общественного сознания и, в частности, состоянию политических умов, призванных устанавливать ориентиры движения государств» [Лассан 2006].

В согласии с исследовательскими и нравственными позициями Э. Лассан (об исследованиях в русле политической лингвистики) и П. Бурдьё (о желательном векторе работы всего академического сообщества) и в продолжение их идей написана и данная статья, целью которой являлось выявление тенденций в построении умозаключений, а также установление общих мест в избранном аспекте современной политической риторики.

На данный момент в лингвистике сосуществуют различные способы анализа методов убеждения – это, напр., выявление стратегий ведения дискуссий, установление видов аргументативных дискурсов, анализ логической структуры убеждения, исследование логических и ценностных способов убеждения, экспликация общих мест, т.е. топосов, в рассуждениях. Методика данного исследования заключается в анализе логической структуры убеждения и его риторического оформления. В анализе логической стороны убеждения – или рациональной аргументации – внимание было сосредоточено на способах введения тезиса и аргументов и анализе связи аргументов с тезисом. Анализ риторической стороны убеждения – или эмоциональной, внелогической аргументации – заключался в выявлении общих мест, призванных воздействовать на чувства аудитории.

Мы согласны с мнением А. И. Мигунова, исследующего проблемы теории аргументации, логики и риторики, что «формирующаяся сейчас

теория аргументации должна строиться как логико-прагматическое исследование аргументативной коммуникации» [Мигунов 2004: 215]. Нам представляется важным при исследовании аргументативного потенциала текста не изолировать друг от друга исследование рациональной и эмоциональной сторон убеждения, т.к. мы исходим из мысли, что в любом убеждающем тексте необходимо присутствие здравого смысла, и говорящий не может не привести хотя бы одного разумного довода в поддержку доказываемого положения, но вряд ли с целью убеждения возможно избежать если не использования аргументов к человеку, то, по крайней мере, того, что Зарецкая Е. Н. называет «психологическим переносом» аргументов [Зарецкая 1998: 162]. А. Н. Баранов и В. М. Сергеев идею о синкретичности рациональной и эмоциональной составляющих процесса убеждения формулируют радикальнее, они говорят, что «роль «рассудочного» мышления сведена к минимуму» и в настоящее время «эмоциональная аргументация преобладает над логической» [Баранов, Сергеев 1988]. Мы неизбежную, на наш взгляд, апелляцию говорящего к эмоциям слушателей трактуем не как погрешность в ходе умозаключений, уловку, установку на внушение, а как естественный признак человеческой коммуникации. Другой вопрос – каково качество и соотношение рациональной и эмоциональной составляющей в структуре убеждения, не заменяется ли первое вторым и соблюдаются ли в ходе рассуждения требования чистоты мышления и этики.

Избранным для анализа материалом явились четырнадцать текстов, предшествовавших выборам или опубликованных после них на официальных веб-сайтах трех победивших на выборах в Госдуму в 2003 г. российских партий («Единая Россия», Коммунистическая партия Российской Федерации – далее КПРФ, Либерально-демократическая партия России – ЛДПР).

Объектом анализа являлись способы убеждения в истинности главного из доказываемых в анализируемом корпусе текстов положения: *Наша партия лучше*. Именно на нем сфокусировано наше внимание потому, что, во-первых, оно доказывается в дискурсе всех трех партий и, во-вторых, является лейтмотивом вообще любой предвыборной кампании.

Тезис (*Наша партия лучше*) перифрастически представлен, на наш взгляд, в следующих цитатах: 1) «Единая Россия» – единственная партия в стране, которая не борется, а работает. // В отличие от всех других партий, только «Единая Россия» готова вместе с президентом отвечать за политический курс и за результаты его реализации. 2) За это (*хорошее для всех*. – В. М.) борется КПРФ – партия будущего. // КПРФ – настоящая партия. // Но мы выдержим (*испытания*. – В. М.), без нас страна не спасется. 3) Но у народа есть шанс ускорить наведение порядка в стране. Для этого необходимо проголосовать за то, чтобы в Госдуму третьего созыва пришло большинство от

ЛДПР. // Но у избирателей есть шанс выбрать достойную партию, на которую можно смело положиться. ЛДПР – такая партия.

Данные высказывания сходны по содержанию (превосходство партии, от имени которой выступает говорящий), но отличаются по форме: в дискурсе «Единой России» смысл выражен в форме утвердительных высказываний в настоящем времени, что может объясняться тем, что в тот период эта партия действительно находилась у власти, в отличие от ЛДПР, деятельность которой направлена в будущее, а высказывания представлены в алетической модальности (о категориях необходимости / возможности свидетельствуют лексемы *необходимо*, *можно*, *шанс*). Цитаты из дискурса КПРФ являются лозунгами, что также объяснимо существующей ситуацией: раз эта партия наследует идеи предшествовавшего исторического периода, закономерно, что вместе с тем являются унаследованными и стилевые особенности советского дискурса. В расстановке акцентов – использовании различных слов с положительной коннотацией – также наблюдается различие: в цитатах из дискурса ЕР идея исключительности партии выражается через лексемы *единственная* и *только*, а также глаголы *работать* и *отвечать* (за). В дискурсе КПРФ положительность партии определяется через признаки партии – это партия *будущего*, *настоящая* партия. Использование тут слова «настоящий» обусловлено, по-видимому, способностью этого слова выступать в функции так называемых «слов-губок», которые будучи лишёнными собственного значения призваны подчеркнуть, что следующее за ним существительное используется в своем прямом, буквальном значении, т.е. в сущности, такие слова дублируют значение существительного, с которым сочетаются. Кроме того, в дискурсе КПРФ оптимистично говорится о неперенной выживаемости в условиях *испытаний*, что тоже является отличительной чертой «советского стиля». П. В. Зернецкий такой тип коммуникативной конфронтации, заключающейся в критике оппонентов в сочетании с обещанием жить лучше, называет «подчеркнутым оптимизмом» [Зернецкий 2000: 197]. В дискурсе ЛДПР идея исключительности партии выражается через такой ее признак, как *достойная* партия, а также через утверждение способности данной партии к наведению порядка.

Данные наблюдения могут свидетельствовать об отношении говорящих к действительности: может быть, в самом деле, первая партия предпочитает действовать (и для позитивного представления себя выбирает глаголы)? Однако поскольку «Единая Россия» в период выборов находилась у власти, единственно у этой партии и была возможность действовать, но о причинах вербализуемой ситуации в текстах «Единой России» умалчивается. По этой же причине – степени власти в тот период – на долю других двух партий оставалось лишь раздавать оценки, притом, вопрос о том, каково содержание оценок *настоящий* и

достойный, какой смысл вкладывается в данные понятия, является спорным.

Аргументы, которые приводятся в поддержку тезиса (*Наша партия лучше*), делятся на две группы: аргументы к существу дела, относящиеся к рациональной стороне процесса убеждения, и апелляция к топосам, воздействующим на чувства аудитории. Аргументы к существу дела таковы: 1) политика партии согласуется с интересами большинства («Единая Россия», КПРФ), 2) результат работы партии положителен (а оппонентов – отрицателен) («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР), 3) президент одобряет работу партии («Единая Россия», ЛДПР). Топосы, вводимые говорящими в текст, таковы: 1) забота о благополучии народа («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР), 2) приверженность национальным ценностям («Единая Россия», КПРФ), 3) моральный авторитет (ЛДПР). В рамках данной статьи в большей степени внимание уделяется связи рациональных аргументов с тезисом.

Аргумент *«политика партии согласуется с интересами большинства»* реализуется в текстах партий следующим образом: 1) Это более полумиллиона, точнее, шестьсот пятьдесят тысяч членов партии. И это – два миллиона наших сторонников. // Это тысячи депутатов... // Самая мощная партия со времен распада СССР... // Столь представительного состава своего депутатского корпуса не имеет ни одна политическая партия в нашей стране. // Мы создали новую и дееспособную партию, поддерживаемую большинством российского общества («Единая Россия»). 2) Мы действуем в интересах БОЛЬШИНСТВА. Поэтому для нас главное: Поднять и развить отечественное производство, в том числе малое и среднее предпринимательство. Ибо здесь трудится подавляющее большинство населения России. Вывести российские регионы из бесправного униженного положения нищей колонии. Ибо именно здесь проживает абсолютное большинство россиян (КПРФ).

Если в дискурсе «Единой России» говорится о том большинстве, которое поддерживает политику этой партии, то в дискурсе КПРФ утверждается, что эта партия выступает за интересы большинства и поэтому, напрашивается вывод, большинство должно было бы ответить партии взаимностью. Аргументы «Единой России» являются фактическими данными, подаваемыми в форме перечисления одного за другим на коротком отрезке текста – наряду с положительной оценкой партии (*новая, дееспособная партия*). Аргументы КПРФ сложнее верифицировать, т.к. то большинство, к которому апеллируется, вряд ли поддается подсчету. Невозможная для агитации в дискурсе КПРФ сила цифр компенсируется графическим выделением ключевого слова *большинство* и особой организацией синтаксиса в приведенных цитатах – это эллипсы с глаголом в инфинитиве и анафора. Итак, получатель данных сообщений принимает на веру истинность приводимых цифр в дискурсе «Единой России» (хотя требовалось бы пересчитать, ознакомиться с

документами), в дискурсе КПРФ – степень искренности установки на благо для большинства (хотя требовалось бы уточнить, каким образом будет достигаться цель *поднять, развить и вывести российские регионы из бесправного униженного положения нищей колонии*).

Что же касается содержания рассматриваемого аргумента, то тут возникает вопрос: действительно ли хорошо то, за что выступает большинство? На мысль о том, что большинство может оказываться не правым и проголосовать за дурное решение, может навести постановка этой проблемы художниками. Напр., в фильме Л. фон Триера «Мандерлей» (2005) главная героиня учит толпу принципам демократии, и в тот момент, когда ее подопечные усвоили эти знания и стали применять их на практике, по итогам одного из голосований героиня вынуждена совершить казнь. Итак, нас интересует вопрос, является ли аргумент о воле большинства достаточным для доказательства тезиса о позитивности партии? Рассуждение *Большинство считает X; следовательно, верно, что X* представляет собой энтимему – свернутый силлогизм, в котором опущена большая посылка (*Мнение большинства – верно*). Именно истинность большой посылки в данном умозаключении может подвергнуться сомнению. Казалось бы, общественное мнение в иерархии ценностей стоит на одном из последних мест, более важными являются принципы права, исторический опыт народа, нравственные ориентиры общества. Но по правилам игры в демократический строй решающим фактором в принятии решений оказывается количество голосов, поэтому аргумент «политика партии согласуется с интересами большинства», использованный в данное время в данном месте, пожалуй, можно трактовать как достаточный для доказательства тезиса (*Наша партия лучше*).

После того, как «Единая Россия» получила на выборах большинство голосов, на сайте партии был опубликован текст, в котором говорится следующее: Момент истины состоявшихся выборов заключается в том, что страна отвергла пустую политическую публицистику и демагогическое красноречие, народу нужны программы реальных дел и конкретные действия, которые бы оправдывали возродившиеся и растущие ожидания большинства российского населения.

В данной цитате внимание привлекают два момента. Во-первых, эксплицитно выражается мысль о взаимосвязи понятия «истина» и «мнение большинства», т.е., как мы предполагали выше, утверждается, что верным и необходимым говорящий считает то, за что отдает свои голоса большинство населения. Во-вторых, обращает на себя внимание метонимическое именование оппонентов, которых «Единая Россия» значительно опередила по результатам голосования, – название оппонентов замещено названием их вербальной деятельности, причем для этого использована оценочная лексика с негативной конно-

тацией (*пустую политическую публицистику и демагогическое красноречие*). Как показал анализ, эксплуатация эмотивной функции слова характерна в большей степени для дискурса оппонентов «Единой России», стиль предвыборных текстов «Единой России» экспрессивностью не отличается. Использование ярлыков в дискурсе «Единой России» в период после выборов может быть обусловлено тем, что по достижении этой партией поставленной цели необходимость в неукоснительной демонстрации следования своему имиджу – партии дела, а не слова, говорящей в предвыборной агитации фактами, а не лозунгами – несколько ослабла и вместе с тем ослабили механизмы, сдерживающие выражение эмоций субъекта дискурса.

Аргумент *«результат работы партии положителен»* подкрепляет тезис (*Наша партия лучше*) в дискурсе всех трех партий: Доказала свою эффективность и целесообразность // устойчивый рост зарплат и доходов, растет покупательная способность // формированию справедливой пенсионной системы // реальная заработная плата работников бюджетной сферы выросла более чем в два раза, почти в семь раз увеличен минимальный размер оплаты труда, в три раза увеличен размер ежемесячного пособия при рождении ребенка и по уходу за ним. Существенно снижена налоговая нагрузка. Заложен механизм сдерживания роста цен и тарифов. Нам удалось создать правовые рамки для оборота сельскохозяйственных земель. // Мы не пошли на жесткий вариант // сохранили систему льгот // запретили полный переход на стопроцентную оплату жилья // Платежи для людей с доходом ниже прожиточного минимума понижены на 30–50 %. // Государственная Дума стала работать куда более продуктивно («Единая Россия»).

Данные выдержки свидетельствуют о том, что в дискурсе «Единой России», как и в случае формулировки аргумента о поддержке «Единой России» большинством избирателей, используются фактические суждения: перечисляются результаты работы «Единой России», призванные подчеркнуть дееспособность партии. В какой форме это делает говорящий? Видим, что в данных цитатах даются цифры, глаголы употреблены в совершенном виде и в форме прошедшего времени, все аспекты работы перечисляются один за другим, без каких-либо вкраплений, отступлений, таким образом, создается представление о непрерывных позитивных действиях, составляющих целостный образ работы партии. На первый взгляд эмоционально-экспрессивная лексика в данных выдержках не используется, но все же такие слова и словосочетания, как *эффективность и целесообразность, устойчивый рост, растет, увеличен*, с одной стороны, и *снижена нагрузка, сдерживание цен, не пошли на жесткий вариант*, с другой, – работают на создание положительной оценки работы партии.

Цитаты из дискурса КПРФ наполнены тем же содержанием, но форма подачи информации коммунистами отличается от оппонентов: Она не сидит, сложа руки в его ожидании, а жестко выступает против творимого

в настоящем беззакония и произвола. Она борется за проведение в настоящем тех перемен, которые лягут в основу справедливого будущего. Эта партия имеет четкий, профессионально выверенный план действий и команду, способную реализовать новый курс. Она работает в гуще масс, черпает в народе свои силы, выражает народную волю. // Мы знаем, как взяться за дело. Как в несколько раз увеличить бюджет, поднять производство, повысить зарплаты, пенсии и стипендии, помочь сильным, защитить слабых. У нас есть программа скорейшего выхода из кризиса. У нас есть команда высококлассных специалистов, готовая хоть завтра образовать новое правительство. Мы не потратим ни дня на раскачку (КПРФ).

В дискурсе КПРФ, как видим, именование аспектов своей деятельности более расплывчато и лаконично: она *выступает против; борется за; знает, как взяться за дело*. Благодаря милитаристской лексике (*жестко выступить против, бороться, защитить*) активизируется момент борьбы – одной из ценностей советского дискурса. О работе говорится в форме вневременного настоящего времени, не прикрепленного к конкретному моменту речи, а результат работы, судя по данным цитатам, должен будет быть осущитим в будущем. Констатация того, что у партии *есть профессиональный план работы, программа выхода из кризиса и команда высококлассных специалистов*, относится к сути дела, т.е. может служить обоснованием тезиса (*Наша партия лучше*) (по крайней мере, таковой должна быть нормальная партия – с планами работы и специалистами в рядах), однако истинность данных суждений трудно проверить: следовало бы, напр., провести экспертную оценку программы по выходу из кризиса, или договориться о терминах, напр., в какой ситуации можно было бы утверждать, что кризис миновал. О таких признаках построения текстов КПРФ, как особые синтаксические конструкции (эллипсы, лозунговые фразы) и экспрессивные выражения, уже говорилось выше, поэтому не будем больше на этом останавливаться: по-видимому, названные черты присутствия в целом текстам коммунистов, независимо от того, о чем говорится.

В дискурсе ЛДПР утверждается, что результат работы партии идет на пользу общества, т.к. партия генерирует продуктивные идеи, которые высшая власть претворяет в жизнь: Многое из того, что я (Жириновский. – В. М.) предлагал, уже сбывается. // Таких примеров много. Я предлагаю то, что вызвано жизнью. Не витаю в облаках. Если это во благо для России, пусть все воруют у ЛДПР. Я буду только счастлив. // И хорошо, что не постеснялись позаимствовать нашу идею – лишь бы для России было лучше (ЛДПР).

Сообщение о том, что идея ЛДПР о федеральных округах получила развитие, верифицируемо, но намек на множество иных необходимых (*вызвано жизнью*) продуктивных идей, генерируемых лидером ЛДПР, не может быть подвергнут проверке непосвященными в тайны политической кухни. Что же касается апелляции не к разуму, а к чувствам слу-

шателя, то данная выдержка из текста демонстрирует следующее: дважды повторяется смысл 'благо для России' и дважды говорится о 'нечестном взятии' идеи ЛДПР. У иных получателей текста может возникнуть вопрос, действительно ли у ЛДПР воруют идеи, у иных – осядут в сознании повторяемые смыслы. Кроме того, данные цитаты свидетельствуют об альтруизме представителей ЛДПР, лидер которых демонстрирует готовность служению благу России не во имя своей славы.

Аргумент «*президент одобряет работу партии*» в поддержку тезиса (*Наша партия лучше*) используется в тестах «Единой России» и ЛДПР. Рассмотрим примеры: 1) Теперь его поддержка – это оценка Президентом результатов нашей практической работы. // И это было высоко оценено и гражданами нашей страны, и Президентом Российской Федерации. Президент выразил благодарность нашей Партии... («Единая Россия»). 2) Путин меня (Жириновского. – В. М.) поддержал. // Я горжусь, что кремлевский план введения федеральных округов бал скорректирован с учетом разработок ЛДПР (ЛДПР).

Данные цитаты наводят на вопрос не об истинности утверждений, а, скорее, о степени связанности аргумента об одобрении президентом работы партии с тезисом о приоритете данной партии перед другими, т.е. достаточен ли данный аргумент для поддержания тезиса? В принципе подобного рода доводы трактуются как один из видов аргументов к человеку – это в данном случае аргумент к авторитету. Если лицо, к мнению которого апеллируют, в глазах аудитории в самом деле является авторитетным специалистом в данной области деятельности, то тогда такой аргумент является уместным для убеждения публики в целесообразности (истинности, необходимости) выдвигаемого говорящим положения. Но если, как и в случае с аргументом «большинства», попытаемся реконструировать данное рассуждение в форме силлогизма, то увидим, что уже на этапе проверки истинности посылок (следующим этапом была бы проверка корректности, соответствия известным правилам построения силлогизмов) такое рассуждение не выдерживает критики: *Одобрение президента свидетельствует о верном направлении деятельности партии* (большая посылка); *Партия X заслужила одобрение президента* (малая посылка); *Партия X действует в верном направлении* (следствие). Как видим, утверждаемое в большой посылке не является ни общечеловеческой истиной, ни догмой, ни научно доказанным положением, таким образом, невозможно не усомниться и в истинности вытекающего из посылок вывода.

В заключение анализа особенностей рациональной стороны убеждения в избранном аспекте российского политического дискурса хотелось бы еще остановиться на двух примерах рассуждений, не относящихся к доказательству интересующего нас в данной статье тезиса.

Первое из них привлекло наше внимание тем, что подобное рассуждение кажется весьма узнаваемым, вероятно, благодаря популярности такой схемы в любом пропагандистском тексте: У России, у русских женщин, у русских крестьян будет лучшее будущее, если мы начнем жить так, как предлагает ЛДПР (ЛДПР).

Данная мысль является условным суждением – если А, то Б. *Если мы начнем жить так, как предлагает ЛДПР* – основание данного рассуждения (если А), *у России, у русских женщин, у русских крестьян будет лучшее будущее* – следствие (то Б). Во-первых, причинно-следственная связь данных утверждений не является очевидной. Уже одно это обстоятельство переводит данный аргумент в статус аргументов к человеку, а не к существу дела. Во-вторых, вывод, к которому может прийти аудитория, будет построен по принципу условно-категорического умозаключения. В нем, как известно, утверждение наличия явления, утверждаемого в основании, приводит к утверждению мысли, выраженной в следствии (если А, то Б; $A \rightarrow B$), а отрицание наличия явления, утверждаемого в следствии, приводит к отрицанию истинности основания в заключении (если А, то Б; не-Б \rightarrow не-А). Возможно, говорящий, предлагая эту, процитированную выше, мысль избирателям, подводил их к такому выводу, что раз нет следствия (не-Б – «нет лучшего будущего»), значит, нет для него основания (не-А – «не начали жить по плану ЛДПР»)? То есть, если народ не почувствует, что есть надежда на лучшее будущее, может быть, это из-за того, что страна не начала жить так, как предлагает ЛДПР? Тогда на следующих выборах хорошо было бы отдать голос этой партии.

Второй пример, которые там хотелось бы тут привести, также относится к превратностям человеческого мышления, и он также встретился в дискурсе ЛДПР: И считаем, что наша открытая и искренняя, но аргументированная позиция позволит избирателям сделать правильный выбор.

Если это не опечатка в тексте, тогда получается, что признаки *открытый* и *искренний* противопоставляются признаку *аргументированный*. Очевидно, что это не так, даже по формальному признаку – наличию общего основания для противопоставления: первые два признака относятся к прагматической стороне коммуникации, третий – к логической. Персонаж У. Эко, размышляя о способах мышления человека отмечал: «Я привык вообще-то думать, что логика – универсальное орудие, а сейчас я все больше замечал, до какой немалой степени польза логики зависит от того способа, которым ее употребляют» [Эко 2006: 324].

Доказываемый тезис, как мы уже говорили выше, часто подкрепляется не только логической аргументацией, но и актуализацией в сознании слушателей топосов, направленных на создание общего «единочувствия» говорящего и аудитории, что позволяет субъекту дискурса

эффективней достичь цели убеждения в истинности выдвигаемой идеи. Как пишет А. И. Мигунов, «поскольку имеешь дело с разумными людьми, представляющими определенную культуру, то можно построить теорию общих мест, то есть положений, с которым склонны будут согласиться различные типы людей» [Мигунов 2004: 205].

В подвергнутых анализу текстах нами была отмечена актуализация следующих топосов: идеи благополучия народа в дискурсе всех трех партий, приверженности национальным ценностям – в дискурсе «Единой России» и КПРФ и морального авторитета партии – ЛДПР. Закономерным и даже неизбежным является обращение к подобным общим местам в текстах политиков по двум, на наш взгляд, причинам. Во-первых, автору идеологизированного текста, как правило, присуща экспликация своей позиции и мироощущения – так, он не может не затронуть ценностные категории. Во-вторых, идея благополучия народа в существующих экономических условиях жизни страны особенно актуальна как для политиков, так и для избирателей, а идеи национальных ценностей и морального авторитета являются ценностями не только для данного, но более длительного исторического периода. Думается, с данными идеями должна была бы согласиться большая часть аудитории. Но оправдана ли актуализация данных топосов при убеждении в истинности тезиса (*Наша партия лучше*)? (В рассуждении о соотношении апелляции к общим местам и тезиса, как представляется, не было бы уместным оперировать понятием «истинность», т. к. речь идет не о рациональной, а об эмоциональной стороне убеждения. Поэтому мы говорим об «оправданности» введения данных топосов.) На наш взгляд, апелляция к идеям благополучия народа, национальных ценностей и морального авторитета в процессе убеждения аудитории в верности выдвигаемого положения оправдана. Потому что ценность политической партии с ее программой в иерархии топосов занимает подчиненное положение по отношению к более «высоким» ценностям – ценностям национально-государственного развития. А обоснование более «низкой» ценности путем апелляции к ценности, стоящей выше, соответствует так называемому «принципу риторической правильности высказывания» [Волков 2003: 76].

Итак, мы попытались представить способы убеждения аудитории в верности положения (*Наша партия лучше*) тремя политическими партиями России в предвыборном дискурсе 2003 г.. Перспективы развития идеи, изложенной в данной статье, на наш взгляд, таковы: во-первых, интерес могло бы представить сопоставление результатов данного исследования и аналогичного – на материале текстов будущей предвыборной кампании. Это позволило бы выявить изменения в политической культуре страны и ценностных ориентирах общества. Во-вторых, небезынтересным представляется сопоставление двух различных культур в избранном аспекте: обнаружение приведения различных ар-

гументов в поддержку одного и того же тезиса позволило бы четче представить особенности сравниваемых культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баранов А. Н., Сергеев В. М. Естественная языковая аргументация в логике практического рассуждения. // Мышление, когнитивные науки, искусственный интеллект. Москва, 1988.

Бурдые П. За ангажированное знание. Пер. с фр. Михаила Бухарина. // Неприкосновенный запас, 2002, № 5 (25). <http://magazines.russ.ru/nz/2002/5/burd.html>

Зарецкая Е. Н. Риторика. Теория и практика речевой коммуникации. Москва, 1998.

Зернецкий П. В. Коммуникативные стратегии: классификационный аспект. // Методология исследований политического дискурса. Под ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. Вып. 2. Минск, 2000.

Лассан Э. Р. Лингвистика как ангажированное знание. 2006. <http://ling.x-artstudio.de/st6.html>

Мигунов А. И. Теория аргументации как логико-прагматическое исследование аргументативной коммуникации. // Коммуникация и образование. Под ред. С. И. Дудника. Санкт-Петербург, 2004. http://anthropology.ru/ru/texts/migunov/educomm_10.html

Эко У. Имя розы. Санкт-Петербург, 2006.

ИСТОЧНИКИ

Единая Россия: www.edinoros.ru 7, 28.10., 1, 26.12.2003; www.boris-gryzlov.ru 3.12.2003; www.edin.ru 27.01.2004; www.vbogomolov.ru 29.03.2005.

Коммунистическая партия Российской Федерации: www.kprf.ru 12.09., 28.10., 2.12.2003 г.

Либерально-демократическая партия России: www.ldpr.ru; Т.Пахомова. Интервью с В.Жириновским. Газета «ЛДПР» №12, 2003

© Макарова В. В., 2006

Пшенкин А. А.

Барнаул, Россия

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ СССР / РОССИИ В АМЕРИКАНСКОМ И РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Abstract

The paper focuses on the analysis of basic metaphorical models representing the image of the USSR / Russia in American and contemporary Russian political discourse. The analysis reveals the dynamic nature of metaphorical image of Russia in American political discourse. It also argued that some American and Russian metaphorical models are common while others are culturally peculiar.

Общеизвестно, что язык является не только продуктом познавательной деятельности человека, но одновременно и одним из главных способов осуществления этой деятельности. Еще до усвоения языка человек обладает определенным запасом знаний о мире, и «усвоение любой новой информации о мире осуществляется каждым индивидом на базе той, которой он уже располагает» [Павилёнис 1983: 101]. Довербальное восприятие мира, или «первичная система репрезентации» (термин, употребляемый А. В. Кравченко), образует модель мира, основан-

ную на чувственных данных, памяти и др., а «вторичная система репрезентации дает модель этой модели, в которой мир и наши действия в нем выражаются или потенциально могут быть выражены словами» [Кравченко 1996: 14]. То есть чувственное восприятие мира накладывается на концептуальную репрезентацию, а затем эта концептуальная репрезентация накладывается на языковую. Однако концептуальные репрезентации представителей разных лингвокультурных сообществ, а также индивидов внутри одного сообщества обнаруживают ряд различий, и это, по-видимому, является результатом влияния на осуществляемый субъектом процесс категоризации окружающего мира целого конгломерата факторов. По мнению Дж. Лакоффа, наряду с культурно-специфическим опытом, получаемым индивидом в результате взаимодействия с внешним миром, на процесс категоризации, оказывают также влияние метафоры, метонимии и другие средства ментальной образности [Лакофф 2004: 23]. Метафора – это универсальное явление в языке [Гак 1988: 11], в разных языках можно наблюдать сходство образов, параллелизм в метафорических переносах, что может являться следствием антропоцентризма языка. Другим возможным объяснением данного феномена является **медиатизация мышления индивида**. Под медиатизацией мы, вслед за И. В. Рогозиной, понимаем «процесс и результат воздействия на мышление индивидов при помощи различных медиа, выражающийся в формировании картины мира посредством специфически медийных когнитивных структур познания и представления реальности – возникающих при взаимодействии индивида с глобальным информационным пространством» [Рогозина 2003: 122]. Агентства новостей и представители печатных изданий и телевизионных компаний, описывая ключевые события, происходящие в мире, обращаются к одним и тем же источникам и зачастую используют одни и те же удачные образы и метафорические переносы, которые затем переводятся на разные языки, оказывая определенное влияние на картину мира адресатов. Это особенно актуально для политического дискурса в силу того, что обычный человек не всегда в состоянии разобраться в причинах совершающихся событий, и в этом ему помогают профессиональные политики и журналисты. Названные факторы обуславливают наличие глобального, общемирового интердискурса [термин Т. В. Шмелевой, цит. по: Чудинов 2003], включающего одинаковые или похожие доминантные метафорические модели. Для получения статуса доминантной, метафорическая модель должна обладать следующими характеристиками: высокая частотность использования; развернутость; использование соответствующих метафор в разных частях текста; использование не только стандартных, но и ярких индивидуально-авторских образов; детализация фреймов; использование

ресурсов интертекстуальности; применение разнообразных стилистических фигур [Чудинов 2004].

Совсем необязательно наличие в тексте одной доминантной модели, чаще всего их несколько, и они могут иметь своими источниками фреймы, относящиеся к различным сферам опыта. Приняв за основу названные характеристики доминантных метафорических моделей, участвующих в создании метафорического образа государства, нами было отобрано и проанализировано около 2 000 примеров из печатных и электронных СМИ, а также книг американских авторов, посвященных политической ситуации в СССР / России в период с 50-х гг. XX века по настоящее время.

Давно отмечено, что человеческое тело служит плодородной почвой для метафорической категоризации опыта [Ульман 1970, Телия 1988 и др.]. Как в американском, так и в современном российском политическом дискурсе фрагменты фрейма «человеческий организм» используются авторами для образования метафор, имеющих различные концептуальные векторы [говоря о российском политическом дискурсе, мы опираемся на работы А.П. Чудинова: Чудинов 2001а, 2001б, 2003, 2005]. В американском политическом дискурсе фрагменты данного фрейма чаще, чем слоты других фреймов, являются сферами-источниками метафор. Метафора «организм», используемая в политическом дискурсе для описания государства благодаря своей наглядности и доступности для широкой аудитории. Как в российском, так и в американском политическом дискурсе в качестве сфер-источников подобных метафор выступают такие фрагменты фрейма «человеческий организм», как здоровье и физическая сила. Они используются для описания военного и экономического потенциала СССР и России, что позволяет упростить понимание сложных, невидимых феноменов рядовым обывателем и создать определенный, нужный автору образ государства.

При помощи метафоры «организм» в разные исторические периоды СССР и Россия изображаются, то как агрессивный гигант, то как карлик, стоящий в тени другого гиганта – США. Приведем несколько примеров: On Aviation Day 1955 the Soviets flexed awesome military muscles by flying unit after unit of new jet planes over Moscow [LaFeber 1985: 173]. Однако, по мнению американцев, какой бы внушительной ни была мускулатура гиганта, они смогут одолеть его в короткий промежуток времени. No matter what muscles and sinews the Soviet Union has, as well as new weapons, if war broke out between the U.S. and Russia tomorrow the U.S. would probably win, and perhaps win quickly [Gunther 1957: 497]. Putin has sought to use the Middle East conflict to help restore Russia's stature on the international stage, where its presence is dwarfed by the United States [Washington Post, April 27, 2005].

Метафоры, сферами-источниками которых являются фрагменты фрейма «человеческий организм» представлены в значительном объ-

еме и в отечественном политическом дискурсе. Напр.: Нужно посмотреть, как мы будем развиваться в случае такого полуголодного пайка, какие мускулы нужно тренировать и на каких тренажерах, – заметил Фрадков [Российская газета, 16.03.2006].

Проблемы в стране могут описываться в терминах заболеваний. В силу того, что наличие проблем является неизбежным, метафорические выражения, относящиеся к модели СССР / РОССИЯ (КОММУНИЗМ) – ЭТО БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ (БОЛЕЗНЬ), всегда присутствовали в американском политическом дискурсе. С вступлением России в череду кризисов и потрясений метафорические выражения, сферой-источником которых являются фреймы «болезнь» и «смерть», становятся частотными и в отечественном политическом дискурсе.

Фрейм «заболевание» и связанные с ним фреймы и сценарии часто используются в качестве сферы-источника метафорических выражений в политическом дискурсе времен «холодной войны» [Medhurst 1990]. По мнению Д. Фейлер, подобные метафорические выражения использовались для создания противопоставления [Feiler 1996], когда одной стороне приписывались только положительные свойства, а другой – только отрицательные. Идея заключалась в создании у реципиента ощущения потери контроля над окружающим его миром, внушение мысли о серьезности возникшей проблемы и возможности наступления катастрофы. С этой целью с самого начала «холодной войны» коммунизм, государственная идеология Советского Союза, представлялся как нечто заразное, то, что необходимо сдерживать, в противном случае он может погубить весь мир. На примере метафорической модели КОММУНИЗМ – ЭТО БОЛЕЗНЬ и, соответственно, СССР – ЭТО РАССАДНИК БОЛЕЗНЕЙ / БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ можно увидеть реализацию прескриптивной функции метафоры, являющейся ведущей в политическом дискурсе. Обратимся к фактическому материалу: World Communism is like a malignant parasite which feeds only on diseased tissue [Callahan 1990: 69].

Если во время холодной войны при помощи лексем, относящихся к семантическому полю «болезнь», описывалось распространение в мире коммунистических идей, то в 80-е гг. XX столетия сферой-целью подобных метафорических выражений является обстановка внутри Советского Союза. Подобные выражения способствуют созданию образа государства, находящегося в глубочайшем кризисе и захлестываемого целым потоком проблем. He is profoundly sincere in wanting to rescue the Soviet system from a terminal illness [Time, December 18, 1989].

В американском политическом дискурсе 90-х гг. проблемы в России все также описываются как недуги, от которых страдает человек. He has applied remedies that are as painful as they are necessary [Time, December 7, 1992]. A summer of paralysis took its toll [Time, October 4, 1993].

В современном российском политическом дискурсе данная метафорическая модель имеет тот же концептуальный вектор, что и в американском. Нелегко выстраивать вертикаль власти, если власть больна тромбозом [Литературная газета №7-8, 2006]. Чечня кровоточила, губернаторы своевольничали, армия разлагалась [Аргументы и факты №4, 2006]. И это дает надежду, что демократия еще дышит... [Аргументы и факты №7, 2006].

По-видимому, благодаря существующей в США на протяжении столетий свободе слова и реальной, а не ритуализованной политической коммуникации, был выработан ряд негласных правил, в соответствии с которыми развивается политический дискурс. Представляется, что одним из таких правил является табу на употребление сексуальных метафор, получивших широкое распространение в российском постперестроечном дискурсе. Эмотивные смыслы агрессивности, опасности, нарушения нравственных норм и традиций, выражаемые данной моделью, передаются в американском политическом дискурсе при помощи других, менее эпатажных публику моделей. Это может быть объяснено наличием различных наборов ценностей, что и обуславливает использование фреймов и сценариев из различных областей опыта в процессе концептуализации и категоризации представителями разных лингвокультурных сообществ одних и тех же явлений внешнего мира. Приведем ряд примеров из отечественного политического дискурса: Новую Думу осеменяют в Кремле [Аргументы и факты №3, 2000]. Вся Россия под Медведем [Комсомольская правда, 4.12.2003].

В российском и в американском политическом дискурсе присутствуют аналогичные метафорические модели, сферами-источниками которых являются фреймы, относящиеся к субсфере «Социум». Субсфера – это конструкт, создаваемый исследователем в целях группировки метафорических моделей, сферы-источники которых объединены вокруг определенного концепта. Субсфера – это своего рода гиперфрейм, в который будет включена информация о типичных ситуациях и возможных сценариях, связанных с определенным концептом.

Милитарные метафоры, являясь конфликтными, отражают характерные черты политики как вида общественной практики, а в моменты кризиса помогают создать образ внешнего врага и консолидировать население для борьбы с ним. По мнению Демьянкова В. З. [Демьянков 2003: 130], для того чтобы быть эффективным, политический дискурс должен строиться в соответствии с определенными требованиями военных действий. Выступающие обычно предполагают, что адресат знает, к какому лагерю относится, какую роль играет и в чем эта роль состоит. Как и действия на поле боя, политический дискурс нацелен на уничтожение «боевой мощи» противника – вооружения (т.е. мнений и аргументов) и личного состава (дискредитация личности оппонента). Поэтому присутствие данной модели в американском политическом

дискурсе времен «холодной войны» не является чем-то необычным. Доминирование данной модели является подтверждением мнения А. Н. Баранова о наличии в дискурсе конфликтных метафор как особенности кризисного мышления [Баранов 2004]. Следующий пример достаточно ярко характеризует отношение к СССР в разгар «холодной войны». The contestants have confronted each other, they have shouted threats and abuse at each other, they have flexed their military muscles to intimidate each other – but they have not struck at each other. One side or the other has sometimes advanced or backed off a few inches [Halle 1967: 8]. СССР и США изображаются как два агрессивно настроенных соперника, пытающихся запугать и превзойти друг друга в различных областях, но не начинающих драку ввиду возможных серьезных последствий.

Для американского правительства было непросто пересмотреть свое отношение к Советскому Союзу, потому что на протяжении послевоенных лет восприятие активности СССР структурировалось под влиянием концептуальной области «война / конфликт». «We must realize», Lovett told the group, «that we're now in a mortal conflict, that we're now in a war worse than any we have experienced» [Callahan 1990: 108].

Во время перестройки сферой-целью метафорических выражений, относящихся к милитарной модели становится преимущественно обстановка внутри Советского Союза, а не отношения двух стран. Таким образом, можно говорить о том, что СССР более не представлялся врагом, необходимость уничтожения которого диктовалась инстинктом самосохранения, он скорее воспринимался как поле, на котором происходит множество вооруженных схваток. Кроме того, американский политический дискурс отреагировал на снижение военных затрат в СССР тем, что он более не воспринимался как устрашающий гигант. Советский Союз являл собой довольно жалкое зрелище капитулировавшего солдата, неспособного к дальнейшей борьбе. This atavistic trend is a direct result of the Soviet capitulation in the cold war [Time, July 15, 1991].

Отношения политиков в данном историческом периоде изображаются как война, где есть обороняемые позиции, войска идут в бой или отступают, а общая обстановка грозит взрывом. Это, по нашему мнению, не только характеризует ситуацию в стране, но и отражает конфликтность политики как вида общественной деятельности. Yeltsin is trying to outflank and deflate the central authorities in Moscow with his own alternative to the Union Treaty [Time, February 4, 1991]. When George Bush took office in January 1989, Gorbachev was in retreat. But was it permanent or tactical? [Time, August 5, 1991].

В американском политическом дискурсе, совпавшем с периодом перестройки, метафоры, использующие в качестве источника фрейм «война», описывают бурные события из политической жизни СССР и России конца XX века. Политики ведут друг с другом ожесточенные бои

и формируют военные союзы. Yeltsin has signaled he'll fight for his government at the Congress, but his success could depend on what alliances are formed between warring political factions [Time, December 7, 1992]. The West has shown sympathy and unanimous support for embattled reformers who have bent the rules, especially if the alternative is total chaos and restoration of communist rule [Time, October 4, 1993].

В последние годы авторы стали прибегать к помощи милитарных метафор для описания отношений правительства и крупного бизнеса. Используются слоты «виды боевых действий», «иерархические отношения военнослужащих» и другие. And it looked less like a fight against oligarchs per se than a campaign against particular oligarchs. There may be wisdom in this approach, as a fight against all simultaneously could not be won. But it does suggest that the battle against corruption under a President Lebed would have a distinctly Yeltsinian flavor [Foreign Policy, Winter 1999-2000]. But the attack on Yukos, once Russia's largest private oil company has crimped its record production growth, and prompted worries about the safety of property rights [New York Times, May 25, 2005].

В современном российском политическом дискурсе милитарные метафоры используются для описания как политической жизни, так и отношений хозяйствующих субъектов. Угрозы министра Г. Грефа, похоже, нисколько не мешают бывалым бойцам «бизнес-войн», как и прежде, жить на широкую ногу [Аргументы и факты №7, 2006]. Впрочем, на Путина мудрые евреи сильно не обижаются: они отлично знают, в какой точке современного мира принимаются роковые решения. Нельзя укорять полковника за то, что он в точности выполнил приказ маршала [Загадка Владимира Путина. – Internet].

Спортивные и игровые метафоры, в которых Россия изображается как соперник США, подчеркивают состязательность в отношениях между двумя странами. The Soviet Union actually outpaced the United States in coal, steel, and cement production, and was the world's largest oil producer [LaFeber 1985: 293].

В данном примере СССР – это соперник, обогнавший США в гонке. В данном случае метафорическое выражение используется для сравнения экономических показателей двух стран. Здесь мы можем говорить о пересечении двух типов дискурса – экономического и политического. Экономическая мощь государства является фактором, сказывающимся на способности государства участвовать в происходящих в мире политических процессах, следовательно, и на восприятии его другими мировыми державами.

Спортивные и игровые метафоры также используются для описания событий политической жизни в самой России. Within the party there may be younger men who will overtake him when he slows or stumbles [Time, January 6, 1958]. Far from throwing in the towel, Gorbachev came out fighting, lambasting the leaders of Russia, Belorussia, and Ukraine for their declaration of a 'commonwealth' to replace the U.S.S.R. [Time, December 23, 1991].

Представляется важным отметить тот факт, что концептуальный

вектор подобных метафор не является столь отрицательным, как у тех, которые входят в милитарную модель. На основании обработанного фактического материала можно сделать вывод о наличии в американском политическом дискурсе большого количества метафорических выражений, сферой-источником которых являются вербализованные фрагменты фрейма «настольная игра». Фреймы «шахматная партия» и «игра в покер» часто употребляются для описания международной политики, что отражает ее восприятие в американском обществе.

В следующем примере, взятом из политического дискурса 1940-х гг., СССР представлен как азартный игрок, которому необходимо помешать, так как ставка в игре является очень высокой. «The Soviet Union was playing one of the greatest gambles in history at minimal cost», Acheson concluded. «We and we alone are in a position to break up the play» [LaFeber 1985: 53].

В следующем примере представлен фрагмент беседы Р. Никсона и Н.С. Хрущева. Спор о преимуществах коммунистической или капиталистической системы – это партия в бридж, в которой соперники делают все, чтобы не отдать друг другу взятки. Картами в данном примере являются факты, а взятками – доказательства несостоятельности доводов оппонента. «You know we are having a steel strike», said he [Nixon], finessing a certain Russian high card [Time, August 3, 1959].

Данный тип метафорических выражений встречается и в российском политическом дискурсе. В нем фрагменты фреймов «спортивный матч» или «настольная игра», используемые в качестве источников метафор, указывают на борьбу и соперничество между партиями и отдельными политическими фигурами, а в некоторых случаях используются для указания на несерьезность решений, принимаемых политическими деятелями и политики как общественного института. Обратимся к примерам: Политика – это бои без правил [Известия, 27.01.2006]. Страна неслась к пропасти, а глава государства тем временем работал с документами в ЦКБ или капризно тасовал кадровую колоду [Аргументы и факты №4, 2006]. Из первой геополитической лиги, где играют региональные державы (уровня Индии или Бразилии), мы перешли во вторую, где борются за место в плацкартном вагоне истории государства образца Парагвая или Алжира [Бизнес Владимира Путина. – Internet].

В последнем примере пересекаются метафорические модели ПОЛИТИКА – ЭТО СПОРТ, а также РАЗВИТИЕ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ. Автор данного примера использует иерархию, существующую в спортивном мире, для указания на положение, занимаемое на мировой арене Россией.

В следующем примере в качестве сферы-источника автор использует сценарий, по которому развивается известная телеигра. Пример является довольно ироничным, потому как речь в нем идет о человеке, занимающем первую строчку в рейтинге российских миллиардеров.

Теперь перед губернатором открыто несколько путей. Во-первых, он может сделать звонок другу – с полученными средствами он, совместно с другими лояльными российскому правительству бизнесменами, сможет реализовать очень крупномасштабные проекты. Во-вторых, он может попросить помощь зала, благо что общественность Чукотки на него в буквальном смысле молится. Тогда Роман Абрамович станет губернатором во второй раз и найдет, куда вложить свои средства в своем же регионе. И, в-третьих, счастливчик может взять деньги и попытаться, как и многие до него, покинуть эту не очень приветливую северную страну [Самая удачная сделка Абрамовича. – Internet].

В силу ряда причин метафорическая модель ПОЛИТИКА – ЭТО БИЗ-НЕС, имеющая историю употребления в американском политическом дискурсе, лишь недавно стала активно использоваться в качестве источника метафорических выражений в дискурсе отечественном. В американском политическом дискурсе данная модель используется для изображения СССР как бизнесмена, вступающего в деловые отношения с другими бизнесменами. Использование этой модели позволяет компенсировать ограниченность спортивной и игровой моделей. В соответствии с ними все политические события, включающие конфликты или элементы противостояния, должны заканчиваться победой той или иной стороны. Но это происходит далеко не всегда, а скорее наоборот, победы в политике достигаются путем компромисса и совместного поиска выхода из сложившейся ситуации, поэтому рано или поздно в политическом дискурсе появляется метафорическая модель, сферой-источником которой будут являться фреймы «бизнес» или «коммерческие отношения». Периферическое положение данной модели в американском политическом дискурсе периода «холодной войны» свидетельствует о доминирующем образе России как соперника или даже врага над образом партнера по бизнесу.

В следующем примере оба государства представлены как стороны, которые пытаются извлечь максимальную выгоду в ходе серии переговоров, посвященных их ядерным арсеналам. *Since neither the United States nor the Soviet Union was prepared to bargain away its security, arms control could only yield gains to each side that were nonthreatening in nature* [Callahan 1990: 267]. В данном примере показана суть отношений двух стран в 1970-х гг. – в период разрядки. СССР – это равный США партнер по бизнесу, с которым необходимо договариваться. *Détente remains the keystone policy, and Carter intends to try to drive a harder bargain than either Nixon or Ford* [Time, January 3, 1977].

В работе А. П. Чудинова [2003] отмечается, что в российском политическом дискурсе данная модель имеет преимущественно отрицательный эмоциональный заряд. Напр.: Потому что Кремль в глубине своей бизнес-души действительно не понимает, зачем эти базы вообще нужны [Бизнес Владимира Путина. – Internet]. Примета осени – в регионы потянулись политические коробейники [Чудинов 2003].

В отличие от российского в американском политическом дискурсе данная модель используется для описания изменений в отношениях двух стран, когда периоду открытой враждебности и нежелания договариваться пришло на смену время поиска компромиссных решений. Произошел переход от образа врага к образу делового партнера, с которым недопустимо конфликтовать и нужно уметь договариваться.

Субсфера «Природа» представлена в американском политическом дискурсе широким набором фреймов. В целях создания метафорического образа России используются фрагменты как фрейма «домашний скот», так и фрейма «хищники».

Во время «холодной войны» преобладают метафорические выражения, в которых Советскому Союзу приписываются такие качества, как свирепость и агрессивность. СССР изображается медведем, волком или тигром. Poland's rescue from the Nazi wolf, at last, was by another wolf, and this was what the exiles were being asked to accept [Halle 1967: 59].

В следующем примере СССР – это даже не волк и не медведь, а нечто среднее, пытающееся, однако, предстать перед миром в виде безобидной овечки. At the same time, however, Dulles felt compelled to warn Americans that «the new set of dangers comes from the fact that the wolf has put on a new set of sheep's clothing, and while it is better to have a sheep's clothing on than a bear's clothing on, because sheep don't have claws, I think the policy remains the same» [LaFeber 1985: 180].

Фрагменты фрейма «царство животных» также используются в качестве источников метафорических выражений, сферой-целью которых является население Советского Союза. Здесь преобладает иной концептуальный вектор. Люди изображаются безвольным стадом, подчиняющимся воле правителей и эксплуатируемым ими. В следующем примере госсекретарь США Дж. Даллес, обращаясь к прецедентному тексту, произведению Дж. Оруэлла «Скотный двор», изображает господствующую в Советском Союзе систему в виде фермы, где безропотное население трудится лишь на благо правящей верхушки, которая всячески его эксплуатирует. «Soviet Communism», Dulles said, «believes that human beings are nothing more than somewhat superior animals...and that the best kind of a world is that world which is organized as a well-managed farm organized, where certain animals are taken out to pasture and they are fed and brought back and milked, and they are given a barn as shelter over their heads» [LaFeber 1985: 148].

Слот «домашние животные» используется и для описания советской армии как стада скота. Акцентируется низкая квалификация бойцов и их плохая подготовка к ведению боевых действий, когда в случае войны под ружье ставится гражданское население и победа достигается не благодаря использованию правильно выбранной стратегии, а количественным превосходством над врагом. The creation of a larger Red

Army, any time the Kremlin might wish, would under these circumstances be essentially a matter of herding [Halle 1967: 177].

Во время перестройки хищник – это стремительные изменения, которые могут поглотить все население страны. The glasnost he unleashed has turned into a dangerous tiger for 280 million people to ride [Time, December 25, 1989]. They should worry less about what Gorbachev will do next, or what the tiger he is riding will do to him [Time, January 1, 1990].

Для изображения России в более поздний исторический период используется традиционный образ медведя, который, несмотря на хорошее отношение к нему, не платит взаимностью. We gave bear stroking a try. It did not work [Time, January 31, 1994].

Однако когда США понадобилась помощь России в борьбе с международным терроризмом, исследуемая метафорическая модель используется для выражения необходимости более взвешенного подхода к взаимоотношениям двух стран и смягчению позиции Соединенных Штатов по некоторым вопросам. In particular, they need to soothe Russian feathers ruffled during recent months as the United States threatened to proceed unilaterally with plans to build an anti-missile shield [USA Today, September 20, 2001].

В последнее время отношения власти и населения снова стало описываться в терминах отношений человека и домашнего животного. Безусловно, концептуальный вектор подобных выражений не является таким же отрицательным, каким он был в середине XX столетия, изменились и слоты фрейма «царство животных», актуализируемые авторами в качестве сфер-источников метафор. Население – это не пассивный крупный рогатый скот, который безропотно подчиняется пастуху. Демократические преобразования, а также отдельные регионы России – это лошадь, на которую надели вожжи и которая, по сравнению с коровой, является менее покладистой. Putin continues on his authoritarian path, openly rejecting the warnings received from his allies in the West, including the United States, and using old KGB tactics to keep a tight rein on Russia's young democracy [Web-site of National Center for Public Policy Research – Internet]. Although the legislative details remain unwritten, recent experience would suggest few regional bodies would dare buck the Kremlin [New York Times, September 15, 2004].

Анималистическая метафорическая модель широко представлена и в отечественном политическом дискурсе. Еще пара таких шагов – и переливающийся олимпийскими логотипами BOSCO инджекторный русский медведь будет-таки прогреть махровые задние лапы в диковинных spa средиземно-красных морей [Загадка Владимира Путина. – Internet]. Кто жил в деревне и ездил с мужиками на телеге, знает, что есть на Руси такая народная забава: взять ивовый прут и тыкать им кобылу под хвост. Ну чтоб веселей бежала! Такое впечатление, что власть принимает народ за ту самую безответную клячу и тычет ему в известное место – то новым законом, то постановлением, то судебным приговором, то новым тарифом [Аргументы и факты №7, 2006].

Фитоморфная метафорическая модель слабо представлена в аме-

риканском политическом дискурсе. В общих чертах сказанное можно отнести и к российскому политическому дискурсу.

Характерной для американского политического дискурса является метафорическая модель ИЗМЕНЕНИЯ – ЭТО ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ. Фрейм «природные катаклизмы» употребляется для описания радикальных изменений в стране и подразумевает их спонтанность и неконтролируемость. Метафорические выражения, относящиеся к этой модели, обычно появляются в американском политическом дискурсе в моменты кризисов, разрешение которых должно изменить существовавший до этого порядок вещей. That is the lesson we learn from the earthquakes in China and the Soviet Union and Lithuania and Poland and Hungary [Time, June 5, 1989].

Еще одной отличительной чертой метафорического образа России в американском политическом дискурсе является использование для его формирования солидного объема синестезических метафорических переносов. Это такие метафорические выражения, в основе которых лежит механизм синестезии или возможности восприятия посредством одних органов чувств сенсорной информации, обычно получаемой с помощью других органов чувств. Синестезия делает возможной визуализацию (слуховой, тактильной или вкусовой) сенсорной информации, то есть преобразование ее в квазисенсорные образы наглядного плана [Баранов 1994: 36]. Благодаря синестезии возникает эффект умозрительной наглядности, происходит сотворение нового, установление такого рода сходств, которые в реальном мире могут не существовать, но иметь смысл только в отношении к человеку. Таким образом, благодаря продуктивной силе воображения происходит созидание метафорических сходств, умозрительная рекатегоризация, обеспечивающая новое видение реальности. По мнению П. Рикера, «можно сказать, что действие порождающего речевого механизма в области метафоры заключается в размывании логических – или так или иначе установленных границ, благодаря которому обнаруживаются новые сходства, невидимые в рамках прежней классификации» [цит. по: Баранов 1994: 40].

Представляется, что одной из причин появления таких метафорических выражений в американском политическом дискурсе является потребность в неконфликтных метафорических выражениях, способных выразить нюансы происходящих в стране изменений. Подобные метафорические выражения описывают сложные политические явления в доступной форме, приближая адресата к миру политики, заставляя его поверить в то, что он также участвует в политической жизни. В качестве доказательства приведем несколько примеров: Since Gorbachev's ascendancy, Reagan's rhetoric had dramatically softened [Callahan 1990: 491]. В данном примере отношение американской политической верхушки к СССР выражается при помощи лексики *soften*, что позво-

ляет в краткой и доступной для широкого читателя форме выразить отношение американской администрации к советскому лидеру и всему государству в целом.

В следующем примере советские граждане выражают свою точку зрения на ситуацию, сложившуюся в стране. Лексема *pungent* имеет значение *with a strong smell or powerfully sharp or bitter taste* [Microsoft Encarta 2001]. С ее помощью автор описывает резко отрицательное отношение населения к законам, принимаемым советским президентом. As an evening snow shower dusted their faces, the supporters of change in the Soviet Union thronged Moscow's streets to deliver a pungent political message, savoring the act of public assembly in the face of Mikhail Gorbachev's order forbidding rallies, and then tramped peacefully home [Time, April 8, 1991].

Метафоры, основанные на принципе синестезии, составляют довольно значительную часть фактического материала, относящегося к периоду перестройки и современному этапу отношений двух стран. Данный тип метафор хотя и был представлен в американском политическом дискурсе периода «холодной войны», имел в нем явно маргинальный статус. Концептуальный вектор метафорических выражений, относящихся к данному типу, коррелируется контекстом. Нам представляется интересной мысль американского исследователя Н. Хоуи об ограниченности милитарных и спортивных метафорических моделей в американском политическом дискурсе [Howe 1988]. Подобные модели выдвигают определенные требования к продуценту. Проблема заключается в том, что для использования метафорических выражений, имеющих сферой-источником фреймы «спорт» или «война», он должен обладать солидным запасом знаний об этих фрагментах окружающего его мира. Традиционно считается, что те виды спорта, которые занимают лидирующие позиции в американском политическом дискурсе с точки зрения использования в качестве источников метафорических выражений лексем, связанных с ними (напр. американский футбол, бейсбол, бокс), являются прерогативой мужской части населения США. То же можно сказать и о милитарной модели. Таким образом, институциональный дискурс политики накладывает определенный отпечаток на его пользователя. Другим общеизвестным фактом является борьба женщин в США за равные права с мужчинами и приход женщин в большую политику. Представляется, что этот факт мог повлиять на изменение структуры американского политического дискурса, став последствием большей открытости политики, доступ в которую более не ограничивается по половому признаку. Появление метафорических выражений, основанных на принципе синестезии, является очередным доказательством наличия эволюционного развития дискурсивного пространства [Казыдуб 2005]. Эпоха конфронтации в отношениях двух стран сменилась эпохой сотрудничества, поэтому весь потенциал метафори-

ческих моделей, применявшихся для придания СССР образа врага, оказался выработанным. Это обусловило появление новых неконфликтных метафорических моделей, а следовательно, и новых культурологических фреймов, предлагающих новые способы концептуализации и категоризации окружающего мира. Данный вопрос требует более детального рассмотрения. Так или иначе, доля метафор, основанных на принципе синестезии, используемых для описания России в конце XX века, значительно возросла по сравнению с политическим дискурсом периода «холодной войны».

В результате проведенного исследования представляется возможным сделать вывод о динамичном характере метафорического образа России в американском политическом дискурсе, о чем свидетельствует как появление новых метафорических моделей в разные периоды отношений между двумя странами, так и актуализация в эти периоды различных фрагментов одних и тех же фреймов и сценариев. Наряду с этим, представляется возможным выделить и ряд устойчивых сочетаний сфер опыта, присутствующих в дискурсе всех рассмотренных периодов. В дополнение необходимо отметить наличие в американском политическом дискурсе исследованного периода как универсальных метафорических моделей, встречающихся также и в отечественном политическом дискурсе, так и ряда культурноспецифических моделей.

Мы не ставили своей целью регистрацию и описание всех метафорических моделей, встречающихся в политическом дискурсе исследуемого периода. Однако выделение основных метафорических моделей позволяет сделать вывод об основных концептуальных векторах высказываний о России, а следственно, и способах ее восприятия в той части общества, картина мира которого формируется под влиянием СМИ.

Мы отдаем себе отчет в значительной исторической протяженности исследуемого нами периода, а также в наличии динамики в метафорическом образе СССР и России внутри выделенных нами периодов, анализ каждого из которых мог бы стать предметом отдельного исследования. Перспективным представляется также изучение как отдельных метафорических выражений, не составляющих отдельную метафорическую модель, так и метафорических моделей, имеющих универсальный и культурноспецифический характер с их последующим лингвокультурологическим анализом. Подобные исследования позволят получить новые данные относительно значимости определенных концептов в различных культурах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Feiler D. Anti-Abortion Rhetoric and Cold-War Rhetoric: Metaphor and Strategy. (1996) <http://www.psa.ac.uk/cps/1996/feil.pdf>
- Howe N. Metaphor in contemporary American political discourse. // Metaphor and Sym-

bolic Activity, 1988 #3(2). – P. 87-104.

Medhurst M.J. (Ed.) Cold War Rhetoric. NY: Greenwood Press, 1990. – 240 p.

Баранов А.Н. Предисловие редактора: Когнитивная теория метафоры: почти двадцать пять лет спустя // Дж. Лакофф, М. Джонсон. Метафоры, которыми мы живём. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – С. 7-21.

Баранов Г.С. Роль метафоры в теории познания и репрезентации социальной реальности (философский анализ). – Дис. ... д-ра философ. наук, Новосибирск, 1994. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 11-26.

Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие / Отв. ред. М.Н. Володина. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 116-133.

Казыдуб Н.Н. Концептуальные основы моделирования дискурсивного пространства // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2005. Т.3. Вып. 1. – С. 32-35.

Кравченко А.В. Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1996. – 159 с.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении: Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

Павилёнис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.

Рогозина И.В. Функции и структура медиа-картины мира // Методология современной психолингвистики. Сб. статей. – Москва; Барнаул, 2003. – С.121-137.

Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 173-204.

Ульман С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. – Вып.5. – М.: Прогресс, 1970. – С. 250-299.

Чудинов А.П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры // Когнитивная лингвистика. – 2004. – №1. – С. 91-102.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003. – 248 с. <http://www.philology.ru/news.htm>

Чудинов А.П. Национальная ментальность и метафорическое моделирование политической ситуации // Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр. Посвящается юбилею профессора Н. Н. Болдырева / Под ред. проф. Е.С. Кубряковой; Федеральное агентство по образованию, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина. – 2005. – С. 363-373.

Чудинов А.П. Реализация метафорической модели как сверхтекст // Текст-2000: Теория и практика. Междисциплинарные подходы: Материалы Всероссийской научной конф. Часть I / УдГУ. Ижевск, 2001а. – С. 163-166.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография. – Екатеринбург: Урал. госпедуниверситет, 2001б. – 238 с.

СПИСОК МАТЕРИАЛОВ

Callahan D. Dangerous capabilities. NY: HarperCollins Publishers, 1990. – 572 p.

Gunther J. Inside Russia today. NY: Harper & Brothers, 1957. – 550 p.

Halle L.J. The cold war as history. New York and Evanston: Harper & Row Publishers,

1967. – 434 p.

LaFeber W. America, Russia, and the Cold War 1945 - 1984. NY: Alfred A. Knopf, 1985. – 348 p.

Пресса: Аргументы и факты, Известия, Комсомольская правда, Литературная газета, Российская газета, Foreign Policy, New York Times, Time, USA Today, Washington Post.

Бизнес Владимира Путина <http://lenta.ru/articles/2005/11/08/business/>

Загадка Владимира Путина <http://lenta.ru/articles/2006/03/06/riddle/>

Самая удачная сделка Абрамовича <http://lenta.ru/articles/2005/09/28/kupil/>

National Center for Public Policy Research. <http://www.nationalcenter.org>

СЛОВАРИ И ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Microsoft Encarta World English Dictionary 2001. Encarta® World English Dictionary © & (P) 1987 - 2000 Microsoft Corporation.

© Пшенкин А. А., 2006

Спиридовский О.В.

Воронеж, Россия

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ ПРЕЗИДЕНТСКОГО ДИСКУРСА В США, ГЕРМАНИИ И АВСТРИИ

Abstract

The article is aimed at studying the phenomenon of intertextuality in the intercultural aspect.

The author deals with the presidential political discourse and considers intertextuality of different types to be an important part of political communication.

Теоретическая интерпретация понятия интертекстуальности. В основе понимания феномена интертекстуальности лежит концепция диалогизма М.М. Бахтина, а именно его идея несобственно-прямой речи. Несобственно-прямая речь в трактовке М.М. Бахтина занимает промежуточное положение между прямой и косвенной речью. С одной стороны, она принадлежит автору, оформлена как косвенная речь, но в то же самое время содержит цитирование-вкрапление, явное или скрытое. В каком-то смысле каждый из нас действительно говорит словами из ранее созданных текстов (хотя далеко не всегда делает это намеренно), и поэтому процессы порождения и понимания дискурса невозможны без опоры на уже известные тексты и сопутствовавшие их возникновению дискурсивные ситуации. Это тем более верно в отношении межкультурного общения, когда самое точное знание языкового кода оказывается недостаточным для понимания тех высказываний, которые содержат ссылки на известные в определённой лингвокультуре тексты или феномены.

Исследования М.М. Бахтина способствовали активному изучению феномена интертекстуальности во второй половине XX века в работах французских семиологов Р. Барта и Ю. Кристевой. Ю. Кристева считается первым автором, употребившим термин «интертекстуальность»

(от лат. «intertexto» – «вплетать в ткань»). С его помощью она показала, что текст и, в частности, литературное произведение – это не результат творчества одного писателя, а трансформация, пусть и авторская, созданных ранее когда-то и кем-то текстов, которые могут служить явными или чаще скрытыми, завуалированными источниками [Kristeva 1980]. Такая позиция поставила под сомнение традиционные представления об авторстве и заставила задуматься над творческим началом в языке.

Р. Барт также осваивал направление интертекстуальности в лингвистике, провозгласив смерть автора в своей одноимённой работе, имея в виду то, что тексты и литературные произведения обязаны своим появлением не писателю, а феномену интертекстуальности. Р. Барт образно писал о том, что «каждый из нас отнюдь не первым и не последним пользуется словами, оборотами, синтаксическими конструкциями, даже целыми фразами, жанрами дискурса, хранящимися в «системе языка», которая напоминает не столько «сокровищницу», предназначенную для нашего индивидуального употребления, сколько «пункт проката»: задолго до нас все эти единицы и дискурсивные комплексы прошли через множество употреблений, через множество рук, оставивших на них те или иные неизгладимые следы» [Барт 1994: 14]. Именно эти «следы», образуемые, по М.М. Бахтину, в результате «трения слова о внесловесную среду», позволяют делать предположения не только об интертекстуальности, но и шире – об интердискурсивности [Кашкин 2004: 60].

Таким образом, согласно концепциям Р. Барта, Ю. Кристевой, М. Бахтина, высказывание так или иначе связано с прошлым и будущим: оно вступает в определённые отношения с предшествующими текстами и открывает возможности для порождения последующих [Барт 1994; Бахтин 2000; Kristeva 1980].

Прецедентность как специфическая разновидность интертекстуальности. Необходимо заметить, что в каждой культуре существуют такие тексты, интертекстуальность которых подкрепляется известностью их автора и поддерживается многократным повторением. Для описания феномена этих текстов Ю.Н. Караулов ввёл понятие «прецедентный текст», представляющий частный, хотя и наиболее яркий, случай интертекстуальности. Ю.Н. Караулов наделяет это понятие тремя ключевыми признаками: 1) значимость для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях; 2) сверхличностный характер, то есть известность этого текста окружению данной личности (как предшественникам, так и современникам); 3) неоднократное обращение к этому тексту в дискурсе данной языковой личности [Караулов 2003: 216].

Исследователи прецедентных текстов едины в том, что это явле-

ние не есть нечто раз и навсегда застывшее. Многообразие возможностей их распространения свидетельствует об их жизнеспособности, многофункциональности [Гришаева 1998; Слышкин 1999]. Л.И. Гришаева, проведя анализ немецкой культуры сквозь призму немецких прецедентных текстов, приходит к заключению о том, что прецедентный текст в состоянии информировать адресата о таких аспектах, как система основополагающих ценностей, согласно которым каждый носитель языка и культуры оценивает своё место в социуме и то или иное событие, мотивы деятельности личности, её характерные свойства и типичные коммуникативные стратегии [Гришаева 1998: 21]. Г.Г. Слышкин в своём исследовании концептов прецедентных текстов выявляет 4 основные функции, характерные для них в процессе коммуникации, а именно – номинативную, персуазивную, юридическую / игровую и парольную [Слышкин 1999: 17].

Интересно также отметить, что фонд прецедентных текстов той или иной культуры содержит и те высказывания, авторство которых уже не может быть легко установлено (вспомним известное высказывание «Time is money», имеющее аналоги и в немецком, и в русском языках, авторство которого принадлежит, как следует из лингвострановедческой литературы, американскому политику Б.Франклину) [Токарева, Пеппард 1998; Lanier 1996]. Это так называемый паремнологический / афористический фонд языка и культуры в терминах признанных отечественных исследователей Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова [Верещагин, Костомаров 1976: 162-164].

Нам представляется, что апеллирование к концептам тех или иных прецедентных текстов (или прецедентных имён) в политическом и особенно президентском дискурсе – это весьма значимый риторический компонент, потому что любой глава государства призван следовать определённым общественным, историческим, морально-этическим традициям своей страны, формой приобщения к которым и является прецедентный текст.

Материалом данной статьи послужили 748 аутентичных текстов речей президентов США, Германии и Австрии за последние 20 лет из печатных и электронных СМИ, книг журналистов, политологов и политических обозревателей, а также видео- и аудиозаписи выступлений президентов. Для верификации выводов нами был также проведён письменный опрос респондентов, в котором приняли участие 50 американцев и 50 австрийцев.

В собранном нами корпусе примеров интертекстуализованных высказываний, принадлежащих президентам США, на лидирующих позициях по частотности оказались следующие: «*A house divided against itself can not stand*» («Дом, разделённый внутри себя, не может быть прочным», А.Линкольн, гражданская война в XIX веке); «*Ask not what your country can do for*

you, but what you can do for your country) («Не спрашивайте, что Ваша страна может сделать для Вас, а спрашивайте, что Вы можете сделать для своей страны», Дж. Кеннеди); «*Four score and seven years ago...*» (начало «*Gettysburg Address*» А. Линкольна). Эти высказывания президентов повторяются в неизменяемой форме в разное время разными главами государств США, что позволяет делать предположения об их прецедентности.

Результаты проведенного нами анкетирования американских респондентов также показывают, что существуют высказывания президентов, хорошо известные носителям данной культуры. Так, на вопрос о том, какие цитаты президентов Вам знакомы и часто воспроизводятся в различных ситуациях на современном этапе, 30% отвечавших назвали «*Ask not what your country can do for you, but what you can do for your country*» Дж.Кеннеди, по 13% указали на «*Read my lips: no new taxes*» («*Чумайте по моим губам: новых налогов не будет*») нынешнего президента США Дж.Буша (мл.) и «*I am not a crook*» («*Я не обманщик*») Р.Никсона.

В немецком президентском дискурсе, по данным нашего исследования, очень большим потенциалом прецедентности обладают высказывания «*Wir sind ein Volk*» («*Мы один народ*») и «*Nun wird zusammenwachsen, was zusammengehört*» («*То, что образует единое целое, обязательно срастётся*»). Оба высказывания приобрели широкую известность, став своего рода символами современной эпохи. Они тиражируются в политическом и медийном дискурсе, находят своё место в произведениях литературы, а первое – даже в анекдотах. Высказывание «*Wir sind ein Volk*» обязано своим появлением Конституции ГДР 1989 г., куда по инициативе Германа Аксена и Генерального секретаря Социалистической Единой Партии Германии Эриха Хонекера накануне его свержения была записана статья о «социалистической нации ГДР». После объединения Германии это высказывание приобрело совершенно другой смысл – единение восточных и западных немцев как одного народа. Именно такой смысл вкладывает президент Германии Х.Кёлер в следующую фразу: «*Wir sind jetzt als ein Volk gefordert*» («*Мы сейчас востребованы как один народ*») (1.07.04). Что касается второй крылатой фразы, то её авторство принадлежит бундесканцлеру Вилли Брандту, который в начале 1970-ых гг. таким образом указал на неизбежность общей судьбы восточных и западных немцев. В современном президентском дискурсе Германии нами были обнаружены многочисленные аллюзии на это высказывание, напр., «*das Zusammenwachsen*» («*соединение*», «*сращение*»); «*Wächst zusammen, was zusammengehört?*» (президент Германии И.Пау, 19.05.03) и т.д.

Нам представляется, что в австрийском президентском дискурсе предположения о прецедентном статусе являются оправданными в отношении исторически значимых слов бундесканцлера Австрии Леопольда Фигла: «*Österreich ist frei*» («*Австрия свободна*»). Эти слова знаме-

новали собою подписание договора о государственном суверенитете Австрии в 1955 г. В наших примерах есть ссылки на эти слова как с указанием на автора Л.Фигла, так и с его отсутствием, напр., «*ein Jahr vor meiner Matura habe ich Leopold Figl mit seiner typischen heiseren Stimme vom Balkon des Belvedere rufen gehört: „Österreich ist frei“*» («За год до окончания школы я услышал, как Леопольд Фигл с балкона Бельведера своим характерным хриплым голосом прокричал: «Австрия свободна») (президент Австрии Х.Фишер, 8.07.04) или «*Jeder hatte die Begeisterung die Wörter „Österreich ist frei“ zu hören, denn sie die historische Wirkung für unser Land hatten*» («Все испытывали восхищение от слов «Австрия свободна», поскольку они имели историческое значение для нашей страны») (президент Австрии Т.Клестиль, 10.04.03).

Авторитетность и авторство президентского дискурса в свете теории интертекстуальности. Коммуникационный процесс устроен таким образом, что каждый последующий дискурсивный шаг опирается на предыдущий. Базовой интенцией президентского дискурса как разновидности политического общения является достижение власти, её сохранение или распределение [Баранов 1997; Водак 1997; Шейгал 2000], а поскольку в политике языковая коммуникация играет ключевую роль, то вопрос об укреплении авторитетности именно с помощью дискурсивных средств приобретает принципиальное значение. Интересно проследить, какой тип авторства является наиболее востребованным в этом виде дискурса, на кого ссылаются в своей риторике президенты США, Германии и Австрии.

В американском президентском дискурсе следует отметить их предшественников – президентов в прошлом, ссылки на которых количественно доминируют в собранном нами корпусе примеров интертекстуальности. Самым ярким примером, который свидетельствует об этом, служит президентская клятва – предельно жёстко фиксированное риторическое произведение, повторяемое президентами со времён Дж. Вашингтона. Тем самым она способствует естественному, демократическому и легитимному переходу власти от одного главы государства к другому. Так, в 1989 г., в год 200-летия американской государственности президент Дж. Буш (мл.) говорит следующее: «*I have just repeated word for word the oath taken by George Washington 200 years ago, and the Bible on which I placed my hand is the Bible on which he placed his. It is right that the memory of Washington be with us today*» («Я только что слово в слово повторил клятву, произнесённую Джорджем Вашингтоном 200 лет тому назад. Библия, на которой я держал свою руку, – это та же самая Библия, на которой держал свою руку и он. Правильно, что память о Вашингтоне сегодня с нами») (20.01.89).

Б. Клинтон в своём первом инаугурационном обращении апеллирует к эпохе Т. Джефферсона, третьего президента США, активного

составителя Конституции страны для того, чтобы провести параллель между началом XIX века и современностью: «*Thomas Jefferson would say to his nation that to preserve the very foundations of our nation, we would need dramatic change from time to time*» («Томас Джефферсон говорил своему народу, что ему потребуются серьёзные перемены в целях сохранения самих устоев американской нации») (20.01.93). Б.Клинтон также в ходе своего государственного визита в Германию заявил: «*In 1945, at the dawn of the Cold War, President Truman came here to Berlin. He stated then his hope that one day Berlin would be part of what he called a better world, a peaceful world, a world in which all the people will have an opportunity to enjoy the good things in life*» («В 1945 году, в самом начале Холодной войны президент Труман прибыл в Берлин. Он выразил надежду на то, что однажды Берлин станет частью того, что он назвал лучшим миром, спокойным миром, миром, где все люди будут наслаждаться хорошей жизнью») (12.07.94).

В целом можно сказать о том, что ссылки на других президентов составляют 82% от общего числа примеров интертекстуальности в американском президентском дискурсе. Очевидно, что данный приём помогает президентам повысить авторитетность своего слова, а также обеспечить некую преемственность передачи власти в стране, поскольку такая внутрипрезидентская интертекстуальность, становясь доступной гражданам с помощью СМИ, создаёт общее дискурсивное пространство, которое разделяют президенты США, а вместе с ними и американский народ.

Существенное место в американском президентском дискурсе занимают также ссылки на выдающихся мыслителей, общественных деятелей, политиков, реформаторов. Прецедентным именем для данного дискурса является имя Мартина Лютера Кинга, а прецедентным текстом – его речь, построенная на анафоре «*I have a dream*». Нами было обнаружено 8 примеров упоминания фрагментов этой речи в президентском дискурсе США.

Анализ немецкой президентской риторики однозначно указывает на то, что интертекстуальность свойственна президентскому дискурсу в данной лингвокультуре. На кого же в первую очередь ссылаются президенты Германии? Ссылки на других немецких президенто-предшественников в сравнении с американским президентским дискурсом занимают относительно небольшую долю от общего числа случаев интертекстуальности – 24%. Напр., ныне действующий президент Германии Х. Кёлер говорит следующее: «*Ich muss klar aussprechen vor der Öffentlichkeit, was andere nicht sagen können, und das tue ich bei jeder Gelegenheit*» («Я обязан ясно высказывать своё мнение перед общественностью по тем вопросам, по которым другие не могут себе этого позволить, что я и делаю при каждой возможности») (25.01.05). В действительности мысль о том, что президенту приходится открыто говорить о том, о чём другие не решаются, принадлежит Генриху Любке, который был избран на пост

главы государства в 1959 г. и с которым Х. Кёлера объединяет желание вести политику активного участия в решении всех общественных вопросов. Данный пример интертекстуальности обсуждался в немецкой прессе, в результате чего журналисты сошлись во мнении, что параллели между Г. Любке и Х. Кёлером существуют не только в плане проводимой политики, но и в плане используемого ими дискурса [Fietz; Prantl 2005: www]. Особого интереса заслуживает также судьба высказывания немецкого президента Р. Херцога *«Durch Deutschland muss ein Ruck gehen»* (*«Германия должна сделать рывок»*) (26.04.97). Эти слова, ссылаясь на их автора, цитирует в своей инаугурационной речи президент Х. Кёлер, в современном политическом дискурсе Германии они становятся воплощённым представлением о развитии немецкого общества, их интерпретируют различные журналисты и политики: *«Bundespräsident Roman Herzog hat schon 1997 gesagt: „Durch Deutschland muss ein Ruck gehen“. Er hatte Recht. Aber was braucht man heute für einen Ruck?»* (*«Президент Германии Роман Херцог в 1997 г. сказал: «Германия должна сделать рывок». Он был прав. Но что нужно сегодня для рывка?»*) (Х.Кёлер, 1.07.04).

Любопытно, что президенты Германии ссылаются не только на слова президентов своей страны, но также и на слова президентов США, напр., Дж.Кеннеди и Б.Клинтон. Р.Херцог в своей речи «Прорыв в XXI век» вспоминает слова президента США Дж. Кеннеди: *«John F. Kennedy hat einmal gesagt: „Unsere Probleme sind von Menschen gemacht, darum können sie auch von Menschen gelöst werden“* (*«Джон Ф. Кеннеди однажды сказал: «Наши проблемы созданы людьми, поэтому они могут быть решены также людьми»*) (26.04.97). В речи Х. Кёлера в Берлине на форуме «Экономика и общество» также содержится упоминание эпизода из биографии Дж. Кеннеди в юмористическом контексте. Посещая мыс Канаверал, президент США спросил рабочего, который подметал пол в зале: *«Was ist Ihr Job?»* (*«В чём заключается Ваша работа?»*), на что рабочий ответил: *«Einen Menschen auf den Mond zu bringen, Mr. President»* (*«Доставлять человека на Луну, господин президент»*, 15.03.05). Этот пример, по мнению Х. Кёлера, показывает, каким должно быть единство самых разных, но работающих на одну цель, людей в одном государстве.

32% случаев интертекстуализации высказываний в немецком президентском дискурсе приходится на политических деятелей различных уровней, которые не являются президентами. Напр., И. Пау в «Berliner Rede-2003» ссылается на слова немецкого министра иностранных дел Карла-Фридриха фон Вайцзекера: *«Außenpolitik wird immer mehr zur Weltpolitik, wie das Carl-Friedrich von Weizsäcker schon vor mehr als zwanzig Jahren gesagt hat»* (*«Как сказал уже более 20 лет назад Карл-Фридрих фон Вайцзекер, внешняя политика всё больше становится всемирной внутренней политикой»*) (19.05.03).

Наконец, 44% случаев интертекстуализации составляют ссылки на

выдающихся общественных деятелей, философов, учёных, писателей. В частности, И. Рау цитирует девиз немецкого философа Эрнста Блоха: «*Denken heißt überschreiten – das war das Motto von Ernst Bloch, dem großen deutschen Philosophen der Hoffnung*» («Мыслить – значит перешагивать границы. Таким был девиз Эрнста Блоха, великого немецкого философа надежды»). Далее президент развивает данную идею о силе человеческого разума следующим образом: «*Ja: denken – forschen, wissen, entdecken – das heisst überschreiten*» («Да: мыслить – это значит исследовать, познавать, делать открытия – вот что значит перешагивать границы») (18.05.01). Давая оценку процессам глобализации, И. Рау ссылается также на слова учёного Амартиа Сены: «*Der Nobelpreisträger für Wirtschaftswissenschaften des Jahres 1998, Amartya Sen, hat gesagt: „Obwohl ich für die Globalisierung bin, danke ich Gott für die Antiglobalisierungsbewegung“. Er hat recht*» («Лауреат Нобелевской премии в области экономики 1998 г. Амартиа Сен сказал: «Хотя я сторонник глобализации, я благодарю Бога за то, что есть движение против глобализации». Он прав») (13.05.02). Президент Х. Кёлер, размышляя о последствиях научно-технического прогресса, вспоминает произведение Софокла «Антигона», в котором почти 2500 лет назад удивление по поводу достижений и изобретений человека было сформулировано следующим образом: «*In seinem Schauspiel „Antigone“ hat Sophokles festgestellt: „Ungeheuer ist viel, nichts aber ist ungeheurer als der Mensch“*» («Есть много ужасного, но нет ничего чудовищнее человека») (15.07.05). С помощью данного приёма интертекстуальности (ссылки на произведение литературы) Х. Кёлер иллюстрирует мысль о том, что некоторые достижения человека и сегодня заставляют нас содрогаться так, как когда-то Софокла.

Президентскому дискурсу Австрии также свойственна интертекстуальность. Как нам представляется, в нём возможно провести типологию интертекстуализованных высказываний по принципу авторства исходного / цитируемого текста. Согласно указанному принципу нами были проанализированы случаи интертекстуальности в австрийском президентском дискурсе, что позволило сделать следующие выводы: 8% примеров интертекстуальности составляют реминисценции на сюжеты из Библии, 15% – на других президентов, 35% – на политиков, не являющихся президентами, 42% – на деятелей науки, литературы и искусства.

Как известно, Библия представляет собою богатый источник мудрых мыслей, изречений и поучительных историй, поэтому интертекстуальный потенциал текстов Библии весьма высок. Напр., президент Австрии Х. Фишер указывает на то, что научное объяснение способно снять иррациональные страхи и апокалиптические представления: «*Wir brauchen Aufklärung im besten Sinn des Wortes. Aufklärung richtet sich gegen irrationale Ängste und **apokalyptische Vorstellungen***» (14.01.05). Президент Т. Кле-

стиль, говоря о судьбе народа Израиля, обращается к образам Давида и Голиафа. С их помощью он высказывает надежду на то, что Давид как можно быстрее вновь возьмётся за арфу, то есть вернётся к мирной жизни: «*Wir beten darum, dass David möglichst rasch die Schleuder aus der Hand legen und wieder zur Harfe greifen kann*» (27.08.94).

Современные президенты Австрии не забывают о своих предшественниках, в том числе о тех президентах, благодаря которым институт президентства доказал свою жизнеспособность. Об этом говорят регулярно проводимые мероприятия, которые посвящаются памяти президентов, напр., премия имени президента Австрии Теодора Кёрнера. Кроме этого, Х.Фишер начинает своё первое новогоднее обращение в качестве президента страны с тёплых слов в адрес Т. Клестила, который скоропостижно скончался незадолго до окончания срока своих полномочий: «*Ich möchte auch nicht in das Neue Jahr gehen, ohne an dieser Stelle meines verstorbenen Amtsvorgängers Dr. Thomas Klestil dankbar zu gedenken, der zwei Tage vor der Amtsübergabe so plötzlich und unerwartet verstorben ist*» (1.01.05).

Наиболее значительную часть нашего корпуса примеров явления интертекстуальности в австрийском президентском дискурсе образуют ссылки на деятели науки, литературы и искусства. Так, президент Х. Фишер в своей речи в Линце цитирует слова известного философа Карла Поппера: «*Der große Karl Popper hat gemeint, der Pessimismus sei eine größere Gefahr für die Menschheit, als die Atombombe*» («*Великий Карл Поппер считал, что пессимизм представляет более серьёзную угрозу для человечества, чем атомная бомба*») (12.09.04). Кроме этого, Х. Фишер повторяет слова философа Сенеки: «*Es gibt einen sehr erhellenden Satz von Seneca, der lautet: «Dic aliquid contra, ut duo simus! / Widersprich, damit wir zwei sind!» («Есть мудрое высказывание Сенеки, которое звучит так: «Возражай, чтобы нас было двое»*) (9.05.05). По мнению президента, эти слова можно рассматривать в качестве основы идеологии открытого общества.

Таким образом, типология авторства в президентском дискурсе США, Германии и Австрии обнаруживает много общих характеристик. В частности, ссылки на президентов-предшественников, других политических деятелей, людей науки, искусства, литературы присутствуют во всех исследованных лингвокультурах. В то же время национально-культурная специфика американского президентского дискурса заключается в преобладании ссылок на президентов-предшественников, что объясняется более длительной историей института президентства в США и более устойчивыми традициями, связанными с его функционированием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов А.Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом? // Человек. 1997. №6.
Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1994.

Бахтин М.М. Проблемы речевых жанров // Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1976.

Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. – Пер. с англ. и нем. – Волгоград, 1997.

Гришаева Л.И. Арминий, Барбаросса, ведьмы с Брокена и другие (немецкий язык через призму немецких прецедентных текстов): учеб. пособие. – Воронеж: Издательский Дом Русская Слоvesность, 1998.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: УРСС, 2003.

Кашкин В.Б. Дискурс: учеб. пособие. – Воронеж, 2004.

Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1999.

Токарева Н.Д., Пеппард Б. Америка. Какая она?: учеб. пособие. – М., 1998.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – Волгоград: Перемена, 2000.

Kristeva, J. Desire in language: A semiotic approach to literature and art. – Ed. Leon Roundier. – New York: Columbia UP, 1980.

Lanier, A.R. Living in the U.S.A. – Intercultural Press, 1996.

© Спиридовский О.В., 2006

Ширманов И.А.

Саратов, Россия

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В ДИСКУРСЕ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ в США (2004 г.)

Abstract

This article touches upon one of the most interesting and exciting part of political discourse study-election campaign; to be more precise- 2004 presidential election campaign in the US is in the focus of this research. Speeches of two candidates are analyzed with the help of Turner and Fauconnier's blend pattern, to single out the most common source-spheres for each candidate and at the same time to show the very difference (in sense of cognitive linguistics) of political agenda of the two candidates.

Проблема исследования концептуальной метафоры политического дискурса не раз привлекала внимание современных отечественных и зарубежных лингвистов [см.: Будаев, Чудинов 2006]. В частности, А.П. Чудинов в своей книге «Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры» [2006] выделяет три взаимодействующих «зеркала» современной российской концептуальной политической метафоры: (1) данные метафоры отражают когнитивные «механизмы» человека (изучая метафору, мы изучаем человеческое мышление), (2) мы видим в метафорическом зеркале отражение обычных представлений человека о понятийной сфере-источнике метафорической экспансии (в данном случае для нас важно не то, как человек мыслит, а то, как он концептуализирует эту сферу), (3) мы видим отражение «наивных» человеческих представлений о понятийной сфере-мишени метафорической экспансии: человек метафорически кон-

цептуализирует и структурирует эту сферу, выделяя в ней самое важное и необходимое, давая эмотивную оценку ее элементов. В метафорических зеркалах, как и в любых других, картины постоянно меняются, а поэтому очень важно своевременно их фиксировать и анализировать.

Исследователи отмечают, что, с одной стороны, политическая метафора во многом определяется общими закономерностями функционирования политического дискурса как исторически развивающегося явления, поскольку «вне широкой историко-культурной перспективы факты развития языка и литературы не получают исчерпывающего объяснения» [Успенский 1994: 333]. С другой стороны, не менее значима характеристика используемого речевого материала и хронологических рамок проводимого исследования. Политическая метафора необычайно динамична, она понятна и действенна только «здесь и сейчас», и вместе с тем она согласована «с метафорической структурой основных понятий данной культуры» [Лакофф, Джонсон 1990], имеет национальные корни.

В связи с этим нам представляется интересным выявить особенности функционирования концептуальной метафоры в предвыборной президентской кампании 2004 г. в США. Источником для нашего исследования послужили официальные интернет ресурсы кандидатов – Джорджа Буша (мл.) и Джона Керри (www.GeorgeWBush.com, www.johnkerry.com соответственно), а также интернет ресурс центрального избирательного комитета США (www.fec.gov). Но основным языковым материалом стали публичные выступления кандидатов перед своими сторонниками. При анализе мы принципиально не использовали журналистские публикации, язык которых в силу своей специфики весьма метафоричен. Это было сделано с целью избежать субъективных мнений и основываться непосредственно на «оригинале».

Метафоричность – один из важнейших признаков современной агитационно-политической речи. С этой точки зрения, побеждает именно тот кандидат, предвыборная платформа которого подкреплена более «понятными» и «близкими народу» образами и аналогиями. Именно эту роль выполняет сфера-источник метафоры. Она приближает этих «там» (политиков) – к нам «здесь» (электорату).

В целом создаваемая кандидатами (Дж. Буш (мл.) и Дж. Керри) метафорическая картина политического мира, который включает в себя такие основные моменты, как образование, экономика, безопасность, здравоохранение, экология и, конечно же, демократические ценности, в значительной степени влияет на интерпретацию этих далеких «просто обывателю» понятий.

Как показал анализ, для обоих кандидатов характерна тенденция к

упрощению материала, сознательный отказ от использования сложных политических и экономических терминов. В целом структура статей довольно однообразна, но у каждого кандидата эта однообразность проявляется по-разному.

Так, статьи штаба Дж. Буша (мл.) построены по принципу объяснения общего, с последующим разъяснением по пунктам, напр.: (1) *Strengthening the Economy – The economy is strong and getting stronger. The President's pro-growth policies have helped drive the economy and move the recovery forward, putting more money in the pockets of America's families and laying a foundation for robust growth and job creation now and for years to come*; (2) *The economy has grown 4.8% in the past year, as fast as any year in nearly two decades*; (3) *Productivity grew at the fastest 3-year rate in more than 50 years*.

Именно в этом «общем» и реализуется большинство метафор. Специалисты предвыборного штаба Дж. Керри не описывают подробности всех реформ, ср.: *In America, a rising tide is supposed to lift all boats. But today, Americans are working harder, earning less, and paying more for health care, college, and taxes. Corporate profits are soaring, the government keeps expanding, but the opportunities for our middle-class are shrinking*.

Конкретные способы ведения PR-кампаний, которыми по сути дела являются выборы на любом уровне, в любой стране, не рассматриваются в данной работе, поскольку в центре нашего внимания – концептуальная метафора, рассмотренная в конкретном контексте и сопоставлении с реалиями окружающего мира, определяющими основную часть концептов.

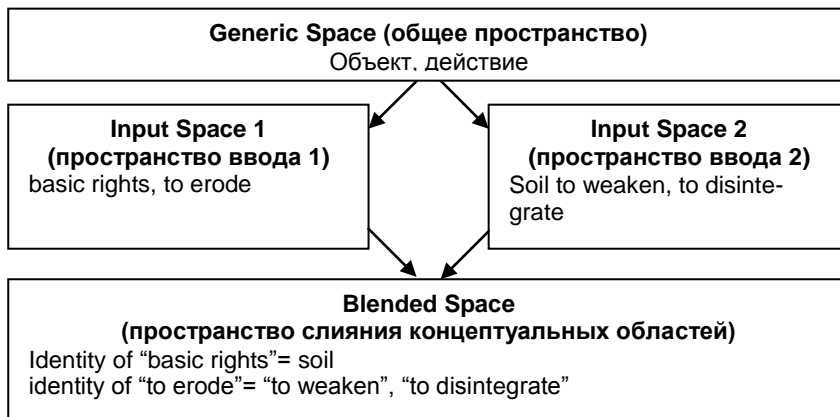
Как показал наш анализ президентской предвыборной кампании в США 2004 г., кандидаты регулярно используют следующие сферы-источники концептуальных метафор (для удобства сравнения сферы-источники обоих кандидатов сведены в таблицу и даются параллельно).

George W. Bush	John Kerry
1. Сфера-источник «Природа» 1. Фрейм «земля» 1.1 Слот «удобрение почвы» 2. Фрейм «фауна» 2.1 Слот «цветение» 2.2 Слот «корень» 3. Фрейм «вода» 3.1 Слот «гавань»	1. Сфера-источник «Природа» 1. Фрейм «земля» 1.1 Слот «эрозия земли» 1.2 Слот «посев» 1.3 Слот «сбор урожая» 1.4 Слот «корень» 1.5 Слот «вулкан» 1.6 Слот «выращивание» 2. Фрейм «вода» 2.1 Слот «прилив и отлив» 2.2 Слот «доставка по морю» 2.3 Слот «гавань» 2.4 Слот «поток» 3. Фрейм «лошадь» 3.1 Слот «упряжь» 3.2 Слот «шпора»

2. Сфера-источник «Техника» 1. Фрейм «механизм» 1.1 Слот «приводить в движение» 1.2 Слот «топливо» 2. Фрейм «конструирование» 2.1 Слот «инструмент» 2.2 Слот «демонтаж» 2.3 Слот «строительство»	2. Сфера-источник «Техника» 1. Фрейм «механизм» 1.1 Слот «обслуживание» 1.2 Слот «заправка» 2. Фрейм «производственные процессы» 2.1 Слот «бурение» 2.2 Слот «ковка»
3. Сфера-источник «Война» 1. Фрейм «оружие» 1.1 Слот «вооруженность» 2. Фрейм «ведение боевых действий» 2.1 Слот «отступление» 2.2 Слот «фронт боевых действий»	3. Сфера-источник «Война» 1. Фрейм «боевые действия» 1.1 Слот «бой» 1.2 Слот «сдача в плен» 1.3 Слот «развертывание сил» 1.4 Слот «захват» 1.5 Слот «фронт боевых действий»
4. Сфера-источник «Медицина» 1. Фрейм «болезнь» 1.1 Слот «язва» 2. Фрейм «лечение» 2.1 Слот «рецепт» 3. Фрейм «выздоровление» 3.1 Слот «выздоровление»	4. Сфера-источник «Человеческий организм» 1. Фрейм «части тела» 1.1 Слот «сердце» 1.2 Слот «рука» 2. Фрейм «повреждение организма» 2.1 Слот «шрам» 3. Фрейм «болезнь» 3.1 Слот «хроническое заболевание» 4. Фрейм «восстановление организма» 4.1 Слот «оживление» 4.2 Слот «воскрешение»
5. Сфера-источник «Экономика» 1. Фрейм «банк» 1.1 Слот «банк» 2. Фрейм «инвестиции» 2.1 Слот «инвестиции»	

В своем исследовании мы использовали методику концептуального бленда, разработанную Тернером и Фоконье [Fauconnier, Gilles, Turner 1994]. Данная методика представляет метафору в виде взаимодействия нескольких концептуальных областей (а не двух, как в традиционных подходах), что позволяет более точно и подробно увидеть, как механизм взаимодействия концептов, так и содержание возникающей модели метафоры. Приведем пример разбора концептуальной метафоры по методу бленда (слияния концептуальных областей). *In America, women should be able to go as far as their talents will take them, but today, women are witnessing an unprecedented erosion of their basic rights* (выступления кандидата Демократической партии США Дж. Керри перед своими сторонниками в Бостоне).

В Generic Space мы выделили следующие критерии: объект (в Input Space 1 это «basic rights», в Input Space 2 это «Soil»), действие (в Input Space 1 это «to erode», в Input Space 2 это «to weaken, to disintegrate»). В пространстве бленда обобщаются объекты («basic rights»=soil), действие (to erode= to weaken, to disintegrate), цель (сравнение прав женщин с чем-то исконным и постоянным, вечным; в данном случае с почвой).

По количеству и тематическому содержанию той или иной сферы-источника можно определить целевую аудиторию высказывающегося. Так, напр., если у Дж. Керри сфера «природа» представлена в основном только фреймами «сельское хозяйство» и «геология», а сфера «машины» – фреймами «топливо» и «механизмы», то можно предположить, что основной целью его агитации является сельскохозяйственный Юг США, богатый нефтью и своими традициями к «изобретательству».

Конкретная задача, которую решает кандидат, определяет степень разветвленности фреймовой структуры той или иной сферы-источника. Как показал материал, у каждого кандидата предвыборной кампании 2004 г. выделяется свое направление агитации. Обуславливается это не только «сферами интересов», но и жизненным опытом кандидатов. Так, напр., оба кандидата используют один из самых продуктивных концептуальных источников метафоризации в политическом дискурсе – сферу «Война». Но смысловое наполнение фреймовой структуры этой сферы у Дж. Керри «богаче» и «красочнее» по сравнению со смысловой нагрузкой этой сферы у Дж. Буша (мл.). Это объясняется большим «военным» опытом ветерана вьетнамской войны Дж. Керри. Дж. Буш (мл.) может опираться только на свой опыт службы в Национальной гвардии.

Оба кандидата в целом используют однотипные источники метафоризации, но внутреннее наполнение фреймовой структуры у каждого весьма специфично. Возможно, это обуславливается общезыковой картиной мира. В каждом языке имеются выражения, которые реализуют базу «активных», с точки зрения частотности, концептов, и отвечают за концептуальную репрезентацию картины мира носителей языка. Можно, по-видимому, утверждать, что данные сферы относятся к

наиболее характерным для американцев, носителей литературного английского языка (General American).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. – Екатеринбург, 2006.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // теория метафоры. – М., 1990.

Успенский Б.А. Избранные труды: В 2 т. Т. 2. Язык и культура. М., 1994

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2001.

Fauconnier, Gilles and Mark Turner. [1994]. «Conceptual projection and middle spaces», <http://cogsci.ucsd.edu>

© Ширманов И.А., 2006

РАЗДЕЛ 2. ЯЗЫК – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Аникин Е.Е

Колумбия (Южная Каролина), США

ТАКТИКА ИМПЛИЦИТНОГО СОПОСТАВЛЕНИЯ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ США

Abstract

The article is the continuation of research into the realization of comparison strategy in American advertising discourse. The paper represents a detailed analysis of one of the verbal tactics within the given strategy – the tactics of implicit comparison.

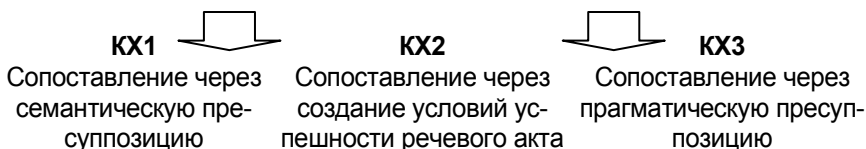
Данная статья является продолжением нашего исследования, посвященного реализации стратегии сопоставления в американском рекламном дискурсе [Аникин 2005: 2006], и представляет собой детальный анализ одной из речевых тактик внутри данной стратегии – тактики имплицитного сопоставления. Под имплицитной понимается информация, не составляющая непосредственного значения компонентов текста (слов, граммем и т.д.), зафиксированных в словаре, и однако воспринимаемая слушателем этого текста [ИЯР 1999: 8].

Разделение информации на эксплицитную и имплицитную связано с асимметрическим дуализмом языкового знака, т.е. с наличием у языковой единицы плана выражения и плана содержания. Согласно концепции Ф. Де Соссюра о двойственной природе языковых единиц, языковая единица реализуется в определенной материальной форме (фонической или графической), представляющей собой ее означающее ('le signifiant'). Но она также несет в себе содержание, составляющее ее означаемое ('le signifié'). Языковой знак закрепляет определенное означаемое за определенным означающим. Факт несоответствия в отношении означаемого к означающему представляет собой имплицитность. Таким образом, имплицитная информация является собой несоот-

ветствие между сказанным / написанным и услышанным / прочитанным, т.е. понятием, извлеченным. Согласно постулатам Грайса, деятельность слушающего включает не только расшифровку знаков (т.е. понимание значений слов, граммем, т.д.), но и многочисленные выводы, делаемые слушателем на основании текста, контекста, фоновых знаний [Грайс, 1985: 221].

Использование имплицитной информации особенно характерно для рекламы и является отличительной особенностью правильно составленного рекламного текста. Дело в том, что призыв «купи», выраженный напрямую, т.е. эксплицитно, будет интерпретирован реципиентом (потенциальным покупателем) как попытка навязать ему чужую волю и будет отвергнут. Если же призыв будет выражен имплицитно, то он не будет подвергаться прямой оценке, следовательно, может быть интерпретирован реципиентом как его собственный вывод, что значительно повышает эффективность рекламного сообщения. Использование имплицитной информации для создания эффекта сопоставления в рекламном тексте также имеет ярко выраженный прагматический смысл: явные сравнения зачастую запрещены рекламными кодексами, а кроме того, способны вызвать антагонизм как у конкурентов, так и у реципиента сообщения.

Существует немало разновидностей имплицитной информации [Стросон 1982; Падучева 1985; Новое в зарубежной лингвистике 1985; Имплицитность в языке и речи 1999] и др. В своем исследовании мы опираемся на классификацию, предложенную в монографии «Имплицитность в языке и речи» [ИЯР, 1999]. В соответствии с выделяемыми в ней тремя основными видами имплицитной информации, в американском рекламном дискурсе можно проследить сравнения, основанные на применении семантических и прагматических пресуппозиций, а также посредством создания условий успешности речевого акта. Таким образом, тактика имплицитного сопоставления в американском рекламном дискурсе может быть представлена следующей схемой: **Тактика имплицитного сопоставления**

KX1. Сопоставление через семантическую пресуппозицию.

Одним из распространенных способов создания семантических пресуппозиций является помещение основного тезиса в придаточное предложение, в котором данный тезис выглядит как давно известный всем факт, не требующий доказательств. Данный прием можно проил-

люстрировать, напр., рекламным сообщением компании телекоммуникаций *Vodafone*: «*Find out why more business people prefer Vodafone*»

Прагматическая задача, поставленная создателями сообщения перед собой, состояла в том, чтобы донести до реципиента информацию о том, что *Vodafone* – лучшая система коммуникаций для деловых людей, т.к. ей пользуется наибольшее количество бизнесменов. Придаточное предложение «*why more business people prefer Vodafone*» несет явную пресуппозицию «*большинство деловых людей использует Vodafone*». Она остается верной и при отрицании суждения, представляющего собой данный слоган: «*Don't find out why more business people prefer Vodafone*».

Таким образом, создателям рекламного сообщения удается избежать трудоемких доказательств представленного семантической пресуппозицией тезиса – он представлен как не требующий доказательств факт и, т.к. представлен имплицитно, воспринимается таковым и реципиентом. Анализируя подобные примеры Ю. К. Пирогова отмечает, что «если бы пресуппозиционная часть суждения была представлена в девизе в явном виде, (...) девиз вызывал бы внутренний протест у многих людей» [Пирогова 2001: 215].

Еще один пример помещения рекламного сопоставительного тезиса в пресуппозицию – слоган онлайн-компании AOL: «*So easy to use, no wonder it's number one*» – AOL

Пресуппозиция – «*AOL номер 1 в мире*» – верна и при подмене суждения противоположным: «*So difficult to use, it's surprising it's number one*».

Еще одним способом создания семантических пресуппозиций, способных выражать имплицитное сопоставление, являются так называемые предложения-тождества («Если А, то В»), имеющие пресуппозицию С. При отрицании обеих частей подобного тождества пресуппозиция должна оставаться неизменной: «*If it's Borden's, it's got to be good*» – BORDEN, INC

Семантической пресуппозицией данного псевдологического тождества является импликация: «*Только продукты от BORDEN, INC являются по-настоящему качественными. Молочные продукты других марок не соответствуют высоким стандартам*». Подтверждение импликации находим при отрицании тождества: «*If it's not Borden's, it hasn't got to be good*».

КХ2. Сопоставление через создание условий успешности речевого акта. Создание условий успешности речевого акта является еще одним эффективным способом создания сообщений, несущих в себе имплицитные сравнения и обладающих мощным перлокутивным потенциалом. Данный тип имплицитной информации основан на создании таких коммуникативных условий, при которых необходимая адресанту импликация с большей вероятностью актуализируется в сознании адресата, нежели другие возможные импликации. Данный ком-

муникативный ход широко представлен в американском рекламном дискурсе.

Одним из наиболее распространенных способов его реализации – это эксплицитное выражение в рекламном слогане банальных и всем известных истин относительно категории, к которой относится рекламируемый объект, элементарных правил его производства. Казалось бы, рекламодатель теряет время и деньги на выражение того, что уже и так известно. На самом деле, подобные сообщения несут имплицитный намек на некомпетентность, алчность и другие отрицательные качества конкурентов: «*We never stop working for you*» – *Verizon Wireless*.

Кажется абсолютно нормальным и само собой разумеющимся, что сотовый оператор предоставляет свои услуги и днем и ночью, не останавливаясь при этом ни на минуту. Однако эксплицитное утверждение основного принципа, на котором держится рынок сотовых операторов, несет в себе намек на то, что другие операторы время от времени приостанавливают свои услуги без видимых на то причин. Созданные рекламодателем коммуникативные условия позволяют имплицитно выделить рекламируемый объект и косвенно дискредитировать конкурентов. При этом эксплицитная часть высказывания – абсолютно легальна и не вызывает подозрений в нечестной конкуренции.

По этому же принципу построен слоган отдела кадров *GENERAL ELECTRIC*: «*There are no Whites working at G.E. No Blacks either. Just people. And we need more.*» *Human Resources GENERAL ELECTRIC*.

Принцип расового равноправия – один из основополагающих в Конституции США. В реальности, тем не менее, ситуация по-прежнему остается сложной. Используя субстантивированные прилагательные *Whites* и *Blacks*, данное сообщение имплицитно вводит информацию о том, что набор кадров в конкурирующие фирмы основан на дискриминирующих факторах.

Часто в качестве условий успешности используется эффект сенсации, способствующий отвлечению внимания реципиента от основного тезиса, нуждающегося в доказательстве, и снижению уровня критичности при его восприятии: «*Finally! An airline that recognizes business travel for what it really is. Canadian Air Travel.*»

Создателям данного сообщения удается убить двух зайцев сразу – с одной стороны, позиционирование рекламируемой авиакомпании как компетентной и инновационной, с другой – дискредитация конкурентов. Импликацией данного текста может служить примерно следующее утверждение: 'другие авиакомпании, появившиеся раньше «*Canadian Air Travel*», не разбираются в своей работе.'

КХЗ. Сопоставление через прагматическую пресуппозицию. Прагматические пресуппозиции представляют собой пресуппозиции, касающиеся знаний и убеждений адресанта и адресата [Пирогова 2001:

218]. Чаще всего в рекламном дискурсе США прагматические пресуппозиции находят свою реализацию через аллюзии, а также знаки повседневной жизни.

Аллюзии, используемые в рекламном дискурсе США поражают многообразием сфер-источников (доноров). Часто сферой аллюзии является религия: «*The first truly feminine cigarette – almost as pretty as you are. Women have been feminine since Eve, now cigarettes are feminine. Eve, also with menthol*» – *EVE CIGARETTES*.

Копирайтер удачно обыгрывает название торговой марки, совпадающее с именем первой женщины на Земле. Импликация из данного сообщения – «*кури сигареты EVE и будешь столь же женственна, как прародительница женского рода*».

В следующем примере компания автобусных перевозок American Coach Lines имплицитно сопоставляет себя с Богом, при этом намекая на то, что авиакомпания не обладают божественными качествами, а потому людям намного предпочтительнее передвигаться на автобусе, нежели чем на самолете: «*If man were meant to fly, God would have lowered the fares*» – *American Coach Lines*.

Библейские и подобные им аллюзии отражают характерную черту американского общества – его религиозность. Несколько реже можно встретить аллюзии на античную мифологию: «*I seem to be Achilles ... but, my dear, it happens to be your heel that is my vulnerable spot. Such slenderness! Such grace! One look and I am slain*» – *PEACOCK SHOES*. Импликация из данного сообщения – «*купи туфли PEACOCK SHOES и Ахиллес окажется у твоих ног*».

Весьма частотной сферой-источником для сопоставительных аллюзий является устное народное творчество (сказки, сказания): «*Quicker than Rudolf, bigger than Santa, more sensual than mistletoe, warmer than socks, miles better than charades and the biggest surprise of all*» – *Interflora flowers*.

В данном примере цветочная компания Interflora сравнивает себя с такими сказочными персонажами, как олень Рудольф, Санта Клаус и имеющей глубокое символическое значение ветвью омелы. Выбор данных символов можно считать вполне удачным – все три неизменно ассоциируются с Рождеством – любимым праздником американцев, – напоминание о котором вызывает наиболее теплые чувства. Заодно сообщение несет в себе и имплицитный призыв: «*Рождество – отличный повод преподнести в подарок любимым цветы от Interflora flowers*».

Аллюзию на сказку «Белоснежка и семь гномов» находим в рекламе страховой компании Continental: «*Your client is a poor, rejected stepchild, whose best friends are dwarfs. Can you insure her against poisoned apples?*» – *Continental Insurance Company*.

Среди других сфер-доноров рекламной сопоставительной аллюзии можно выделить:

Искусство: «*Each Record a Masterpiece*» – Van Dyke Records (обыгрывание паронимической аттракции между названием рекламируемой компании и именем величайшего художника Позднего Возрождения).

Наука: «*Einstein's Theory of Relativity: give strangers the same price you give relatives*» – *Einstein-Moomjy Carpets* (обыгрывание паронимической аттракции между названием рекламируемой компании и именем известного ученого).

Данный коммуникативный ход, как и речевая тактика имплицитного сопоставления целиком, являются весьма эффективными средствами речевого воздействия, т.к. подобные проанализированным нами рекламные сообщения позволяют потребителю принять активное участие в декодировании сообщения, заинтересовывают его. К тому же, они помогают избежать избитости и обыденности рекламного дискурса, придавая ему свежесть и выделяя рекламируемый объект среди конкурентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аникин Е.Е. Речевая стратегия сопоставления рекламируемого товара (на материале российской и американской коммерческой рекламы). // Сопоставительная лингвистика: бюллетень Института иностранных языков / Отв. ред. В.И. Томашпольский. – Екатеринбург, 2005. – Т. 4. – С. 13-19.

Аникин Е.Е. Речевое воздействие как нарушение принципа «кооперации» в рекламном дискурсе США. // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: тез. III Междунар. науч. конф., Челябинск, 27-28 апр. 2006 г. / Под ред. Л.А. Нефедовой., 2006. – С. 85-87.

Пирогова Ю.К. Имплицитная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования (на материале рекламных и PR-сообщений) // Проблемы прикладной лингвистики 2001. М., 2001. – с. 209-227.

Грайс Г.П. Логика и речевое общение. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. - М., 1985. - с. 217-238.

Имплицитность в языке и речи. / Отв. ред. Е.Г. Борисова, Ю.С. Мартемьянов. – М.: «Языки русской культуры», 1999.

© Аникин Е.Е., 2006

При финансовой поддержке Правительства Челябинской области

Ворошилова М.Б.

Екатеринбург, Россия

КРЕОЛИЗОВАННЫЙ ТЕКСТ: АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

Abstract

Modern researchers of creolized texts indicate that the interest in “visual information” has quickened for the last years. The given paper reviews the background of this trend in linguistics and distinguishes the basic features of a creolized text. A creolized text is interpreted as a complex textual formation in which verbal and visual elements constitute a single whole in structural, semantic and functional aspects, and which is aimed at a complex influence on recipients.

Переход к новой научной парадигме в лингвистике на рубеже ХХ-

XXI веков, постановка новых вопросов, «экспансионизм» (Е. С. Кубрякова) современной науки обусловили расширение круга изучаемых явлений, тем или иным способом связанных с передачей и восприятием информации в современном мире. Теперь на первый план были выдвинуты задачи всестороннего исследования языка во всем многообразии его связей, в том числе с другими семиотическими системами.

Как отмечают исследователи: «Этот синтезирующий виток в диалектической спирали истории науки о языке был предопределено неизбежен. Он связан с обращением лингвистики к проблеме коммуникации в полном объеме, что и предполагает синтез языковых средств общения с неязыковыми, исследование их организации в едином процессе и тексте как его результате» [Бернацкая 2000].

За последние годы в рамках современной лингвистики интерес к невербальным средствам коммуникации, так называемой «визуальной информации», значительно возрос, что отмечается в большинстве исследований, посвященных не традиционной лингвистике текста, а лингвистике семиотически осложненного, «нетрадиционного», видеoverбального, составного, поликодового, креолизованного текста [Е. Е. Анисимова, В. М. Березин, Л. С. Большаянова, Н. С. Валгина, Л. В. Головина, А. Ю. Зенкова, О. Л. Каменская, В. М. Клюканов, Э.А. Лазарева, Н. В. Месхишвили, О. В. Пойманова, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, L. Bardin, B. Karlavaris, S. D. Sauerbieg и др.].

Рост интереса к проблеме визуализации обусловлено самими требованиями современной коммуникации. Как справедливо отмечает В. М. Березин, «иллюстрирование ныне все шире становится элементом текстообразования. Уровень интегрированности всех изобразительных средств, равно как и других знаковых образований, в единое текстуальное пространство печатных и электронных изданий весьма высок» [Березин 2003: 162]. Несомненно, что «эскалация изображения» не только знаменует собой качественно новый процесс развития речевой коммуникации, но и отвечает первостепенным потребностям современного общества [Каменская 1996]. Таким образом, понимание того, что «глобальный мир, мир постсовременности, ориентируется на визуальный способ представления информации», привело к обоснованию необходимости выделения в рамках современной науки понятия «визуальности» [Зенкова 2004: 40].

По мнению социального теоретика М. Надина, глобальный масштаб нашей деятельности и существования подталкивает нас к созданию интернационального языка, которым может стать язык визуализации. Этот язык, как считает исследователь: во-первых, отвечает потребности оптимизировать человеческое взаимодействие для достижения более высокого уровня эффективности; во-вторых, он отвечает потребности преодоления скрытых стереотипов языка литературного; в-третьих, он может способствовать нелинейному, более открытому

характеру новых человеческих опытов.

Изменение способа отношения человека и мира трактуются как кризис классической рациональности, основанной на логосе – слове, и возникновение ее неклассических форм. Таким образом, визуальное мышление трактуется учеными как тип мышления, основанный на неклассической рациональности [цит. по: Зенкова 2004: 40].

В настоящее время в сфере социального и гуманитарного знания возникло множество научных дисциплин, содержащих в своем названии понятие «визуальность»: визуальная антропология, визуальная культурология, визуальная политология, визуальная социология, теория визуальных коммуникаций. Наибольшее внимание исследователей современной визуальности привлекает соотношение словесного (вербального) и визуального (невербального) компонентов, в частности в пределах текстов печатных средств массовой информации [Анисимова Е. Е. 2003, Бойко М. А. 2006, Большианова Л. С. 1986, Кирилов А. Г. 2006, Лазарева Э. А., Горина Е. В. 2003, Чудакова Н. М. 2005 и др.]. Как справедливо отмечает М. А. Бойко: «всё большее внимание в рамках изучения языка средств массовой информации лингвисты уделяют организации так называемых креолизованных текстов» [Бойко 2006].

Итак, «мир, в котором мы живем, переполнен текстами, надписями, знаками» (Ю.Олеша). И необходимо помнить, что синтез естественного человеческого языка с другими знаковыми системами – отнюдь не продукт современной культуры. Так, Р. О. Якобсон отмечал: «синкретизм поэзии и музыки, вероятно, первичен по отношению и к поэзии, и к музыке – так же как визуальные сигналы кинесики органически связаны с теми или иными аудиальными знаковыми системами» [Якобсон 1985: 327].

В работе А. А. Бернацкой «К проблеме “креолизации” текста: история и современное состояние» (2003) представлен краткий обзор развития отношений языка и изобразительного искусства. Так автор пишет: письменность генетически связана с изобразительным искусством. Первоначально письмо, или предписьмо, имело «рисунчатый характер», было пиктографическим. «На ранней стадии (первобытное искусство, наскальные росписи) живопись оперировала контрастной линией и локальным цветом, в ней не было живописи в современном понимании, а была изобразительная речь» [Гашева Н. В. 1990, Герчук Ю.Я. 1986, Дмитриева Н. А. 1962].

«Антагонизм слова и изображения возникает лишь на стадии формирования феномена “чистой эстетичности”» [Герчук 1986: 123], когда происходит специализация: изобразительное искусство развивается в особую систему, а так называемое «предписьмо» сближается с языком. Уже иероглиф становится, параллельно звуковой оболочке слова, планом выражения единого плана содержания.

Значительно позже, с изобретением книгопечатания, текст и изо-

бражение все чаще начинают сопутствуют друг другу. Происходит процесс взаимодействия и взаимообогащения искусств.

Наиболее показательной, по мнению исследователей, для синтеза этих двух искусств была эпоха средневековья. Синтез слова и изображения лег в основу целого ряда жанров и литературы, и изобразительного искусства. Причем оба компонента несли в равной мере смыслообразующую функцию – каждый своим языком, своими средствами (библейская литература (особенно «библия для бедных»), античная и средневековая поэзия, научная литература). Особо выделяется традиция «городского романа» эпохи раннего барокко со своего рода графическим послесловием, несущим функцию комментирования и этической интерпретации содержания романа. Важное место в ряду данных примеров занимают эмблематика, иконография и иконология.

Настоящий аспект поставленной проблемы, изучение паралингвистических средств и их роли в художественном оформлении книги, наиболее полно освещен в истории отечественной лингвистики. В книге Е. Е. Анисимовой «Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов)» (2003) представлены ведущие традиции изучения паралингвистических средств, история развития данного подхода, в частности, в рамках отечественной лингвистики. В 1930-ые гг. А. А. Реформатский писал (1933), что лингвистика призвана исследовать взаимодействия внешнего (полиграфического) и внутреннего (литературного и языкового) оформления текста, их органичного вращивания одного в другой в целях максимального воздействия издания на читателя [Анисимова 2003: 3]. Ученый даже высказывался за создание новой специальности – лингвографов, умело оперирующих как методами лингвистического анализа текста, так и знаниями полиграфической техники.

Паралингвистические средства письменной коммуникации традиционно изучались в аспекте художественного оформления книги, где их рассмотрение было связано с конструированием книги, обеспечением необходимых технических и эстетических характеристик издания [Валуненко, 1976; Герчук, 1984; Добкин, 1985; Сидоров, 1972 и др.]. В 20-гг. XX века внимание исследователей было обращено, прежде всего, к особенностям и развитием стиховой графики [Винокур, 1929; Томашевский, 1930; Тынянов, 1977; Реформатский, 1933 и др.]. Систематическое же изучение паралингвистических средств письменной коммуникации в лингвистике начинается лишь в 1970-е г., именно в это время появляются первые исследования, посвященные описанию выразительных возможностей паралингвистических средств языка, их роли в создании целостного речевого произведения, в реализации автором его художественного замысла [Арнольд, 1973; Брандес, 1983; Костенко, 1979; Riesel, 1978 и др.]. В настоящее

время паралингвистические средства, их содержательные и прагматические потенциалы интенсивно исследуются в русле параграфематики как особом разделе лингвистики о письменном языке [Баранов, Паршин, 1989; Вашунина, 1995; Клоканов, 1983; Месхишвили, 1990 и др.].

Начало научному осмыслению креолизованных, или семиотически осложненных, видеовербальных, поликодовых текстов было положено в работах по семиотике, что было обусловлено исследованием изображения как особой знаковой системы, а также возможных контекстов ее применения.

В 1989 г. Ю.Я. Герчук писал: «И каждое сообщение существует не изолированно, все они составляют единую сложно организованную знаковую среду – семиосферу». Дело будущего, продолжает ученый, выяснить и сформулировать законы, управляющие семиосферой, пути ее формирования и развития, характер взаимного влияния ее разнородных элементов. «Шаг от изучения отдельных знаковых систем к познанию их целостности пока не сделан» [Герчук 1989: 38].

«Неязыковые объекты становятся по-настоящему значащими лишь постольку, поскольку они дублируются или ретранслируются языком» – утверждает знаменитый лингвист Р. Барт [1975: 114]. Действительно, значения зрительных образов в кино, рекламе, комиксах, журнальной и газетной фотографии и т.д. обычно подкрепляются языковыми сообщениями. Нередко часть иконического (визуального) сообщения оказывается избыточной, дублирующей языковую составляющую. Итак, с одной стороны, общепризнанна уникальность знаковой системы языка и вторичность всех остальных частных семиотик: «Смысл есть только там, где предметы или действия названы: мир означаемых есть мир языка» [Барт 1975: 115]. Язык способен придать вещам знаковую функцию, не присущую им по их сути, а невербальным высказываниям – лишь добавочные значения.

Но, в современной семиотике существует и иная точка зрения, согласно которой иконический (визуальный) язык принципиально не отличается от вербального: «...любое созданное непосредственно человеком изображение абстрактно, ибо оно обозначает выделенные отвлеченные человеком свойства объекта. В этой своей функции изображение не отличается от слова. Как слово, так и изображение могут выражать понятия разных уровней абстрактности» [Колеватов 1984: 112]. Хотя большинство исследователей все же сходятся, что изображение не является такой четко выраженной единицей, как слово, а его семантика по сравнению с последним характеризуется значительно меньшей определенностью, расплывчивостью, размытостью своих границ [Анисимова 2003: 11].

Итак, перед учеными встает вопрос о необходимости четко разграничивать при исследовании коммуникации гомогенные и синкретиче-

ские сообщения, основывающиеся на комбинации или объединении разных знаковых систем [Якобсон 1985: 327].

Для текстов, организованных комбинацией естественного языка с элементами других знаковых систем или упорядоченных множеств, еще не выработалось единое общепринятое терминологическое обозначение. Широко известен метафорический термин «креолизованные тексты», который принадлежит Ю. А. Сорокину и Е. Ф. Тарасову (1990): это – «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, Тарасов 1990: 180-181]. Исследователи, принимающие в своих трудах в качестве рабочего данный термин (Анисимова 2003; Бойко 2006; Валгина 2003; Чудакова 2005; Шинкаренкова 2005 и др.), отмечают, что креолизованный текст предстает сложным текстовым образованием, в котором вербальные и невербальные элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное воздействие на адресата.

Помимо рассмотренного выше термина для обозначения того же феномена в современной лингвистике используются и другие. В разрабатываемой Г. В. Эйгером и В. Л. Юхтом типологии текстов (1974) была вычленена оппозиция моно – и поликодовых текстов. «К поликодовым текстам в широком семиотическом смысле должны быть отнесены и случаи сочетания естественного языкового кода с кодом какой-либо иной семиотической системы (изображение, музыка и т.п.)» [Эйгер, Юхт 1974: 107]. Термин «поликодовый текст» используется также Л.М. Большаяновой. Автор исследовала «лингвовизуальный комплекс» – газетный текст, сопровождаемый фотоизображением, как разновидность поликодовых текстов [1987].

В двух других публикациях того же года (1987) и независимо друг от друга для обозначения синтеза вербальной и изобразительной графической знаковых систем используется по сути идентичный термин: «изовербальный комплекс» [Бернацкая 1987] и «изоверб» [Михеев 1987].

Также исследователи для обозначения описываемого явления используют термины: семиотически осложненные тексты [Протченко 2006], видеовербальные тексты [Пойманова 1997].

Бернацкая А.А. в своей обзорной работе проводит разграничение между вышеперечисленными терминами, которое принимается большинством современных исследователей. Итак, термины «поликодовый», «семиотически осложненный» текст представляются наиболее предпочтительными для обозначения родового понятия негомогенных, синкретических сообщений (текстов), образуемых комбинацией эле-

ментов разных знаковых систем при условии их взаимной синсемантии, то есть при одинаковой значимости всех знаковых систем, участвующих в оформлении данного сообщения (текста), при невозможности замены или пропуска одной из них. Для обозначения же той или иной степени и самого факта участия в создании текста элементов разных семиотик, разных знаковых систем целесообразно сохранить метафорический термин, предложенный Ю. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым, – «креолизация». Мы принимаем точку зрения Бернацкой А. А., и в дальнейшем наше исследование будет посвящено рассмотрению понятия именно креолизованного текста.

В центре внимания современных исследователей (Анисимова Е. Е. 2003, Бойко М. А. 2006, Большаянова Л. С. 1986, Кирилов А. Г. 2006, Лазарева Э. А., Горина Е. В. 2003, Чудакова Н. М. 2005 и др.), занимающихся изучением креолизованного текста, в первую очередь находится соотношение вербальной и иконической, визуальной знаковых систем, то есть невербальные, графические средства, сопровождающие письменную речь.

Данное положение требует ряда уточнений. Во-первых, настоящий подход, с нашей точки зрения, ограничивает само понятие «креолизованного текста», важно учитывать, что в зависимости от рассматриваемого материала, среди знаковых систем, оформляющих креолизованный текст, могут также использоваться звуковые, атрибутивные и иные знаковые системы. Но справедливости ради отметим, что данное ограничение обусловлено как традициями отечественной лингвистики, так и тем набором лингвистического «инструментария», который находится в распоряжении современного ученого.

Во-вторых, считаем необходимым отметить, что терминологически небесспорно при анализе креолизованных текстов в качестве эквивалентной, равнозначной замены обозначения изобразительного компонента использование термина «иконический компонент». Стоит согласиться с распространенным ныне суждением В.А. Виноградова, что «система (код) языка ориентируется на символичность, а текст – на иконичность» [Сигал 1997: 119]. Также сомнительной представляется практика замены обозначения «изобразительный компонент» на «визуальный», так как в письменной форме сообщения (текста) любого типа словесный ряд так же визуален, как любой другой, значимыми являются шрифт, цвет, стиль написания и т.д.. Поэтому считаем целесообразным различать вербальный и невербальный компоненты в креолизованных текстах.

Итак, в заключении отметим, что настоящая статья представляет лишь один фрагмент комплексного исследования понятия креолизованного текста. На данном этапе мы рассмотрели историю вопроса и

определили основные положения понятия креолизованного текста, под которым принято понимать сложное текстовое образование, в котором вербальные и невербальные элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное воздействие на адресата.

В последующих статьях нами будут рассмотрены такие вопросы, как части креолизованного текста и отношения между ними, методики анализа креолизованного текста и предложенные в современной лингвистике классификации, не менее важным считаем представить обзор работ, посвященных анализу кинотекста, рекламы, политических карикатуры и плакаты как наиболее актуальных в современном информационно-текстовом пространстве типов креолизованного текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Алексеев Ю.Г. Восприятие креолизованного текста иноязычным реципиентом (к постановке проблемы) // Проблемы прикладной лингвистики. Матер. семинара. Ч.1. Пенза, 1999. С.8-10.

Алексеев Ю.Г. Креолизованный текст в межкультурной коммуникации (на матер. этнопсихолингвистического эксперимента) // Уч. зап. УлГУ. Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики. Сер. Лингвистика. Вып.1(6). Ульяновск, 2001. С.58-65.

Алексеева В. В. Что такое искусство. М., 1979.

Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. – М.: Academia, 2003. – 128 с.

Анисимова Е.Е. О целостности и связности креолизованного текста / К постановке проблемы //Филологические науки. – 1996. - № 5.

Арнольд И.В. Графические стилистические средства // Иностраннй языки в школе. – 1973 – №3

Баева Г.В. Семантико-прагматические особенности вербальных и невербальных знаков в рекламном дискурсе: на материале немецкой пресс-рекламы: Автореферат дисс. к.ф.н. –Тамбов, 2000.

Березин В. М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. М., 2003.

Бернацкая А. А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение: Специализированный вестник / Краснояр. Гос. ун-т; Под редакцией А.П. Сковородникова. Вып. 3 (11). Красноярск, 2000.

Бойко М.А. Функциональный анализ средств создания образа страны (на материале немецких политических креолизованных текстов) (10.02.04 – Германские языки): Автореферат дисс. к.ф.н. – Воронеж, 2006.

Большаянова Л. С. Вербальное сопровождение фотоизображения в современной британской прессе: Содержание и структура. Автореф. дисс. к.ф.н. Л., 1986.

Буркова П.П. Текст кулинарного рецепта как лингвизуальный феномен // Лингвистическое образование: профессия, миссия, карьера: Материалы Всеросс. научно-практической конференции (25-27 сентября 2003 г.). – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003.

Валуенко Б. В. Выразительные средства набора в книге. – М., 1976.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.

Герчук Ю.Я. Художественная структура книги. – М., 1984.

Герчук Ю.Я. Художественные миры книги. М., 1989.

Головина Л. В. Влияние иконических и вербальных знаков при смысловом восприятии текста. Автореф. дисс. к.ф.н. М., 1986.

Гришаева Л.И. Креолизованные тексты – тексты XXI века? // Возвращение к истокам французской культуры. Вестник ВГУ, Серия лингвистика и межкультурная коммуникация, 2003, № 2 /107.

Диброва Е.И. Пространство текста // Категоризация мира: Пространство и время. М., 1997. С. 34-36.

Дмитриева Н.А. Изображение и слово. М., 1962.

Добкин С.Ф. Оформление книги: редактору и автору. – М., 1985.

Дробышева И.М. Текст как теоретическое понятие и научная проблема // Server\konf_in\li\cultural_values\instructions_r.htm.

Ейгер Г.В., Юхт В.Л. К построению типологии текстов // Лингвистика текста: Материалы научной конференции при МГПИИЯ им. М.Гореза. Ч.1. М., 1974.

Женнет Ж. Изнанка знаков // Женефф Женнет. Работы по поэтике. Фигуры. Т.1.М., 1998.

Зенкова А. Ю. Визуальная метафора в социально-политическом дискурсе: методологический аспект // Многообразие политического дискурса. Екатеринбург, 2004. С. 39-54.

Иванова Е.Б. Художественный видеофильм как текст и его категории // Языковая личность: проблемы креативной семантики. К 70-летию профессора И.В. Сентенберг: Сб. науч. тр. / ВГПУ. – Волгоград: Перемена, 2000. С. 200-206.

Иванова Е.Б. Художественный видеофильм как тип текста // Языковая личность: проблемы межкультурного общения: Тез. науч. конф., посвящ. 50-летию фак-та иностр. яз. Волгоград, 3-4 февр. 2000 г. / ВГПУ. – Волгоград, 2000. С. 30-31.

Каменская О. Л. Лингвистика на пороге XXI века // Лингвистические маргиналии. М., 1996.

Кашкин В. Б. Сопоставительные исследования Дискурса // Концептуальное пространство языка. – Тамбов: ТГУ, 2005. С.337-353.

Кирилов А.Г. Факторы воздействия новостей в политических нарративах на адресата // Обучение иностранным языкам: настоящее и будущее: Сб. материалов XII Международной научно-практической конференции. – Самара, 2006.

Клюканов И. Э. Структура и функции параграфемных элементов текста. Автореф. дисс. к.ф.н. Саратов, 1983.

Кобрин Р.Ю. Лингвистика в картографии // Прикладное языкознание: Учебник. Отв. Ред. А.С. Герд. СПб., 1996.

Ковелина Т. А. Образ врача в культуре // автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук // 09.0013 – религиоведение, философская антропология, философия культуры. // Ростов-на-Дону – 2006

Колеватов В.А. Социальная память и познание. – М., 1984.

Костенко Г.Т. Стилистические функции графических средств в языке английской рекламы // Проблемы стилистического анализа текста. – Иркутск, 1979.

Лазарева Э.А. Рекламный дискурс: стратегии и тактики // Лингвистика. Екатеринбург, 2003. Т. 9

Лазарева Э.А., Горина Е.В. Использование приема когнитивного столкновения в политическом дискурсе сми // Лингвистика т. 11– Екатеринбург, 2003 – с. 103-112

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: “Языки русской культуры”; 1999. – 464 с.

Лотман Ю.М. Текст в тексте // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 567. Текст в тексте (Труды по знаковым системам XIV). – Тарту, 1981. – С. 3-17.

Месхишвили Н. В. Экспрессивные средства письменной коммуникации. Автореф. дисс. к.ф.н. М., 1990.

Михеев А.В. О некоторых типах взаимодействия изображения и текста // Типы коммуникации и содержательный аспект языка. М., 1987.

Морозова С.С. Принципы гармонизации смыслов креолизованного текста при переводе / С.С.Морозова // III Международные Бодуэновские чтения: И.А.Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23-25 мая 2006 г.): труды и материалы: в 2 т. / Казан. гос. ун-т; под общ. ред. К.Р.Галиуллина, Г.А.Николаева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. – Т.1. – С.99-101.

Николаева Т.М. От звука к тексту. М., 2000.

Николаева Т.М. Текст // Русский язык. Энциклопедия –М., 1997. С. 555-556.

Плотников Б.А. Аverbальные формы письменного текста и их содержание // Б.А. Плотников. О форме и содержании в языке. Минск, 1989.

Пойманова О. В. Семантическое пространство видеoverбального текста. Автореф. дисс. к.ф.н. М., 1997.

Проблемы текстуальной лингвистики / Под ред. В.А.Бухбиндера. – Киев: Вища школа, 1983. – 175 с.

Протченко А. В. Типологические и функционально-стилистические характеристики англоязычного путеводителя (10.02.04 - германские языки): автореферат дисс. к.ф.н. Самара 2006

Романовская О.Е. Креолизованный текст и его восприятие реципиентом, принадлежащим к другой лингвокультурной общности // Ученые записки Ульяновского государственного университета. Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики. Сер. Лингвистика / Вып. 2 (5). / Под общ. ред. д. филол. н., проф. А.И. Фефилова. – Ульяновск: УлГУ, 2000. С. 53-57.

Сахарный Л.В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М., 1991. С. 221-237.

Сергеева О.В. Наружная политическая реклама в эпоху электронных медиа // Актуальные проблемы теории коммуникации. СПб, 2004. – С. 220-225.

Сигал К.Я. Проблемы иконичности в языке (обзор литературы) // Вопр. языкознания. 1997. №6.

Сидоров А.А. Книга и жизнь. – М., 1972

Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). – М.: Водолей Publishers, 2004 – 153 с.

Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990.

Тесля М. Е. По законам восприятия. М., 1969

Фатеева Н.А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи // Известия АН СЛЯ. 1998. Т.57. № 5.

Чаплыгина Ю.С. Текстовые категории лингвовизуального феномена карикатуры

Чудакова Н.М. Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000 – 2004 гг.) // Диссертация к.ф.н. (10. 02. 01 – русский язык) – Екатеринбург, 2005

Якобсон Р.О. Язык в отношении к другим системам коммуникации// Р.О. Якобсон. Избранные работы. М., 1985. © Ворошилова М.Б., 2006

ГРОЗА В СВИТЕ ВОЛАНДА

Abstract

The author represents the analysis of verb semantics, characterizing the activity of the thunderstorm in Bulgakov's novel "Master and Margaret". Analysing valency links of the lexeme thunderstorm and verb semantics, the author deduces that 1) according to Bulgakov's conception the activity of the thunderstorm is reasonable; 2) the activity of the thunderstorm submits to Woland's indications, regularly attends the activity of his retinue. Therefore it is argued that despite the thunderstorm is inanimate it could be included into the Woland's retinue.

Анализ языка художественного произведения помогает глубже проникнуть в замысел автора, выявить незаметные на первый взгляд закономерности, связанные с сюжетом, и эксплицировать новых героев, которые стали вольными или невольными участниками событий, описываемых в тексте.

Очевидно, что любой персонаж, представленный в художественном произведении, призван реализовывать творческую идею – это положение в равной мере относится и к активно задействованным в произведении образам, и к таким, которые воспринимаются читателем как сопутствующие: они находятся в тени главных героев и в большинстве случаев лишь косвенно влияют на ход событий. Однако внимательное прочтение текста и анализ поведения таких, казалось бы, незначимых персонажей позволяет нам постигнуть авторскую идею в наиболее полном объеме и отметить достаточно существенные для понимания авторского замысла нюансы.

Вводя в сюжетную линию тех или иных действующих лиц, художник, как правило, детально продумывает и представляет на суд читателя индивидуальные особенности каждого персонажа: дает портретную характеристику, описывает голос, жестикуляцию, походку, вкусовые пристрастия и т.п. Однако наиболее яркой характеристикой любого героя произведения является его деятельность, поскольку именно она призвана непосредственно влиять на ход сюжета. Естественно поэтому, что основное внимание и писателя, и читателя в итоге сосредоточено именно на целенаправленных действиях, которые совершают как главные, так и второстепенные лица.

При анализе языка романа «Мастер и Маргарита» нас, однако, заинтересовали поведенческие особенности не обычных одушевленных персонажей, целенаправленные поступки для которых вполне естественны, а деятельность неодушевленных природных реалий. Это связано с тем, что в романе М. Булгакова данные реалии часто выступают как разумно действующие личности, либо выполняющие чьи-то приказы, либо проявляющие собственную волю и стремление изменить ход

описываемых событий. Как показало исследование семантики глаголов, характеризующих действия отдельных неодушевленных природных реалий, некоторые из них (в первую очередь это ГРОЗА, ЛУНА, СОЛНЦЕ) вполне очевидно претендуют на роль активных целенаправленных деятелей наряду с живыми персонажами произведения – они так же, как и главные герои, являются значимыми элементами повествования и служат для выражения авторской идеи.

Как показал анализ языкового материала прозы различных авторов, обращаясь к описанию той или иной природной реалии, художник чаще всего акцентирует внимание на поведении данной реалии по отношению к человеку, так как в подавляющем большинстве случаев человек в произведении предстает перед читателем как центр мироздания, а все окружающие его неодушевленные природные реалии существуют и действуют лишь в контексте его личностного восприятия [см. об этом: Журавлева 2002 (а): 20].

При этом в изображении явлений природы автор художественного произведения чаще всего опирается на антропометрический подход, согласно которому человек – мера всех вещей; в результате названного принципа описание любой реалии происходит исключительно через призму человеческого восприятия. Именно поэтому в большинстве случаев характеристика как самой неодушевленной природной реалии, так и ее действий в основном не противоречит обыденным и научным знаниям о ней. То есть свойства, действия, признаковые характеристики, приписываемые каждой реалии, в основном соответствуют обыденным представлениям о возможностях функционирования данной реалии в окружающем мире и об особенностях воздействия на человека в этом мире. Так, **солнце**, как правило, *светит, греет, слепит*, а также совершает различные перемещения по небесному своду; **звезды мерцают, мигают, гаснут**; **ветер дует, воет, освежает** и т.п. [см. об этом: Журавлева 2002 (б); 2002 (в)].

Вместе с тем подход к описанию природных реалий в литературных произведениях не является однозначным.

При изображении природы в художественных текстах встречается три основных способа типизации. Результат первой типизации – природа вымышленная, с чертами сверхъестественного. Такая природа представлена в народных преданиях, легендах, сказках, где неодушевленные природные реалии мыслятся как живые – они могут говорить, участвовать в судьбе героя подобно другим персонажам, то есть совершать достаточно активные целенаправленные действия. Это объясняется тем, что древняя картина мира человека предполагала восприятие природы как единого живого организма, не только подобного человеческому, но и во многом его превосходящего. Такой образ природы сохраняет антропоморфизм в его первоначальном значении, ко-

гда человек воспринимал окружающую среду как некое таинственное, размышляющее и действующее, злое или доброе живое существо. В основе подобного описания лежит олицетворение как разновидность когнитивной метафоры, в результате которого неодушевленному предмету, отвлеченному понятию, живому существу, не наделенному сознанием, приписываются качества или действия, присущие человеку. Олицетворение является одним из древнейших тропов; его происхождение напрямую связано с анималистическими представлениями и религиозными верованиями.

Во втором случае типизируется природа-схема, природа-аллегория. Основа образа – реалистическая, правдоподобная или с элементами условности, которая, однако, не интересует повествователя как собственно пейзажная картина, хотя некоторые детали этой картины могут быть воспроизведены художником достаточно скрупулезно. В такой природе вполне может быть представлен какой-то признак одушевленности, но он понимается преимущественно как отсвет социальной идеи. Ярким примером подобной типизации являются «Песня о Буревестнике» и «Песня о Соколе» М. Горького. В последней не только Уж и Сокол воплощают в себе значимые социальные образы, но и неодушевленные природные реалии, в частности море, призваны реализовать философский замысел автора. Так, основную мысль произведения, включающего сказку о Соколе, раненном в бою с врагами и устремившемся в небо в последний полет, рассказчик доверил бушующей природной стихии. Ср.: *Блестело море, все в ярком свете, и грозно волны о берег бились. В их львином реве гремела песня о гордой птице, дрожали скалы от их ударов, дрожало небо от грозной песни: Безумству храбрых поем мы славу!*.. [Горький 1987 182]

В третьем варианте типизации представлена природа достаточно реальная, в объективном повествовании, такая, какой ее воспринимает человек, сам являющийся частью природного мира. Здесь разворачивается реалистический пейзаж, как правило с эпическим подтекстом, с пониманием «психологии» зверей, птиц, растений, а также отдельных явлений природы, традиционно рассматриваемых как неживые (солнце, ветер, гроза и т.п.). Элементы антропоморфизма незначительны. В целом в таком подходе содержится вполне конкретный намек на общую жизненную основу природы и человека. Природные реалии узнаваемы и достоверны в своих основных признаках и свойствах, выделяемых человеком как существенные опознавательные характеристики данных реалий. При названном подходе образ природы, как правило, помещен в среду лирического повествования. В некоторых случаях отдельные неодушевленные природные реалии даже иногда претендуют на роль самостоятельного героя, но тем не менее художник не видит в них мыслящего существа, равного себе, не воспринимает не-

живую природу как нечто, подобное человеку. Такова природа в произведениях А.Чехова, И.Бунина, М. Пришвина и др. [см. подр.: Гринфельд-Зингурс 1989].

Несомненно, что в описании отдельных неодушевленных природных реалий в произведении М. Булгакова «Мастер и Маргарита», в частности *грозы, луны и солнца*, наблюдается симбиоз всех трех способов типизации. Мотивируем данное утверждение, в рамках статьи остановившись подробнее на таком явлении природы и действующем персонаже романа, как **гроза**.

Следует отметить, что образ грозы и сопровождающих ее проявлений (тучи, молний, грома) возникает в романе неоднократно, причем всякий раз в связи с явным или неявным появлением Воланда и его свиты.

Именно гроза является той связующей нитью, которая объединяет две сюжетные линии различных смысловых частей «Мастера и Маргариты»: роман мастера о Понтии Пилате и события в Москве 1930-х гг.. Наиболее ярко эта связь проявляется в моментах, повествующих, с одной стороны, о наступлении грозы на Ершалаим во время казни Иешуа, а с другой – на Москву в тот час, когда Воланд и его свита уже собираются покинуть город. Как отмечают исследователи, М. Булгаков прибегает практически к одинаковым словесным зарисовкам. Сопоставим два текстовых отрывка.

Гроза в Ершалаиме: ***Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город. Исчезли висячие мосты, соединяющие храм со страшной Антониевой башней, опустилась с неба бездна и залила крылатых богов над гипподромом, Хасмонейский дворец с бойницами, базары, караван-сарай, переулки, пруды... Пропал Ершалаим – великий город, как будто не существовал на свете. Все пожрала тьма, напугавшая все живое в Ершалаиме и его окрестностях. Странную тучу принесло со стороны моря к концу дня, четырнадцатого дня весеннего месяца нисана [Булгаков 1997: 602-603].***

Данные строки открывают третью часть романа мастера о Понтии Пилате, и именно с них начинается заплаканная Маргарита перечитывать восстановленный Воландом роман. Это обстоятельство, кстати, позволяет вполне обоснованно предположить, что и возродившаяся из пепла рукопись мастера, и ненастье в Ершалаиме имеют один источник – приказ сатаны. Но в тексте романа об Иешуа, написанном мастером, все-таки не содержится прямого указания на то, что грозу на Ершалаим направил именно сатана (Воланда вообще нет среди действующих лиц рукописи). Этому факту существует лишь косвенное подтверждение: признание самого Воланда Берлиозу в беседе, когда «подозрительный иностранец» утверждает, что он был непосредственным участником событий, связанных с казнью Иисуса Христа. Ср.: *...Я лично*

присутствовал при всем этом. И на балконе был у Понтия Пилата, и в саду, когда он с Каифой разговаривал, и на помосте, но только тайно, инкогнито, так сказать, так что прошу вас – никому ни слова и полнейший секрет!... [Булгаков 1997: 359].

Однако грозу над Москвой, несомненно, организовал Воланд. Подтверждением этому служат его собственные слова, обращенные к своей свите в преддверии данного события: *«Распоряжений никаких не будет – вы исполнили все, что могли, и более в ваших услугах я пока не нуждаюсь. Можете отдыхать. Сейчас придет гроза, последняя гроза, она довершит все, что нужно довершить, и мы тронемся в путь»* [Булгаков 1997: 664].

Обращает на себя внимание то, что Воланд ставит грозу в один ряд с членами своей свиты: он поручает ей, как до этого поручал своим помощникам – Бегемоту, Коровьеву, Гелле, Азazelo, – очередное дело, которое следует выполнить в Москве 30-ых гг.: *...вы исполнили все, что могли ... сейчас придет гроза ...она довершит все, что нужно довершить....* Модальное слово *нужно* в речевой практике применяется лишь к тем, кто способен совершать осмысленные целенаправленные действия и выполнять определенные поручения. Как может убедиться читатель, Воланд не просто что-то приказал грозе, но еще и был уверен при этом, что она с данным приказом успешно справится – как и любой другой член свиты, беспрекословно выполнявший все указания сатаны, внося в них своеобразный элемент дьявольского творчества.

В описании грозы над Москвой М. Булгаков почти трафаретно использует слова мастера в романе о Понтии Пилате. Ср: *Гроза, о которой говорил Воланд, уже скопьялась на горизонте. Черная туча поднялась на западе и до половины отрезала солнце. Потом она накрыла его целиком. На террасе посвежело. Еще через некоторое время стало темно.*

Эта тьма, пришедшая с запада, накрыла громадный город. Исчезли мосты, дворцы. Все пропало, как будто этого никогда не было на свете. Через все небо пробежала одна огненная нитка. Потом город потряс удар. Он повторился, и началась гроза. Воланд перестал быть видим в ее мгле [Булгаков 1997: 664-665].

Как видим, и том и в другом случае совпадают и субъекты, и их действия, и объекты этих действий: *тьма накрывает город; все исчезает, пропадает, как будто этого никогда не было на свете.* Даже сравнительные конструкции дублируются, что лишний раз подтверждает прямую причастность Воланда к грозе в Ершалаиме – городе, где сатана услышал проклятия в адрес Бога, которые посылал палящему солнцу Левий Матвей, как бы отдавая себя этим поступком под покровительство дьявола, и откликнулся на них [см.: Соколов 1996: 256-257].

Лингвисты, исследующие особенности художественного повествования, отмечают, что «содержательная сторона подлинного художественного произведения двупланова. Она функционирует как «поверхностная», доступная даже неподготовленному читателю форма. Одно-

временно смысл реализуется как глубинный, требующий высокой культуры восприятия феномен. Именно второй, подтекстовый план характеризует специфику художественного текста...» [Голякова 1996: 43].

В романе М. Булгакова же мы видим не только двуплановость, но даже и многоплановость образа грозы. В качестве «поверхностного» содержания выступает гроза как стандартное природное явление, со всеми сопутствующими ей атрибутами: тучами, молнией, громом, ливнем.... В таком описании природного явления находит выражение способ типизации природы, характерный, в основном, для антропоморфизма современной литературы. Однако, как мы уже отмечали, в произведении М. Булгакова наблюдается совмещение, взаимопроникновение способов типизации. Его гроза может быть рассмотрена не только как явление природы, но и как нечто сверхъестественное, призванное самим дьяволом, а также как аллегория, символизирующая месть представителям человечества за то, что они отреклись от Иешуа и предали его... А еще за то, что, как с грустью и иронией отмечает Воланд, за столетия, прошедшие с момента казни Иешуа, человечество почти не изменилось...

Неоднократное обращение в ходе повествования к теме грозы позволяет говорить о том, что М. Булгаков включает в текст особые повторяющиеся микросмыслы, которые образуют своеобразную тематическую сетку. Каждое последующее включение такого микросмысла, по словам А.Н. Васильевой, активизирует предыдущее и вместе с ним создает более мощный контекст для нового включения [см.: Васильева 1983: 143]. Таким образом, возникая почти случайно (в первой части романа о Понтии Пилате в душный знойный день казни Иешуа все предвещает наступление ненастья), тема грозы затем неоднократно воспроизводится, причем, как мы уже отмечали, в некоторых случаях М. Булгаков использует одни и те же словесные формулировки с целью подчеркнуть единый источник этого природного явления – его дьявольское происхождение.

Первые гроза как значимая для сюжета природная реальность возникает в тексте романа в словах Иешуа, которые звучат как предсказание. Ср.: *Гроза начнется... – арестант повернулся, прищурился на солнце, – ...позже, к вечеру* [Булгаков 1997: 342]. Но Понтий Пилат, к которому адресованы слова Иешуа, не обращает на них внимания, хотя очень сильно мучается от духоты, нависшей над Ершалаимом.

Следующее упоминание о грозе в этой части романа также происходит вскользь, когда Каифа, настаивающий на смертном приговоре для Иешуа, наблюдает за Понтием Пилатом, который «... холодной влажной рукой рванул пряжку с ворота плаща, и та упала на песок.

– *Сегодня душно, где-то идет гроза, – отозвался Каифа, не сводя глаз с покрасневшего лица прокуратора и предвидя все муки, которые еще пред-*

стоят...» [Булгаков 1997: 352].

И хотя в этом отрывке кажется, что гроза не несет в себе никакой опасности, кроме предгрозовой духоты, все равно в ее ожидании чувствуется напряжение, которое накладывается на все последующие события.

А затем Булгаков вводит грозу как действующее лицо в описание проделок представителей свиты Воланда. В эпизоде, когда Бегемот и Азazelло пытаются помешать администратору Варенухе сообщить «куда следует» об исчезновении директора варьете, проявления грозы (ветер, громовые удары, молния, ливень) и свита Воланда действуют почти синхронно, являясь соучастниками задуманного сатаной действия. Приведем несколько фрагментов текста. Ср.: *В саду ветер дунул в лицо администратору и засыпал ему глаза песком, как бы преграждая путь, как бы предостерегая.*

<...> От удара толстяка [Бегемота] вся уборная осветилась на мгновение трепетным светом, и в небе отозвался громовой удар. Потом еще раз сверкнуло, и перед администратором возник второй [Азazelло]... Этот второй, будучи, очевидно, левшой, съездил администратора по другому уху. В ответ опять-таки грохнуло в небе, и на деревянную крышу уборной обрушился ливень.

<...> И оба подхватили администратора под руки, выволокли его из сада и понеслись с ним по Садовой. Гроза бушевала с полной силой, вода с грохотом и воем низвергалась в канализационные отверстия, всюду пузырились, вздувались волны, с крыш хлестало мимо труб, из подворотней бежали пенные потоки. Все живое смылось с Садовой, и спасти Ивана Савельича было некому... [Булгаков 1997: 426].

В этих отрывках, наряду с вполне реалистичным описанием грозы, явно проступает ее мистическое предназначение: гром гремит не сам по себе, а сопровождая удары Бегемота и Азazelло – с целью заглушить их звук и крики Варенухи, которые последовали бы за данными ударами; ливень хлещет не просто так, а затем, чтобы смыть всех, кто мог бы увидеть похищение и спасти администратора варьете.

Эта же гроза пугает Ивана Бездомного в сумасшедшем доме, ветер разбрасывает по комнате листки с его заявлением в милицию, в котором Иван пытается сформулировать жалобу на иностранца и его переводчика, виновных в гибели Берлиоза. И здесь опять гроза полностью на стороне Воланда и его свиты. Ср.: *В небе то и дело вспыхивали нити, небо лопалось, комнату больного заливало трепетным пугающим светом [Булгаков 1997: 427].*

<...>Исписанные Иваном листки валялись на полу. Их сдуло ветром, влетевшим в комнату перед началом грозы.<...> К тому времени, как появилась издалека пугающая туча с дымящимися краями и накрыла бор и дунул ветер, Иван почувствовал, что обессилел, что с заявлением ему не совладать, не стал поднимать разлетевшихся листков и тихо и горько заплакал... [Булгаков 1997: 428].

Гроза не дает Ивану закончить задуманного дела в то же самое время, когда в другом конце Москвы два подручных Воланда расправляются с Варенухой – также с целью помешать ему сообщить в соответствующие органы о неполадках в театре варьете. И опять гроза и свита Воланда действуют заодно. А размах природного явления позволяет ему присутствовать и контролировать события сразу в нескольких местах, что оказалось невозможным даже для таких пронырливых персонажей, как Бегемот, Азazelло, Гелла и Коровьев.

Как следствие, мы можем констатировать, что, подобно Гелле, женщине-вампиру, гроза является служанкой Воланда, но, в отличие от нее, участвует в действе, организованном сатаной, до самого финала. Гелла по каким-то до конца не понятным исследователями творчества М. Булгакова причинам исчезает из повествования и не принимает участия в последнем эпизоде – отходе из Москвы дьявола и представителей его свиты. Гроза же, напротив, задействована здесь очень активно – и цель проявлений природной стихии является вполне очевидной: смыть все следы пребывания в Москве Воланда и его подручных, а также скрыть от посторонних глаз уход в другой мир Мастера и Маргариты. Когда Азazelло, Мастер и Маргарита вскочили на коней и помчались прочь, гроза и ее многообразные проявления (ливень, молнии, ураганный ветер) начали свою работу. Ср.: *Они [Мастер, Маргарита и Азazelло] летели над бульваром, видели, как фигурки людей разбегаются, прячась от дождя. Падали первые капли. <...> Потом крыши сменились зеленью. Тогда только хлынул дождь и превратил летящих в три огромных пузыря на воде... [Булгаков 1997: 673]. Как и предсказал Воланд, гроза довершила все, «что **нужно довершить**»...*

Таким образом, анализируя валентные связи лексемы **гроза** и особо останавливаясь на семантике глаголов, мы можем сделать вывод, что, во-первых, действия грозы не являются спонтанными, а носят, по замыслу автора, вполне продуманный и мотивированный характер; во-вторых, проявления грозы напрямую связаны с указаниями Воланда, регулярно сопутствуют деятельности его свиты, и поэтому вполне правомерным будет, на наш взгляд, расширить список слуг сатаны еще одним участником – грозой, неодушевленной природной реалией, которая действует наряду с одушевленными персонажами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Булгаков М.А. Мастер и Маргарита / Избранные сочинения в 3 томах. Том 2. – М.-СПб., Кристалл, 1997.

Горький М. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 1: Рассказы (1892-1897). – М.: Сов. Россия, 1987. – 512 с.

Васильева А.Н. Художественная речь. – М., 1983.

Голякова Л.А. Художественный текст как специфическая знаковая система // Лингвистические и методические аспекты текста. Межвузовский сб. научн. тр. – Пермь, Пермский гос. ун-т, 1996. – С. 42-48.

Гринфельд-Зингурс Т.Я. Специфика образного мышления и жанр. – Саратов, 1989.

Журавлева О.Н. Небесные светила как действующие природные реалии (на материале романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени») / Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т.8. – Екатеринбург, 2002. – С. 18-24.

Журавлева, 2002 (б). – Журавлева О.Н. СОЛНЦЕ как действующая природная реалья (на материале романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени») // Семантика. Функционирование. Текст. Межвуз. сб. научн. тр. – Киров, 2002. – С. 106-110.

Журавлева, 2002 (в). – Журавлева О.Н. Художественное осмысление деятельности природной реалии ВЕТЕР (на материале романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Человек. Язык. Искусство. Материалы Междунар. науч.-практ. конференции – М., МПГУ, 2002. – С. 270-271.

Соколов, 1996. – Соколов Б.В. Булгаковская энциклопедия. – М., 1996.

© Журавлева О.Н., 2006

Кушнерук С. Л.
Челябинск, Россия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ ДЛЯ СИТУАТИВНОГО ПРОМОУШЕНА В РОССИЙСКОЙ ПЕЧАТНОЙ РЕКЛАМЕ

Abstract

The article presents a study of precedent phenomena (textual or historical reminiscences) within the scope of situational promotion – the use of well-known situations intended to increase the sales of a product or service. The most typical situations are viewed in detail.

Реклама уверенно вошла в российскую действительность, стала неотъемлемым атрибутом культуры потребления и заняла прочные позиции в сознании покупателей. Неудивительно, что в последнее время количественно исследований, посвященных изучению различных аспектов рекламного процесса, неуклонно растет [Добросклонская 2005, Имшинецкая 2003, Медведева 2003, Морозова 2002, Паршин 2001 и др.].

Объектом лингвистического анализа в рекламной коммуникации становится продукт, представляющий собой многоуровневый рекламный текст (Г. В. Баева, М. Ю. Илюшкина, Е. С. Кара-Мурза, Н. А. Кузьмина, Э. А. Лазарева, П. Б. Паршин, Г. Г. Почепцов, М. В. Терских).

В настоящей работе понятие «рекламный текст» («рекламное произведение», «реклама») получает семиотическое толкование и рассматривается как сложный знак, представляющий соединение некоторой последовательности простых знаков, объединенных комплексной коммуникативной установкой, в которой сочетаются информация о товаре, его оценка, а также побуждение к поступку либо мнению, которое приносит рекламодателю какую-нибудь выгоду [Кара-Мурза: [http](http://), Морозова 2002: 17]. Выбор указанного подхода обусловлен сближением лингвистики и семиотики, что проявляется в постепенном вытеснении сугубо вербальных текстов креолизованными медиа-текстами, в которых лингвистические и нелингвистические знаки выступают как равноправные составляющие [Слышкин, Ефремова 2004: 111].

Перегруз восприятия из-за постоянно обновляющейся информации при отсутствии существенной разницы между однотипными товарами в рамках отдельной товарной категории ведет к резко негативному отношению потребителей к рекламе. В этих условиях рекламист вынужден искать более изощренные способы воздействия на покупательское поведение.

Задача внушить аудитории информацию о достоинствах товара или услуги мотивирует тесную взаимосвязь двух основных функций рекламы – сообщения и воздействия [Ксензенко 2000]. Реализация указанных функций во многих случаях связана с присвоением существующих в других сферах знаков, содержание которых используется для достижения рекламных целей [Морозова 2002].

При таком подходе прецедентные феномены являются знаками, апелляция к которым в рекламном тексте ведет к актуализации знаний и представлений, связанных с прошлым культурным опытом языкового сообщества, значимых в интеллектуальном и эмоциональном планах для его представителей [Кузьмина, Терских 2005, Кушнерук 2006, Медведева 2003, Пикулева 2003, Постнова 2001].

Прецедентные феномены обладают суггестивностью (т. е. способностью к внушению), возникающей в результате «втягивания» реципиентов в прецедентное поле, в котором автор ведет игру с образцами-примерами» [Сорокин, Михалева 1989: 42]. Это свойство активно эксплуатируется отечественными рекламистами в целях промоушена. Согласно «Толковому словарю русского языка начала XXI века», промоушен (промоушн) – это «система мероприятий по продвижению товаров, распространению предоставляемых услуг на рынке, а также популяризации кого-л., чего-л.» [ТСРЯ 2006: 808]. Отдельным элементом указанной системы является *ситуативный промоушен*, то есть «использование с коммерческой выгодой для себя уже существующих в жизни покупателей ситуаций» [Имшинецкая 2003: 7].

Внедрение в рекламный текст знакомой ситуации, связанной с тем или иным референтом, способно облегчить адресату восприятие рекламы и предопределить верную интерпретацию смысла. Прецедентный феномен является «пусковой кнопкой» развертывания в большей или меньшей степени известного сценария, за которым закреплено устойчивое эмоциональное переживание (преимущественно позитивное), формирующее соответствующее отношение к рекламируемому товару или услуге. Рассмотрим набор типовых ситуаций, служащих целям промоушена.

I. По характеру существования в сознании потребителей – *реальные* и *вымышленные*. Первые имели место в объективной действительности, ситуации второго типа были созданы авторским воображе-

нием и получили воплощение в произведениях различных видов искусства (художественной литературе, кинематографе, живописи, архитектуре, скульптуре и пр.).

В числе *реальных* в отечественной рекламе чаще всего используются ситуации, связанные с биографиями знаменитых людей, в которых могут быть представлены подробности их личной жизни, акцентироваться особенности поведения, привычки, пристрастия, увлечения и пр. Ср.: «*Любовь говорит на языке ювелирных украшений*» – *уверены в Cartier. Коллекция Love впервые появилась на волне популярности минимализма. И мигом превратилась в настоящую love story благодаря Лиз Тейлор и Ричарду Бартону, Софии Лорен и Карло Понти. Сегодня коллекция Love обрела вторую жизнь и пополнилась новыми знаками любви. Браслет Cartier – современный вариант обручального кольца, ведь ваша любовь не хочет идти по избитой колее и довольствоваться общепринятыми знаками*» (Hello, 2006, № 18).

В рекламе бутика Cartier прецедентные имена *Лиз Тейлор и Ричард Бартон, София Лорен и Карло Понти* символизируют широко известные любовные истории звездных пар. Страстный актерский дуэт Тейлор – Бартон, принесший чете миллионные гонорары и позволивший жить на широкую ногу, блистательная карьера Софии Лорен, счастливое материнство в супружестве с продюсером Карло Понти олицетворяют глубокие романтические чувства. Соотнесение ювелирных украшений Cartier с личной жизнью знаменитостей действует на потребителя как доказательство элитного статуса продукта и рисует собирательный портрет целевой аудитории – люди среднего возраста с хорошим достатком, любящие предметы роскоши.

Возрастающая актуальность зрелищных видов искусства предопределяет востребованность ситуаций, связанных с прокатом кинофильмов. В этом случае апелляция, как правило, осуществляется посредством включения в рекламный текст названий, ставших прецедентными благодаря массовой экранизации. Ситуации данного типа также служат основой установления благоприятных ассоциативных связей между киноновинкой и рекламируемым продуктом, за счет чего образ последнего наделяется дополнительными психологическими ценностями. Ср.: «*Этот восхитительный тональный крем в два шага поможет коже выглядеть безупречно целый день. Секрет первого шага – в использовании легкой основы, которая выравнивает текстуру кожи. Благодаря этой основе цвет безупречно ложится и держится до двух раз дольше*». Джинно Таманьини, главный визажист фильма «*Казанова*» (Vogue, 2006, № 3).

Имя главного визажиста не является прецедентным, оно выступает как связующий элемент между рекламируемым продуктом и устойчивым знаком (ситуацией), получившим высокую степень известности, чтобы укоренить заявленное преимущество продукта в принятой сис-

теме ценностей адресата и задать необходимый вектор интерпретации сообщения. Ср.: «*Lipfinity Nudes на губах и легкие румяна на щеках – и вы получите свежий и естественный образ в сочетании с бронзовым летним загаром либо модным в этом сезоне нежным румянцем*». Грэхэм Джонстон, главный визажист фильма «*Бриджит Джонс: грани разумного*» (Gala, 2006, № 9).

Прецедентные имена, актуализирующие *вымышленные* ситуации, наполняют рекламное произведение особым содержанием, так как апеллируют к цельному ценностно-значимому образу, сформированному в сознании реципиентов тем или иным видом искусства. Многочисленны случаи, когда ситуации, опосредованные кинематографом и приобретшие статус прецедентных, служат основой для создания узнаваемых текстов в рекламе. Напр., в Челябинске есть ресторан, одноименный легендарному герою И. Ильфа и Е. Петрова, в рекламе которого подчеркивается ностальгический характер: «*Выезжаете на Чайковского. Прямо перед вами – вывеска аршинными буквами: «О. Бендер». Чуть выше для наглядности – пудровая гиря Александра Ивановича Корейко, увеличенная раз в шестнадцать. У входа, как положено, г-н Воробьянинов в позе «же не манж па си жур»; в гардеробе вместо номерков выдают карманные «Брегеты». Обстановка в нижнем зале в точности повторяет «образцовую ресторацию МСПО «Прага»: официантки в костюмчиках ретро, зелененькие скатерти в клеточку и даже «девушки с веслами»... Цены умеренные, постоянные клиенты получают скидку 15%*» (City Guid, 2005, октябрь).

В данном случае рекламист обращается к концепту прецедентной ситуации (закрепленному в сознании запасу минимизированных лично-детерминированных знаний и представлений носителя лингвокультуры об объекте) для создания вторичного текста, который не только привлекает внимание потенциальных потребителей, но и формирует определенные ожидания, предопределяет эстетические и эмоциональные переживания, связанные с рекламируемым предметом.

II. По типу прецедентных знаков, актуализирующих ситуации – *вербальные и иконические*.

Вербальными знаками являются языковые манифестации, указывающие на ситуацию. Примеры, приведенные выше, служат иллюстрацией вербальных знаков, участвующих в создании рекламного сообщения. Ситуативный промоушен осуществляется посредством включения в рекламный текст прецедентных имен, названий, высказываний, разворачивающих ряд нужных ассоциаций.

Придерживаясь широкого понимания, *иконическими* знаками мы считаем разнообразные невербальные средства письменной речи, участвующие в передаче информации (рисунки, фотографии, диаграммы и пр.). Их семантика характеризуется неопределенностью, расплывчатостью и размытостью своих границ [Анисимова 2003: 11]. Поэтому в рекламных текстах иконические знаки существуют только в

сочетании с вербальными. Иными словами между вербальными и иконическими знаками всегда устанавливаются корреляции, которые направляют правильную интерпретацию непривычной формы. Так, напр., в рекламе срочных вкладов через обращение к ситуации из повести-сказки А. А. Милна остроумно воплощается уникальное банковское предложение (рис. 1).

ЧЕЛЯБИНВЕСТБАНК Генеральная лицензия ЦБ РФ № 493

ЧТО ЛУЧШЕ ?
МЁДА

Срочный вклад ПРИЗОВОЙ !!!

Процентная ставка	Срок	Минимальная сумма
11,5% годовых	1111 дней	10 000 рублей

Сравнение начисленных процентов
"Обычного" срочного вклада
и вклада "ПРИЗОВОЙ" с эквивалентной
квартальной капитализацией в Челябинвестбанке

РАЗНИЦА БОЛЬШЕ НА 618 РУБЛЕЙ!

ПРИЗЫ:

- 1 место: 30 000 рублей
- 2 место: 5 000 рублей
- 3 место: 1 000 рублей

СПРАВочная информация: (351) 266-44-88 www.chelinvest.ru

Рис. 1

Трансляция популярного образа сказочного персонажа позволяет привлечь дополнительное внимание к тексту, выделить его из числа подобных и заставить потенциального клиента разобраться в деталях коммерческого предложения. Оригинальный антураж рекламной идеи создается сочетанием вербального и визуального рядов. При этом вербальным знакам отводится роль в заполнении новым смыслом существующей иконической формы, создании развлекательной тональности контекста, выводящего адресата за пределы стереотипов восприятия.

III. По характеру воздействия на адресата – *апеллирующие к разуму* (дающие дополнительную информацию о свойствах продукта, прямо или косвенно побуждающие к его приобретению, представляющие покупателю выгоды от приобретения, напоминающие потребителю о том или ином продукте и пр.) и *апеллирующие к чувствам* (создающие благоприятный имидж продукта, формирующие потребности в его приобретении, лояльное отношение к предмету рекламы и пр.).

В большинстве текстов сосуществуют оба компонента, в разной степени влияющие на восприятие и переработку рекламной информации. Использование ситуаций, в большей мере апеллирующих к разуму, во многих случаях основано на экземплификации фактов в подтверждение эксклюзивных свойств объектов рекламы. Такой прием демонстрирует возможности эмпирического обоснования, то есть

ссылки на опыт из жизни статусных личностей в связи с ситуациями использования товара или услуги. «Фестиваль «Майбир» в разгаре! Море пива! Успей поучаствовать!.. И, конечно же, бизнес-ланч, каким он должен быть, по будням с 12 до 17 часов. Работает летняя терраса – место, где пил пиво наш **президент В. В. Путин!**» (Выбирай, 2005, № 11).

Приезд президентов Путина и Назарбаева в Челябинск в мае 2005 г. инициировал появление ряда рекламных текстов, в которых косвенным свидетельством преимуществ рекламируемых заведений является объективная связь с исторически-значимым событием. Ср.: «Ресторан-кабаре «Мистер Икс» – три стильных банкетных зала на 10, 20 и 30 мест, удобный конференц-зал. Зал на 200 мест, бильярд, русская, европейская, средиземноморская и японская кухни, эксклюзивные блюда от шеф-повара, который готовил для **Путина, президента Назарбаева** и продолжает кормить всех VIP-гостей нашего города» (Пять звезд, 2006, апрель).

Иной формат взаимоотношений с потребителем устанавливается, когда ситуативный промоушен реализуется через апелляцию к чувствам. Контакт с рекламным текстом, прежде всего, настраивает реципиента на эмоциональную работу для интерпретации знакомых знаковых форм в новом контексте. В этом случае рекламист исходит из предположения, что если реклама вызывает позитивные переживания, то высока вероятность того, что адресат осуществит коммерчески выгодное действие. Рассмотрим пример рекламы постельного белья (рис. 2).

Рис. 2

В основе ситуации, апеллирующей к эмоциям, лежит пересказанный римским поэтом Овидием древнегреческий миф, который в XVII веке нашел воплощение в одной из лучших картин Х. Ван Р. Рембрандта «Даная».

Полный глубинных смыслов, шедевр гениального голландца, получает упрощенную интерпретацию в рекламном произведении и из символа всемогущего божественного провидения превращается в иконический знак, демонстрирующий характеристики и достоинства рекламируемого продукта – «новая Даная» является совокупным образом

целевой аудитории и прочно связывается в сознании потребителя с комфортом, уютом и роскошным убранством спален. Использование узнаваемой формы, таким образом, имеет чувственную природу обоснования, что закрепляет позитивное эмоциональное отношение адресата к объекту рекламной информации.

Подводя некоторые итоги, отметим, что ситуативный промоушен является лишь одним из механизмов воздействия на потребителя. Заимствование известных ситуаций в рекламных целях связано с использованием разного рода знаков, которые дополнительно к уже существующим смыслам наполняются новым содержанием и облегчают целостное восприятие сообщения. Включение в рекламный текст прецедентных феноменов, восходящих к знакомым ситуациям, подчеркивает стремление рекламистов оперировать теми представлениями, которые понятны и значимы для потенциальных покупателей в ценностном отношении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). – М., 2003. – 128 с.

Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). – М., 2005. – 288 с.

Имшинецкая И. Ситуативный промоушн или искусство сесть кому-нибудь «на хвост». – М.: РИП-холдинг, 2003. – 148 с.

Кара-Мурза Е. С. «Дивный новый мир» российской рекламы: социокультурные, стилистические и культурно-речевые аспекты // http://www.gramota.ru/mag_arch.html?id=23.

Ксензенко О. А. Когнитивный подход к анализу экспрессивности рекламных текстов // Когнитивные аспекты языковой категоризации: Сб. науч. тр. – Рязань, 2000.

Кузьмина Н. А., Терских М. В. Реклама пищевых продуктов: концептосфера и события вербализации // Известия УрГПУ. Лингвистика. – Вып. 15. – Екатеринбург, 2005. – С. 168–181.

Кушнерук С. Л. Сопоставительное исследование прецедентных имен в российской и американской рекламе. Дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2006. – 213 с.

Медведева Е. В. Рекламная коммуникация. – М., 2003. – 280 с.

Морозова И. Г. Рекламный стalker. Теория и практика структурного анализа рекламного пространства. – М.: Гелла-принт, 2002. – 272 с.

Паршин П. Б. Заметки о моделях мира современной российской коммерческой рекламы // Текст. Интертекст. Культура: Сб. докладов международной науч. конф. (Москва, 4–7 апреля 2001). – М., 2001. – С. 554–571.

ПикULEва Ю. Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: Лингвокультурологический анализ. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2003. – 22с.

Постнова Т. Е. Прецедентные тексты в печатной рекламе // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – № 2. – С. 106–115.

Слышкин Г. Г., Ефремова М. А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). – М.: Водолей Publishers, 2004. – 153 с.

Сорокин Ю. А., Михалева И. М. Прецедентность и смысловая структура художественного текста // Структурно-семантический и стилистический анализ художественного текста: Сб. науч. тр. – Харьков, 1989. – С. 113–115.

ТСРЯ: Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. – М.: Эксмо, 2006. – 1136 с.

© Кушнерук С.Л., 2006

Луканина М. В.

Москва, Россия

ТЕКСТ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И КОНВЕРГЕНЦИЯ

Abstract

The article is devoted to an analysis of media text under condition of convergence. The author specifies the objectivity degree of the transmitted information and non-verbal means used in the Internet-paper news creation.

Функционирование СМИ, и следовательно развитие языка СМИ, во многом определяется технологическим прогрессом в информационно-коммуникационной сфере. В создании и распространении сообщений СМИ обязательно принимают участие новейшие технические средства и устройства, поэтому динамичное развитие технологий не может не оказывать влияние на всю цепочку производства, распространения информации и конструирования текста.

В основе происходящих в последние десятилетия изменений лежат два близких по своей природе процесса, взаимосвязь которых можно было бы представить как причинно-следственную.

Первый процесс носит название «дигитализация» (от англоязычного термина *digitalisation*), обозначая перевод содержания СМИ во всех его формах – текстовой, графической, звуковой – в цифровой формат. Цифровой формат нивелирует ряд факторов, ограничивавших сферу воздействия СМИ. Такие барьеры, как: время, необходимое для публикации, соответствующие финансовые издержки, географические границы распространения газет и некоторые другие, могут быть преодолены с помощью новых информационно-коммуникационных технологий.

Сглаживается и часть ограничений, присущих СМИ как дистанционной коммуникации, где общающиеся социальные субъекты разделены пространством и временем. Синхронизация подачи информации во всем мире достигается за счет размещения информации газет, радио или телевидения на Интернет-сайтах, а эффект присутствия усиливается с помощью технологий, позволяющих вести трансляцию или передачу информации с места события. И хотя на смену одним ограничениям приходят другие, связанные с материальным состоянием, компьютерным обеспечением и технической грамотностью аудитории,

многие из них носят временный характер.

Кроме этого, цифровой формат во многом уравнивает возможности традиционных СМИ, закладывая основу их дальнейшего слияния. За счет перевода информации в цифровую форму происходит унификация каналов передачи информации и тем самым уравниваются различные форматы информации. Одной из отличительных характеристик аналогового мира является жесткое разграничение различных типов информации – текста, визуальных образов, звука, движущегося изображения и в некотором смысле социальная иерархия между письменной культурой и аудиовизуальным выражением.

С распространением электронных СМИ аудиовизуальная форма информации до некоторой степени взяла реванш у текстовой информации, а с распространением цифровой технологии мы видим качественно новое явление. Постепенно стирается разрыв между различными формами информации, и по одному и тому же каналу информации может передаваться и текст, и аудиовизуальное изображение. В результате слияния текста, звука и изображения, передаваемых одновременно в интерактивном режиме, СМИ приобретают исключительно важную характеристику – мультимедийность.

Процесс интеграции, сближения различных технологий, их объединения в единую технологическую платформу получил название конвергенции. Конвергенция (от латинского *convergo* – приближаюсь, схожусь) – термин, уже давно принятый в биологии, языкознании, этнографии для обозначения аналогичных процессов схождения, взаимоуподобления, и перенесенный в сферу общественно-политических наук [см. также: Вартанова 2000: 39]. Процесс конвергенции является общим свойством современного информационного общества, в рамках которого происходит повышение взаимозависимости различных элементов системы в целом. Под конвергенцией понимается как объединение различных форматов (газета в Интернете), так и экономическое объединение ранее изолированных секторов (телефония, радио и кабельное телевидение).

Конвергенция реализуется на разных уровнях, изменяя свое толкование в зависимости от сферы приложения понятия [Вартанова 2003: 301-314].

1. Технологическая конвергенция СМИ, как слияние технологий распространения и производства информации, получила импульс для развития в результате перевода содержания в цифровую форму. Цифровой формат содержания позволяет осуществлять его распространение в различных формах вне зависимости от конкретной индустрии СМИ и технологических платформ. Практически любой информационный продукт может принимать любую «медиаупаковку». Таким обра-

зом, происходит изменение форм СМИ, где наряду с традиционными формами, возникают «гибридные» формы (онлайновые и офлайновые).

2. На профессиональном журналистском уровне конвергенция проявляется в нескольких формах.

1) Она приводит к слиянию прежде достаточно отдаленных и разобщенных СМИ. Производя один материал, журналист может предложить его и газете, и онлайн-изданию, и телетекстовой службе информации телеканала. В новой инфокоммуникационной среде происходит переадресация функций старых СМИ новым, «перемена ролей» у разных каналов коммуникации, возникают возможности получать одинаковое содержание разными каналами. В результате радикально меняются прежние представления о каналах коммуникации и информации.

2) Изменяются требования к самому журналисту. Современные профессиональные требования к журналистам предполагают наличие у них мультимедийных навыков – умения производить материалы для любого СМИ.

3) Конвергенция СМИ, появление общих для разных каналов содержательных продуктов ведет к рождению новых интегрированных жанров – инфотеймента (англ. *infotainment* от *information* – информация и *entertainment* – развлечения), эдютеймента (*education* – обучение, *entertainment* – развлечение) и других [Землянова 2000].

3. С точки зрения исследователей текстов СМИ важнейшим следствием процесса конвергенции становится изменение характера самого информационного продукта. Текстовые, графические, звуковые и видеоиллюстрации интегрируются в единый информационный продукт, создавая новую информационную среду, которую принято обозначать термином *мультимедиа*.

Представляется более обоснованным определение мультимедиа как нового типа информационного продукта через две его основные характеристики [Солодов 2004]:

- синтетический характер, то есть комбинация в одном информационном продукте различных типов информации (в частности, текста, изображений, звука, видеофрагментов);
- интерактивный характер, возможность индивидуализации продукта, выбора среди множества возможностей.

Интерактивность позволяет осуществлять обратную связь с источником информации или провайдером содержания. Двусторонняя модель коммуникации, характеризующая массовую коммуникацию, предполагает, что процесс коммуникации образует своего рода петлю, завершающийся цикл, где важное место занимает обратная реакция полу-

чателя. В то же время обратная связь всегда считалась наиболее уязвимой стороной взаимодействия СМИ и ее аудитории, поскольку в реальности была ограничена звонками в студию и письмами в редакцию. Новые информационно-коммуникационные технологии позволили получателю не только выбирать нужную ему информацию, но и самому определять повестку дня. Активизация обратной связи поставила редакции перед необходимостью оперативно реагировать на изменения требований аудитории и общественного мнения.

Какие же менее глобальные, но возможно не менее важные изменения произошли на уровне текста?

Конвергенция, как объединение СМИ в единую технологическую платформу, означает, прежде всего, унификацию предлагаемого содержания. Это обусловлено как технологическими факторами, так и экономическими: с одной стороны, происходит объединение производителей содержания и каналов распространения, что значительно проще, когда различные активы принадлежат одному владельцу и существуют объединенная редакция и единая схема управления. При слиянии разных СМИ не все редакции, публикующие материалы в прессе, напр., считают нужным и экономически оправданным держать отдельный штат журналистов, пишущих для Интернет-версии газеты. Кроме того, единая схема управления зачастую подразумевает установление общих стандартов работы и требований, предъявляемых к готовым материалам.

«Образование многочисленных разветвленных сетей и масштабных альянсов, главным результатом которого стал широкий обмен информационными и публицистическими материалами между вовлеченными в них службами, оказалось одним из факторов важной для электронного пространства тенденции усреднения контента, использования одной и той же продукции сотнями и даже тысячами сайтов» [Макеенко 2004: 58]. (Это повышает ценность оригинального, не стандартизированного материала, но уменьшает возможности его широкого распространения.)

С другой стороны, медиакомпании стали специализироваться: кто – на производстве, а кто – на распространении содержания, при этом продать содержание разным распространителям проще, если основное ядро информации остается тем же, а оформление легко трансформируется.

Все это приводит к выработке определенного стандарта и в дизайне, и в подаче, и в организации информации. Задачей редакции в этом контексте видится производство некоего содержания, которое затем могло бы быть легко упаковано и переупаковано в зависимости от конкретных требований аудитории. Таким образом, содержание не создается под конкретную аудиторию, а лишь видоизменяется с помощью изменения заголовков, фотографий и т.п. Наибольшее внимание ме-

диакомпаний сосредоточено не на процессе создания содержания, и даже не на преобразовании информации, а на ее упаковке и распространении.

Это приводит к столкновению двух тенденций на рынке СМИ: модели традиционных СМИ и новой модели. Так, М.И. Макеевко [2004] выделяет такие противостоящие виды американской журналистики в Интернете:

- модель, культивируемая печатью, делающая упор на контекстуальный, углубленный, аналитичный, более характерный для нее материал, значение которого должно возрасти по мере движения Интернет-новостей в направлении агентств, с точки зрения контента, и телевидения, с точки зрения формы, если говорить о новостной, а не справочной, как перед этим, информации. (В последнее время все чаще синонимом содержания выступает «контент» – понятие, пришедшее из терминологического аппарата новых СМИ. Контент (от английского *content* – содержание) в медиаиндустрии определяется как данные, текст, звук, зрительные образы или комбинация мультимедийных данных, представленных в аналоговом или цифровом формате на разнообразных носителях, таких, как бумага, микрофильм, магнитные или оптические запоминающие устройства.)

- наиболее распространенная модель, характеризующаяся укорачиванием материалов, доминированием новостей-прорывов, упором на заголовки и попытками освоения мультимедийных способов подачи информации, практикуется преимущественно информационными агентствами, новостными сайтами и телевизионными службами, работающими очень быстро, без ориентации на цикл, с частыми повторениями, т.е. почти по принципу кабельных каналов, но с упором на текст.

В то время как традиционная модель получила описание во многих работах, новая модель, принятая «на вооружение» многими редакциями, заслуживает отдельного рассмотрения. В независимости от того, является ли эта модель временной, трансформационной или нет, она несомненно окажет воздействие на процесс создания текстов СМИ. Так, в США по мере увеличения количества газет в онлайн-формате, смещения акцентов работы сайтов с творческого на экономический аспект, число изданий с отдельным штатом сократилось до 13 процентов (75% в 1996 г.), причем в большинстве своем их сотрудники представляли рекламные, маркетинговые и технологические отделы, и лишь единицы, типа *Wall Street Journal*, *USA Today* или *Chicago Tribune*, могли позволить себе держать 50-70 журналистов и редакторов, ответственных за создание оригинального контента [Макеевко 2004: 63].

Оригинальный контент, на который средние и мелкие издания практически не ориентировались изначально, к концу 1990-х составлял

уже меньше четверти из того, что индустрия поставляла в цифровое пространство, из этой части многое приходилось на долю синдикатов, информационных агентств, а также дискуссионных групп, т.е. читательских форумов и чатов.

Другим важным следствием унификации содержания является тенденция к четкому разграничению фактов и мнений. Современная качественная журналистика подразумевает примат объективности, разграничение фактов и комментария, оценки и объективной информации. По стандартам американской информационной журналистики автор должен придерживаться фактов и избегать высказываний собственного мнения. В качественных изданиях информационно-аналитические материалы должны быть выделены особыми рубриками: анализ, комментарий, редакторские статьи, что позволяет определенным образом предупредить и настроить читателя при восприятии материала. Дополнительные коррективы в данном случае носят соображения экономического характера. Для того, чтобы продать содержание, оно должно легко изменяться, что невозможно, если автор отстаивает собственную оригинальную позицию.

Однако, несмотря на то, что этот принцип объективности является основополагающим для журналистики, в реальности далеко не всегда он претворяется в жизнь. Так, Интернет является уникальной средой, позволяющей индивидуализировать подачу информации и стимулирующей выражение собственного мнения. Интерактивность предполагает, в частности, возможность обсудить новости. Это приводит к появлению таких новых для журналистики жанров как дневники («weblogs»), развитию персональных страниц, целиком посвященных личным оценочным суждениям. Журналисты, ведущие страницы такого рода, вынуждены дистанцироваться от конкретного СМИ, а зачастую увольняться и переходить в разряд вольнонаемных – практически все редакции СМИ не позволяют своим сотрудникам давать вольную, «несанкционированную» оценку общественно-политическим событиям. Такие тенденции, отслеживаемые на редакционном уровне, также способствуют постепенному разграничению подачи в Интернете новостей и комментария.

Чем больше комментария появляется, тем важнее становится проблема достоверности информации в Интернете. Функция посредника (*gatekeeper*), который бы фильтровал поток информации или направлял бы его в определенное русло, не реализуется в полной мере. Свободный поток информации означает не только свободу мнений, но и большое количество недостоверной, непроверенной, излишне субъективной информации. Внедрение электронной коммерции на газетных сайтах также привело к сглаживанию или исчезновению разграничения

между информационным и рекламным текстам, традиционно жестко разделяемыми в СМИ. Соположение на одной странице информации рекламного и нерекламного характера без разграничения по степени объективности приводит к появлению сомнений у читателя в достоверности предлагаемого материала.

С другой стороны, это приводит к появлению большого количества приемов, позволяющих автору дистанцироваться от выраженного им же мнения. Подача информации с позиций неизвестного источника, использование «аксиом» («всем хорошо известно, что...») и прочие технологии управления общественным мнением получают все большее распространение как среди журналистов, так и политтехнологов, специалистов по связям с общественностью. Для данных технологий характерно сокрытие самого факта воздействия, когда мнение подается в имплицитной форме, под «личиною» факта.

Это утверждение справедливо как для Интернета, так и для традиционных качественных СМИ. Качественные издания обычно не могут позволить себе приемы управления общественным мнением, в которых открыто декларируются намерения отправителя сообщения. Поэтому из опасений за свою репутацию независимой и качественной прессы, редакторы требуют как от журналистов, так и от политтехнологов соблюдения внешних правил.

В этих условиях сложно отделить случаи, когда журналист выражает собственное мнение от тех, когда аудитории под видом аналитической статьи навязывается определенная оценка. Большой частью приходится говорить о смешении открытого мнения и мнения скрытого. Под скрытым, замаскированным мнением понимается в первую очередь скрытое воздействие с двумя типами: 1) сокрытие самого факта воздействия, когда мнение подается в имплицитной форме, под «личиною» факта; 2) сокрытие истинных намерений манипулятора, когда журналист не скрывает, что то, что он говорит, является мнением, но скрывает его источник, тем самым высказанное мнение представляется в качестве исходящего от него.

Важен и тот факт, что объективизация информации зачастую увеличивает оказываемое воздействие. «Крошечный кусочек рекламы, замаскированный под новость и мелькнувший в общем потоке «сухой» информации «стреляет» лучше, чем дюжина заказных статей» [Миронов 2001]. В случае же управления общественным мнением абсолютное требование успеха – умение облачать пропаганду в строгий костюм новости, умение убедить других в конкретных суждениях без представления на то самоочевидных логических оснований, и при этом неважно, существуют на самом деле такие основания или нет.

С одной стороны, мнение можно в определенной мере представить

объективным, если скрыть его источник. Напр., прием «Вокс попули», который предполагает раздувание «общего» (как правило, неназванного) мнения. Это, с точки зрения Миронова А. С., самая вызывающая из форм искусственного «объективизирования» пропаганды, скрываемой под личиной социального факта. Вместо того, чтобы высказывать собственное мнение, журналист маскирует его под некий «общеизвестный» факт социальной психологии.

Для увеличения воздействия можно приписать собственные взгляды авторитетному лидеру мнений, эксперту в своей области. Нет такой идеи, под которую нельзя было бы подыскать подходящего эксперта.

С другой стороны, можно выразить мнение так, что оно будет казаться фактом. Очень широко распространенным способом маскировки оценки является использование слов, денотат которых занимает не нейтральное положение в ценностной картине мира читателя, т.е. слов с экстра- и социолингвистической обусловленностью. Так, слово «бедность» не несет фиксированной оценочности, но осознается всегда в определенном негативном ключе. К этой группе слов относятся также идеологически-окрашенные слова, используемые для манипуляции общественным сознанием и формирования определенного мировосприятия, такие, как «свобода», «террорист», «демократический» и т.п. Слова с ингерентными коннотациями, экстра- и социолингвистически обусловленные, облюбовали политтехнологи и журналисты, сделав из них ключевые символы. Знание системы выразительных средств языка позволяет повысить эффективность оказываемого воздействия.

Универсальное содержание означает, что большее значение имеет упаковка. По мере увеличения присутствия СМИ в Интернете и развития мобильной телефонии первостепенное значение получает заголовок. В данном случае необходимо, чтобы при всем разнообразии материалов получатель обратил свое внимание на конкретный текст. В связи с тем, что экран имеет ограниченный размер, а количество конкурирующих сообщений необычайно высоко, сам текст представлен в виде заголовка и одного – двух первых абзацев. При составлении заголовков зачастую нарушается принцип журналистики, гласящий, что заголовок должен отражать содержание текста. Заголовок современных текстов СМИ, размещенных в Интернете, не полностью отражает содержание, частично не договаривает, чтобы заинтриговать и заставить читателя обратиться собственно к тексту.

В случае же, напр., мобильной телефонии, на которую иногда журналистами делается особая ставка (в связи с высокими затратами пользователей на приобретение компьютеров), клиент заказывает текст из базы данных после просмотра заголовков. Мобильный журнал в этом отношении – упрощенный вариант Интернет-сайта, где вся ин-

формация хранится в специальной базе данных. Ради привлечения внимания клиента к определенному тексту разворачивается своего рода борьба за заголовок. Заголовок сам по себе перестает быть квинтэссенцией умения владеть словом, он перемещается по шкале оригинальности от творческой подачи к краткости и четкости. Это отмечают как американские, так и российские журналисты, работающие с онлайн-текстами.

В этой же связи все увеличивающуюся роль в Интернете и мобильной телефонии приобретают первые два абзаца текста. Их объем чаще всего ограничен 150 словами, которые должны в первую очередь нести новостную компоненту, в то время как детальное описание и выражение оценки требуют более развернутого повествования. Интерактивность позволяет индивидуализировать продукт, и более развернутое повествование предлагается читателю, наравне с фото, аудио и другими сопутствующими материалами, в виде гипертекстовых ссылок.

Однако, при всех очевидных преимуществах использования гиперссылок, нелинейность повествования текстов Интернета сильно изменяет выбираемые средства воздействия. Гипертекст позволяет предоставить максимальный объем информации и ее детальное изложение во всех видах (от текста до видео), однако при этом исчезает структурная выверенность текста, нарушается логика аргументации.

Мультимедийный характер текста предполагает активное использование средств невербальной информации, что несомненно помогает раскрыть их потенциал. Постепенно внимание исследователей текстов СМИ перемещается в область описания невербальных средств, мощным стимулом для чего является сама действительность. К сожалению, анализ не поспевает за развитием технологий, которые в значительной мере определяют подачу информации. Так, в печатной прессе нет возможности использовать невербальные средства в адекватном объеме в силу разных причин, таких как ограниченность объема, необходимость поддержания низкой себестоимости (что влекло отказ от дорогостоящих технологий, высокого качества бумаги и печати). Поэтому автор газетного текста прибегает к таким средствам, как варьирование шрифта, использование стилистических возможностей системы пунктуации и структурной организации текста (введение подзаголовков, надзаголовков, внутритекстовых заголовков), цветового оформления, использования фотографий, рисунков и карикатур.

По сравнению с прессой, авторы Интернет текстов не придают значения ни шрифтовому варьированию, ни тем более системе пунктуации. Все это заменяется, но не компенсируется более прямолинейными способами доведения содержания до аудитории. ИмPLICITные средства выражения авторского намерения в мультимедийном тексте

уступают место эксплицитным. Фотографии самого разного плана (иногда нарушающие принципы журналистской этики на угоду публике), видеоклипы подчеркивают зачастую и так субъективное представление информации.

В целом в условиях массовой коммуникации доверие к невербальной информации значительно выше, чем к вербальной. Использование невербальной информации непосредственно вместе с текстом, тем не менее, ограничивается. Фотографии, графики, карты в Интернете замедляют загрузку страниц, вследствие чего их зачастую предлагают к просмотру с помощью гиперссылок, что, с одной стороны, увеличивает количество предлагаемой информации и комментария, а с другой, не позволяет создать целостного видения невербальной информации в контексте текста.

В этой связи по мере подключения к сети привычной аудитории и выхода на первые позиции знакомой, хорошо изученной тематики журналисты отмечают тенденцию изменения электронных вариантов, ухода от первоначальной цветовой и графической насыщенности к простоте и доминированию текста, встраивания в стилистику базового (напр., печатного) издания.

Все изменения и быстротечные тенденции развития Интернет-версий традиционных СМИ показывают, что идет процесс приспособления разных форматов друг к другу, взаимовлияния и взаимопроникновения.

В заключение, необходимо еще раз подчеркнуть, что современные информационно-коммуникационные технологии создают условия для формирования единого технологического и экономического пространства, возникновения тесного взаимодействия между ранее разделенными коммуникационными услугами и продуктами. Все это привносит новые качества и изменяет информационный продукт как на уровне содержания, так и на уровне его выражения. Безусловно, успешные исследования в области языка СМИ, средств воздействия в сфере массовой коммуникации и родственных с ними областей невозможны без учета изменений происходящих в медиа индустрии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вартанова Е.Л. Конвергенция как неизбежность О роли технологического фактора в трансформации современных медиасистем / От книги до Интернета. Журналистика и литература на рубеже нового тысячелетия. Под ред. Я.Н. Засурского и Е.Л. Вартановой. М., изд-во Моск. Ун-та, 2000.

Вартанова Е.Л. Экономика онлайн-новых СМИ. // Медиаэкономика зарубежных стран. Учебное пособие. М., Аспект Пресс, 2003.

Землянова Л. М. Зарубежная коммуникативистика на рубеже веков// От книги до Интернета: Журналистика и литература на рубеже нового тысячелетия. М., 2000.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000.

Макеенко М.И. Американская журналистика в Интернете/ Новые медиа и конвергенция. Сборник материалов Третьей летней школы по журналистике и массовым коммуникациям. М., 2004.

Мионов А.С. Раздувай и властвуй: Практическое руководство по технологиям «мягкой» пропаганды. М.: Добросвет, 2001.

Солодов В.В. Структурная трансформация СМИ: технологические причины и социально-экономические последствия. – М., МГУ, 2004.

© Луканина М.В., 2006

Лутовинова О.В.

Волгоград, Россия

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «ХАКЕР»

Abstract

Anthropocentric Linguistics focuses its attention on the problems of correlation of language and a person on the one hand and of language and culture on the other hand. Lingual cultural concept is considered to be the main item of Cultural Linguistics. Though lingual cultural concepts correlate with notions they contain not only logical but also emotive components. Dealing with phenomenon of a person in language scientists realized the importance of investigations connected with a lingual personality. Linguistic cultural description of lingual personalities presents them as a generalized cultural personality types recognized by all bearers of a certain culture. Many different means of communication appeared in our life during the last years. Nowadays electronic communication plays an important role in the process of human intercourse becoming not only a changed channel of information transmission but a specific cultural and lingual environment. This new specific environment forms a new type of culture which is based on its new values. This article presents an analysis of one net cultural personality types – «hacker». The viewed cultural personality type seems the brightest one among the others which can be distinguished in net culture: programmer, admin, moderator, lamer, newbie, chatter, flooder, spammer and «padonak». The most interesting thing which can attract a researcher's attention is a specific contradiction between the essential constituents of the discussed cultural personality type.

При антропоцентрической ориентации современной лингвистики в центр исследовательского внимания помещаются такие проблемы, как взаимосвязь языка и личности, языка и культуры, вследствие чего лингвокультурное моделирование языкового сознания и коммуникативного поведения стало одним из ведущих направлений языкознания в конце XX – начале XXI века. Основной единицей лингвокультурологии является культурный концепт, представляющий собой многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны [Карасик 2002: 129]. Следовательно, хотя концепты и соотносимы с понятиями, они включают не только рационально-логические, но и эмоционально-эмпирические компоненты. Концепты неоднородны, и мы можем выделять как более конкретные (такие, напр., как «пища», «одежда», «деньги» и др.), так и более абстрактные («время», «счастье», «любовь», «жизнь» и др.) концепты.

Рассматривая феномен человека в языке, ученые пришли к необходимости изучения языковой личности, выделяя ее как индивидуальное или типизируемое образование в динамическом или статическом аспектах [Караулов 1987; Нерознак 1996; Сиротинина 2003]. Типизация языковой личности может осуществляться с различных позиций: психологии, социологии, лингвистики, культурологии. Лингвокультурное описание языковой личности сочетает в себе достижения других наук в данной области. Типизируемая в культурологическом аспекте языковая личность представляет собой лингвокультурный типаж, то есть обобщенное представление о человеке на основе релевантных объективных социально значимых этно- и социоспецифических характеристик поведения таких людей [Ярмахова 2005], то есть лингвокультурный типаж является узнаваемым образом представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества [Карасик, Дмитриева 2005: 8].

Поскольку лингвокультурный типаж – это абстрактное ментальное образование, то в исследовательском отношении он представляет собой разновидность концепта. Термин «лингвокультурный типаж» представляется наиболее удачным для изучения и описания концептов такого вида, поскольку в нем «мы акцентируем внимание, во-первых, на культурно-диагностической значимости типизируемой личности для понимания соответствующей культуры, и, во-вторых, на изучении этой личности с позиций лингвистики (с учетом обозначения, выражения и описания соответствующего концепта, воплощенного в языке)» [Карасик, Дмитриева 2005: 22].

Электронные технологии стали основой современного общества, которое переживает в настоящий момент качественно новый этап своего развития, превращаясь из общества индустриального типа в информационное. Новые информационные средства становятся одним из важнейших инструментов ориентации человека в мире и взаимодействия людей друг с другом, а новая среда накладывает большой отпечаток на все стороны общения. Специалисты различных гуманитарных областей знания, занимающиеся исследованием сетевого пространства [Землянова 1999; Капель, Киселева 2000; Нургалева 2002, 2004; Пласичук 2004; Галкин 2005 и др.], отмечают, что в Интернете сформировалась новая социокультурная среда, что к настоящему моменту мы уже можем говорить о существовании своеобразного типа сетевой культуры.

Понятие культуры обозначает универсальное отношение человека к миру, через которое человек создает мир и самого себя, и в основе любой культуры лежит система ценностей. Ценности лежат в основе оценки, каких-либо предпочтений, которые делает человек, характеризуя предметы, события, качества. Ценности – «специфически социальные определения объектов окружающего мира, выявляющие их поло-

жительное или отрицательное значение для человека или общества. ... Внешне ценности выступают как свойства предмета или явления, однако они присущи ему не от природы, не просто в силу внутренней структуры объекта самого по себе, а потому что он вовлечен в сферу общественного бытия человека» [Философский словарь 1987: 534]. Не существует ни одного аспекта человеческой жизни, который не был бы связан с процедурой оценивания [Connor 1992: 8]. Мы согласны с В.И.Карасиком, отмечающим, что в этом смысле представляется оправданным разделить ценности на внешние и внутренние, имея в виду то обстоятельство, что между внешними, социально обусловленными, и внутренними, персонально обусловленными ценностями нет четко очерченной границы [Карасик 2002: 167]. Те предметы, события и явления, которые играют в жизни человека большую роль, которые значимы для него, будут обладать определенным набором ценностей.

Виртуальное общение в подавляющем большинстве случаев является общением по собственному выбору, собственной инициативе, а не в силу подчинения тем или иным условиям ситуации общения. Человек, вовлекаясь в процесс виртуального взаимодействия с другими, находит его в той или иной степени, по той или иной причине интересным, полезным, ценным для себя. При проведении пилотажного эксперимента мы опросили около 300 респондентов по поводу того, что привлекает их в виртуальном общении, а так же вообще в использовании Интернета, из-за чего они могут предпочесть его общению в реальной ситуации в том или ином случае, что для них в этом процессе представляет ценность. Разрешалось называть несколько ценностей. В качестве ценностей виртуального взаимодействия были отмечены следующие: неограниченная доступность получения информации и завязывания контактов (возможность общения с большим количеством людей); скорость получения информации и завязывания знакомств; анонимность; отсутствие пространственных границ, размывание расстояний и стирание роли временного фактора; демократичность общения (проявляющаяся в негласно утвержденной форме общения на «ты» и, как следствие этого, в легкости установления контактов и завязывания знакомств без учета возрастных, социальных, расовых, половых и т.п. характеристик коммуникантов); свобода самовыражения (порой граничащая со вседозволенностью).

Тип культуры, формирующийся в рамках виртуального дискурса, в первую очередь, обусловлен особым пониманием природы информации и «влечет изменение традиций властвования, нарушение пропорций коллективного и индивидуального в культуре, определяет характер кризиса в системе этико-эстетических воззрений» [Нургалеева 2002: www]. Именно новое понимание природы информации определяет характер

современных культурных трансформаций, заключающихся в упразднении различного рода отдаления: временного, пространственного, межличностного. Интернет, или всемирная паутина, является новым типом коммуникативного пространства, где доступной для взаимодействия становится любая точка земного шара, исчезают статусные различия. Как отмечает Т.П.Николаева, при становлении нового типа информационного общества, появляется специальное название, «пользователь», для того, кто это общество создает, кто его «населяет». И данный термин «не разделяет людей по профессиональному или иному какому-либо признаку, а указывает на единый, общий и для специалистов, и для неискушенных потребителей способ ведения дел» [Николаева 2001: 38].

Пользователь Интернета, взаимодействующий с другими пользователями, личность, погруженная в мир виртуального общения, вызывает большой интерес у исследователей различных областей знания, поскольку в процессе коммуникации в виртуальной среде происходит трансформация личности. Напр., психологов интересуют проблемы индивидуально-психологических пользователей сети Интернет, причины появления и методы избавления от интернет-зависимости, поведение пользователей сети на основе гендерных и возрастных различий, мотивация пользователей Интернета, для социологов актуальными оказывается исследование сетевых сообществ, аудитория Интернета, проблемы социальных институтов в виртуальном пространстве и т.п.

С точки зрения лингвистов, пользователь сети также представляет большой интерес, поскольку использует графический канал связи, включающий непосредственный контакт между партнерами коммуникации, их визуальную связь. Все виртуальное общение опосредовано текстом, порождаемым одной стороной, и интерпретируемой другой. Вербальная коммуникация носит главенствующий характер в любой области человеческой деятельности, а при виртуальном общении приобретает особый статус, поскольку общение невербальное практически отсутствует. Имеющийся «арсенал» графики, созданный для выражения эмоций, отображения мимики и т.п. очень скуден и не может в полной мере передать всего того объема испытываемых чувств, появляющихся эмоций. К примеру, смайлик :-), отображающий улыбку не может ее конкретизировать, показать, является ли она грустной, кокетливой, просто улыбкой вежливости или идет от души. Жесты же виртуально отобразить невозможно. И большинство эмоций, чувств и действий описывается словами (напр., *глядя честными, наивными и широко распахнутыми глазами*, *игриво хмурясь*, *садясь на пол и громко и безутешно рыдая*, *злобно и ехидно* и т.д.). Фиксация и анализ коммуникативного поведения языковой личности через специфический

выбор лексических средств, грамматических конструкций, владение жанрами виртуального дискурса позволяет лингвистам создать речевой портрет современного пользователя Интернета.

Однако помимо речевого портрета пользователя Интернета интерес представляет и поведение пользователя в соответствии с той ролью, которую он себе выбирает (в силу анонимности общения в виртуальной среде можно остаться самим собой, а можно «примерить маску» кого-то другого, попробовать себя в новой, нетипичной для процесса реального общения роли), и шаблонное восприятие пользователя другими пользователями, согласно их ожиданиям, то есть определенные стереотипы восприятия. И ролевые предписания, и стереотипные представления, и вербальный ряд как важнейший компонент коммуникативного поведения, по мнению В.И.Карасика и О.А.Дмитриевой, входят в понятие лингвокультурного типажа [Карасик, Дмитриева 2005]. «Используя термин «лингвокультурный типаж», мы акцентируем внимание, во-первых, на культурно-диагностической значимости типизируемой личности для понимания соответствующей культуры, и, во-вторых, на изучении этой личности с позиций лингвистики (с учетом обозначения выражения и описания соответствующего концепта, воплощенного в языке)» [Карасик, Дмитриева 2005: 22].

Внутри виртуального дискурса мы считаем правомерным выделять такие лингвокультурные типажи, как «хакер», «чайник», «ламер», «программист» (или «программер»), «администратор» (так же «системный администратор», или «сисадмин»), «модератор», «чаттер», «флудильщик», «спамер», «падонак».

В ряду типажей виртуального дискурса особое место занимает типаж «хакер», который благодаря широкому освещению в современных СМИ вышел за пределы виртуальной коммуникации и стал известен так же людям, имеющим приблизительное представление об Интернете и различных информационных технологиях.

Отношение к хакерам и хакерству у носителей русскоязычной культуры эмоционально маркировано. С одной стороны, хакерство порицается, осуждается, вызывает негодование, как и все противоправные действия, с которыми мы сталкиваемся. СМИ пестрят сообщениями, подобными следующим: «Опасный компьютерный хакер был пойман при попытке атаковать один из известных серверов с целью похищения и последующей продажи секретной информации», «Пятнадцатилетний подросток арестован после неудачной хакерской попытки», «Неизвестный хакер взломал сайт крупной торговой корпорации», и это не может не вызывать негативной оценки. С другой стороны, образ хакера притягателен и вызывает восхищение в молодежной среде. Желание оказаться на месте хакера, стать хакером очень сильно подпитывается радужным образом для

подражания, созданным современной киноиндустрией. Фильмы «Трон», «Матрица», «Хакеры», «Западня», «Меч-рыба», «Повелитель Сети» и др. пользуются огромной популярностью, именно в них хакер представлен в образе некоего супергероя, способного взломать самую «крутую» защиту, угадав пароль со второго раза. Хакеры идеализируются, окутываются ореолом романтики. Хакер – это нереализовавшийся гений, анархичный герой, волк-одиночка, даже если он действует заодно с другими. Соответственно, вся слава, уважение, восхищение в конце фильма достается именно ему.

При моделировании лингвокультурного типажа мы опираемся на тот факт, что он представляет собой вид концепта, а, следовательно, предполагает освещение с понятийной, оценочной и образной сторон. Теоретические основания подобного моделирования приводятся в работах В.И.Карасика [Карасик 2005] и О.А.Дмитриевой [Дмитриева 2005]. Так, В.И.Карасик предлагает моделирование лингвокультурных типажей на основе следующей схемы: 1) описание понятийного содержания рассматриваемого концепта, анализируя важнейшие имена концепта в их системных связях, включая родовидовые и оппозитивные отношения, раскрывая мотивацию признаков, составляющих моделируемый концепт, 2) определение ассоциативных признаков рассматриваемого типажа в индивидуальном языковом сознании, установленных в результате анализа коротких текстов, составленных информантами, контекстуальных фрагментах и ассоциативных реакциях носителей современной русской лингвокультуры, 3) выявление оценочных характеристик данного типажа в самопредставлении и представлении других социальных групп на основании анализа оценочных суждений в виде афоризмов и текстовых суждений [Карасик 2005:27]. О.А.Дмитриева дополняет данную модель необходимостью приведения социокультурной справки, где приводится информация о периоде существования моделируемого типажа, излагаются какие-то исторические факты, а также конкретизирует образную составляющую, отмечая, какие перцептивно-образные представления должны ее наполнять. Среди значимых представлений данным ученым выделяются такие, как указание типичной внешности, одежды, каких-либо атрибутов, среды обитания, описание речевых особенностей, манеры поведения, речи, ритуальных действий, сферы деятельности, досуга, круга общения, материального положения, этикета, происхождения, возраста [Дмитриева 2005: 75].

Для того чтобы определить понятийный компонент лингвокультурного типажа «хакер», мы обратились к словарным дефинициям. Слово «хакер» было заимствовано русским языком из английского (англ. hacker) сначала компьютерной терминологией, а затем уже вошло в пласт общеупотребительной лексики. Следует отметить, что во время

вхождения данного слова в русский язык большинство людей, работавших с компьютерами, имели специальное образование, связанное с микропроцессорной технологией, программным обеспечением, сетями и т.п., они пользовались англоязычной терминологией, однако не владели произносительными нормами английского языка. Слова представляли перед ними на экране монитора, имея только графическую форму, поэтому читались без применения каких-либо фонетических правил, произносились наподобие русских слов, как если бы они были написаны транслитом, вследствие чего необходимый для правильного английского произношения звук [э] заменился на [а]. Таким образом, для наиболее адекватного отражения понятийной стороны лингвокультурного типажа «хакер» необходимо обратиться к англоязычным толковым словарям, поскольку в русскоязычных словарях «хакер» либо фиксируется в одном из имеющихся у него значений, либо не отображается вообще.

На наш взгляд, наиболее полное отражение понятийная составляющая рассматриваемого концепта находит в сетевом словаре хакерского сленга «Файл жаргона» («The Jargon File, version 4.4.7»). Согласно данному словарю [JF4.4.7], у слова «хакер» существуют следующие значения: 1) человек, который получает большое удовольствие от исследования частностей программируемых систем и изучения процесса повышения их возможностей, в противоположность большинству пользователей, которые предпочитают ограничиваться изучением необходимого минимума. RFC1392, словарь интернет-пользователей, усиливает данное значение следующим образом: «Человек, наслаждающийся доскональным пониманием внутренних действий систем, компьютеров и компьютерных сетей в особенности»; 2) тот, кто программирует с энтузиазмом (даже одержимо), кто получает больше удовольствия непосредственно от программирования, чем от теоретизирования по его поводу; 3) человек, способный должным образом относиться к хакерским ценностям; 4) человек, преуспевающий в быстром программировании; 5) эксперт по отношению к определенной программе или тот, кто часто работает с ней, как напр., «хакер Юникс»; 6) эксперт или энтузиаст любого дела. Кто-то может быть и хакером астрономии, напр.; 7) тот, кто получает удовольствие от интеллектуальных испытаний, состоящих в творческом преодолении или обходе ограничений; 8) (осуждающе – *стил.*) злоумышленник, который посредством поиска старается обнаружить и получить слабо защищенную информацию. Отсюда «хакер, взламывающий пароли», «сетевой хакер». Более правильный термин для этого значения – «крэкер» («взломщик»).

Приведенные дефиниции дают возможность выделить следующие

признаки в значении слова «хакер»: 1) человек, 2) образованный, 3) очень хорошо разбирающийся в компьютерах, сетях и т.п. и преуспевающий в программировании, эксперт, 4) получающий от своей работы большое удовольствие, 5) энтузиаст (порой даже одержимый), 6) злоумышленник, обладающий глубокими знаниями в области программирования и использующий их для доступа к слабо защищенной информации. Ключевыми признаками здесь будут являться «эксперт» и «энтузиаст своего дела». Таким образом, хакер – это специалист высокого класса, как в области теории, так и практики, стремящийся к постоянному совершенствованию своих знаний и умений, это творец, увлеченный интеллеktуал, решающий трудные творческие задачи из области программирования, это определенный образ мысли и даже жизни. Однако если человек обладает очень серьезными и глубокими знаниями в операционных системах и умениями в программировании, то это еще не свидетельствует о том, что данные знания и умения будут направлены в созидательное русло, использованы во благо других, вследствие чего появляется такой тип хакера как взломщик, являющийся преступником, «информационным убийцей и террористом».

Как мы уже отмечали, появлению вне сети и вхождению в повседневный обиход, «хакер» обязан СМИ, которые акцентировали внимание на последнем из рассмотренных нами значений слова «хакер», а так же литература и фильмы о виртуальной реальности, компьютерных сетях и технологиях и т.д. Это привело к тому, что обычным среднестатистическим носителем русского языка «хакер» воспринимается именно в последнем значении, как злоумышленник, пытающийся незаконно завладеть ценной защищенной информацией в своих корыстных целях. Данный фактор оказал большое влияние на образную и оценочную составляющие исследуемого концепта.

Опрос респондентов и анализ текстов, так или иначе описывающих, раскрывающих суть хакера, показали, что в основе представления лингвокультурного типажа хакера лежат следующие образные характеристики:

1. Пол: мужской. Хакер – это человек, хорошо разбирающийся в компьютерных технологиях, программировании, сетях, что никак не может, по мнению респондентов, быть характеристикой женщины. Несмотря на тот факт, что в настоящее время немало девушек обучаются в вузах на специальностях, связанных с программированием, хакер ассоциируется только с мужчиной, что очень наглядно отражено в следующем анекдоте: – *Что общего между морской свинкой и женщиной программистом?* – *То, что морская свинка – она и не свинка, и не морская.*

2. Возраст: достаточно молодой, 20-25 лет, что входит в определенное противоречие с описываемым уровнем образования, опыта и

умений, для приобретения которых нужно гораздо больше времени, чем то, которым располагал молодой человек указанного возраста.

3. Внешность: худой, бледный, неряшливого вида, либо давно небритый, либо с небольшой щетиной, с давно немывтым, часто длинным и засаленным волосом, порой лохматый или с косичкой. Носит очки, лицо усталое, но с чуть нагловатой улыбкой, бегающие, с лихорадочным блеском красные воспаленные глаза (в поисках мышки и клавиатуры). Одет в растянутый свитер, широкие штаны или затертые до дыр джинсы, которые давно не были в стирке. В качестве обуви предпочитает тяжелые шнурованные ботинки. Карманы всегда оттопырены, поскольку в них находятся дискеты, компакт-диски, различный хлам, как напр., пачка использованных телефонных карточек для оплаты за Интернет, и даже может вмещаться бутылка или баночка пива. Часто носит рюкзак, поскольку ноутбук или несколько бутылок пива в карман не помещаются. Если выходит в магазин (купить пива, чипсов, пиццу и т.п.), то в ушах обязательно можно видеть наушники от mp3-плеера. У хакера могут трястись руки из-за того, что находятся в постоянном напряжении при работе на клавиатуре и с мышкой.

4. Интеллектуальные и духовные характеристики: умный, много знающий, хорошо разбирающийся в области точных наук, способный к математике, однако духовно беден, совершенно не читает художественную литературу.

5. Привычки: курит, причем много, не может жить без пива, употребляет так же более крепкие напитки. В еде непривередлив, питается полуфабрикатами, чаще всего пиццей, чипсами, сухариками, сырными шариками, бутербродами, может отварить себе пельмени, то есть питается всем тем, что подходит к пиву. Так же у него в доме часто можно найти банку соленых огурцов (вероятно, в том случае, если он употребляет спиртные напитки, более крепкие, чем пиво), так же хакер ест печенье, пьет кофе, причем крепкий, предпочитая его чаю. Слушает хард-рок, громко, на всю комнату. О событиях в мире знает из Интернета.

6. Окружение и стиль жизни: все свое время проводит за компьютером, и не просто за компьютером, а в Интернете, в особенности любит путешествовать в Интернете по ночам, постоянно взламывает сайты или даже банки. По ответам респондентов, хакер обязательно не женат, одинок, ведет замкнутый образ жизни, женщины его не интересуют, однако порой не против посетить порносайты. Однако можно встретить достаточное количество анекдотов, в которых фигурируют либо жена, либо девушка хакера, либо даже внуки (*Сидит хакер со своей девушкой в комнате. Хакер делает что-то за компом, а девушка сидит в кресле и пытается привлечь его внимание: «А у нас вчера под окнами НЛО завис...».* Хакер (сердито, не отрываясь от компа): *«Надо было UNIX ста-*

вить, под "окнами" все виснет...»). Это позволяет сделать вывод о том, что анекдоты о компьютерном мире, сочиняемые теми, кто хорошо знаком с ним, отражают не только образ хакера как взломщика, но так же и как человека, очень увлеченного своим занятием, вследствие чего и не замечающего окружающей действительности. С этой стороны «хакер» сближается с «программистом». Хакер так же любит решать задачи с алгоритмами, в его квартире все перевернуто вверх дном, если и встречается с кем, то с такими же хакерами, как и он сам, и обязательно для пьянки (часть анекдотов про хакеров начинается словами «Просыпается хакер после пьянки...»). Телевизор не смотрит, животных не держит. Максимум, что может находиться в его квартире, так это аквариум с застоявшейся позеленевшей водой, в котором когда-то были рыбки, но потом умерли от недостаточного ухода. Вместо аквариума может быть пустая клетка от попугая, так же давно мертвого, или коробка, где когда-то жили хомячок или морская свинка, и отсутствуют в настоящий момент в квартире по той же причине, что рыбки или попугайчик. В доме скапливаются груды ненужного хлама в виде всевозможных коробок из-под оргтехники, сломанных старых дискет, телефонных проводов и т.п.

7. Речь: изобилует различными терминами. При общении с неравным себе (а таким можно считать любого пользователя, который разбирается в компьютерах и сетях хуже хакера) присутствует определенная тональность, это либо ирония, либо сарказм.

Интересен тот факт, что настоящего хакера мало кто видел, не говоря уже о том, что общался с ним, поскольку он не афиширует себя, не хвастается своими умениями. Образная сторона лингвокультурные типажей, выделяемых в рамках виртуального дискурса, складывается на основе утрированных характеристик, приписываемых им, поскольку пользователь сети опирается не на конкретные знания, а на субъективный образ, который создает на основе своих догадок, ассоциации с прочитанным и услышанным, и, «рисую» данный образ, дает волю своим воображению и фантазии, вследствие чего здесь не может быть «золотой середины».

Для выявления ценностной составляющей лингвокультурного типажа «хакер» мы проанализировали высказывания с оценочным контекстом, которые так или иначе затрагивают хакеров. Поскольку лингвокультурные типажи не являются концептами традиционной русской народной культуры, они не зафиксированы в пословицах и поговорках. Рассматривая афористику на данную тему, мы не встретили ни одного серьезного изречения на тему хакера или хакерства, тогда как в шуточных изречениях образ хакера был представлен довольно широко. Материалом для выявления ценностной составляющей рассматриваемо-

го типажа так же служат анекдоты и различные прецедентные тексты, переделанные в русле компьютерной тематики. В исследовании мы учитываем так же комментарии на форумах, затрагивающие данную тематику и содержащие высказывания с мотивирующим оценочным контекстом.

Следует отметить, что, несмотря на то, что большей частью негативный, отталкивающий образ хакера, тем не менее, он вызывает больше положительных оценок, чем отрицательных. Это может свидетельствовать, с одной стороны, о том, что высокий интеллект, глубокие знания, умения хакера, стремление во что бы то ни стало достичь поставленной цели и ее достижение настолько важны, настолько ценны, что на их фоне остальные характеристики становятся не столь релевантными. С другой стороны, лингвокультурный типаж «хакер» – это типаж, большей частью, виртуальной культуры, в которой ряд параметров, актуальных для культуры реальной, нивелируется, теряет свою ценность и значимость.

В оценочных высказываниях о хакерах подчеркивается, прежде всего, фанатичная увлеченность своим делом, из-за которой хакер не замечает окружающей его действительности, перенося реалии виртуальности в окружающие его мир, напр.: 1) *Хакер смотрит по телевизору баскетбол. Тренер сборной России берет тайм-аут. На экране надпись: «Timeout Russia». Хакер (ворча): – Ну вот, опять у наших коннект нукудышний...;* 2) *Хакер подходит к телефону: Звонящий: Алло! Хакер: Проверка пользователя и пароля. Звонящий: Алло! Что такое?! Что случилось? Хакер: Для справки нажмите F1. Звонящий: Какое F1!!! У меня дисковый телефон! Хакер: Тогда вставьте Диск N2 и нажмите Enter. Звонящий: Какой диск! Какое F1! Васю можно?! Хакер: Указанный Вами пользователь не найден, повторите попытку позже. 3) Телефонный звонок. Хакер снимает трубку: – Connect 19200.*

Положительную оценку получают знания хакера, его способности, умения. Напр., в следующем отрывке из стихотворения Ю.Нестерова: *Маленький юзер был очень умен, / В porton'е файлы копировал он. / Дети! Давайте у хакера спросим: / «Правда, что сору – это F8?»* Хакер выступает в роли своеобразной высшей инстанции, которая может разрешить создавшуюся проблему, потому что хакер наверняка знает, что команда «F8» используется не для копирования, а для удаления файлов.

В анекдотах, описывающих ситуации, в которых благодаря своим действиям хакер получает большую выгоду для себя или для кого-то еще, присутствует доля восхищения умениями хакера: *На днях суд города Сан-Франциско приговорил хакера Гойко Митича к десяти годам лишения свободы. Сейчас он уже отбывает наказание в колонии «Прииск Счастливый» штата Аляска. По данным центрального компьютера полиции, завтра, в 12:00, полностью отбыв срок наказания, он выходит на свободу.*

Положительным считается так же и тот момент, что хакер не оста-

навливается на достигнутом, что стремится к большему, саморазвивается, что сможет выполнить такие задачи, которые обычному программисту не под силу (*Серьезная организация возьмет на высокооплачиваемую должность опытного хакера. Резюме просим размещать на главной странице сайта www.microsoft.com. или Благодаря американской компьютеризированной системе выборов президента, тысячи российских хакеров смогли принять участие в голосовании... или Как-то русские хакеры покопались в программном обеспечении ракеты "ТОМОГАВК" – теперь она называется «БУМЕРАНГ» или Встречаются два хакера. Ну там, за жизнь и всё такое... Один как-то мимоходом спрашивает: – А у тебя кто провайдер? – ФСБ... – КАК ФСБ!?!? :[o] – Да типа они у нас в конторе жучков понаставили, так я через них...).* Особенно наглядно данная оценка представлена в анекдотах, описывающих совершаемые хакером действия из области фантастики, то, чего на самом деле быть не может: *Ползет по улице в дымину пьяный хакер. Еле руки и ноги передвигает. А навстречу ему другой, трезвый: – Слушай, Вася, ты чего? Ведь ты же неделю назад закодировался? – Ага! – Ик! – А я – Ик! – в-вечера к-к-код подобрал... или Идет по дороге хакер и волочет за собой BFG-9000. На повороте подбегают к нему пара киллеров: – Слышь, мужик, ты иде такую штуку взял ??? – Хакер (вяло, с оттенком безразличия): – Да из DOOMа дебаггером вытащил.... Во втором анекдоте описывается нереальная ситуация, когда хакер материализует очень мощное оружие из компьютерной игры, равного по силе которому нет, тем самым подчеркивается восприятие хакера как человека, который может практически все. Некоторые анекдоты в качестве оценки хакеров содержат и элемент восхищения: *Юзеры с компьютером на «Вы», программисты – на «Ты», а хакеры – на «Ты, козел...» или Чем хакер отличается от юзера? Хакер подбирает пароль с третьего раза, а юзер набирает с пятого или Молодой спец спрашивает у хакера: – А почему у меня Internet не работает? – А у тебя Tu-Cu-Plu-Aй-Plu (TCP-IP) стоит? – Конечно стоит! Но как ты его назвал!**

Хотя знания и умения хакера оцениваются положительно, и он воспринимается порой как компьютерный гений, тем не менее, приписываемый ему образ жизни, привычки воспринимаются порой с иронией, порой – с сочувствием: *По сведениям из достоверных источников, знаменитый московский хакер Василий Пупкин готовится таки вскрыть сервер Пентагона. Он уже раздобыл похожий корпус и теперь тренируется в скоростном отвинчивании крепежа крышки или Договорились встретиться ламер, юзер и хакер. Ламер и хакер пришли вовремя, а юзер опаздывает. Наконец приходит и говорит: – Книгу по TCP/IP купил, зачитался... Ламер: – А что такое «тисипи – айпи»? Хакер: – А что такое «книга»? или Если тебя друзья величают хакером, знай, ламер ты, ибо настоящего хакера не видно, не слышно и нет у него никаких друзей кроме компьютера или Чем пользователь отличается от хакера? Если попросить их перезагрузить компьютер, пользуясь только мышкой, то пользователь жмёт на «Завершение работы» в Windows. А что делает хакер? Он поднимет мышку со стола и нажмёт ею*

на Reset.

Так же считается, что хакер высокомерно относится ко всем тем, кто разбирается в компьютерах хуже него, и это наглядно видно, напр., из таких анекдотов, как следующий: *К хакеру подходит ламер, протягивает исходник своей неработающей программы и спрашивает: – Где у меня ошибка? – В ДНК!!!*

При опросе респондентов о том, как они относятся к хакеру, мы выявили, что хакеров уважают (за знания, стремления всегда добиваться цели, за свободу самовыражения, заключающуюся в вызове, бросаемом своими действиями другим членам общества), ими даже могут восхищаться, стремиться походить на них в некоторых аспектах. В то же время над хакерами смеются, они могут вызывать жалость тем, что не видят ничего, кроме своего мира, мира компьютеров, сетей и технологий. Хакер, оторванный от своего мира, представляется беспомощным и даже жалким, ему сочувствуют из-за неустроенности жизни, быта и т.п. Ответов, содержащих негативную оценку, дано не было. При описании хакеров респонденты чаще всего употребляли следующие прилагательные с оценочной функцией: «хитрый», «матерый», «крутой», «продвинутый», «умный», «умелый», «продуманный», «смелый», «изворотливый», «гениальный», «настойчивый».

Итак, лингвокультурный типаж «хакер» представляет собой узнаваемый образ человека, основными характеристиками которого являются образованность, глубокие знания, высокая квалификация в области программирования, неиссякаемый энтузиазм, высокая степень увлеченности своим делом, использование своих знаний и умений во зло другим. Последняя характеристика в сознании носителя русского языка является доминирующей и определяет образную составляющую данного лингвокультурного типажа. Однако, несмотря на сложившийся образ, не вызывающий, на первый взгляд, очевидных симпатий, «хакер» не вызывает негативного отношения, большинство оценок данного лингвокультурного типажа маркированы положительно. Такое несоответствие, вероятно, можно попытаться объяснить либо тем фактом, что, несмотря на то, что «хакер» является устоявшимся образом сложившейся сетевой культуры, пользователи обладают информацией об определенном диссонансе между сложившимся образом и действительным хакером, который под этот образ не попадет, либо тем, что правовые нормы в виртуальной среде еще четко не определены, несмотря на предпринимаемые действия, новая, виртуальная, среда воспринимается как свободное пространство, свободное от каких-либо норм, вследствие чего оценки, применяемые в реальной жизни, в рамках этой новой среды оказываются нерелевантными.

На наш взгляд, интересным представляется анализ оценочных характеристик, даваемых хакеру людьми, не пользующимися Интерне-

том. Вероятно, что среди них можно будет найти и негативные высказывания, поскольку образ хакера, сформированный сегодня различными СМИ, затрагивает в основном только одну из составляющих понятийного компонента этого лингвокультурного типажа. Данную проблему можно рассматривать в качестве ближайшей перспективы исследования по лингвокультурному типуaju «хакер».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Галкин Д.В. Бинарный язык и виртуальный дискурс: к философии цифровой культуры // Гуманитарная информатика. Открытый междисциплинарный электронный журнал. – 2005. – Вып.

[Электронный ресурс] // <http://huminf.tsu.ru/e-jurnal/magazine/2/galkin.htm>

Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж «французский буржуа» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: Сб. науч. тр. / под ред. В.И.Карасика. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 74-88.

Землянова Л.М. Сетевое общество, информационализм и виртуальная культура // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 1999. № 2. – С. 58-69.

Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество // Мир России. – 2000. - №1 [Электронный ресурс] // <http://nethistory.ru/biblio/1043175738.html>

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

Карасик В.И. Лингвокультурный типаж «русский интеллигент» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: Сб. науч. тр. / под ред. В.И.Карасика. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 25 – 61.

Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: Сб. науч. тр. / под ред. В.И.Карасика. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 5 – 25.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. - М.: Наука, 1987. - 262 с.

Нерознак, В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В.П. Нерознак // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр. Моск. линг. ун-та. Вып. 426. – М.: Изд-во Моск. линг. ун-та, 1996. – С.112-116.

Николаева Т.П. Инновационный характер экономической структуры в постиндустриальном обществе //Инновации. – 2001. – № 9-10. – С. 38.

Нургалева Л.В. Этика и эстетика сетевой культуры: рабочая программа курса. – Томск: Томский государственный университет, 2002. [Электронный ресурс] // <http://www.ido.tsu.ru/ss/?unit=90&page=contents>

Нургалева Л.В. Дихотомия статусной и внестатусной культуры в условиях развития сетевого общества // Гуманитарная информатика. Открытый междисциплинарный электронный журнал. – 2004. – Вып. 1. [Электронный ресурс] // <http://huminf.tsu.ru/e-jurnal/magazine/1/nurgalieva.htm>

Пласичук В.П. Информационно-сетевая культура пользователей: проблемы и решения // Право и Интернет: теория и практика. Четвертая конференция. 25.11.2004–26.11.2004. Park Media Consulting [Электронный ресурс] // http://www.parkmedia.ru/conf.asp?ob_no=362

Сиротинина, О.Б. Речь отдельных журналистов в газете «Известия» / О.Б. Сиротинина // Проблемы речевой коммуникации. Вып.2. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – С.51-57.

Философский словарь / Под ред. И.Т.Фролова. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1987.
Ярмахова Е.А. Лингвокультурный типаж «английский чужаки»: Автореф. дис. ...канд.
филол. наук. – Волгоград: ВГПУ, 2005. – 11 с.

Connor S. Theory and Cultural Value. – Oxford: Basil Blackwell, 1992. – 276 p.

JF – The Jargon File, version 4.4.7 [Electronic resource] – 29.12.2003. // <http://www.catb.org/~esr/jargon/> © Лутовинова О.В., 2006

Мargarита Надель-Червиньска
Катовице, Польша

СЕМАНТИКА ГОРЫ В ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ЕВРОПЕЙСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Abstract

The Mountain is considered to be one of the most significant and substantial fragments (conceptospheres) of the primitive picture of the world. The author analyses this mythopoetic complex by comparing concepts of The Mountain in different cultures, in a number of linguo-cultural contexts of ethnic environment.

Каждый фольклорный фонд во всех своих проявлениях, будучи национальным культурным и языковым явлением, представляется огромным по своему объему и значимости лингвокультурологическим материалом, возможности и методы исследования которого поистине неисчерпаемы. С одной стороны, фольклор всегда был хранилищем архаического свода народных знаний (мифологических, практических, ритуальных, магических), с другой – именно посредством фольклора знания эти закреплялись и передавались изустно из поколения в поколение, на уровне вербальном и на уровне невербальном.

Частично утраченное, полузабытое и приблизительно, а иногда и ложно, понимаемое сегодня нами национально-культурное наследие того или иного народа и создает порой трудноразрешимые загадки как для лингвистов, так и для культурологов. И хотя для данного этапа развития языков и культур фольклорное наследие кажется подчас не столь актуальным, вне этого проявления народной лингвокультурной общности описание современной «культуросферы», а также «концептосфер» (термины Д. Лихачева) как одного национального социума, так и, в сопоставлении, разных, оказалось бы неполным и, возможно, в части своей даже недостоверным.

В совокупности фольклорных текстов каждой национальной культуры воссоздается в значимых деталях и частностях традиционная картина мира, которая характерна именно для данной ментальности – менталитета носителя этой культурно-языковой традиции. В сопоставлении же фрагментов восприятия объективной картины мира носителями разных фольклорных традиций и выявляется те общие черты и те различия, что характерны для нашего понимания «национального»,

самобытного и оригинального.

Для архаического мышления и поведения любого европейского этноса основой является, если обратиться к теории аналогового мышления и когнитивному методу образной рациональности Лакоффа – Джонсона (1980), прежде всего *метафора*. Архаике человеческого сознания свойственен образно-рациональный метод освоения окружающего мира, а потому именно *метафора* (Однако термин *метафора* – в контексте анализируемого в наших работах традиционного (фольклорного) материала – в целом не созвучен нашей концепции *метаязыковой системы языка фольклора*. Системы, имеющей не только собственные, мифологические в основе своей, *статику* и *динамику*, но также поддающуюся многоуровневому декодированию. Терминология Лакоффа – Джонсона, Лихачева и т.п. использованы в данной статье, чтобы показать, насколько и каким образом описываемый нами материал вписывается в круг современных исследований по когнитивной лингвистике. Так, напр., *традиционный смысл* и *метазнак языка фольклора* мы могли бы соотнести как *сферу-источник* и *сферу-мишень*) (в контексте традиционного мироощущения назовем ее, однако, *метазнаком семантического языка фольклора* – *Семантический язык фольклора* был введен как термин и описан как объект лингвистического исследования П. Червинским, в его монографии под тем же названием (Ростов-на-Дону, 1989) связывает в народной речи такие сущностно различные понятия, как, напр., *смерть* = *лиса* = *мышь* = *сова* или *мужская креативность* = *мужское семя* = *зерно* = *монеты* = *деньги* = *богатство*. Тем самым, в языке традиции, имеющим в своей основе древние представления о *мире-мифе* и мифологической *модели мира*, сливаются воедино и эмоциональные переживания этнического коллектива, и относительно беспристрастное отражение окружающей человека действительности (также преломленное через *мифологическое* – своеобразное «увеличительное стекло» гиперболизации микрокосма-социума).

Для архаики коллективного сознания, восходящего на метаязыковом уровне к архетипическому коллективному бессознательному, тем не менее, не свойственна индивидуальная метафоризация объектов живой и неживой природы, атрибутивного контекста быта, хозяйственной деятельности, отношений в социуме. Не индивидуальное, а именно коллективное воображение связывает в народной речи и национальном сознании самым неожиданным образом, казалось бы, несовместимые и несоотносимые концепты.

Однако связываются эти концепты на основании общего коллективного опыта, до определенной степени и объективного, и универсального. Поэтому любой национальный *язык фольклора*, или *язык традиции*, составляет определенный набор смысловых универсов (в нашем понимании – *традиционных смыслов* этого языка). Каждый из них может реализоваться – на уровне речи – в целом ряде *метазнаков*, или единиц того же традиционного языка, всегда сохраняя при этом глубинную

семантику (мифологическое, архетипическое). Сакральное представление о модели мира, тем самым, кодируется на уровне метазнаков традиции. Сохраняя внутренний семантический комплекс, они всегда содержат поэтому в себе информацию неоднозначную, разноуровневую и возможно реализуемую в разных *семантических кодах языка традиции*. Оттого внешне простой по форме традиционный текст всегда оказывается очень сложным для описания и декодирования (О возможности которого мировая лингвистика узнала благодаря работам Вл. Проппа (1928, 1946 и др.)).

Поскольку *гора* является одним из наиболее значимых, ярких и содержательных, фрагментов (или концептосфер) примитивной картины мира, то анализ данного мифосемантического комплекса, на наш взгляд, весьма интересен. Не менее важен при этом сопоставительный аспект представлений о *горе* в разных национальных традициях, т.е. лингвокультурный контекст ближайшего этнического окружения.

Семантическое пространство гор в польской народной сказке. Для семантического контекста польской народной сказки, как и для сказок иных славянских традиций, особенно актуально *пространство гор* как некая значимая для метаязыковой системы основного мифа мифоязыковая категория. *Пространство гор*, как и сама мифологема *гора*, связано в текстах сказок и в народных представлениях также с *пространством леса*. Оба этих пространства враждебны для человека, а потому окружены магией тайны. С ними связаны, в частности, разные страхи, легенды и суеверия, которые живы в народной памяти и сегодня. В связи с этим мы предполагаем рассмотреть прежде всего сюжеты о *горах*, характерные для традиции силезского фольклора [*W skarbnikowym królestwie*, 1990]. Среди них о *Sobotniej Górze* (*Sobotnia Góra*, *Sobotka* – masyw górski niedaleko Świdnicy na Dolnym Śląsku. We wczesnym średniowieczu to była góra zamieszkania Ślążan, polskiego plemienia), в литературной обработке Р. Зморского, шахтерские легенды о *скарбнице* и *проделках дьявола*, в обработке Я. Барановича и Г. Морчинка, а также другие сюжеты, бытующие на горных приисках, в обработке К. Добкевичовой и иных писателей.

Во всех этих сказках и легендах *гора* и *горы*, к которым относятся и *высокие места* (равнинные возвышенности), представляют собой локализацию пространственную. Такими значимыми локусами в силезских сказках и легендах, напр., становятся: 1) **место, где находятся горы** (юг Польши; *Силезия*; *Татры* – как пограничье с Чехией и Словакией; силезский бассейн, где добываются полезные ископаемые – начиная с железной руды и кончая золотом, серебром, хрусталем, драгоценными камнями); 2) **место, вокруг гор** (зеленые долины, обрабатываемые поля, места, где пасется крестьянский скот, а также дороги и тропинки, ведущие в горы); 3) **место в самих горах** – как *части*

гор (напр., *горный хребет, вершина горы, ущелье, пещера, скалы, камень*, а также *лес, дерево, река, озеро, родник*, иногда *болото*), либо как подземная внутренность гор (*шахты, каменоломни, прииски ценных ископаемых и ущелье, пещера, горная расселина*).

В этом отношении фольклор Силезии перекликается с мифологическими рассказами, известными некогда на рудниках российского Урала и сохранившиеся в записи и обработке П. Бажова (1943). В определенной мере близки они также текстам сказок и легенд, записанных в тех регионах Франции, Англии и Германии, где во множестве располагались шахты.

Однако эти категориальные параметры *мифического пространства*, характерные для легенд и сказок польской Силезии, являются для фольклорных текстов и народных представлений универсальными, поскольку проявляют себя значимыми во всех национальных культурах Европы, а не только в славянских.

Поэтому подчеркнем здесь тот факт, что описание гор в силезском фольклоре вполне традиционно для европейской народной культуры в целом. А потому и как реальное, так и мифическое *пространство гор* описывается в рассматриваемых нами сказочных текстах юга Польши известным и весьма определенным набором значимых признаков, о которых и пойдет у нас дальше речь.

Одними из них являются, к примеру, *снаряжение (человека) для пути в горы, дорога к горе, подъем на гору, достижение вершины, а затем спуск с горы и возвращение домой* (как *возвращение с горы или с гор*): «A jest na owej górze pokus i strachów niemało, tak że nikt jeszcze, jak ona stoi, do wierzchu dojść nie potrafił. Chcieli z was który szczęścia poprobować – niechajże pójdzie przynieść stamtąd wody, a matka wasza żywa znów będzie. Droga do góry za południem słońca». [Baśnie... 1990: 59]

Приблизительно таким же образом, поэтапно, описывает в легенде и сказке процесс *погружения в недра горы – спуск под землю (через дыру либо через вход в глубокую пещеру)*, а также *вход или проникновение в гору, спускание в шахту, спуск или падение в глубокое ущелье*. Значим также единственно возможный *путь возвращения оттуда* – в мир людей, в мир живых, как бы *возвращение с того света*, из страшного, всегда опасного для человека мира мертвых.

Именно потому в горы и особенно на таинственную магическую гору, которой народным воображением приписываются магические чары, надумает отправиться только тот, кто «...który chciał narazić własnego żywota...», и потому «...w tej podróży trzeba nie lada odwagi...» [Baśnie... 1990: 59]

Поскольку ограниченный объем статьи не позволяет подробно проанализировать все силезские тексты, связанные с народной мифологической семантикой *гор* и *горы* и входящие в сборник сказок, на который мы ссылаемся, то далее мы будем приводить только наибо-

лее характерные для нашего фольклора фрагменты сюжетов, отраженные в литературно обработанных текстах. Хотелось бы при этом подчеркнуть также, что наиболее характерное для силезского сказочного фольклора подразумевает и наиболее типичное – как для данной культурной традиции предгорья Татр, так и для традиции европейских фольклоров в целом.

Но перед тем, как мы сами отправимся в это страшное и полное неожиданного путешествие в *горы Силезии*, т.е. перед тем, как мы непосредственно приступим к нашей теме, нам следует оговориться еще по одному немаловажному поводу, а именно – по поводу того, что записи польских фольклорных сказочных сюжетов, как правило, значительно отличаются от своих аналогов в других славянских культурах. И это при анализе данных культуроведческой и языковедческой проблем нам так или иначе придется учитывать, что анализируемые нами тексты приглажены и отшлифованы умелой писательской рукой.

Все дело в том, что исторически в Польше сложилась такая же ситуация, что и в других европейских национальных культурах, где сильное влияние традиции католицизма в течение определенного времени последовательно и целенаправленно, шаг за шагом, вытесняла фольклорную традицию – как языческую, варварскую, нехристианскую. И стиравшиеся следы древнего славянского язычества стирали вместе с собой прелесть наивного языка польской народной сказки. Сюжет оставался, но его надо было заново «одеть», уже на сей раз в пышные одежды литературной изысканности – кое-где искусственно приукрасив, в чем-то по своему современному вкусу подправив, от каких-то деталей отказавшись, взамен их что-либо приписав. И текст сказки становился немного иным, менее сложным для современного восприятия...

Так, напр., в сказке о *субботней горе* три сына собираются у постели смертельно больного. Однако не у постели отца, как водится в подобных случаях во всех европейских сказках, а у постели матери. Да и профессии сыновей выглядят с точки зрения традиционных текстов сказки несколько странно: первый стал *органистом* в костеле, второй – *рыцарем* во имя войн и битв, а третий, младший, *по старинке остался крестьянином* (хлопом). Тем самым в канву традиционной сказки как бы привносятся детали этиологической легенды (что-то вроде легенды о Лехе, Чехе и Русе). В сходных французских и немецких сказках про трех братьев те всегда остаются на своем социально определенном месте: один становится *ремесленником*, другой – *солдатом*, третий – *пахарем*.

Впрочем, следы язычества в польских сказках уничтожаются костелом отнюдь не случайно. Это хорошо видно уже на примере народных

мифологических представлений о *горах* и *горе*. Ведь в языческой культуре *гора*, как и любое возвышенное на равнине место, было местом культового почитания божественных начал – как *солярного* (Солнце, а с ним Луна, Звезды, Небо), так и *хтонического* (духи земли, силы смерти, всепожирающей деструкции) – то, с точки зрения христианства, это уже было местом *нечистым*, местом не угодных костелу языческих *жертвоприношений*, магических действий, контакта с *темными силами*. Напр., «по польским, чешским и словацким поверьям в дни св. Яна или св. Люции чаровницы летали на *Лысую гору* верхом на метле, лопате, кочерге, в ступе, на плуге, палке, лошадином черепе, на животных – свинье, козле, собаке, летучей мыши» [СД1: 300-301]. В Польше считается, что *ведьму* (czarownica, ciota – Обратим внимание на то, что эта лексема называет в современном польском просторечии *гомосексуалиста*) *выдает ее необычный взгляд* – ее *воспаленные, покрасневшие глаза*, а также *глаза бегающие* (не смотрит людям в лицо) и вообще *дикий взгляд* (очевидно безумный). По польским поверьям ведьмы собирались на шабаш на *Бабьей горе* [Wyrobek 1913: 189-191].

С дьявольским космогоническим началом связано в польской мифологии также возникновение *Козловой горы*, некогда поднявшейся из воды в самом начале мира [СД1: 520]. *Козел* при этом традиционно воспринимался европейцами как животное *нечистое*, нередко именно в его образе является грешнику сам *Люцифер*, а затем проваливался с ним в ад [СД2: 522-524].

Последовательное вытеснение следов славянского язычества знаковой системой христианской ментальности, в результате, и привело к тому, что в нашей польской культуре подход к собиранию и отношение к сохранности изначального содержания, а также к записи народной, зачастую упрощенной, формы подобных текстов оказался, в конечном итоге, отличным, чем, к примеру, у наших ближних и дальних соседей-славян. Так, у чехов, словаков, белорусов, украинцев, русских, болгар, народов с не столь сильной католической традицией, как в Польше, либо не католических, а православных, языческая традиция христианской настолько последовательно не вытеснялась. Поэтому только определенный процент текстов народной сказки хранит на себе черты влияния принятия славянами христианства.

Польский метод подхода к материалам дохристианской сказки оказался тем самым также отличным и от подхода к собиранию фольклорных текстов в таких странах, как Германия, Англия, Греция, имеющих за собой века развития не католической ментальности. Вместе с тем в иных странах Европы, где католицизм был принят как официальная государственная религия – в Испании, Италии, Португалии и, до сравнительно недавнего времени, во Франции, – так же, как и у нас в

Польше народная сказка была предметом не столько научного собирания и дословной этнографической записи, сколько объектом куртуазного, а затем чисто литературного интереса (Примером могут служить польские легенды, сказки в обработке и интерпретациях А. Мицкевича, А. Фредро, М. Конопницкой, И. Красицкого, а также художественная интерпретация фольклорных мотивов в произведениях С. Выспянского, Й. И. Крашевского, Й. Словацкого, Э. Ожешко и др. классиков польской литературы).

Это наложило отпечаток на основную часть публикаций польских сказочных сюжетов: они, как правило, литературно обработаны, стилистически упрощены для детского понимания, а потому, в определенном смысле, несколько утратили первозданный аромат фольклорности. Взамен же приобрели литературную прелесть формы, поскольку записью и обработкой сказочных сюжетов занимались многие известные писатели, начиная с Мицкевича, Конопницкой, Крашевского, Тувима, Бжехвы и др.

Особенно издательство народных сказок и легенд, уже для детей, расцвело в Польше, как известно, в период социалистический. И это естественно объяснимо стремлением писательской элиты к творчеству в тяжелых условиях идеологической цензуры.

Все выше сказанное заставляет нас при семантическом анализе текстов польской сказки, в которых так или иначе отражена тема *гор* (и прежде всего польских Татр), а также *предгорья* (как предваряющих польские горные массивы *плодородных долин*), постоянно помнить о том, что мы имеем дело с текстами, прошедшими определенную литературную обработку. А тем самым мы имеем дело с польскими текстами в немалой степени утратившими черты своей первоначальной фольклорности, за счет приобретаемой ими литературности.

Так, при литературной обработке фольклорного текста он, прежде всего и как уже давно известно [Grimm 1997: 11-14, 15-27; Налепин 1992: 470-479], несколько теряет в своих языковых выразительных средствах – лексическом составе, эпитетах, метафорах, сравнениях, фразеологии, специфических проявлениях местного диалекта. При этом литературно обработанный текст народной сказки утрачивает обычно и часть значимых в контексте фольклорной традиции деталей, как реалистически бытовых, так и наивно мифологических. И теряет текст их потому, что авторы литературной интерпретации сюжета не придают таким деталям должного значения, зачастую просто не замечая.

Однако мы можем опираться на тексты сказок, литературно обработанные, поскольку в своем анализе выделяем и описываем типичное для славянских народных традиций, широко известное также и европейским неславянским фольклорам. Поэтому анализ текстов, представляющих собой литературную интерпретацию народных сказочных сюжетов, был бы невозможен без сопоставительных параллеле-

лей как родственных, так и общеевропейских менталитетов в их мифопоэтической архаике. И именно такой подход позволяет выделять в наших текстах писательских обработок сказок то, что является по сути своей фольклорным, отсеивая, по возможности, то, что таковым не является, а оказывается литературным вымыслом, изначальное – фольклорное – интерпретирующим и дополняющим.

Итак, посмотрим, каков в польской фольклорной сказке этот самый *путь к горе*, путь страшный, непредсказуемый и для героя всегда опасный: «Szedł jeden dzień, drugi, trzeci dzień; przez trzy rzeki się przepawił, przez trzy wielkie bory; na trzeci dzień o zachodzie słońca stanął pod Sobotnią Górą...» [Baśnie... 1990: 59]

Обратим здесь особенное внимание на троекратность каждого действия героя в сказке и каждого значимого для него *рубежа*. Ведь именно каждый такой сказочный *рубеж* и является для героя (юноши, реже девушки) преградой на пути к цели. И первую (*преграду*) нужно во что бы то ни стало преодолеть, чтобы вторую (собственно *цель* мифического *путешествия к горе*) успешно достигнуть.

Младший сын, или младший брат, идет по направлению к горе *три дня* (в оригинальных фольклорных текстах часто подчеркивается, что и *три ночи*).

Поскольку *ночь* в народном представлении видится огромным страшным неведомым *беспросветным пространством*, то в анализируемом нами тексте *ночь* (а точнее сказать *три ночи*) замещают *три бора* (или *три непроходимых темных леса*). Славянской ментальности и свойственно представление о *темном боре*, или *темном лесе*, причем первый лексический вариант (*бор*) представляется нам более интенсивным по своей *темной* окрашенности – в его *непроходимости*, в его *отсутствии троп* (там *не ступала нога человека* и только *рыщет лютый зверь*), а потому в его *опасности* для человека, в него *углубившегося* (отважного героя сказки или легенды).

И в мифическом сказочном равенстве *темная ночь* = *темный бор* мы обнаруживаем некую семантическую бинарность мифемы *сказочное время*: это *время* как бы обладает собственно категориальностью времени и одновременно обладает категориальностью пространства. В первом случае *ночь* = *время суток* представляется архаическому сознанию наших предков как протяженность пути героя во времени, т.е. как *отрезок времени* мифического *времени*. Во втором случае *ночь* = *бор* силезской сказки представляется тому же сознанию как протяженность пути героя в пространстве, но как в *пространстве* того же самого мифического *времени*.

Отсюда можно сделать вывод, что *пространство перед горой* в силезской сказке представляет собой как разворачивающееся перед героем *пространство времени*, времени сказочного и мифического.

Более того – это *пространство перед горой* в данном случае совпадает с представлениями и *развертывании времени*, человеческого и нечеловеческого, а потому времени сказочного, мифического. И тем самым категория *пространственная* в сказке совпадает в этом моменте повествования с качественно иной для обыденного языка категорией – категорией *времени*. А *река = рубеж* становится тем самым границей между *днем и ночью*, а в конкретной сказке о Субботней горе – границей между *днем и бором (=темной ночью)*, т.е. между *светом и тьмой*.

Так же и мифема *puszcza* (как *густой бор, непролазная чаща и место пустынное*, для человека страшное) семантически восходит в народном сознании к представлению о *месте, где нет Ничего*, а потому к представлению о чем-то *пустынном, безлюдном, и, возможно, темном*. И это близко, как видим, мифологическому пониманию и восприятию *ночи как пространства, в котором господствует великое Ничто* (мрак, тишина, хаос мира нечеловеческого).

Из текста данной сказки, а вернее – из ее фольклорного сюжета, следует что, герой ее *каждый день* преодолевает по одному значимому для него *рубежу (реке)* и по одному *темному бору*. При этом *река* в народном сознании и в любой традиции (т.е. не только у славян и у европейцев в целом) представляет собой мифическую границу между *миром живых и миром мертвых*, между миром *этим* и *тем, человеческим* (обыденным, реальным) и *нечеловеческим* (магическим, ирреальным). По сути своей это – *рубеж, или грань, между видимым и невидимым* для человеческого глаза. И, собственно, по *ту сторону* этой грани и начинается фантастическое – именно там находится мифический мир и все то, что мы называем сегодня емким словом *сказка*.

Так, в сказочной реальности *пространства предгорья* умирающему «...pomóc może choćby jedna kropla żywej wody, co za trzema rzekami, za trzema puszczami bije na Sobotniej Górze spod gadającego drzewa, na którym siedzi zaczarowany sokół» [Baśnie... 1990: 59].

Тем самым, пространство *горы* представляется уже непосредственно пространством *мира мертвых*, в которое герои сказок и легенд попадают – *пересекая рубеж* (реки) или даже последовательно *пересекая три рубежа* (три реки). Именно в сказочном *царстве мертвых*, как известно, бьют два волшебных источника – один с *водой мертвой* (она сращивает части разрубленных тел, заживляет раны, слепых делает зрячими), другой с *живой* (она возвращает к жизни умирающих, воскрешает к новой жизни из мертвых). Эту вторую *воду – живую* – и должно *найти в горах* (или *на волшебной горе*) младшему сыну, чтобы воскресить к жизни умирающего родителя – в фольклорных текстах оздоровлению и воскресению всегда подлечит *отец*.

Интересно, что здесь же, в *непроходимых лесах гор*, т.е. в мире не-

человеческом, мертвом, обитает и мифическое сказочное существо – *бабушка-ведущая*, знающая все секреты и *горы* и *леса*. Живет эта бабушка одиноко, в *заброшенной избушке*, к ней-то и бегут в самом крайнем случае за помощью: «do matrej w lesie u starej mogily». Поэтому сыновья больного, или – в нашем случае – больной, «góra, dołem, biegli do starej mogily, do spustoszonej chaty, gdzie mieszkała, i znalazłszy babą...» [Baśnie... 1990: 58-59].

*Одинок*ая хатка в лесу или на перекрестке лесных дорог семантически значима в любом фольклоре европейцев как *заброшенная могилка* неизвестного путника. Тем самым, живые в критический момент своей жизни неизбежно обращаются за помощью к давно умершему. А сама мифема *баба* (из *заброшенной избушки* в лесу), под которой подразумевается некто *давно умерший*, собственно пола уже и не имеет. У восточных славян такая персонификация покойника носит название *бабы яги* [О *бабе яге* см.: Потебня 1865, Пропп 1946, Fedorowski 1897], в польской традиции это *jędza*, у чехов – *jezinka* (лесная баба, ср. польск. *jeżyna*). А, напр., в старосербском языке лексема *jeza* имела значения *болезнь* и *кошмар*.

Кстати сказать, сама *неопределенность пола* семантически заложена в понятие *баба* во всех славянских языках, не только в польском: баба – это не мужик, не девка, не может быть невестой и, в то же время, уже своих детей отrojала. То, что у нее уже не может быть больше детей, и является у славян обязательным условием – условием прав самой *бабы* помогать молодым, сильным, у которых вся жизнь впереди [ВЭС 2001: 79-103]. Поэтому на женщин, подходящих под данную возрастную категорию, и возлагаются в народе функции сватать невесту, активно участвовать в свадьбе, в том числе в обряде дефлорации невесты, а затем – быть повивальной бабкой при родах, крестить новорожденного. Ей же отводится важная роль *знахарки*, *ведуньи*, а иногда и *колдуньи*, спасающей от болезней и бед, помогающей в любовных и семейных делах [Ligęza 1948].

Итак, мифической *старухе*, *живущей у подножия горы* (в лесу, в одинокой хатке), отводится тем самым в силезском фольклоре как бы роль *хранительницы горы*, ее вечного *стража*: у ее *избушки обрываются все лесные тропки* и *дальше уже не ступала нога человека*: «Strach spojrzeć, cóż dopiero iść tam, a znikąd ścieżki ani drogi!» [Baśnie... 1990: 60]. Старуха охраняет *тайные пути к вершине горы* и, значит, *хранит тайны самой горы* – ее склонов, вершины и недр, наполненных, как считают люди, несметными сокровищами.

К вершине горы, как водится, дроги нет: «...idźże sobie, głupcze, na złamanie karku!..» [Baśnie... 1990: 61]. В то же время *гора*, она же *такая огромная*, аж *небеса собой подпирает*, представляется в мифологии силезской, а также общепольской, некоей связью между землей и не-

бом. Тем самым, она осмысляется своеобразной *дорогой к небу* или *лестницей в небо*. Достигший ее *вершины* оказывается как бы *на небесах*, в верхней точке земли, откуда видно всё – в том числе то, что простому человеческому глазу в обыденной жизни *невидимо*: «Naraz wśród ciemności nocnej taki od wierzchu ziemi blask uderzył, jak gdyby słońce, co już dobrze zaszło, znów na jej szczycie wschodziło...» [Baśnie... 1990: 62].

Однако с мифологической точки видения это *огромное светило* (*ночное солнце = луна*) вблизи представлялось как *огнедышащая жаркая печь*, отчего *бор* под ней становился *огненным*. Надо сказать, что сказочному герою в славянских мифологиях, по преодолению нескольких *рубелей* на пути в неведомое (мир нечеловеческий), нередко дальше преграждает дорогу *огненная река*. В любом случае, будь то *огненная река* или *пылающий бор*, это всегда мифическая *стена огня* (пламени), как препятствие непреодолимое и страшное.

И если у подножия горы живет мифическая *баба*, то на самой горе обитает чудовищный *дракон* (хозяин горы, огнедышащий и семиглавый). Когда над горой *стоит ночное солнце* (луна), то он, *огнедышащий смок*, спит *на дне огромной черной зияющей ямы*, а значит – *отдыхает внутри горы*, на ее груди и в ее недрах. [Baśnie... 1990: 62] И этот страшный *смог* – спящее ночью *дневное светило* (солнце), которое нельзя разбудить, чтобы оно не причинило миру беды, разъярившись спросонья и уничтожая своими огненным лучами что ни попало вокруг себя.

В глубокой дыре, *горной пещере*, во чреве горы и в нижнем (подземном) мире, как всегда случается в сказках, благоухает *волшебный сад* – народный образ, синонимичный библейскому *райскому саду*. С одной стороны, это место находится очень высоко, можно сказать – на небесах, на самой вершине горы. С другой стороны, оно же находится под землей, внутри горы, глубоко внизу. И то и другое соответствует народным представлениям о *мире мертвых*, о краях, где блуждают и обитают души умерших.

Привычными атрибутами народного *рая* оказываются тут чудесные деревья и цветы на вечнозеленой траве лугов. Здесь же, в мире этом, все сделано из *золота, серебра, обсыпано драгоценными камнями*, поэтому райское место сказки безусловно находится *в недрах горы*, в самом ее сердце, – там, где хранятся несметные сокровища. И, что особенно для нас интересно, в ирреальном пространстве силезских сказок собственно *вершина горы* находится *в пещере смока*: именно там растет *поющее* (говорящее) *дерево*. Не оно ли, все расцветенное *горными самоцветами* может явиться людскому оку, по повериям жителей Силезии, только в одну-единственную *ночь* в году – *в ночь св. Яна?* [Baśnie... 1990: 21-30]

Именно там, на том *говорящем дереве*, и сидит *золотой сокол*

(=раннее утреннее солнце или утренняя заря). Именно там бьет ключом *живой воды*, которая и является в подобных сюжетах конечной целью путешествия героя в загробный мир.

Что характерно вообще для сказок о сокровищах, глубоко и надежно запрятанных в недрах гор, это то, что к ним не должна прикасаться рука человека [Baśnie... 1990: 31-36]. Так, можно, при определенных обстоятельствах, найти *подземный клад*, но его нельзя унести – потому что он рассыпается пылью, либо превращается в уголь, как только его касается рука смертного человека. Как видим, *дракон на вершине горы* ревниво хранит доверенные ему *гору* подземные сокровища.

Чтобы добыть из горы хотя бы их малую часть, нужно заручиться чьей-нибудь помощью. И помочь человеку в таком деле может только *нечистая сила*, напр., горное существо *карлик* (У белорусов он, напр., называется *кладник* [см.: Белоруская міфалогія 2004: 246]), который сам обитает *внутри горы*. Он известен силезским горнякам под именем *скарбник*: "...gdubycie tak kiedy spotkali ducha Skarbника, to mielibycie szczęście!" [Baśnie...1990: 71-77; 83-90].

Всем европейским культурам, связанным с горными промыслами, хорошо известны такие существа – *гномы* [См.: Wood 1868; Krappe 1944: 59; Стеблин-Каменский 1976], *краснолюбки*, *гоблины*, *тролли* [Petoia 2003: 143-144]. Близки им также в определенной степени *эльфы*, в местах обитания которых все искрится *драгоценными камнями*. Однако, при ближайшем рассмотрении, драгоценности эти оказываются лишь *капельками росы* – водой, которая легко стекает с человеческих пальцев.

Однако, все эти маленькие мифические существа очень обидчивы, а обидятся на человека, которому хотели помочь, – значит, жди беды! Так, как это случилось, к примеру с Józkiem Zarankowskim: «...! zanim Zarankowski zdążył wyszeptać słowo podzięki, pałac, ogród, Skarbник – wszystko straciło się z jego oczy...» [Baśnie... 1990: 97-102]. А потому сказочный *мир горы*, с его ирреальностью пространств, обитателей и немислимых человеку сокровищ, если когда и приоткрывается для нашего ока, то лишь ненадолго.

Он, этот волшебный мир изобилия легко исчезает, как бы тает в воздухе, оставаясь для силезского горняка лишь несбыточной мечтой – мечтой о нежданной-негаданной удаче, богатстве, счастье. Но красивая мечта исчезает, как дым, и остается ему только реальность – тяжелый изнурительный труд и жалкие гроши, на которые трудно прожить. Поэтому и устремляется народная фантазия в мир сказки, где все выглядит совсем не так, как действительность вокруг нас.

Итак, мы только бегло обрисовали сказочное пространство силезских гор. Однако сокровища польской народной фантазии поистине необъятны, как драгоценные россыпи недр наших Татр. Как огнистые крупницы чистого горного хрусталя таятся в них следы архаичных язы-

ческих верований наших предков. И нам их предстоит еще собирать – камешек за камешком, – чтобы сохранить эти сокровища для тех, кто придет после нас, чтобы они не исчезли с лица нашей Силезии, не рассыпались прахом, как искры драгоценностей под руками самонадеянного кладоискателя.

Именно нам сегодня следует помнить, что сказки и легенды польского края до сих пор ждут и аккуратного собирания фольклорных вариантов текстов, и научного изучения, и вдумчивого семантического анализа. Поэтому целью нашей было привлечь внимание к этому интереснейшему вопросу.

Польская *szklana góra* в мифологической системе славян. В славянской мифологии *горе* отводится особое место и значение. Она воспринимается как связь между нижним миром (землей) и верхним миром (небом), а потому как связь между миром живых (людей) и миром мертвых (существ нечеловеческого происхождения). Так, читаем у Е. Левкиевской: «*Гора* – в народной традиции локус, соединяющий небо, землю и "тот свет"; место обитания нечистой силы, совершения обрядов и т.п.» [СД 1995: 520. См. также: Adamowski 1986: 40-47; Зеленин 1916: 11; Топоров 1980-1982: 311-314; Токарев 1983: 107-113].

Собственно поэтому *гора* в мифологическом космогоническом контексте оказывается синонимична понятию *ось мира*, или *ось мирового устройства*. С одной стороны, именно на возвышениях (холм, гора, самое высокое место на равнине) строились древние славянские города, а также святыни языческих культов и потом святыни христианские – костелы, монастыри, часовни.

Так, по польской легенде, Лех, один из трех родоначальников, братьев-славян, строит – по подобию *орлиного гнезда* – первый польский город, укрепленный неприступными стенами [Sojka 2002: 7-8]. По традиции, *орлиными гнездами* и стали называть неприступные замки, выстроенные шляхтой на крутых горах и каменных вершинах, на которые трудно было взобраться вражеским латникам.

Прозрачная гора как *гора холодная, сверкающая льдом*. Надо сказать, что особое место в мифологическом контексте европейской народной ментальности занимает *гора прозрачная* – *стеклянная*, *хрустальная* или даже *ледяная*. Последнее понятие свойственно фольклорным традициям северных стран (напр., скандинавских). При этом – в любом случае – прозрачность *горы* воспринимается как мифическое умение этой громады становиться невидимой для глаз человеческих.

Напр., балтийской традиции известен сюжет сказок, в которых *стеклянная гора* связана с зачарованной *змеей* (*королевой ужей*, реже с *королем* – поскольку мифема *змея* в метаязыке европейской традиции двойственна, а само мифическое существо амбивалентно либо же

индифферентно к полу) [См.: СД 1999: 333-338]. Здесь *прозрачность горы* как бы семантически связана с ее *ледяной холодностью*: как известно, змеи в зимний период года (холодный; но практически – с сентября по май) *обмирают* и впадают в спячку, оцепенение.

(Прозрачная) гора как *гора, холодная снаружи и жаркая изнутри*. Связь *змеи* и *горы* прослеживается также в идее восточнославянского персонифицированного чудовища *Змея-Горыныча*. Для него при этом в сказках характерны такие, казалось бы противоположные и несовместимые, признаки как *жар* (огнедышащий) и *холод* (вокруг него холод смерти). Это сопоставимо в народных представлениях о таких, в действительности свойственных горам, реалиях как *снежная* или *ледяная шапка* (снаружи и сверху), а также *подземное жерло вулкана* или как бы *подземное горнило*, мифическая *раскаленная кузнечная печь* (внутри и внизу, в глубине недр земли). Для *Горыныча* характерны *сверкающие огнем глаза* и *пышущая пламенем пасть* [См.: СД 1999: 330-332; 332-333; Иванов 1975: 44-76].

Интересно также само сказочное имя героя-чудовища: *Змей-Горыныч* как словосочетание представляет собой в восточнославянской традиции подобие *имени-отчества* (типа *Иван Иванович*). А потому данное имя сказочного монстра надо понимать как *Змей, сын Горы*.

Имя персонажа сказки как признак чудесного происхождения. При этом обратим внимание на то, что традиции европейской народной сказки свойственно называть героев происхождения *нечеловеческого* (небесного либо подземного, а также животного) по имени его мифической матери: *Иван-коровий сын* (сын коровы), *Иван-кобылий сын* (сын кобылы, лошади), *Ивашко Медведко* (сын медведицы). Во всех этих случаях, кроме собственно *Змея-Горыныча*, герой обладает человеческой внешностью, но не имеет человеческого происхождения, поскольку является существом ирреального порядка. Он, такой герой сказки, обладает поэтому мифической силой, знаниями о невидимом для человеческого глаза и магическими способностями, людям не свойственными, страшными.

Семантически сниженным аналогом имени сказочного героя типа *Иван-коровий сын* оказывается при этом *Иван-девкин сын* – рожденный незамужней девушкой и не имеющий конкретного отца. Поскольку отцовство здесь может быть приписано некоему мифическому – нечеловеческому и, возможно, небесному – началу, то герой сказки в таком случае выступает как бы *получеловеком*, ребенком, рожденным девушкой от существа мифического, не являющегося таким, как она сама, человеком. И, будучи мифической postaciю, он обладает свойствами, значительно превышающими обычные (реальные) человеческие воз-

МОЖНОСТИ.

Именно поэтому таких, неизвестно кем и при каких обстоятельствах зачатых детей, называли *Богданами*, т.к. девушкам *данными Богом, от Бога* и, может быть, даже не от человека. Такой мотив в сказочной традиции, по известному указателю Аарне-Томпсона, так и называется: *Чудесное рождение* (Ср. с древнееврейской традицией, которой известны несколько вариантных списков текста *Евангелие от Иоанна* (миф о нечеловеческом происхождении Иисуса), один из которых позднее был канонизирован христианской традицией).

Возможно, правда, в сказках и *отчество* по мифическому отцу: *Иван Быкович* (сын быка, животного), *Сокол Соколович* (сын сокола, птицы), *Ворон Воронович* (сын ворона, птицы), *Вихорь Вихревич* (сын вихря, буйного ветра), *Ери Ершович* (сыне ерша, рыбы), *Змей Змеевич*, а также *Тугарин Змеевич* (сын змея; имена в сказках Змею-Горынычу не синонимичные).

И если в первом случае (*сын быка* либо *сын змея* – сказочный богатырь *Тугарин*) предполагается, что герой-получеловек рожден смертной женщиной от мифического животного (примеров чему мы, в частности, находим множество в греческой мифологии), то в остальных наших случаях речь идет о мифических существах *небесного* либо *подводного* происхождения: *сын птицы* или *сын ветра*, а также редкий для европейских фольклоров вариант – *сын рыбы*.

Сказочное тождество змея и волка. Итак, частым признаком мифического *многоголового крылатого змея*, обитающего в *огромной горной пещере*, являются именно *огненное пламя* и *скрежет железа*. Именно это и соотносит представление о нем и о его глубоком логовище-пещере с образом, с одной стороны, глубинных горячих недр самой горы, с другой же стороны – с шумной, пышущей жаром *кузней*, с *раскаленным горнилом* ее страшной печи, в которой бурлит расплавленный добела металл.

При этом внутренний *огонь* чудовища скрыт под неувязимым слоем железа: из железа у него *чешуя* либо *латы*, от чего он, когда *надвигается* либо *налетает*, традиционно *зремит*, *стучит*, *грохочет*, *скрежещет*. Кстати, мифический образ этот в польской традиции находит свой аналог в *железном волке*: «W oznaczonej porze przybył do Cieszkowa żelazny wilk. Gdy stąpił, kamienie pękały pod jego łapami, nabiegłe krwią oczy jarzyły się złowrogo, a rzędy ostrych połyskiwały w paszczy» [Sojka 2002: 69-72]. Чудовище способно развивать скорость *ветра* или *бури*, а потому перемещается в сказочном пространстве *молниеносно*.

Сказкам восточных славян известен другой его аналог – *Волк-Медный лоб*, или же *Кот-Медный лоб*, а славянской мифологии в целом – прототип всех этих сказочных существ, летающий *Змей-Огненный Волк*, умеющий оборачиваться страшной гигантской *птицей* [Мифы народов мира 1980: 471. См. также: Цивьян 1984]. По своим сказочным функциям все они близки уже упомянутому нами *Вихрю Вихревичу*

(сыну вихря, буйного ветра). А обитают все эти чудовища (*железные, с медными лбами*), по народным поверьям, *внутри гор* или *горы*, а именно – *в глубоких горных пещерах*.

Напомним, что этимологически общеславянские корни, от которых образованы лексемы со значением *змея* и *железо*, восходят к тому же общему пракорню, что и *земля* [Лавриненко 2000]. А потому само это мифическое чудовище славян представляется как персонификация *огнедышащей горы*, в спокойном своем состоянии *прикрытой ледяной шапкой*, отчего и огненное нутро ее оказывается невидимым, неведомым и потому особенно для человека опасным. Тем самым *огонь горных недр* может быть скрыт, по мифологическим представлениям славян, равно как *подгорными залежами железных руд*, как и просто *глубоко под землей*, в самом сердце *земли и горы* (как *горы земли* или *земляной горы*).

Причем, как хорошо известно фольклористам-собирателям в разных европейских странах, легенды и былички (как в ряде славянских традиций называют в народе страшные мифологические рассказы, или то, что, по преданию людей, бывало), связанные с такой горой, активнее всего бытуют действительно в горных и околоторных районах. Так, особенно распространены они в местах разработки горных месторождений. И, по-видимому, активно бытуют они в тех местах, где добывают *горный хрусталь* и, соответственно, в глубинах гор и земли таятся россыпи немислимых сокровищ, *самоцветов* (полудрагоценных пород), *драгоценных камней и бриллиантов*.

Прозрачная гора как гора, полная сверкающих сокровищ. В таком виде этот сюжет наиболее близок преданиям наших ближайших соседей, словаков и чехов. Весьма схожий сюжет мы обнаруживаем также в традиции у хорватов и сербов. Так, *в недрах горы* сокрыты сказочные дворцы и сокровища в сказках, записанных Боженной Немцовой (чешская традиция). В подземелье (что в контексте гриммовского текста № 133 немецкой традиции равнозначно *недрам горы*) спускаются 12 принцесс-глуний, чтобы плясать всю ночь до утра, до дыр истоптав свои башмачки. Они проходят при этом аллею *серебряных деревьев*, затем аллею *золотых деревьев* и попадают в *замок* (невиданной красоты и под землей не видимый), где пьют вино *из кубков*. По логике европейской сказки и сам *замок* и *кубки для вина* должны быть *хрустальные*. В тексте, записанном Гриммами, материал, из которого они сделаны, не упомянут, однако в контексте мифологической традиции он подразумевается.

Те же самые свойства – невидимость и недостижимость – характерны для *прозрачной горы*, или *горы, сделанной из стекла*, также в архаике польских языческих представлений.

Горный хрусталь и другие невидимые сокровища гор. Из всего уже сказанного можно сделать следующий вывод: если учесть, какие несметные сокровища, невидимые человеческому глазу, хранят горные недра, также не удивительно и то, что часто в народных представлениях европейцев мифический образ стеклянной горы (или хрустальной, из горного хрусталя) связан с хозяевами и хранителями сокровищ горных и подземных недр – с гномами, троллями, карликами-кузнецами. А кузнечное дело издавна ассоциировалось не только с ковкой орудий труда, бытовых предметов, но прежде всего – с выковыиванием боевого оружия (в том числе дорогого, щедро украшенного драгоценными камнями), доспехов, а также дорогих украшений (В литературной и музыкальной традиции европейцев достаточно вспомнить, в частности, Пер-Гюнта Ибсена и Грига, Кольцо Нибелунгов Вагнера, Снежную королеву и некоторые другие произведения Андерсена). Оттого ценились и труд кузнеца и продукты его искусной работы.

При этом еще раз отметим для себя последовательность добывания подземных сокровищ – для чего герой сказки чаще всего спускается под землю (в глубокую пещеру, высохший колодец, образовавшуюся в земле дыру, иногда в дупло огромного дерева, дуба) или же уходит неведомой лесною тропинкою куда-то далеко-далеко (к горе или в горы, либо же еще дальше – за три огромных горы). И он последовательно находит (встречает, получает в подарок, крадет у кого-либо и т.д.) нечто сказочно чудесное – яблоко, яйцо, ларец и с ними, соответственно, принцессу-невесту, а также дворец, замок, терем и даже город, царство: их всегда в сказках бывает три.

Здесь традиционно значима магическая троекратность находки и обретения, присвоения, достижения цели. И первое из них всегда серебряное, второе – золотое, а третье алмазное (бриллиантовое) или хрустальное (совершенно прозрачное, как бы сделанное из драгоценного стекла). При этом и дворец, и замок, и терем, а также город, царство являются в языке фольклорных традиций образами-синонимами к архетипическому понятию гора. В то же время яблоко, яйцо, ларец представляют собой, по архаике мифологических представлений любого народа, свернутую модель мира. И, как мы помним, гора в ее контексте представляется осью этой модели мира, лестницей от земли до небес.

Тем самым, последнее – хрустальное и невидимое обычно для человеческого глаза – оказывается наиценнейшим, желанным, искомым и, одновременно, крайне трудно достижимым для любого, даже самого отважного, героя сказки. А потому обретение этого третьего и является конечным достижением цели, венцом всех подвигов, обретением высших благ и, в конечном своем счете, заслуженного покая для души героя и его невесты.

Хрустальный гроб и смертельное оцепенение гор. Категория *прозрачности / непрозрачности* с мифологической точки зрения традиционно значима как невидимая грань между *этим* и *тем* – в пространственном и временном отношениях, т.е. между *миром живых* (реальное) и *миром нечеловеческим*, который также представлялся нашим предкам как *царство мертвых* (ирреальное). Именно поэтому нахождение в *прозрачном пространстве* представлялось некоей *погруженностью* в сон, отсутствием каких-либо контактов с явью – с тем, что происходит с человеком реально (на этом свете).

В то же самое время, как хорошо известно, сон представлялся архаическому сознанию не только славян, но и в целом всех европейцев, как состояние *души вне тела*: состояние *души отлетевшей*: 1) на короткое время (сон как отдых); 2) на длительное время (сон как забытие, потеря сознания); 3) на относительное время, возможно продолжительное (сон как болезненный бред, нередко с неизвестным наперед исходом); 4) на неопределенное время (сон как мечтания, полет воображения); 5) раз и навсегда (сон смерти, вечный покой, окончательная утрата связи *души и тела*).

Любое из этих состояний могло быть ассоциировано в мифологизированном сознании социума с представлениями о насильственном, принудительном *заклучении в стекло*. Тем же будет и *запирание в бутылке* (см., в частности, гриммовский текст № 99, *о духе в бутылке*). Таким в сказках и легендах европейцев было также, к примеру, *засыпание в стеклянном или хрустальном гробу, замыкание в горе* (такой же, прозрачной), *столетний сон в зачарованном замке* (в пространстве невидимом, отгороженном от мира живых, напр., *колючими непроходимыми зарослями*), *питье сонного или любовного напитка*, а также *яда* (из хрустального сосуда), *нахождение в хрустальном дворце либо в замке, на стеклянной горе стоящем*, и так далее (напр., в сказках французских, итальянских, португальских, ирландских, шотландских, исландских).

По каталогу Аарне-Томпсона это будет один и тот же сказочный мотив, а именно: № 530, *Принцесса в стеклянной горе*.

Примером соприкосновения с миром мертвых были также подаренные бедной девушке феей *хрустальные башмачки* и появляющиеся только на одну ночь королевского бала чудесные *платья*. Платья, уже из знакомого нам материала: первое *серебряное* (или из лунного света), второе *золотое* (или из солнечных лучей) и третье *усыпанное бриллиантами* (как звездами – ночное небо). Платья, исчезающие с двенадцатым ударом часов, ровно в полночь.

Итак, именно в чем-то *прозрачном* удерживается и хранится *бессмертная душа*. Напр., чтобы победить *злого волшебника* (гриммов-

ский текст № 197), нужно 1) убить *дикого зубра*, 2) застрелить вылетевшую из него *огненную птицу*, 3) разбить находившееся в ней *пылающее яйцо* таким образом, чтобы 4) в нем расплавился от жара *хрустальный шар* (желток в этом яйце).

Сравним в восточнославянской традиции:

1) смерть Кощея Бессмертного находится *на хрустальном кончике иголки* (та находится *в яйце*, яйцо – *в утке*, утка – *в зайце* (есть варианты), а тот – *в ларце*, прикованном цепями на гигантском дубе (мифической *оси мира*, каковой является также наша *гора*). Вероятный материал при этом – для цепей *серебро*, для ларчика *золото*.

По другому сюжету – 2) в чудесной *утке*, в ее *яйце*, находится волшебное *семечко*, от которого *тает хрустальный дворец* и потому освобождается *запертая там царевна*. Поэтому *семечко* должно обладать *силой огня*, а *дворец* должен, чтобы растаять, быть выстроенным *из льда*. Сама же *царевна* как бы погружена в нем *в сон смерти*, поскольку традиционно *снегам* и *льдам* свойственно ощущение *вечно го покоя* (холодного пространства царства смерти).

У восточных славян также: 1) *серебряный гроб с замершей королевой* (читай – в коме, неопределенном состоянии спячки) висит на дереве; 2) *хрустальный гроб* (со спящей царевной) висит на столбах; 3) *гроб с железными обручами* (вероятно, как *бочка*), с еретиком, плывет по морю.

В немецкой традиции мы находим у Гриммов *стеклянный гроб* (текст № 163). *Дверь в скале* впускает случайного героя (портного – Как видим, и здесь существует невидимая связь со *швейной иглой*) в *огромную горную пещеру*. В ней нужно спускаться все глубже и глубже – в сказочные *недра горы*. *Стеклянные гробы*, а их два, находятся в *каменном зале с нишами*, в нишах стояли *сосуды из прозрачного стекла*. В одном гробу *спит дочь богато графа*, в другом запертан ее *зачарованный замок*. Она пробуждается от чар, замок выходит наружу *из недр горы* и приобретает свои нормальные размеры.

Тем самым он – как свернутая *модель мира*, спрятанная от людских глаз под землю, в прозрачном ящике, – разворачивается в мире человеческом, хотя и сказочном. Чтобы ее развернуть, необходимо *вытащить ящик из горы* (на поверхность) и поставить его *на камень* (на другую гору, т.е. уже на реальную скалу).

Надо сказать, что, вообще, в волшебном пространстве сказки все предметы и всё, что может становиться на время невидимым, имеет отношение к запредельной ирреальной действительности, причем, как предполагается мифологизированным сознанием, всегда при этом заимствовано из мира мертвых, либо получено от них в дар.

В итальянской традиции есть интересный сюжет (В записи И. Кальви-

но, филолога и известного прозаика XIX века) *о человеке, которого постоянно мучили ночные кошмары*. Кошмарные сны ему насылал сам могущественный властитель *подземного царства смерти*. Три раза, по совету мудрого мага, несчастный сновидец *прикасался во сне* к чудесным предметам со словами: «Все что я вижу, я вижу во сне, но ты наяву явись ко мне!» И утром он становился обладателем сначала *прекрасного горячего коня*, затем *нежной юной красавицы* и, наконец, *всех сокровищ казны* подземного царства. Чтобы вернуть себе хотя бы эти *драгоценности* сама *Смерть*, персонификацией которой и был подземный властитель, был вынужден пообещать герою сказки *оставить его в покое* и никогда больше не насылать на него никаких снов – ни плохих, ни хороших.

Кстати сказать, и нашей польской фольклорной традиции хорошо известен мотив *раскрывания недр горы* (дверь в скале, вход в пещеру, раскалывающаяся на глазах у героя скала). Известен и его семантический аналог: нередко в сказках и легендах раскалывается не *гора* или *камень*, а *столетнее дерево* и из него выходит к герою *маленький подземный* или *лесной человечек* – к примеру, с дарами от покойного отца, с волшебными *конями* – *серебряным*, *золотым* и с третьим, *невзрачным на вид*, по которому сразу и не угадать его поистине чудесных, но *невидимых*, свойств.

Последнее происходит в сказке, так и называющейся непосредственно: *Szklana góra* [Porazinska 2002: 169-183]. Но к этому оригинальному сюжету нам еще предстоит вернуться...

Сказочные великаны и неподъемные горные камни. Если вспомнить мифы о том, что до людей, землю, на которой еще *беспорядочно громоздились каменные глыбы*, а затем *дикие лесистые горы*, когда-то давным-давно населяли огромные бестолковые *великаны*, то, как известно, связь их, этих великанов, с *горами* и *камнем*, была очевидна. В европейских сказках, вслед за этимологическим мифом, великаны *ворочают гигантские глыбы* – создают, нагромождая, скалы, горы, горные ущелья, *разбивают скалы и выдавливают воду из камня* (создавая тем самым горные ключи, ручьи, потоки и реки).

И этот *хаос огромных горных валунов*, раскидываемый *глупыми великанами*, традиционно предшествует установлению на земле последующего порядка – порядка мира, в котором найдется уже место и для человека. Кстати сказать, часто в мифе для рождения первого человека бывает достаточно *брошенного камня* или же *комка глины (земли)*, поднятой со дна мирового океана (*моря*). И первая *гора* тоже поднимается со дна его – давая начало *земле*, а с ней – давая начало миру и, в будущем, человеческому социуму.

Напомним здесь также, что не только огромные доисторические

великаны, но и сама *гора*, по архаическим мифологическим представлениям европейских народов, обладает огромной магической силой. Напр., она может притягивать к себе, как магнит, или, напротив, отталкивать от себя, к себе не подпуская. Она может проглотить, на мгновение раскрыв свои таинственные недра, и, наоборот, может выплюнуть что-либо или даже человека наружу – из своих глубин, на поверхность, в реальный мир.

В польской легенде о Подгалю, как мы можем заметить, христианская традиция уже вытеснила языческую идею *великана-демиурга*, сотворения порядка на земле руками которого всегда неправильно и хаотично. Поэтому здесь самонадеянный *ангел*, по милостивому разрешению самого Господа Бога, *громоздит камни*. И громоздит их, как водится в сказках и легендах, неправильно, т.е. не так, как это надо. Обратимся к тексту: «Przystępując do pracy, wyobraził był sobie, że nic lepszego ziemi dać nie może jak dużo, dużo ciepła. Przeważnie zebrał niesłychaną ilość kamieni, głazów i skał, spiętrzył je w wysokie góry aż ku niebu, ziemią z lekka jeno przyprószywszy, w tym przekonaniu, że gdy je tak ku słońcu wysoko wydzwignie, to gorąco samo wszystko sprawi i kraj żyznością zakwitnie» [Orkan 2002: 106-108].

Однако над творением ангельских рук внезапно прошла *ulewa okrutna* и изменила она профиль гор до неузнаваемости: «Oczym teraz ukazały się groźne, spiętrzone ściany skalne, o nagich, w niebo wystających szczytach, o żlebach czarnych i przepaściach, wyżej kosodrzewiną zmarniałą, a dołem ciemnią smrekową odziane, dzikością surową tchnące, no, jednym słowem, Tatry» [Orkan 2002: 106-108].

Так своеобразно, как видим, осмыслился традиционный сюжет этиологического мифа в польском народном предании.

Горы и представление о вечном покое. Для европейской сказки в целом характерны представления о том, что *горы* – это *дремлющие веками великаны*. Эти *горы-великаны* могут в любой момент проснуться. И тогда все загрохочет, земля затрясется под их тяжелыми шагами, пойдет трещинами. Тогда могут от такого землетрясения рухнуть высокие горы. Или же может тогда вырваться наружу их огненное нутро, образуя огнедышащие жерла вулканов. И вырвется оттуда смертоносный огонь, и пойдет он на людей, сметая и уничтожая все на своем пути.

Что же это за *великаны* и почему они, собственно, *спят*, часто на вершинах горы, нередко прикованные к скалам либо сами, подобно этим скалам, окаменевшие, в таких неудобных позах – сидя или стоя во весь свой гигантский рост?

Одни, по народным легендам, заснули от старости, устав от собственной ненужности и бесцельности своей богатырской силы. Другие были прикованы к скалам в наказание за какие-то преступления. Вспомним, хотя бы, судьбу *Прометейя*, выкравшего *божественный*

огонь, унеся его на землю, к людям, с горы Олимп, на которой обитали бессмертные эллинические боги.

Кельтская и скандинавская традиции знают, в свою очередь, легенду о *трех ленивых седых великанах*, громадных и тяжелых, как *горные снежные шапки*: сидя на вершинах гор, они *головой тучи задевают*. Между каждой фразой их разговора *минута молчания* длится целое *тысячелетие*, или, в другом варианте, *век*. Слово ли, фраза ли сказаны – и застывают они снова, словно окаменевшие.

Наша же польская традиция знает легенду *O śpiących rycerzach w Tatrach*. И проснутся они в горах, по старинной легенде, только тогда, когда польский люд сможет им сказать: «Wstańcie, rycerze, ze snu wiekowego, wstańcie i spłyńcie w doliny pomiędzy ludzi, którzy stali się już dobrzy i mądrzy i wielką mają wiarę, a pod panowaniem złego żadnym sposobem żyć już nie chcą dłużej!» [Kasprowicz 2002: 109-114].

Тем самым, только силы нечеловеческие могут искоренить все то зло, в котором закалилась грешная земля.

Из чего же сделана *szklana góra* в польской сказке? Рассмотрим также и сюжет *szklana góra*, прежде всего характерный для польской народной традиции [Porazińska 2002: 169-183] и зафиксированный в устно передаваемых из поколения в поколение легендах и сказках.

Умерший отец, из гроба, одаривает трех сыновей чудесными конями. Лучший из них – последний, с виду невзрачный, – достается младшему, не забывшему воли отца и одержавшему на могиле все три ночи, и за себя и за ленивых и не в меру возгордившихся братьев. Волшебный конь, *летающий как ветер, когда у него вырастают огромные, как у ветряной мельницы, крылья*, и помогает ему добыть принцессу, в наказание за самоволие запертую отцом-королем на *стеклянной горе*.

Сюжет этот мы встречаем в разных вариантах практически в каждой европейской народной традиции. Не все кони бывают при этом *крылаты*. Третий конь может сам быть *обсыпан драгоценными камнями* либо *бриллиантами* и потому *гореть на солнце, как жар*. Соответственно и юноша при каждой из трех попыток достигнуть вершины *хрустальной* (стеклянной, алмазной) *горы* может по очереди облачаться в чудесные одежды – *серебряную, золотую, самоцветную*. Либо одеваться в одежды – *сияющую как месяц, сверкающую как солнце, горящую как жар* (усыпанную драгоценными камнями). Такие варианты мы встречаем, прежде всего, в славянских фольклорах, но также, к примеру, в испанском и английском.

Королевна тоже может усаживаться *во дворце на неприступной горе* только раз в году: и в первый год это будет *гора, отлитая из серебра*, во второй – *гора, отлитая из чистого золота*, в третий же – *совершенно прозрачная, сделанная из горного хрусталя или алмаза*

ная, иногда определяемая в сказочном тексте как *стеклянная*. Такой сюжет мы находим, в частности, у румын, сербов и хорватов, а также у восточных славян.

Для народов Средиземноморья характерно заключение принцессы не во дворце на искусственно сооруженной для этих целей горе, а просто в *непреступной башне*. Такие сюжеты мы находим у португальцев, испанцев, албанцев. При этом в сказке могут фигурировать либо *три башни* – из тех же материалов и с единственным окошком на самом верху, либо *одна башня из трех этажей-ярусов*, каждый из которых будет украшен соответствующим образом – от нижнего *серебряного* до верхнего, самого роскошного и богатого. Развитие сюжетов-вариантов может отличаться и другими специфическими деталями. При этом важным для сказки бывает то, что именно за девушка заключена на самом верху (горы или башни) и кто именно, а также с какой именно целью добывается в каждом из вариантов данного сюжета ее приязни, освобождения и руки.

Здесь следует обратить внимание на тот факт, что только в польской сказке в *дальнем королевстве, где правил старый король, стеклянную гору (под самые облака)* строят, по его приказанию, *из ... глины*, а затем *обжигают глиняную гору* по технологии традиционного обжига керамических изразцов – так, что *поверхность обожженной глины* (так называемая *глазурь*) *заблестала на солнце, как стекло*. Аж глаза ротозеям, глазающим на это чудо, от блеска ее заслепило).

Поскольку *постройка горы из глины*, причем постройка, осуществляемая людьми, пусть даже по королевскому приказу, противоречит по сути своей общеевропейской логике мифа, то, очевидно, в данной литературной обработке этого фольклорного сюжета мы имеем дело с чисто художественной фантазией автора, записавшего известную сказку в целях ее публикации для детей.

Дело все в том, что *глиняная гора, даже если горка ее сильно блестит на солнце*, никак не может обладать традиционным в этом случае свойством *прозрачности*, без которого нарушается структура сказочного сюжета: если гора видима (она из глины), то и королевна временно не утратила в своем заточении силы жизни (а именно этого хотел добиться от нее отец-король).

Более того, девушка на горе еще невеста, девственница, руки которой добываются в конном состязании самые лучшие женихи, в основном принцы. А такой материал как *глина* (из которой делаются и обжигаются *горшки* и другая простая домашняя утварь) в традиционных мифологических представлениях всех европейских культур символизирует *креативную зрелость*, проявляющуюся в семье и браке. Причем эта *зрелость* характерна для женщины замужней, сексуально ак-

тивной, опытной в любви и потенциально плодотворной. Тем самым и в этом смысле книжный литературный образ вступает в конфликт с изначально языческой символикой, характерной для польской фольклорной сказки.

Одновременно с тем, писательница Янина Поразиньска в своей обработке сюжета, на свой современный, а значит профанный, лад мотивировала замещение *стеклянной горы* блестящей поверхностью *глазированной глины*: блестит на солнце и слепит глаза – в этом уже есть иллюзия *невидимости* рукотворной горы. Гладкая поверхность ее скользит, как стекло, копыта коней скатываются по ней, как по льду, – поэтому выстроенная гора *неприступна* и добраться до королевны претендентам на ее руку становится почти невозможным.

Построение же искусственной *горы из стекла*, да еще в глубоком средневековье, с точки зрения автора литературного текста сказки, просто нереально. Вот и появляется у нее под рукой привычная *глина*. Впрочем, и это Я. Поразиньской, видимо неизвестно, ни в одной мифологии мира *гор из глины не лепят*: горы возникают сами либо же появляются вследствие нагромождения каменных валунов. Человеческие руки могут только *вскопать грядки* (в огороде) или же *насыпать могильный холм* (на кладбищенском погосте), *возвести могильный курган* (в чистом поле, в степи).

Так или иначе, но на архетипическом уровне польской культуры замена эта при литературной обработке текста оказалась по-своему мотивированной. И получилось это произвольно у детской писательницы потому, что замещение сделано было на традиционном семантическом уровне: стеклянный = невидимый → блестящий – сверкающий на солнце – слепящий глаза = тоже невидимый и так далее. Поэтому семантический анализ данной литературной обработки фольклорного сюжета представил в контексте нашей проблемы определенный интерес.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Adamowski J. O semantyce góry. - Akcent, 1986, t. 4
BrüdeGrimm Kinder- und Hausmädchen, Stuttgart, 1997
Fedorowski M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej, t. 1, Kraków, 1897
Kasprowicz J. O śpiących rycerzach w Tatrach. - Skarbnica baśni polskich, wybór A. Sojka, Poznań, 2002.
Krappe H. Antipodes. // Modern Language Notes, 1944
Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By – Chicago, 1980
Ligeża J. Śląska kultura ludowa, Katowice, Wrocław, 1948
Orkan W. Legenda o Podhalu. - Skarbnica baśni polskich, wybór A. Sojka, Poznań, 2002.
Petoia E. Wampiry i wilkołaki. Źródła, historia, legendz od antyku do współczesności, Kraków, 2003
Porazinska J. Szklana góra. - Skarbnica baśni polskich, wybór A. Sojka, Poznań, 2002
Sojka A. O orlim gnieździe. - Skarbnica baśni polskich, wybór A. Sojka, Poznań, 2002.

- W skarbnikowym królestwie. Baśnie i podania śląskie. - Wybór J. Kwiecień, Katowice, 1990
- Wood E.J. Gigants and dwarfs, London, 1868
- Wygobeł P. Wielotygodniowe obrzędy ludowe pod Babią górą. // Ziemia. Rok IV. № 12, 1913
- Бажов П.П. Малахитовая шкатулка, Москва, 1943
- Белоруская міфалогія. Энцыклапедычны слоўнік, Мінск, 2004
- Востоочнославянский этнолингвистический сборник, Москва, 2001
- Зеленин Д. Очерки русской мифологии, вып. 1, Петербург, 1916
- Иванов В.В, Топоров В.Н. Инвариант и трансформации в мифологических и фольклорных текстах. // Типологические исследования по фольклору, Москва, 1975
- Лавриненко А. Семантическая макросистема и основные механизмы ее генетической организации. Rzeszów: Wyd. Uniwersytetu Rzeszowskiego 2000.
- Лихачева Д. Концептосфера русского языка. 1993
- Лихачева Д. Культура как целостная динамическая система. 1994
- Налепин А. Сказки Франции. Послесловие. - Французские сказки, М., 1992
- Потебня А. А. О мифологическом значении некоторых обрядов и поверий. Гл. 2: Баба-яга. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских, Москва, 1865
- Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки, Ленинград, 1946
- Славянские древности. Этнолингвистический словарь, под ред. Н. Толстого, Москва, т. 1-3, 1995, 1999, 2004
- Стеблин-Каменский М. И. Миф, Ленинград, 1976
- Токарев С., О культе гор и его месте в истории религии. - Советская энциклопедия, 1983, т. 3
- Топоров В. Гора. - Мифы народов мира, Москва, 1980-1982, т. 1
- Червински П. Семантический язык фольклора – Ростов-на-Дону, 1989
- © М. Надель-Червиньска, 2006

Шустрова Е. В.

Екатеринбург, Россия

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ ЧУВСТВА И СОСТОЯНИЯ В АФРОАМЕРИКАНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ДИСКУРСЕ

Abstract

The article in question represents a part of conceptual metaphor investigation based on African American literature (18–20 c.). In this little piece I tried to define what feelings, emotions and physical states got any human or animalistic features in prose and verse of W. E. B. Du Bois, P. Dunbar, J. Johnson, R. Wright, R. Ellison, J. Baldwin, G. Brooks, L. Hansberry, R. Hayden, etc. The results show that more often than not authors are apt to choose such notions as: evil, fear, feelings of resentment and estrangement, hope, hunger, love, pain, prejudice, slavery, sickness, sin, slavery, sorrow, terror, trouble, turmoil alongside hope, love, dream & thought.

Настоящая статья продолжает серию публикаций, посвященных изучению концептуальной метафоры в афроамериканской литературе XVIII-XX вв. В рамках данной статьи мы остановились на возможных

случаях метафорического олицетворения применительно к описанию различного рода чувств, эмоций и состояний в произведениях У. Э. Б. Дюбуа, П. Данбара, Дж. У. Джонсона, Р. Райта, Р. Эллисона, Дж. Болдуина, Г. Брукс, Р. Дункана, М. Толсона, Л. Хансберри, Р. Хейдена.

Условия жизни того или иного народа не могут не найти отражения в сфере образных связей, концептуальных моделей, системе ассоциаций. История жизни афроамериканской диаспоры с самого начала ее образования давала примеры различного рода трагедий на почве расовой нетерпимости, зависимого положения, ограниченных возможностей. Все это не могло не проявиться в афроамериканском дискурсе, в том числе и литературном.

В автобиографическом романе «The Souls of Black Folk» У. Э. Б. Дюбуа – философа и писателя конца XIX в. – метафорическому олицетворению наиболее часто подвергаются чувства печали и тоски (*brooding sorrow, soft sorrow*), тихо прокрадывающиеся в душу и предающиеся там воспоминаниям о былом, перенесенных обидах, пережитых утратах, испытанных разочарованиях – часто произошедших в силу расовой политики. К ним примыкает описание «глубокого религиозного чувства», печально размышляющего над судьбой в сердце афроамериканца. *But back of this still broods silently the deep religious feeling of the real Negro heart, the stirring, unguided might of powerful human souls who have lost the guiding star of the past and seek in the great night a new religious ideal* [Du Bois 1989: 145].

Следующие по частотности объекты – это голод, утраты и предрассудки, которые вскармливает Юг США (*nursing its own deep prejudices*), рабство с «вонючим дыханием» (*the foul breath of slavery*), социальные проблемы различного рода. *In a time of perfect calm, amid willing neighbors and streaming wealth, the social uplifting of four million slaves to an assured and self-sustaining place in the body politic and economic would have been a Herculean task; but when to the inherent difficulties of so delicate and nice a social operation were added the spite and hate of conflict, the hell of war; when suspicion and cruelty were rife, and gaunt Hunger wept beside Bereavement, – In such a case, the work of any instrument of social regeneration was in large part foredoomed for failure* [Du Bois: 20]. *The sin of the country districts is visited on the town, and the social sores of city life to-day may, here in Dougherty County, and perhaps in many places near and far, look for their final healing without the city walls* [Du Bois: 113].

Чувства дружбы и симпатии между представителями белой и черной Америки предстают как мертворожденные. *The white man, as well as the Negro, is bound and barred by the color-line, and many a scheme of friendliness and philanthropy, of broad-minded sympathy and generous fellowship between the two has dropped still-born because some busy-body has forced the color-question to the front and brought the tremendous force of unwritten law against the innovators* [Du Bois: 129].

Как соперники, победитель и побежденный предстают чувства воодушевления, подъема и сомнения, упадка душевных сил. So dawned the time of Sturm und Drang: storm and stress to-day rocks our little boat on the mad waters of the world-sea; there is within and without the sound of conflict, the burning of body and rending of soul; *inspiration strives with doubt, and faith with vain questionings* [Du Bois: 8].

Примеры олицетворения правды, истины, добра и зла в большей мере напоминают прочтение этих образов в сонетах и пьесах У. Шекспира, являются аллюзией на этого автора и призваны вызвать в памяти читателя череду воспоминаний о тягостных событиях, в том числе и исторических, душевных муках, столь широко представленных у Певца Сонета. Так, напр., строка *Truth forever on the scaffold, | Wrong forever on the throne* [Du Bois: 10] должна напомнить о шекспировском сонете 66: Зову я смерть. Мне видеть нестерпим / Достоинство, что просит подаянья, / Над простотой глумящуюся ложь, / Ничтожество в роскошном одеянье, / И совершенству ложный приговор, / И девственность, поруганную грубо, / И неуместной почести позор, / И мощь в плену у немощи беззубой, / И прямоту, что глупостью слывет, / И глупость в маске мудреца, пророка, / И вдохновения зажатый рот, / праведность на службе у порока. / Все мерзостно, что вижу я вокруг... / Но как тебя покинуть, милый друг! [У. Шекспир; цит. по: Маршак, 1969: 72]

В прозе У. Э. Б. Дюбуа эта шекспировская линия сливается с описаниями редких часов семейной радости, проведенных с женой и сыном. В этом же ключе начинается свое развитие тема олицетворения совести, что глуха, и страха, скрючившегося у кроватки малыша. *Feeling that his rights and his dearest ideals are being trampled upon, that the public conscience is ever more deaf to his righteous appeal, and that all the reactionary forces of prejudice, greed, and revenge are daily gaining new strength and fresh allies, the Negro faces no enviable dilemma* [Du Bois: 142]. *I held my face beside his little cheek, showed him the star-children and the twinkling lights as they began to flash, and stilled with even-song the unvoiced terror of my life* [Du Bois: 147]. *Tenderly then she hovered round him, till the smile fled away and Fear crouched beside the little bed* [Du Bois: 148].

Олицетворение искушения ненавистью, отчаяньем, сомнением связано с наступлением того или иного времени суток, что символизирует жизненные циклы человека. *Three temptations he met on those dark dunes that lay gray and dismal before the wonder-eyes of the child: the temptation of Hate, that stood out against the red dawn; the temptation of Despair that darkened noonday, and the temptation of Doubt that ever steals along with twilight* [Du Bois: 152].

У этих созданий холодные, трясущиеся руки, лоящие мечты детей, они поглощают любую радость, нагло издеваются, заставляя человека признать свою бессилие. Thus the temptation of Hate grew and shadowed the growing child, – g iding stealthily into his laughter, fading into his play, and

seizing his dreams by day and night with rough, rude turbulence. ... Strange temptation for a child, you may think; and yet in this wide land to-day a thousand thousand dark children brood before this same temptation, and feel its cold and shuddering arms. ... This was the temptation of Despair; and the young man fought it doggedly. ... And yet month by month the congregation dwindled, week by week the hollow walls echoed more sharply, day by day the calls came fewer and fewer, and day by day the third temptation sat clearer and still more clearly within the Veil; a temptation, as it were, bland and smiling, with just a shade of mockery in its smooth tones. ... Of all the three temptations, this one struck the deepest. [Du Bois: 153–156]

К числу неразвернутых, но иногда встречающихся антропоморфных образов у У. Э. Б. Дюбуа относятся любовь, мудрость, надежда, свобода. Away back in the days of bondage they thought to see in one divine event the end of all doubt and disappointment; few men ever *worshipped Freedom* with half such unquestioning faith as did the American Negro for two centuries [Du Bois: 4]. The wretched of my race that line the alleys of the nation sit fatherless and unmothered; but *Love* sat beside his cradle, and in his ear *Wisdom* waited to speak [Du Bois: 151].

В поэзии П. Данбара и Дж. У. Джонсона в качестве правителя предстают тирания, гнет, надежда же умирает так и не родившись. For her his voice, a fearless clarion, rung | That broke in warning on the ears of men; | For her the strong bow of his power he strung, | And sent his arrows to the very den | Where grim *Oppression* held his bloody place | And gloated o'er the mis'ries of a race [Dunbar; цит. по: Lauter 1990: 483]. Sing a song full of faith that the dark past has taught us, | Sing a song full of the hope that the present has brought us, | Facing the rising sun of our new day begun, | Let us march on till victory is won. | Stony the road we trod, | Bitter the chastening rod, | Felt in the days when *hope unborn had died*, | Yet with a steady beat | Have not our weary feet | Come to the place for which our fathers sighed? | We have come over a way that with tears has been watered, | We have come, treading our path through the blood of the slaughtered, | Out from the gloomy past, | Till now we stand at last | Where the white gleam of our bright star is cast. | God of our weary years, | God of our silent tears, | Thou who hast brought us thus far on the way; | Thou who hast by Thy might | Led us into the light, | Keep us forever in the path, we pray. | Lest our feet stay from the places, our God, where we met Thee, | Lest, our hearts drunk with the wine of the world, we forget Thee, | Shadowed beneath Thy hand, | May we forever stand. | True to our God, | True to our native land. [Johnson; цит. по: Lauter 1990: 1555]

В контексте произведений Р. Райта весьма распространенным является придание антропоморфных и зооморфных характеристик таким состояниям как чувство вины, отстранения, ненависти, стыда, страха, желаний, влечения, голода. При этом все они наделяются сходными чертами, дающими им статус грозных врагов, мучителей. The feeling of being always *enclosed in the stifling embrace of an invisible force* had gone from him [Wright, 1993: 170]. She tried to get up; he knew she had seen the mad light in his eyes. Fear *sheathed him in fire*. His words came in a thick whisper [Wright: 204]. *Hunger* came to his stomach; *an icy hand reached* down his throat and *clutched* his intestines and *tied* them *into a cold, tight knot* that ached [Wright: 286]. At the end of

the block he saw a crowd of people and *fear clutched hard* at his stomach [Wright: 294]. The accidental nature of his crime took the guise of a sudden and violent rent in the veil behind which he lived, a rent which allowed *his feelings of resentment and estrangement to leap forth* and find objective and concrete form [Wright: 456].

Надежда, мир и покой воспринимаются как хрупкое, незащищенное создание, полное робости и неуверенности. *The breath of warm hope* which Jan and Max had *blown* so softly upon him *turned to frost* under Buckley's cold gaze [Wright: 338]. He breathed softly, wondering about *the cool breath of peace* that *hovered* in his body [Wright: 416].

У Р. Эллисона антропоморфными характеристиками наделяются, в основном, негативные, тяжелые эмоции, ощущения (*sickness, fear, sorrow, pain, terror, turmoil*). And seeing him I felt *the fear* balled coldly within me unfold [Ellison, 1992: 96]. And at our throats already we felt *the cold hands of sorrow* [Ellison: 126]. Whatever my responsibility was for what had occurred, I knew that I would pay for it, knew that I would be expelled, and *the very idea* stabbed my insides again [Ellison: 144].

Олицетворение надежды и силы у Р. Эллисона очень близко к европейским примерам. Это неслучайно – дальнейшее развитие сюжета ([Ellison: 124, 140]) и подбор языковых средств (*my young friends, a purple picture, a soaring vulture, noble eagle, moaning dove, confident, self-assuring, self-starting and self-stopping, self-warming, self-justifying*) позволяют в этом убедиться. Дело в том, что, применяя европейские модели, автор пытался показать, насколько далеки надежда, вера в себя, уверенность в будущем от реалий жизни афроамериканской диаспоры. Поэтому их описания носят высокопарный, фальшивый характер, контрастируют с основной канвой повествования.

Развитию этой темы способствует трактовка состояний изумления, боли, агонии, ярости и других *негативных* эмоций как синекдохи испытаний, лишений, которые в действительности уготованы судьбой [Ср. Ellison: 123, 236, 500]. Описания различного рода эмоциональных и физических состояний сливаются с аллегоричным развитием сюжетной линии в целом, и познанием себя, избавлением от иллюзий, обретением Бога, в частности.

При применении приема метафорического олицетворения чувств или состояний в контексте прозы Дж. Болдуина нам вновь предстают довольно суровые образы. Параллели проводятся с умирающим, мучителем, губителем, предателем, затаившимся врагом, бездомным, уродом, голодным, покалеченным или плененным зверем.

Как правило, для придания антропоморфных черт Дж. Болдуин пользуется глагольными конструкциями, лишь изредка прибегая к наречиям. При этом наиболее часто олицетворению подвергаются желание (*desire, fall, fire, lust*), боль (*agony, anguish*), страх, ужас, опасность (*fear, horror, panic, terror, chaos, fever, danger*), одиночество (*loneliness, absence*), подозрение (*suspicion*), любовь (*love*), ненависть (*hatred*), па-

мать, воспоминание (*memory*), грех (*sin, the evil*), гордость (*pride*), мечта (*dream, irreality*), мысль (*thought*), надежда (*hope*), горечь (*bitterness*), забота (*concern*), воинственность (*belligerence*), приниженность, смиренность (*humility*).

And, fired with this, a baser *fire stirred* in him also, *rousing a slumbering fear*, and he remembered (as the table, the ministers, the dinner, and the talk all burst in on him again) that Paul had written: «It is better to marry than to burn» [Baldwin, 1985: 109]. And his mind, dwelling bitterly on Elizabeth, yet moved backward to consider once again Esther, who had been the mother of the first Royal. And he saw her, with the *dumb, pale, startled ghosts of joy and desire hovering* in him yet, a thin, vivid, dark-eyed girl, with something Indian in her cheekbones, and her carriage and her hair [Baldwin: 116]. He discovered that whenever Deborah spoke of Royal, *a fear* deep within him *listened* and *waited* [Baldwin: 141]. She wrote her aunt the driest, and briefest, and coldest of notes, not wishing in any way to *awaken* whatever *concern* might yet *slumber in her breast*, telling her the same thing she had told Madame Williams, and telling her not to worry, she was in the hands of God. And she certainly was; through a bitterness that only the hand of God could have laid on her, this same hand brought her through [Baldwin: 176]. But *love*, which had perhaps like a benevolent monarch, swelled the population of his neighboring kingdom, Death, had not himself descended: they owed him no allegiance here [Baldwin: 204]. He was looking, unwillingly, at the letter, which she held tightly in one hand. It was old, and dirty, and brown, and torn; he recognized Deborah's uncertain, trembling hand, and he could see her again in the cabin, bending over the table, laboriously trusting to paper *the bitterness* she had not spoken. It had *lived* in her silence, then, all those years? He could not believe it. She had been praying for him as she died – she had sworn to meet him in glory. And yet, this letter, her witness, spoke, breaking her long silence, now that she was beyond his reach forever [Baldwin: 212]. And what were these *terrors*? They were buried beneath the impossible language of the time, lived underground where nearly all of the time's true feeling spitefully and incessantly fermented. Precisely, therefore, to the extent that they were inexpressible, were these terrors mighty; precisely because they lived in the dark where their shapes obscene. And because the taste for obscenity is universal and the appetite for reality rare and hard to cultivate, he had nearly perished in the basement of his private life. Or, more precisely, his fantasies [Baldwin: 197]. (...) Le Roy contained the mystery which had him by the throat [Baldwin: 204]. New York seemed very strange indeed. It might, almost, for strange barbarity of manner and custom, for *the sense of danger and horror* barely *sleeping* beneath the rough, gregarious surface, have been some impenetrably exotic city of the East [Baldwin: 230]. Then, *out of hiding, leapt* his other faces, the crafty, cajoling *face of desire*, the remote face of desire achieved [Baldwin: 238]. *The old pain* receded into the *home* it had *made* in him. But another pain, *homeless* as yet, began *knocking at his heart* – not for the first time: it would force *an entry* one day, and remain with him forever [Baldwin: 238]. [Cp. Baldwin, 1985: 66, 95, 103, 136, 137–138, 165, 174–175, 193; 1993: 53, 60, 200, 235, 237, 238, 301, 349, 368, 387 и др.].

Зооморфными характеристиками Дж. Болдуин чаще всего наделяет неизвестность (*unknown*), беду, беспокойство (*trouble*), чувство стыда, гнева, вины, желания (*shame, rage, guilt, desire / lust*).

При передаче зооморфных качеств наиболее часто выбор автора падает на сочетания рычать (*to roar*), выпрыгивать из засады (*to leap out of hiding*), грызть веревку (*to gnaw at the rope*), быть связанным (*to be tied*), точить зубы (*to sharpen its teeth*), ждать (*to wait*), пожирать (*to devour sm.*), наброситься сзади (*to be at one's back*), преградить путь (*to stand before*), злобно смотреть (*to stare*), проглатывать (*to swallow up*), жарко дашать (*to breathe hot*), выпрыгивать (*to spring*), быть выпущенным из неволи (*to be loosed*). Как нетрудно заметить, в состав всех выражений обязательно входит глагол, который и придает образу особую выразительность.

He had never tried to think of *their trouble* before; rather, he had never before *confronted it in such a narrow place*. It had always been there, at his back perhaps, all these years, but he had never turned to face it. Now it stood before him, staring, nevertheless to be escaped, and *its mouth was enlarged* without any limit. It was ready to *swallow him up*. Only the hand of God could deliver him. Yet, in a moment, he somehow knew from *the sound of that storm* which *rose* so painfully in him now, which laid waste – forever? – the strange, yet comforting *landscape of his mind*, that the hand of God would surely lead him into this *staring, waiting mouth*, these *distended jaws*, this *hot breath* as of fire [Baldwin, 1985: 144–145]. *The tendrils of shame* clutched at them, however they turned, all the dirty words they knew commented on all they did [Baldwin, 1993: 132]. There were so many *things* one did not dare to know. And were they all patiently waiting, (...), to *spring from hiding*, to reveal themselves, on some rainy Sunday morning? [Baldwin: 393]. Then he turned back into the room, pale with assessments, with *guilt* deliciously beginning to *gnaw at the rope* with which he had *tied* it, *sharpening its teeth* for him [Baldwin: 398]. [Ср. Baldwin, 1985: 94, 216; 1988: 207 и др.].

Метафорическое олицетворение Дж. Болдуин дополняет другими метафорическими переносами. Для проведения параллелей метафорического характера Дж. Болдуин задействует состояние сна, болезни и родов.

Как состояние сна рассматривается любовь, влечение, но маркированность здесь далека от положительной, поскольку модель связывается с отсутствием взаимопонимания, чуждостью, расовым барьером. Как серый беспросветный сон предстает и стабильность, обеспеченное существование. And the encounter took place, at last, between two dreamers, neither of whom could wake the other, except for the bitterest and briefest of seconds. Then *sleep descended* again, the search continued, chaos came again [Baldwin, 1993: 212]. He saw no one around him worth his envy, did not believe in the vast, *gray sleep* which was called security [Baldwin: 212].

С болезнью, заразой, чумой ассоциируются отношение людей друг к другу, страх, ощущения, желания гомосексуалиста. His life, passions, trails, loves, were, at worst, filth, and, at best, *disease* in the eyes of the world, and *crimes* in the eyes of his countrymen [Baldwin, 1993: 212]. He could not escape the feeling that a kind of *plague* was *raging*, though it was officially and publicly and privately denied. Even the young seemed blighted – seemed most blighted of all [Bald-

win: 230–231].

Устремление к Богу, община в молитве связываются с процессом родов, продолжающимся всю жизнь. Модель станет более яркой, если вспомнить об особенностях афроамериканских религиозных служб, сопровождающихся криками, стонами, постоянным движением. *With this cry, and the echoing cries, the tarry service moved from its first stage of steady murmuring broking by moans and now and again an isolated cry, into the stage of tears and groaning, of calling around and singing, which was like a labor of a woman about to be delivered of her child. On this threshing floor the child was the soul that struggled to the light, and it was the church that was in labor, that did not cease to push and pull, calling on the name of Jesus. When Brother Elisha cried out and fell back, crying, Sister McCandless rose and stood over him to help him pray. For the rebirth of the soul was perpetual; only rebirth every hour could stay the hand of Satan* [Baldwin, 1985: 113].

Что касается приема метафорического олицетворения в контексте произведений Г. Брукс, Р. Дункана, М. Толсона, Л. Хансберри и Р. Хейдена, то группе чувств у всех авторов жестокими, мрачными чертами наделяются гнев (*anger*), страх (*fear, terror*), ненависть (*hate, hatred*), унижение (*humiliation*), неведение (*ignorance*), одиночество (*solitude*), несправедливость (*unjustice*).

...the late light slanting | In diluted gold bars across the boulevard brag | Of proud, seamed faces with mercy and murder hinting | Here, there, interrupting, all deep and debonair, | The pink paint on the innocence of *fear* [Brooks; цит. по: Ellmann, 1976: 823]. And, as the years have passed since that stormy meeting (...) I've very often pondered what she then tried to convey – that a holocaust is no respecter of persons; that what, today, seems merely *humiliation and injustice* for a few, can, unchecked, become *Terror* for the many, snuffing out while lives just as thought they were black lives; that if the American state could not protect the lives of black citizens, then, presently, the entire State would find itself engulfed [Hansberry, 1969: xiv]. ...Take away this *murdherin' hate*...an' give us Thine own eternal love! [Hansberry: 87]. I know many who have already been lapped up by this new Reich *terror*...know the arrests in the early morning, the shifty-eyed ones who follow, follow, follow... and know the people who are the victims: the quiet and the courageous [Hansberry: 103]. When I will have conquered all my days | When shall have become mistress of the miseries of ordinary | When I will have pummeled trouble into nothing | And fashioned the atoms of unqualified *despair* into a star of hope | When I will have made the agony of hours a lovely thing | And all the aching griefs of *solitude* and sweet and simple song | Why then | Death come and move with me to some other land | For I shall be ready then [Hansberry: 108]. They are as certain as Genêt that *the brooding hatred*, which intelligent whites are now apparently able to see, is somehow wedded to the blackness [Hansberry: 211]. Good bye *misery*... I don't never want to see your ugly face again! [Hansberry, 1988: 94]. Here wound-red earth | and blinding cottonfields, | rock hills where sachems counseled, | where scouts gazed stealthily | upon *the glittering death march | of De Soto* through Indian wilderness [Hayden; цит. по: Lauter, 1990: 124].

При этом упор делается на политические и расовые составляю-

щие. Такая трактовка характерна и для афроамериканского литературного дискурса конца XX в. He thought for a moment that he would not be able to stay the whole night. *Fear danced* inside him and voices kept coming to his mind. They warned him to leave [Дixon; цит. по: Lauter, 1990: 210]. I've heard this house laugh at me as it watched me eat too much, then felt *depression* sink into my spirit and steal my appetite for anything other than grief. And the house has seen me, tongue-tied with the children I no longer knew, when they still used to visit on the weekends before Lena married again [Golden; цит. по: Lauter, 1990: 308]. I am sane, he thought, smothering over any kinks in his reasoning and clutching *fear* by the neck [Kenan; цит. по: Lauter, 1990: 409]. *Pain* walking on me now. Jus' stomping on me. I can't see hear, I jus' screamin', «Mommy! Mommy!» [Sapphire, 1996: 10]. *The pain* stabbing me wif a knife and this spic talking 'bout relax [Sapphire, 1996: 10]. *Fever* grows in the secret places of our hearts, planted there when one of us decided to sell one of us to another [Wideman; цит. по: Lauter, 1990: 642–643].

Тем не менее, несмотря на суровый характер описываемых реалий и ощущений, используемые языковые средства, подбор синтаксических конструкций и лексем позволяют афроамериканским авторам смягчить свое повествование и напомнить о лирике блюза, не позволяющего обратить тоску в безысходность, оставляющего место светлой, тихой печали и легкой грусти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Маршак С. Я. Собрание сочинений : в 8 т. – М. : Художественная литература, 1969. – Т. 3 : Переводы из английских и шотландских поэтов.
- Baldwin J. Just Above My Head. – N. Y. : Dial Press, 1979.
- Baldwin J. Go Tell It On The Mountain. – A Laurel Book, N. Y., [1953], 1985.
- Baldwin J. If Beale Street Could Talk. – A Laurel Book, N. Y., [1974], 1988.
- Baldwin J. Another Country. – N. Y. : Random House, [1962], 1993.
- Du Bois W. E. B. The Souls of Black Folk. – Bantam Books, N. Y. ; Toronto ; London-Sydney ; Auckland, [1903] 1989.
- Ellison R. Invisible Man. – N. Y. : The Modern Library, 1992.
- Ellmann R. (ed.) The New Oxford Book of American Verse. – N. Y. : Oxford University Press, 1976.
- Gates H. L., jr (ed.) The Norton Anthology of African American Literature. – N. Y., London : WW Norton & Company, 1997.
- Hansberry L. Raisin in the Sun : a drama in three acts. – N. Y. : Random House, 1988.
- Hansberry L. To Be Young, Gifted, and Black ; Lorraine Hansberry in her own words. – Englewood Cliffs, N. J. : Prentice-Hall, 1969.
- Lauter P. (ed.) The Heath Anthology of American Literature. – U.S.A : D. C. Heath & Company, 1990. – V. 2.
- 101 Great American Poems : an anthology / ed. by American Poetry & Literacy Project. – U.S.A : Dover Publications, Inc., 1998.
- Sapphire. Push : a novel. – N. Y. : Alfred A. Knopf : Distributed by Random House, 1996.
- Wright R. Native Son and How «Bigger» Was Born. – N. Y. : Harper Perennial, 1993.

© Шустрова Е.В., 2006

РАЗДЕЛ 3. КЛАССИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Русова И.А., Толмачева М.В.

Сургут, Екатеринбург, Россия

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ КЛАССИКОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Abstract

It is the works of American scholars, who investigated the field of political communication back in the first half of the 20th century, that political linguistics of today is much indebted to.

In 1949 Harold D. Lasswell and Nathan Leites edited a collection of papers "Language of Politics: Quantitative Semantics Research" that was destined to become a real hallmark for American and world political linguistics. The list of classical works on political communication would have been faulty indeed without the articles by British scholar George Or....

Further on we provide the translations of Harold Lasswell' and George Or' articles in order to draw the attention of Russian scholars to the classical works on political linguistics. It is an attempt to show that these publications have lost none of their topicality and attraction.

Современная политическая лингвистика в значительной степени основана на классических работах американских специалистов, исследовавших политическую коммуникацию еще в первой половине прошлого века (Уолтер Липпманн, Пол Лазарсфельд, Гарольд Лассвелл, Натан Лейтес и др.). К сожалению, большинство этих публикаций мало известно в России, поскольку, во-первых, они находились под абсолютным идеологическим запретом в Советском Союзе, во-вторых, не были переведены на русский язык, а в-третьих, нередко воспринимаются как «преданья старины глубокой», которые имеют лишь исторический интерес для современной теории и особенно практики политической коммуникации.

Представленные ниже переводы призваны привлечь внимание российского научного сообщества к исследованиям классиков политической лингвистики и продемонстрировать, что их публикации по-прежнему интересны и актуальны.

В 1949 году был издан этапный для американской и мировой политической лингвистики сборник «Язык политики: исследования по количественной семантики» под редакцией Гарольда Д. Лассвелла и Натана Лейтеса (Lasswell H.D., Leites N. et al. Language of Power: Studies in Quantitative semantics. – New York: George W. Stewart, 1949). Книга подразделялась на три раздела. Первый из (INTRODUCTION) был целиком написан Гарольдом Лассвеллом и посвящен общим проблемам политической коммуникации и использованию для ее исследования количественных методов. Второй раздел (TECHNIQUE) включал статьи, посвященные более частным проблемам анализа политической коммуникации. В третьем разделе, который назывался (APPLICATIONS), были сосредоточены статьи по анализу конкретных политических текстов и их комплексов. Наиболее

важные из этих статей переведены на русский язык и подготовлены к публикации в данном и последующем выпусках сборника «Политическая лингвистика». Представляется, что современным российским читателям окажутся небезыntenесными статьи американских советологов, посвященные первомайским призывам в Советском Союзе, лозунгам Третьего Интернационала и методам коммунистической пропаганды. Но еще большую значимость имеет сама методология контент-анализа, которую разработали и успешно применили американские исследователи. Их опыт показал, что такое изучение позволяет объективно выявить многие тонкие нюансы политического мышления и выявить тенденции развития политической ситуации.

К числу классических исследований политической коммуникации справедливо относят и некоторые статьи английского писателя Джорджа Оруэлла, одна из которых представлена ниже в переводе И.А. Русовой.

Написанная в 1946 году статья «Политика и английский язык» ярко отражает мировоззрение автора, некоторые ее положения в наше время воспринимаются как чрезмерно мрачные, а значительная часть предсказаний автора, к счастью, не сбылись. В частности, шесть десятилетий назад Дж. Оруэлл писал: «Современная цивилизация находится в состоянии упадка, и наш язык – как показывают факты – тоже неизбежно движется к своему разрушению. Из этого следует, что любая борьба против некорректного использования языка – всего лишь дань сентиментальному консерватизму, подобно тому, как некоторые до сих пор предпочитают свечи электрическому свету. Под этим кроется полубессознательная вера в то, что язык – это просто часть природы, а не инструмент, формируемый и используемый человеком для реализации своих целей». Человечество нашло силы для значительно экономического подъема, однако по-прежнему актуально звучат слова английского писателя о необходимости совершенствования политического языка и об ответственности автора за восприятие его произведений читателями. Современные политические лидеры и журналисты по-прежнему используют осуждаемые Джорджем Оруэллом «мертвые метафоры», «слова, лишённые смысла», «вычурные выражения», «речевые уловки или ложные вербальные составляющие». Только сейчас подобные приемы все чаще воспринимаются как естественные черты политической коммуникации.

Серия классических для политической лингвистики публикаций специалистов, работавших в прошлом веке, будет продолжена в последующих выпусках сборника «Политическая лингвистика».

© Русова И.А., Толмачева М.В., 2006

ЯЗЫК ВЛАСТИ

С античных времен до наших дней язык власти привлекал всеобщее внимание и был предметом обсуждения и систематического исследования. Древние греки с их созерцательным типом мышления были восхищены многообразием способов использования языка, который они рассматривали как инструмент истины, изобразительно-выразительное средство и как орудие убеждения. Безусловно, величайшее влияние на последующее развитие научной мысли в этом направлении оказали идеи Аристотеля [Rhetorica and De Poetica 1924]. Тем не менее, самая непосредственная связь между теорией языка и властью была установлена благодаря многочисленным трактатам об ораторском искусстве, расцвет которых пришелся на античную эпоху. В Афинах, где действия коллектива так часто зависели от исхода полемики, софисты разработали практические правила успешной речи. Рим продолжил греческую традицию, что особенно отражено в трактате Цицерона «Об ораторе» (1942). Известно, что Плиний написал достаточно объемный учебник под названием *The Student* («Изучающий») [Lynn Thorndike 1929: 45].

В период Средневековья огромная роль устной коммуникации в практической жизни нашла свое отражение в существовании ряда трактатов, посвященных проповедям. Поскольку проповеди часто были нацелены на то, чтобы выйти за непосредственные рамки обряда или религиозного наставления, нельзя сказать, что ораторское искусство священнослужителей не имеет никакого отношения к исследованию политической деятельности. У нас есть достаточные основания полагать, что многие проповедники обладали способностью глубокого проникновения в контекст ситуации проповеди. Григорий Великий посвятил целую главу описанию различных типов публики, с которой придется иметь дело проповеднику, он насчитал не менее ста двадцати различных категорий слушателей. Показателем высокого уровня самоанализа являются пометки, обнаруженные на сохранившемся рукописном тексте проповеди, которую в 1500 г. читал Оливье Майяр: «Сядь – встань — сделай гримасу – Гм! Гм! – а теперь кричи что есть мочи» [Harry Caplan 1925, Etienne Gilson 1932: 93-154; Th. M. Charland, 1936].

После изобретения в Европе печатного станка в XVI веке литература по ораторскому искусству постепенно стала тесно связываться с использованием печатных изданий. В XX веке, благодаря двум изобретениям – кино и радио – голос и жестикаляция говорящего вновь обрели прежнее значение. Что касается современности, рост частных предприятий впервые стал причиной появления огромного количества ли-

тературы об искусстве привлечения покупателей. Еще одной характерной чертой нашей цивилизации с ее высокой степенью нестабильности вследствие быстро меняющейся и непредсказуемой жизни, является существование литературы по проблемам политической пропаганды. В целом, с ростом населения и профессиональной специализации люди начинают все больше стремиться урегулировать свою деятельность. Издаются справочники для коммерческих директоров, регулирующие их взаимоотношения с акционерами, покупателями, рабочими, представителями власти и другими группами. Свои «руководства к действию» имеют государственные служащие, профсоюзы, торгово-промышленные ассоциации и политические партии. В позднем Средневековье существовали книги об искусстве умирать; сегодня мы можем найти справочники о том, как организовать похороны [Sister Mary Catherine O'Connog 1942] (Автор отмечает: «В рукописи № 423 MODL, и след. стр. 192, имеется поэтическое сочинение, под названием 'Учиться умирать'. А в книге Дейла «Каталог британских и других писателей» 1548-51, на с. 480, упоминается (подражание искусству оплакивать (сочинение, изданное в Англии)) с. 1, примечание 1. Необходимо назвать также книгу Эвелин Во, «Любимый», Литл Браун, Бостон, 1948»).

Эмоциональное сопротивление исследованию. С тех пор как человек осознал действенную силу слова — будь то власть, прибыль или возможность сохранять присутствие духа — он всегда сопротивлялся возможности объективно оценить значение языка. В этой связи достаточно вспомнить тот отрицательный оттенок, который так долго связывался со словом «софист», несмотря на то, что греческие софисты были выдающимися учителями риторики. Даже само слово "риторика" в дополнении к положительному смыслу приобрело отрицательную коннотацию. Уильям Батлер Йетс в своей книге очерков «Идеи добра и зла» называл это явление, характерное для не слишком проникательных людей, «желанием, стремящимся завершить работу воображения». Этим можно объяснить употребление резких определений в повседневной разговорной речи: считается, что увлекаться риторикой — значит быть фальшивым, напыщенным и неискренним.

Не трудно понять, почему существует так много факторов, обуславливающих враждебность, с которой люди относятся к изучению практического воздействия языка. Обычный человек далек от того, чтобы применять к языку тот же беспристрастный подход, с которым он пользуется выключателем электрического освещения — слова тесно связаны с нашей изначальной психологической установкой. Слова и мимика во многом и напрямую определяют наше самочувствие. Если обычные слова приветствия сказаны неучтиво, нам становится неприятно; и они должны быть произнесены в точности с соответствующей интонацией. Нам трудно было бы досконально передать малейшие словесные претензии, которые мы предъявляем своим соседям, или

которые они предъявляют нам, однако мы знаем, что нам нравится или, по крайней мере, что нам не нравится в каждой конкретной ситуации. Одним словом, статус нашей личности в целом включен в поток вербальной информации, в котором выражено почтительное отношение к нам окружающих. И если мы принадлежим к тем несчастным и все еще многочисленным группам людей до некоторой степени неуверенных в себе, мы склонны уделять излишнее, чрезмерное внимание деталям повседневного дискурса. Мы становимся сверхчувствительны к всевозможным проявлениям неуважения, независимо от того, является ли это реальностью или плодом нашего воображения. Мы заново переживаем каждый контакт, спрашивая себя, что означала эта полуулыбка – дружелюбие или скрытую насмешку, и недоумеваем, был ли отрывистый тон собеседника следствием его спешки либо он просто был слегка обижен, или же мы слишком далеко зашли, обращаясь к шефу просто по имени (Показателем того, что слова могут производить определенный эффект, является использование их для защиты от словесных нападений. Фредерик Дуглас (негритянский оратор): «Джентльмен не будет оскорблять меня, и ни одному человеку, не являющемуся джентльменом, я не позволю оскорбить себя». «Клятвы – всего лишь слова, а слова – всего лишь ветер» (Сэмюэль Батлер, *«Гудибрас»*). Много лет назад Сенека заметил: «Уметь спокойно переносить недоброжелательное отношение окружающих – это первое, чему должны научиться те, кто стремятся быть у власти»)

Развитие ребенка и язык. Благодаря изучению бесконечных внутренних монологов у больных с невротическими расстройствами, наконец, удалось доказать, что с самого рождения язык имеет огромное значение для осознания собственного «я». Ни один ребенок не может полностью адаптироваться в человеческом обществе, до тех пор, пока он не начнет успешно прокладывать свой путь сквозь лабиринт языка. Ни одно из достижений ребенка не становилось предметом столь бурного обсуждения, по крайней мере, в нашей цивилизации, как его первые произнесенные слова и последующее приобретение языковых навыков. С самых первых дней жизни, наша речевая способность служит не только удовлетворению элементарных практических потребностей в еде и защите. Это своего рода измерительный прибор, с помощью которого мы постоянно оцениваем нашу личность как целое. Как правило, способность к речи всегда несет с собой целый поток снисходительности со стороны членов ближайшего окружения и за его пределами, когда первые неудачи травмируют «я» ребенка.

Дальнейшее усложнение нашего отношения к языку выражается в чувстве обиды, испытанном нами в детстве в ответ на произвольность и непонятность речи взрослых. Ее быстрота, за которой нам порой трудно успеть, и использование слов, гораздо длиннее тех, что мы можем усвоить, оказывается для нас своего рода псевдорекламой того,

какую роль будет играть для нас общение в будущем. Неудивительно, что ребенок придает огромную значимость языку и его способности содержать в себе скрытую информацию. and to secrecy. Отсюда становится ясно, почему так много усилий нередко предпринимается для создания тайных языков. Комичной эту ситуацию отчасти делает то, что сами взрослые нередко выступают противниками своей же собственной языковой монополии [Pierre Bovet 1923].

Политическая магия и язык. Теперь, когда мы рассмотрели мощные факторы, обуславливающие раннее развитие личности, мы можем понять, какую огромную роль играет магия и магические слова в политической истории человечества. Задачей общества было внести некую корректировку в мир детских иллюзий путем постепенного приведения их в соответствие с реальной действительностью. Некоторые культуры сделали всего лишь несколько нерешительных шагов в этом направлении, и взрослые суждения обладают меньшей ценностью, в связи с чем в определенные периоды даже наиболее образованные члены сообщества вновь обращаются к примитивным формам мышления.

Согласно магическому отношению к жизни, символы и знаки обладают необъяснимой силой. Чародеи, предсказатели и знахари высоко ценились при дворах древних правителей, а также среди простого народа. И даже если магический обряд состоял из определенных действий над материальными предметами, его неотъемлемым элементом обязательно являлись заклинания и магические формулы. Когда речь идет об оккультном знании, считается, что именно нужные слова смогут приоткрыть завесу таинственности. Для того чтобы вспомнить примеры магического отношения к жизни, достаточно лишь открыть труд Плиния Старшего «Естественная история». В Древнем Риме кометы нередко считались символами несчастья. Один из ранних императоров, опасаясь астрологов, изгнал всех, за исключением тех, кто находился при дворе, за пределы Рима и Италии из-за их слишком вольных предсказаний относительно его смерти. Считалось также, что некоторые камни якобы оберегают публичных ораторов или дают право находиться в присутствии королевского окружения, а кровь Василиска помогает богам услышать людские молитвы, а тем, кто у власти – удовлетворить адресованные к ним прошения [Lynn Thorndike 1929: 70].

В самом деле, политика и магия так тесно переплелись, что в сознании людей искусство политики порой неотделимо от магии. В сочинении Филона Александрийского «О снах», написанном в первом веке н.э., Иосиф и его «Многоцветный плащ» – это своего рода сравнение с «пестрой паутиной политических интриг», где в каждом правдоподобном высказывании тесно переплетаются и ложь, и «малейшая частичка правды». Филон сравнивает политиков и государственных деятелей с

прорицателями, чревовещателями и колдунами, «людьми, владеющими искусством магии, заклинаний и всевозможных фокусов, чьей вероломной хитрости очень трудно противостоять». Двенадцать веков спустя, Моисей Меймонид провел подобные аналогии в своем сочинении «Путеводитель для Озадаченного». Считалось, что в некоторых людях преобладает способность к воображению, тогда как рациональная способность остается недостаточно развитой. «Так появились объединения политиков, законодателей, предсказателей, колдунов, провидцев... и фокусников, которые творят чудеса при помощи странного искусства и оккультных наук» [Lynn Thorndike 1929: 358-359].

Лингвистика. Не смотря на некоторое сопротивление изучению некоторых аспектов языка, наука лингвистика в целом может гордиться долгой, богатой и успешной традицией. Как бы там ни было, на развитие научного подхода к языку глубокое влияние оказало изначальное магическое отношение к жизни. В Индии, благодаря влиянию брахманов, Веды считались наделенными такой магической силой, что малейшая неточность в произношении, ударении или ритме сводили к нулю значение всей жертвенной формулы. Фонетика, грамматика, этимология и метрика возникли из стремления достичь должного понимания и чтения священных текстов. Музыка как наука произошла вследствие того, что жрецу нужно было исполнять священные песни. Точное измерение было необходимо для постройки алтарей, а астрология использовалась для того, чтобы вычислить подходящее время для жертвенного обряда. Начиная с восемнадцатого века, литература Индии стала оказывать непосредственное влияние на европейскую науку; изучение текстов Ригведы (одна из четырех старейших частей Вед) способствовала развитию компаративной филологии (См. H. D. Griswold for a brief statement on «Brahmanism and Hinduism» in the *Encyclopaedia of the Social Sciences*).

Большинство законов научной лингвистики содержат в себе обобщение того, как составные части данной языковой структуры взаимодействуют с языком в целом, и как одна языковая структура влияет на другую. Поразительным примером предположений, которые выводятся из лингвистических законов, является работа Эдварда Сепира о атабаскских языках Северной Америки. Сравнивая базовый звуковой строй близких языков, он сделал предварительный вывод о существовании в языке хупа начального *ku*, несмотря на отсутствие данной комбинации в документах того периода. Тем не менее, летом 1927 г. Сепир провел ряд независимых исследований, изучая язык хупа, и обнаружил эту отсутствующую и выведенную им комбинацию. Существование подобных конструкций в других языках было также сначала предположено, а потом и доказано другими учеными, что явилось доказательством

внутреннего сдвига в фонетическом строе языков. Данный тип лингвистических изменений необходимо включить в список их более явных разновидностей (изменения по аналогии, заимствования) [Edward Sapir 1931: 297-306].

Функции языка. На пути перехода от законов компаративной грамматики и фонетики к принципам практического использования языка для определенных целей еще много белых пятен. Влияние человеческого фактора на развитие языка пока доступно пониманию лишь частично. Другие разнообразные функции языка, такие как, напр., язык власти, также не были предметом подробного изучения (Инициатором исследований в данной области стал Стенли С. Ньюмен в своей работе *«Язык, культура и личность»*, *Очерки памяти Эдварда Сепира*, опубликованной в 1941. Одна из ранних попыток выделить «специальные языки» в отдельную область была предпринята Арнольдом ван Дженнепом (1908). Он выделял «священный» и «светский» язык и также разделял предположение о том, что в состав «специальных языков» входят слова, являющиеся элементами: (а) общего языка, или (b) элементами, отсутствующими в нем. О современном состоянии лингвистического знания [см. Leonard Bloomfield 1933; Н. Pedersen 1931. С. W. K. Gleepur 1941]; проникновение политического языка в другие функциональные области время от времени изучалось также [А. Harnack, Militia Cliristi 1905]. Политическая лексика и образы были предметом исследования во многих научных работах, разновидностях литературы и других СМИ. Примеры: James Emerson Phillips Jr. 1940; Robert Taylor 1941; Richard Lattimore, 1942).

Существуют различные функции языка, в зависимости от намерения говорящего и достигаемого эффекта. Когда речь идет об оказании какого-либо воздействия на сферу власти, можно говорить о политической функции языка. В рамках данной концепции возможно два крайних варианта, первый – это непреднамеренное воздействие, оказываемое на сферу власти, а второй – полное отсутствие ожидаемого эффекта. Возможно, следует упомянуть, что политические намерения и воздействия иногда не лишены экономических и т.п. мотивов и последствий.

Когда мы говорим о политике как науке, мы имеем в виду науку о власти. Власть – это принятие решений. Решение – это санкционированный выбор, выбор, который влечет за собой серьезные последствия для того, кто осмелится ему противостоять.

Следовательно, язык политики – это язык власти. Это язык решений. Он регистрирует решения и вносит в них поправки. Это боевой клич, вердикт и приговор, закон, постановление и норма, должностная присяга, спорные вопросы, комментарии и прения.

Когда мы рассматриваем функции языка, мы исследуем бинарные отношения между функцией и языком. Наши главные вопросы при этом: каково влияние функции на язык и наоборот, языка на функцию? (по терминологии Чарльза В. Морриса, это прагматика коммуникации).

Когда мы изучаем влияние функции на язык, нас интересуют два аспекта языка, один из которых семантический, а другой синтаксиче-

ский. (эти термины также используются в значении, предложенном Чарльзом В. Моррисом). Политическая семантика рассматривает ключевые понятия, слоганы и догматы с точки зрения их восприятия. Политический синтаксис, с другой стороны, имеет дело с логическими и грамматическими отношениями. Историки, которые описывают современный политический лексикон в данном государстве, предоставляют нам живой материал (сырье) для политической семантики. Часто теоретики политической доктрины указывают на существование необоснованных или несостоятельных доктрин и, в некотором роде, вносят свой вклад в развитие политического синтаксиса.

При анализе политической семантики, нас интересуют две проблемы: одна из них – смысл сказанного, другая – стиль изложения. По традиции в политической науке вопрос смысла изучается достаточно полно, однако вопросам стиля, т.е. сочетания элементов, используемых для формирования сообщения, уделяется очень мало внимания. Поэтому настоящая глава, в которой рассматриваются главным образом вопросы политического смысла, посвящена обзору ряда хорошо известных категорий, необходимых для анализа языка власти. Вторая глава, напротив, посвящена стилю, и призвана проложить новый путь в этом направлении.

Политические категории: Политический миф. Исследования языка учеными-политологами привели к возникновению ряда пограничных категорий, в частности политического мифа. «Вся совокупность верований, существующих в данную эпоху, в большинстве случаев может быть сведена к определенным фундаментальным допущениям, которые в данное время, независимо от того, являются ли они верными или ложными, воспринимаются массами как чистая правда, при этом присутствует такая уверенность, что их едва ли можно назвать допущениями» [Dicey 1924: 20]. Политический миф содержит в себе «фундаментальные допущения», касающиеся политических вопросов. Он состоит из символов, к которым прибегают не только с целью разъяснения, но и оправдания специфических практик власти.

Неверно полагать, что термин «миф» обязательно придает вымышленный, ложный или иррациональный оттенок входящим в его состав символам, хотя зачастую имеются основания для подобной интерпретации.

Данный концепт по своему значению стоит в одном ряду с такими значительными понятиями классической литературы, как платоновская «ложь во благо», марксистская «идеология», сорелевский «миф», «политическая формула» у Моски, «деривации» у Парето, «идеология» и «утопия» у Мангейма и др.

Политическая доктрина: миранда. В состав политической док-

трины входят основные ожидаемые результаты и требования, касающиеся политических отношений и практик в данном обществе. В данном контексте Мерриам упоминает понятие «креденда» («догматы веры») – то, во что надо верить, разграничивая его с понятием «миранда» – то, что рассчитано на эмоциональное восприятие. «Креденда власти ... содержит в себе основания приятия индивидом данной власти. И это приятие во многом может определяться отношением к правительству в целом, к отдельным политикам или к системе власти популярной в данное время в отдельно взятой административной единице». Политическая доктрина изложена в официальных документах: конституциях (особенно в преамбулах), уставах, официальных декларациях и т.д.

Зачастую политическая теория служит главным образом для реализации принципов политической доктрины. Нет четкого разграничения между гипотезами политической науки и требованиями и ожиданиями политической философии. Этот вопрос достаточно убедительно изложен Мерриамом, который считает, что теории государства «во многом служили оправданием или рационалистическим обоснованием действий людей, находящихся у власти или стремящихся к ней – защита расовых, религиозных, классовых интересов в силу своего особого положения» [Charles 1925: xiv]. Одним словом, теории государства часто являлись своего рода воплощением политической доктрины.

В то же время, правовые и экономические теории часто служили основанием для формулировки политической доктрины, не независимо от их научного смысла. В самом деле, научные суждения в собственном смысле слова могут в то же время функционировать как политические символы, это особенно касается социальных наук. Как подчеркивал Луис Вирт, «Каждое утверждение 'факта' о социальном мире затрагивает интересы какого-либо индивидуума или группы» [Karl Mannheim 1936: xvii]. Данный факт не ставит под сомнение объективность суждения, однако он не акцентирует его возможное функционирование ни в политическом ни в исследовательском процессе.

Другим важным компонентом политического мифа, заключающим в себе (по крайней мере, в его латентном содержании) множество элементов политической доктрины, являются различные разработки социальных норм, теории того, что принято, правильно, хорошо. Милл в своем труде «О свободе» заметил, что «всегда, когда существует господствующий класс, моральные нормы страны во многом определяются интересами этого класса, а также его чувством классового превосходства». И дело не только в том, что это «исходит» от социальной структуры, но и в том, что здесь же коренятся фундаментальные оправдания существования подобной структуры. Подобная взаимосвязь

между классовыми предпочтениями и социальной структурой подчеркивалась в работах Веблена и других исследователей.

Миранда – это символы, выражающие отношение и самоидентификацию в политическом мифе. Их функция заключается в том, чтобы вызвать восхищение и энтузиазм, укрепляющие веру и чувство лояльности индивида к власти. Они не только вызывают необходимые для существования данной социальной структуры эмоции, но способствуют осознанию необходимости разделить эти эмоции с другими людьми, тем самым, стимулируя всеобщую классовую идентификацию и создавая основу для солидарности. «Эмблема или знак социальной принадлежности», как говорил Гиддинг, «не только обращают внимание человека, который видит или воспринимает его, на предмет или факт, который они символизируют, но и пробуждают в нем определенные чувства; они также заставляют его прислушаться к этим чувствам и обратить внимание на поведение окружающих, вызванное данными символами. Благодаря такому осознанию поведения и эмоций других людей он сам тотчас попадает под их влияние, которое равноценно первоначальному эффекту от этой эмблемы или знака социальной принадлежности» [Franklin 1901: 138]. Флаги и гимны, церемонии и демонстрации, group народные герои и окружающие их легенды – все это примеры, иллюстрирующие важность миранды в политическом процессе.

Политическая формула. *Политическая формула* это часть политического мифа, детально описывающая и определяющая рамки социальной структуры. Этот термин был заимствован у Моски, который, тем не менее, также использовал его для обобщения понятия политическая доктрина [Gaetano Mosca 1939]. Если политическая доктрина – это «философия государства и правительства», то политическая формула воплощает в себе основной общественный закон государства. Доктрина формирует, если можно так выразиться, постулаты формулы, следовательно, ее основным источником являются преамбулы конституций, причем последние считаются важным источником формул. Политическая формула, другими словами, уточняет содержание политической доктрины для специфических и более или менее конкретных политических моделей. На пример, политическая доктрина божественного права короля может быть конкретизирована в политической формуле посредством системы королевских привилегий, правил наследования престола, модели поведения по отношению к дворянской аристократии и т.д.

Политическая формула носит одновременно прескриптивный и дескриптивный характер – ее характерной чертой является двоякое толкование в соответствии с общепринятыми нормами («...если взять реальное значение той или иной формулировки закона, мы можем сказать, что оно двусмысленно; мы называем его нормативно двусмысленным, потому что здесь употребляется

слово «закон», а «закон» – это слово, которое отсылает нас к нормам, даже если не ясно, касается ли норма, о которой идет речь, только говорящего, является ли она общей для всех, или же, будучи всеобщей, данная норма не имеет никакого отношения к говорящему. Опыт повседневности служит доказательством огромной роли подобного рода нормативно двусмысленных утверждений в дискурсе, целью которого является толкование «закона», «морали» или «божественно воли». У нас возникает множество сомнений на предмет того, можно ли интерпретировать суждение 'Это правильно (с точки зрения морали)' как утверждение, имеющее смысл 'это закон', а фраза 'это воля божья' является не менее двусмысленной. Употребляя подобные словесные цепочки, говорящий может намеренно скрывать свои предпочтения и мнения относительно спорных вопросов, а также привлекать большее внимание к тому, что он говорит, озвучивая нормы, принадлежащие чуждой говорящему ценностной системе» [Lasswell, McDougal 1943: 267]). Она прескриптивна т.к. предполагает соответствие определенной спецификации и содержит в себе символы, нацеленные на аргументированное оправдание или осуждение данных политических практик. Но ее также можно назвать дескриптивной, поскольку, действительно, в определенной степени в ней присутствует соответствие предъявляемым требованиям, и, предположительно, в том, что данная формула принимается большинством людей как корректно описывающая модели и практики власти.

Ключевые символы и слоганы. В любом современном государстве всегда есть специалисты по внедрению, разработке и применению политического мифа. Прерогативой политического философа является доктрина; законодатели трудятся над созданием политических формул; ритуалисты и люди творческих профессий шлифуют миранду. Политики пытаются постепенно применять доктрину и формулы для решения текущих вопросов.

Безусловно, обычный человек проявляет лишь эпизодический интерес к тем тонкостям, которыми занимаются философы или законодатели и даже многие политические лидеры. Тем не менее, существует некий общий знаменатель между высказываниями обычного человека и мыслителя или политика. Все они используют ключевые символы.

Ключевой символ – это основной компонент политического мифа. В США ключевыми словами считаются «права», «свобода», «демократия», «равенство». Подобные термины можно встретить в сложных научных трудах, написанных профессорами, услышать на судебных заседаниях, в кулуарах Конгресса или просто на улице.

Одной из очевидных функций ключевого символа является функция формирования общественного опыта для каждого человека в государстве, от самого могущественного политического лидера до самого рядового обывателя или философа. В самом деле, одним из немногих обстоятельств, объединяющих людей независимо от расы, происхождения, профессии, принадлежности к партии или религии, является то, что на их сознание постоянно воздействует один и тот же набор

ключевых слов. Данные термины способствуют развитию чувства лояльности к власти и тем самым обеспечивают единство населения страны.

В том же ряду, что и ключевые символы стоят и слоганы, которые занимают промежуточное положение между отдельным словом и полноценным предложением с философским или политическим смыслом. Характерным признаком слогана или максимы является наличие краткой цепочки слов, смысл которой становится ясен за счет многократного повторения или в определенном контексте. Среди самых знаменитых афоризмов Английской конституции можно назвать «Король бессмертен» и «Король всегда прав». «Свобода слова», «Суд присяжных», «Билль о правах», – все это фразы, которые функционируют как слоганы.

Идентификации, требования, ожидания. Для более тщательного исследования удобнее классифицировать символы и утверждения в зависимости от типа отношений между автором суждений и заключенной в них информацией. Суждения, которые способствуют формированию у говорящего или пишущего определенных предпочтений или позиций, – это требования. В свою очередь, суждения, не являющиеся требованиями, могут подразделяться на те, которые определяют границы «я» их автора, и все остальные высказывания. Фраза «Я Американец» представляет собой идентификацию, т.к. она ставит в один ряд «Я» (эго-символ автора высказывания) и тех, кого называют «Американцы». Тотальное я каждого человека включает в себя всех тех, кто составляет его первичное «я». Как правило, речь идет о семье и друзьях, соседях и сослуживцах, а также соотечественниках – представителях той же нации. Суждения, не являющиеся ни требованиями, ни идентификациями, – это ожидания. Они всего лишь помогают говорящему или пишущему правильно сориентироваться (ключевые символы, которые обычно функционируют в суждениях как идентификаторы или как указатели требований и так называемого положительного отношения к власти, могут быть названы символами идентификации, требования и ожидания) (Различия между ними описаны в книге [Lasswell 1935]. Иногда автором используется термин «положительно отношение» как синоним слову ожидания).

Типы мифов: идеология и утопия. Тотальный миф любой общности людей всегда имеет один неизменный компонент: оправдание и высокое положение власти. Для характеристики этой части мифа принято использовать термин «идеология». В некоторых группах присутствует другой элемент, а именно, неприятие существующей идеологии. Часто порядок, установленный в государстве подвергается критике в каких-то аспектах, и предлагаются частичные реформы. В большинст-

ве случаев, тем не менее, имеют место встречные течения, выражающиеся в целом спектре различных доктрин и конституционных поправок, которые носят хоть и революционный, но антиреформистский характер. Когда критикуется фундаментальные принципы власти, которыми руководствуется правительство, и вся система распределения благ в обществе. Мы наблюдаем столкновение «утопического» мифа и существующей идеологии.

Примеры революционных изменений мирового значения. Некоторые утопические мифы имеют отношение не только к какой-либо конкретной территории, но и к миру в целом. Доказательствами необходимости тотальной перестройки человеческого общества являются так называемые исторические мифы, повлекшие за собой коренные изменения мирового значения. Они провозглашают и провоцируют незамедлительные и резкие изменения социального строя. Когда подобный миф пропагандирует или предсказывает коренной переворот, его можно назвать не только мировой революцией, но и «радикальным» по своей природе. В 1939 г., накануне Второй Мировой Войны, в мире существовало несколько подобных мифов, в частности, коммунизм, фашизм и национал-социализм. Но либерализм постепенно приобрел характер «умеренного», в силу того, что в мире больше не было того всплеска энергии, какой можно было наблюдать в 1789 г.. А на Дальнем Востоке уже был на подходе новый культ с чрезвычайно местным колоритом (Джапанизм).

Ограничение и распространение. Одна из главных проблем политической науки – это изучение факторов, способствующих сокращению или распространению политических доктрин и формул. Безусловно, речь идет об исследовании исторических и современных тенденций в пропаганде политических мифов и анализе сопутствующих и препятствующих ей факторов. Методы «контент-анализа», описанные и примененные в данной работе, были разработаны для систематизации тенденций и оценки наиболее важных факторов.

Несколько научных работ посвящены подробному изучению одного их крупнейших примеров революционных изменений мирового значения, произошедших в нашу историческую эпоху, – примера России (Данные труды являются частью исследовательской программы, которая в частности включает в себя работу [Лассвелла, Блуменсток 1939]). Нет сомнений в том, что переворот 1917 г. в России было ни что иное, как решающая фаза расцвета мирового революционно-радикального движения. Движение приобретает «революционный» характер, когда оно приводит к быстрым трансформациям и доктрин и институтов власти; оно становится «революционным в мировом масштабе», когда подобные трансформации происходят в нескольких государствах в одну и ту же историче-

скую эпоху; и наконец, его можно назвать «радикальным» когда используемые его участниками методы включают в себя насилие. Коммунисты были инициаторами движения, которое приобрело всемирный, «всеобщий» характер, оно не ограничивало себя рамками поставленной цели, и было революционным по своему размаху и радикальным по методам.

Если бы элита, захватившая власть в России, смогла бы достичь мировой революции, у нас был бы пример «тотального распространения», очагом которого являлся бы территориальный центр (который все время следил бы за тем, чтобы ключевые символы и практики оставались одни и те же). Если бы коммунизм был ликвидирован контрреволюцией, тогда можно было бы говорить о «тотальном ограничении» их влияния. Однако пикантность изучения событий недавней мировой политики заключается как раз в том, что ни тот, ни другой процессы не смогли «в полной мере» одержать верх; в данном случае имело место «частичное распространение» и «частичное ограничение».

Всю неповторимость российской модели можно обнаружить, если проанализировать события первых нескольких лет после захвата власти большевиками. Ключевые символы, слоганы и доктрины отчетливо видны в текстах официальных постановлений, резолюций и устных выступлений; с целью определения относительной степени значимости каждого входящего в их состав слова или мысли можно провести сравнительное исследование по авторитетным источникам (О технических средствах проведения подобных сравнений [см. Лассвелл 1945]).

Несмотря на то, что уловить распределение символов относительно легко, вывод о том, имеем ли мы дело в данном случае с ограничением или распространением, не всегда очевиден без дальнейшего исследования. Дело в том, что в обоих процессах присутствуют элементы взаимодействия, без которого данные явления можно было бы назвать просто «развитие» или «сокращение».

Рассмотрим с данной точки зрения термин «Социалист» в Немецком национальном социализме. Задолго до русской революции «Социализм» считался ключевым термином немецкой политики; несомненно, он стал предопределяющим фактором в фашистском выборе. Однако, кроме того, есть основания полагать, что на употребление данного символа оказала влияние Русская революция, так как нацистские лидеры сознательно стремились не допустить того, чтобы коммунисты присвоили себе их эксклюзивный термин.

Для оценки стабильности политического языка необходимо выбрать авторитетные источники. Одно из исследований, входящих в состав данной книги, посвящено обзору ежегодных первомайских лозун-

гов Российской коммунистической партии в период между 1918 и 1943 гг.; другие исследования анализируют деятельность и материалы Третьего интернационала.

С чисто формальной точки зрения, любые изменения, происходящие в языке политики, удобней классифицировать как «добавления», «лакуны» и «вариации». Другой, более значимый способ классификации языковых изменений – их группировка по отношению к прошлому: является ли данная реалья «вновь возрожденным архаизмом» или «инновацией»? На первых порах, успешные революционные движения стремятся уничтожить все, что может ассоциироваться со старым режимом; но с течением времени все старое вновь возрождается, по крайней мере, частично.

Как только вопрос о том, что перед нами – инновация или вновь возрожденное употребление – считается решенным, необходимо понять, носит ли данное изменение «прогрессивный» или «реакционный» характер. Прогрессивным мы называем то изменение, которое по своей природе *не противоречит* или *способствует* формированию свободного общества. Постольку поскольку Русская революция предлагала заменить царизм на более демократическую идеологию и более демократический набор социальных институтов, она носила прогрессивный характер. Однако ее можно назвать реакционной в том смысле, что в ней можно увидеть множество антидемократических черт и последствий, дающих о себе знать в настоящее время.

Мимоходом заметим, что вновь вошедшие в обиход словоупотребления не обязательно относятся к недавнему прошлому, поскольку вполне возможно, предпосылкой возникновения прежнего режима были действия правительств, носившие более прогрессивный или более реакционный характер. Следующий важный момент, касающийся классификации, заключается в том, что описать ситуацию, в которой явление является прогрессивным лишь частично, чрезвычайно трудно. Напр., режим, который является в значительной степени демократическим по форме, может использовать антидемократический средства для достижения поставленных целей (по сути, для достижения более совершенной свободы). Вопрос о том, можно ли считать прогрессивным проведение реакционной политики для разжигания протеста, является спорным (Тот факт, что подобные утверждения часто основаны скорее на целесообразности пропаганды, нежели на правдоподобном исследовании, не может заставить нас закрыть глаза на то, что, возможно, они являются верными. Хотя поиск истины в подобных вопросах является одним из самых тонких проявлений политической оценки. Во многих случаях удобнее рассматривать политическую реалью не только в ее отношении к прошлому, но и к теоретическим нормам; ее также можно сопоставить с современными политическими доктринами и институтами. В результате мы констатируем «подобие» или «индивидуальное своеобразие»; а если речь идет о взаимо-

действии, обнаруженные сходства являются следствием «полной или частичной ассимиляции» (или же «синхронизации»). Когда формирование индивидуального своеобразия происходит на фоне взаимодействия, предполагается «полное или частичное отторжение» (при отсутствии взаимного влияния, мы имеем дело с «дивергенцией»)).

В истории нет примера полного распространения революционной модели по всему миру или, даже за недавний период, в пределах европейской территории. Море Французской революции вышло из берегов и затопило большую часть континента, однако только для того, чтобы потом отхлынуть; а русская волна уже была чем-то качественно иным. Когда во время Второй мировой войны поиск союзников проводился среди элиты, исповедующей различные доктрины, политическая разношерстность отнюдь не являлась преимуществом. Последняя более уместна тогда, когда больших результатов можно достичь, обратившись к народным массам различных национальностей, нежели осуществляя поиск компромиссов с иностранной элитой.

Однако, уделяя слишком пристальное внимание событиям в России, мы можем упустить из виду некоторые из важных предвестников будущих политических стратегий. И если верить истории прошлых революционных волн, революционные инициативы мирового масштаба не рождаются из кратера недавно извергавшегося вулкана. Противостояние фашистского «расизма» и коммунистического «материализма» началось за пределами России. Даже более значительные движения могли зародиться где угодно, в том числе среди тех, кто, вслед за Троцким, видел в сталинизме «реакционную измену» делу «пролетариата».

Язык как инструмент власти. Изучение процессов ограничения и распространения требует обращения к общей теории языка и к языку как фактору, определяющему состояние власти и фиксирующему различные политические тенденции. Определенная часть реформ, осуществляемых властью, вызвана языковыми причинами, в связи с этим, одной из наших задач является установление соотношения между специальной теорией языка, политикой и общей теорией власти.

С помощью власти мы можем понять взаимоотношения между людьми, которые, в случае необходимости, делают свой выбор по принуждению. Слова и власть тесно связаны между собой, поскольку показатели власти во многом носят вербальный характер (приказание – выполнение приказа, предложение – одобрение, и т.п.). Слова также имеют большое значение в переходные для власти периоды – во времена революционных волнений и конституционных инноваций.

Следовательно, нашу проблему можно сформулировать следующим образом: при каком условии слова оказывают влияние на действия власти? Если предположить, что «действия власти», в которых мы заинтересованы, соотносятся с буквой R, задача состоит в том, чтобы

понять, какие слова из окружения тех, кто находится у власти, будут оказывать большее влияние на R, настраивая аудиторию определенным образом (при условии постоянства всех прочих факторов). От чего зависит тот факт, что революционный призыв может быть отвергнут или подхвачен массами? Что определяет реакцию на предложение о необходимости реформ, на побуждение к решительным или умеренным действиям?

Основной закон власти можно сформулировать достаточно просто: когда люди хотят достичь власти, они действуют в соответствии со своими представлениями о том, как добиться наибольшей власти. Поэтому, используемые ими символы (*слова и образы*) оказывают влияние на власть, поскольку воздействуют на представления о власти [См. Lasswell 1948].

Для того чтобы проверить или применить на практике данные утверждения, необходимо знать определенную информацию о каждой конкретной аудитории. Какие символы, обозначающие власть и указывающие на изменения в иерархии власти, воспринимаются данной публикой? Какое средство массовой информации способно довести сообщение до их сознания, и какое отношение к данному каналу информации идеально подходит для восприятия цитируемых в нем символов? Какой стиль изложения оказывает влияние на позицию, занимаемую по отношению к содержанию транслируемой информации?

В том, что касается анализа политического смысла, мы вооружены целым набором категорий, которые достаточно хорошо изучены филологами. Иначе дело обстоит с изучением стиля изложения политической речи. Здесь пролегает граница еще не исследованной области, которая не имела никакого научного интереса и значения. В следующей главе мы в целях размышления и научного исследования, в общих чертах рисуем теорию стиля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

A. V. Dicey, Lectures on the Relation Between Law and Public Opinion in England during the Nineteenth Century, Macmillan & Company, Ltd., London 1924.

Charles E. Merriam, New Aspects of Politics, University of Chicago Press, Chicago, 1925

Edward Sapir, «The Concept of Phonetic Law as Tested in Primitive Languages by Leonard Bloomfield», Methods in Social Science; A Case Book, University of Chicago Press, Chicago, 1931.

Etienne Gilson, «Michel Monot et la technique du sermon médiaéval», Les Idées et les lettres, Paris, 1932.

Franklin H. Giddings, Inductive Sociology, Macmillan Company, New York, 1901.

Gaetano Mosca, The Ruling Class, McGraw-Hill, New York, 1939.

H. Pedersen, Linguistic Science in the Nineteenth Century, Harvard University Press, Cambridge, 1931.

Harnack, Militia Cliristi. Die Clirisiliche Religion u. der Soldatenstand in den ersten drei

Jahnhunderten, 1905.

Harold D. Lasswell, *World Politics and Personal Insecurity*, McGraw-Hill, New York, 1935.

Harry Caplan, «A Late Mediaeval Tractate on Preaching», in *Studies in Rhetoric and Public Speaking, In Honor of James Albert Winans*, by pupils and colleagues, Century, New York, 1925.

James Emerson Phillips Jr., *The State in Shakespeare's Greek and Roman Plays*, Columbia University Press, New York, 1940.

Karl Mannheim, *Ideology and Utopia; An Introduction to the Sociology of Knowledge*, with a preface by Louis Wirth, Harcourt, Brace & Company, New York, 1936.

Leonard Bloomfield, *Language*, New York, 1933.

Leslie Speier, A. Irving Hallowell, Stanley S. Newman, *Sapir Memorial Publication Fund*, Menasha, Wisconsin, 1941.

Lynn Thorndike, *A History of Magic and Experimental Science During the First Thirteen Centuries of Our Era*. Macmillan, New York, 1929, Vol 1.

Pierre Bovet, *The Fighting Instinct*, Allen and Unwin, London, 1923.

Rhetorica and De Poetica, Vol. IX of *The Works of Aristotle Translated into English under the editorship of W. D. Ross*, Clarendon Press, Oxford, 1924.

Richard Lattimore, *Themes in Greek and Latin Epitaphs*, University of Illinois Press, Urbana, 1942.

Robert Taylor, *The Political Prophecy in England*, Columbia University Press, New York, 1941.

Sister Mary Catherine O'Connor, *The Art of Dying Well*, Columbia University Press, New York, 1942.

Sporadic studies have been made of language in politics, such as Uno N. Philipson, *Political Slang, 1750-1850 (Lund Studies in English, edited by Professor Eilert Ekwall, IX)*, C. W. K. Gleerup, Lund, 1941.

Th. M. Charland, *Artes Praedicandi, Contribution a l'histoire de la rhétorique au moyen age*, Paris, Ottawa, 1936.

Victor Ehrenberg, *The People of Aristophanes; A Sociology of Old Attic Comedy*, Blackwell, Oxford, 1943.

© Гарольд Лассвелл, 2006

© Толмачева М.В. (перевод), 2006

Дж. Оруэлл

Перевод: Русова И.

ПОЛИТИКА И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Большинство людей, хоть как-то причастных к данной проблеме, признают, что в настоящее время состояние английского языка оставляет желать лучшего, однако вместе с этим ясно, что едва ли даже сознательные меры помогут исправить данное положение дел. Современная цивилизация находится в состоянии упадка, и наш язык – как показывают факты – тоже неизбежно движется к своему разрушению. Из этого следует, что любая борьба против некорректного использования языка – всего лишь дань сентиментальному консерватизму, подобно тому, как некоторые до сих пор предпочитают свечи электрическому свету. Под этим кроется полубессознательная вера в то, что язык – это

просто часть природы, а не инструмент, формируемый и используемый человеком для реализации своих целей.

В настоящее время становится ясно, что деградация языка в основном вызвана политическими и экономическими причинами, а не влиянием на него того или иного отдельно взятого писателя. Однако, результат может исходить из самой причины, усиливая её и производя тот же самый, но только более устойчивый эффект. Человек может пристраститься к алкоголю, почувствовав свою несостоятельность, и, напротив, может морально пасть в результате подобного пристрастия. Нечто схожее происходит и с английским языком. Он становится скверным и неточным из-за недалёкости нашего мышления, а наша собственная неаккуратность в выборе слов, в свою очередь, позволяет нам мыслить на не столь высоком уровне. Дело в том, что данный процесс обратим. Современный английский, особенно письменный, сильно искажается под действием нашей «дурной привычки» к некорректному использованию языка: мы повторяем речевые ошибки, допущенные нашими собеседниками, вместо того, чтобы лишний раз заглянуть в словарь. Но стоит только отказаться от этой привычки – говорящий сразу же приобретёт ясность мышления, и вся общественность, а не только скромный круг профессиональных писателей, будет поставлена перед данной проблемой. Именно это станет первым шагом на пути к достижению политического перерождения. Несколько позже я вновь вернусь к данному вопросу и, надеюсь, к тому моменту смысл всего вышесказанного уже станет понятен читателю. А пока позвольте представить пять примеров использования английского языка, наглядно демонстрирующих то, как сейчас принято говорить.

Данные речевые отрывки не были ни капли «приукрашены», потому что они и без того являются вершиной языкового «творчества». Конечно, при желании, я мог бы исковеркать их ещё больше, но воздержался, т.к. в своей оригинальной форме они как нельзя лучше отражают большинство пороков человеческого мышления, от которых страдает современное общество. Данные примеры, возможно, не столь яркие, но, тем не менее, они достаточно показательны. Я специально использовал нумерацию примеров, чтобы к ним удобнее было обратиться в случае необходимости:

1. I am not, indeed, sure whether it is not true to say that the Milton who once seemed not unlike a seventeenth-century Shelley had not become, out of an experience ever more bitter in each year, more alien [*sic*] to the founder of that Jesuit sect which nothing could induce him to tolerate. *(На самом деле я сомневаюсь, не будет ли это неправдой сказать, что тот Мильтон, казавшийся не столь уж непохожим на Шелли семнадцатого столетия, переживая всё более горькие разочарования с каждым годом своей жизни, отдался от основателя иезуитской партии, не внушающей ему ничего, кроме нетерпимости. Профес-*

сор Г.Ласки «Свобода выражения»)

2. Above all, we cannot play ducks and drakes with a native battery of idioms which prescribes egregious collocations of vocables as the Basic *put up with* for *tolerate*, or *put at a loss* for *bewilder*. (Прежде всего, мы не сварим каши из всей этой армии незамысловатых идиом, которые предписывают использование в качестве образца вопиющих словосочетаний: **сносить** вместо **терпеть** и **сбивать с толку** вместо **смущать**. Профессор Л.Хогбен «Interglossia»).

3. On the one side we have the free personality; by definition it is not neurotic, for it has neither conflict nor dream. Its desires, such as they are, are transparent, for they are just what institutional approval keeps in the forefront of consciousness; another institutional pattern would alter their number and intensity; there is little in them that is natural, irreducible, or culturally dangerous. But *on the other side*, the social bond itself is nothing but the mutual reflection of these self-secure integrities. Recall the definition of love. Is not this the very picture of a small academic? Where is there a place in this hall of mirrors for either personality or fraternity? (С одной стороны, рассмотрим такое понятие, как свободная личность: по определению, она не невротична, т.к. не испытывает ни внутренних столкновений, ни наваждений. Её желания, по своей сути, прозрачны, т.к. представляют из себя то, что общепринятое мнение держит на поверхности сознания. Если бы существовала другая общепринятая модель, количество этих желаний и сила, с которой они проявляются, были бы иными – в них очень мало естественного, непреодолимого или опасного для культуры. Но с другой стороны, социальные связи есть ни что иное, как взаимное отражение этих самодостаточных цельностей. Вспомните определение любви. Разве оно не напоминает вам представление мелкого философа? Где же в этом зеркальном коридоре место для отдельной личности, а где для всего социума? Эссе по психологии «Politics» Нью-Йорк)

4. All the «best people» from the gentlemen's clubs, and all the frantic fascist captains, united in common hatred of Socialism and bestial horror at the rising tide of the mass revolutionary movement, have turned to acts of provocation, to foul incendiarism, to medieval legends of poisoned wells, to legalize their own destruction of proletarian organizations, and rouse the agitated petty-bourgeoisie to chauvinistic fervor on behalf of the fight against the revolutionary way out of the crisis. (Все «лучшие представители» джентельменских клубов и свирепые предводители фашизма, объединившись в своей ненависти к социализму и взирая с животным ужасом на поднимающуюся волну массового революционного движения, стали прибегать к провокационным актам, грязному подстрекательству, средневековым легендам о колодцах с отравленной водой, чтобы узаконить свои собственные действия по уничтожению рабочих организаций и заразить мелкую буржуазию шовинистскими идеями ради борьбы против выхода из кризиса путём революции. (Коммунистический буклет)).

5. If a new spirit is to be infused into this old country, there is one thorny and contentious reform which must be tackled, and that is the humanization and galvanization of the B.B.C. Timidity here will bespeak canker and atrophy of the soul. The heart of Britain may be sound and of strong beat, for instance, but the British lion's roar at present is like that of Bottom in Shakespeare's *A Midsummer Night's Dream* – as gentle as any sucking dove. A virile new Britain cannot continue indefinitely to be

traded in the eyes or rather ears, of the world by the effete languors of Langham Place, brazenly masquerading as «standard English». When the Voice of Britain is heard at nine o'clock, better far and infinitely less ludicrous to hear aitches honestly dropped than the present priggish, inflated, inhibited, school-ma'amish arch braying of blameless bashful mewing maidens! *(Если необходимо внести новое веяние в устои древнего государства, стоит провести нелёгкую и сомнительную реформу, целью которой станет гуманизация и гальванизация корпорации BBC. Нерешительность в этом вопросе губительна и ведёт к истощению духа. Сердце Британии, возможно, здорово и бьётся ровно, но рык британского льва, как у персонажа шекспировского «Сна в летнюю ночь» Ника Основы (Nick Bottom – персонаж пьесы В.Шекспира «Сон в летнюю ночь»), ткач по роду деятельности. На протяжении пьесы время от времени предстаёт с ослиной головой. Носит имя Ник Основа в переводе Т. Шепкиной-Куперник. В переводе М.Лозинского встречается под именем Ник Моток) – сейчас нежен, словно воркование голубка. Мужественный британец нового типа не должен оставаться на глазах, а вернее, на слуху у всего мира, нахально выдавая свой ленивый и невнятный лэнгэмский выговор за литературное английское произношение. Когда в 9 часов звучит «Голос Британии», намного лучше и уж, конечно, не так нелепо будет услышать откровенно нелитературное произношение, в котором проглатывается «h», чем нынешнее самодовольное, напыщенное, вымученное, школярское бляение этих самоуверенных скромниц. Из письма в лондонскую газету «Трибьюн»).*

Каждый из представленных отрывков имеет свои недостатки, однако, можно выделить черты, общие для всех пяти примеров: во-первых, – избыточность образов, во-вторых, – недостаток точности выражения. Автор, либо хотел что-то сообщить, но не смог выразить словами, либо он нечаянно болтнул лишнего, а, может быть, он просто безразличен к тому, означают ли его слова вообще хоть что-нибудь. Такое сочетание неопределённости и обычной языковой некомпетентности является самой заметной особенностью современной английской прозы и, в особенности, разнообразных текстов на политическую тематику. Как только дело доходит до обсуждения тем, требующих точности, всё конкретное расплывается до абстрактного, и кажется, что никто просто не в состоянии вспомнить о существовании ярких речевых оборотов. В прозе мы всё больше отдаём предпочтение словам, а не их значениям, и всё больше фразам, которые можно скрепить друг с другом, как готовые части конструктора. Ниже, представляя примеры и замечания, я перечисляю различные уловки, к которым обычно прибегают при составлении прозаических текстов.

Мёртвые метафоры. Свежая метафора заставляет мысль работать, порождая визуальный образ; и напротив, метафора, которую принято называть «мёртвой» (напр. *железная воля*), в действительности уже стала восприниматься как обычное словосочетание, но, тем не менее, она может использоваться без потери образности. Но эти два класса разделяет громадная мусорная яма, в которой покоятся изжив-

шие себя метафоры: они уже стали настолько обыденны, что не вызывают у нас ни малейшего шевеления мозгов, и употребляются просто потому, что освобождают людей от необходимости самостоятельно выдумывать какие-то замысловатые фразы. Примеров таких метафор много: *ring the changes on* (звонить во все колокола), *take up the cudgel for* (ручаться головой), *toe the line* (ходить по струнке), *to ride roughshod over* (держаться в ежовых рукавицах), *stand shoulder to shoulder with* (плечом к плечу), *play into the hands of* (попасть в лапы), *no axe to grind* (преследовать корыстные цели), *grist to the mill* (делать навар), *fishing in troubled waters* (ловить рыбку в мутной воде), *on the order of the day* (на повестке дня), *Achilles' heel* (ахиллесова пята), *swan song* (лебединая песня), *hotbed* (очаг) (заболевания). Многие люди употребляют такие метафоры, не понимая их значений (напр., как вы можете интерпретировать слово «трещина»), зачастую путают различные метафорические выражения – верный признак того, что автор совсем не заинтересован в том, что излагает. Многие метафоры, широко распространённые в настоящее время, изменили своё первоначальное значение, но порой даже те, кто находятся в курсе произошедших перемен, продолжают игнорировать этот свершившийся факт. Напр., *toe the line* иногда пишут как *tow the line*; *the hammer and the anvil* (молот и наковальня); в настоящее время эта фраза подразумевает, что больше достаётся наковальни, в действительности – именно наковальня разбивает молот, а не наоборот. Только тот автор, который хоть на минуту задумается о том, что он говорит, сумеет избежать искажения первоначального смысла.

Речевые уловки или ложные вербальные составляющие. Подобные уловки избавляют от необходимости подбирать подходящие глаголы или существительные и, в то же время, наполняют предложение избыточными словами, которые создают видимость гармонии. В качестве показательных фраз приведу следующие: *render inoperative* (неоперативно представлять информацию), *militate against* (свидетельствовать против), *make contact with* (устанавливать контакт), *be subjected to* (подвергаться воздействию), *give rise to* (давать подъём), *give grounds for* (сдавать позиции), *have the effect of* (производить впечатление), *play a leading part (role) in* (играть ведущую роль), *make itself felt* (давать о себе знать), *take effect* (вступить в силу), *exhibit a tendency to* (выражать тенденцию), *serve the purpose of* (служить цели) и т.д. Основной принцип, по которому строятся эти фразы – отказ от использования простых глаголов. Вместо того, чтобы использовать самостоятельный глагол, напр.: *break* (нарушать), *stop* (прекращать), *spoil* (расхищать), *tend* (улучшать), говорящий превращает его во фразу, где к основному глаголу (*serve – служить, play – играть, render – представлять*) добавляется существительное или прилагательное. Более того, везде, где это только возможно, действительный залог заменяется страдательным, а герундиальные конструкции

уступают своё место номинальным (напр., *by examination of* вместо *by examining*). Далее целый ряд глаголов исчезает из употребления, благодаря изобретению глаголов-«заменителей», легко формируемых посредством «удобной» приставки *de*, более того, добавляя в избитые фразы двойное отрицание *not un-*, говорящий может даже блеснуть силой своего интеллекта. Простые союзы и предлоги заменяются такими фразами, как *with respect to* (что касается), *having regard to* (в отношении), *the fact that* (дело в том, что), *by dint of* (в результате), *in view of* (принимая во внимание), *in the interests of* (в интересах кого-л.), *on the hypothesis that* (предположим, что), и в итоге предложение завершается громкими, но избитыми словами: *cannot be left out of account* (нельзя упускать из поля зрения), *a development to be expected in the near future* (развитие ситуации ожидается в ближайшем будущем), *deserving of serious consideration* (заслуживает тщательного рассмотрения), *brought to a satisfactory conclusion* (привело к удовлетворительным результатам) и т.д.

Склонность к вычурной манере выражения. Такие слова и выражения как *phenomenon* (феномен), *element* (элемент), *individual* (индивид), *objective* (объективный), *effective* (эффективный), *categorical* (категоричный), *virtual* (виртуальный), *basic* (базисный), *primary* (первоначальный), *promote* (содействовать), *constitute* (вводить в действие), *exhibit* (представлять вещественные доказательства), *exploit* (использовать в своих интересах), *utilize* (утилизировать), *eliminate* (аннулировать), *liquidate* (ликвидировать) используются с намерением приукрасить обычные высказывания, и призваны произвести впечатление предельной беспристрастности и неспособности к предвзятым суждениям. Прилагательные *epoch-making* (эпохальный), *epic* (эпический), *historic* (исторический), *unforgettable* (памятный), *triumphant* (победоносный), *age-old* (вековой), *inevitable* (неотвратимый), *inexorable* (непоколебимый), *veritable* (подлинный) заставляют скучную международную политическую жизнь выглядеть величественно и достойно. В свою очередь, тексты, прославляющие войны, приобретают несколько архаичный характер за счёт использования характерных слов: *realm* (царство), *throne* (престол), *chariot* (колесница), *tailed fist* (бронированный кулак), *trident* (трезубец), *sword* (меч), *shield* (щит), *buckler* (знамя), *jackboot* (грубая сила), *clarion* (призывный клич). Иностранные слова и выражения, напр. такие, как *cul de sac*, *ancien regime*, *deus ex machina*, *mutatis mutandis*, *status quo*, *gleichschaltung*, *weltanschauung* придают высказыванию особую утончённость, а говорящему – образ эрудированного человека. Если не считать действительно широко используемые нами латинские сокращения *i.e.*, *e.g.* и *etc.*, то без всех остальных бесчисленных иностранных выражений, обитающих в современном английском языке, можно легко обойтись. Плохих писателей, особенно работающих в сферах науки, политики и социологии, часто посещает мысль о том, что латинские и греческие слова звучат более благородно, чем слова англосаксонского происхождения, в результате чего излишние слова, такие,

как напр., *expedite* (ускорять), *ameliorate* (улучшать), *predict* (прогнозировать), *extraneous* (посторонний), *deracinated* (искоренённый), *clandestine* (незаконный), *subaqueous* (подводный) проникают в английский язык и вытесняют в нём своих англо-саксонских конкурентов. Жаргон, характерный для марксистских текстов (*hyena* (гуена), *hangman* (палач), *cannibal* (каннибал), *petty bourgeois* (мелкий буржуа), *these gentry* (средний дворянин), *lasky* (лакей), *flunkey* (ливрейный лакей), *mad dog* (бешеный пес), *White Guard* (белая гвардия) и т.д.), состоит в основном из слов, переведённых с русского, немецкого или французского, однако, стандартный способ образования новых слов подразумевает использование латинского или греческого корня, к которому прибавляется аффикс. Очевидно, что сконструировать подобные «шедевры» (*deregionalize* – дерайонировать, *impermissible* – антидопустимый, *extramarital* – внебрачный, *non-fragmentary* – нефрагментарный) значительно легче, чем выудить из своей памяти слова английского происхождения, способные отразить всё, что вы хотите сказать. Как правило, результатом такого словосочинительства становится халатность при выборе слов и туманность изложения.

Слова, лишённые смысла. В текстах определённого типа, главным образом в художественной и литературной критике, зачастую встречаются целые абзацы, практически полностью лишённые смысла. Такие слова, как *romantic* (романтический), *plastic* (созидательный), *values* (ценности), *human* (общественный), *dead* (вымерший), *sentimental* (сентиментальный), *natural* (естественный), *vitality* (жизненность), часто используемые в художественной критике, являются абсолютно бессмысленными, т.к. ничего не говорят о рассматриваемом объекте. Более того, читатель и не ждёт от них этого. Если один критик пишет: «Выдающейся чертой произведений господина N является их жизненность», а другой – «Во время чтения произведений господина N, очевидной становится их полная безжизненность», то читатель воспринимает это всего лишь как выражение разных мнений. Если бы вместо слов *жизненность* и *безжизненность* использовались антонимы *чёрный* и *белый*, то читатель сразу бы заметил, что язык использован неподобающим образом. Многие из политических слов также используются некорректно. Слово *фашизм* не имеет собственного значения, а всего лишь подразумевает «что-то нежелательное». Слова *демократия*, *социализм*, *свобода*, *патриотический*, *реалистичный*, *справедливость* имеют каждое по несколько значений, которые вступают в противоречие друг с другом. В случае со словом *демократия* не только не существует единого определения, но и все попытки создать его терпят крах. Почти для всех является очевидным, что если мы называем страну демократической, мы её хвалим: следовательно, сторонники самых разных режимов настаивают на том, что поддерживаемый ими режим является демократическим, и опасаются, что будут вынуждены прекратить использова-

ние этого слова, если оно приобретёт одно, чётко определённое, значение. Подобные слова часто намеренно используются с целью обмануть читателя. То есть, человек, который использует такое слово, понимает его по-своему, но внушает слушателю, что имеется в виду нечто совершенно иное. Утверждения типа *Marshal Petain was a true patriot* (маршал Петейн был настоящим патриотом), *The Soviet press is the freest in the world* (советская пресса – самая свободная пресса в мире), *The Catholic Church is opposed to persecution* (католическая церковь выступает против гонений) почти всегда создаются с намерением обмануть. Другие слова, приобретающие такие неоднозначные, вводящие в большей или меньшей степени в заблуждение, значения – это класс, тоталитарный, наука, прогрессивный, реакционный, капиталистический, равенство.

Теперь, когда я уже представил перечень речевых ухищрений, ведущих к искажению смысла, позвольте познакомить вас с ещё одним типом текста, возникающим в результате подобных уловок. На этот раз текст будет художественным. Я собираюсь переложить отрывок, написанный пристойным английским языком, на современный лад, используя все самые ужасные средства выражения. Перед вами хорошо известная строфа из Книги Экклезиаста: *I returned and saw under the sun, that the race is not to the swift, nor the battle to the strong, neither yet bread to the wise, nor yet riches to men of understanding, nor yet favour to men of skill; but time and chance happeneth to them all.* (Я обратился И видел под солнцем, что не проворным успех дается, не храбрым – победа. И хлеб – не мудрым, не у разумных – богатство, и не искусным – благорасположение, но время, случай – для всех) (перевод даётся по источнику <http://lyrics-world.narod.ru/files/biblia/ekkesiast.htm>).

А далее приведён тот же текст, но в современном исполнении: *Objective considerations of contemporary phenomena compel the conclusion that success or failure in competitive activities exhibits no tendency to be commensurate with innate capacity, but that a considerable element of the unpredictable must invariably be taken into account.* (Объективное рассмотрение современного феномена приводит нас к заключению, что победа или поражение в конкурентной борьбе не выражают зависимости исхода состязания от врождённых способностей участника, но при этом необходимо постоянно принимать во внимание большую роль случая).

Конечно, это пародия, хотя и не слишком извращённая. Приведённый выше отрывок (3), напр., состоит из нескольких фрагментов, написанных в этом же духе. Очевидно, вы заметили, что я не сделал полного перевода: начало и конец предложения предельно точно повторяют оригинал, но в середине конкретные слова – *race*, *battle*, *bread* – превращаются в расплывчатую фразу «победа или поражение в конкурентной борьбе». Но для современного английского это норма, потому что ни один из нынешних писателей, работающий со стилем, о котором я повествую, и использующий фразы типа «объективное рассмотрение со-

временного феномена» не занимается организацией своих мыслей и занесением их в понятную для всех таблицу. В современной прозе ясно прослеживается тенденция отказа от конкретики. Теперь давайте проанализируем эти два предложения более подробно. Первое состоит из 49 слов, относящихся преимущественно к языку повседневного общения, но при этом, включает всего 60 слогов. Второе предложение состоит из 38 слов (из них 18 – латинского происхождения, 1 – греческого) и 90 слогов. В первом предложении мы видим 6 ярких образов, и только одна фраза («time and chance») остаётся не совсем ясной. Во втором предложении нет ни одной фразы, привлекающей внимание читателя, ни одного яркого образа, и 90 слогов оказываются не способными раскрыть смысл, заложенный в первом предложении. Однако, не вызывает никакого сомнения тот факт, что именно предложения второго типа пользуются огромной популярностью среди современных англичан. Эта манера изложения ещё не стала повсеместной, и даже на самой плохо написанной странице порой можно встретить вкрапления простого чистого языка. Тем не менее, если меня или вас попросили бы написать несколько строк об изменчивости фортуны, то они, скорее всего, были бы больше похоже на придуманное мной предложение, чем на строфу из Книги Экклезиаста. Как я пытался продемонстрировать, современные авторы совсем не озабочены выбором слов, подходящих по значению, и уж тем более они не заняты изобретением образов, способных прояснить суть текста. Нынешние сочинители тупо выстраивают в очереди фразы, давным-давно придуманные кем-то за них, склеивают их по своему усмотрению и выдают получившийся результат. Почему популярен такой способ составления текстов? Да потому что нет ничего проще! Видимо, сегодня для большинства писателей легче (и быстрее, стоит лишь немного потренироваться) написать *По моему мнению это не является предположением, не имеющим оправданий*, чем просто *Я думаю, что*. Если вы отдаёте предпочтение готовым фразам, то вам совсем не нужно мучиться, подбирая подходящие слова, и заботиться о ритме предложения, ведь большинство из подобных клише более или менее благозвучны. Когда вам приходится составлять предложения на ходу, напр., начитывая текст стенографистке или выступая на публике, то они, скорее всего, получатся напыщенными, с избытком латинских слов. Под занавес вы неизменно произносите *это точка зрения, которую мы должны постараться не упустить из виду* или *умозаключение, с которым мы все готовы согласиться* – фразу, которая раз спасала ораторов от провала. Используя избитые метафоры, сравнения и идиомы, вы, конечно, значительно облегчаете работу своему мозгу, но ценой внесения неясности. При этом всегда есть риск сделать текст непонятным не только для читателя, но и для вас самих. Именно в этом заключается значимость наложения метафор друг на

друга. Первостепенная цель метафоры – вызвать визуальный образ. Когда образы накладываются друг на друга, напр., *спрут фашизма пропел свою лебединую песню, грубая сила была брошена в плавильный котёл* можно с уверенностью сказать, что в мозгу автора отсутствует образ тех явлений, о которых он ведёт речь. Иными словами, он просто не утруждает себя мыслительными операциями. Давайте обратимся к примерам, приведённым мной в начале статьи. Профессор Ласки (1) использует пять отрицаний в тексте, состоящем из 53 слов. И одно из них выступает лишним, внося неразбериху во всё предложение. Помимо этого, мы видим речевую ошибку *alien (отчуждённый)* вместо *akin (родственный)*, и несколько неуклюжих фраз, которые повышают неясность. Профессор Хогбен (2) пытается сварить кашу из армии идиом, критикуя фразу *put up with* и отказываясь лишним раз заглянуть в словарь, чтобы проверить, что означает слово *вопиющий*. Если третий отрывок рассматривать предельно критично, то его можно признать полностью бессмысленным, хотя, возможно, тот, кто решит прочитать статью целиком, сможет разглядеть её замаскированный смысл. В четвёртом примере автор более или менее представляет, что хочет сообщить, но засилье избитых фраз заглушают смысл, подобно тому, как чайная заварка засоряет раковину. В пятом отрывке слова почти полностью расходятся со значением. Люди, которые пишут в данной манере, обычно находятся во власти эмоций: им не нравится одно, они предлагают что-то другое, не пытаясь вникнуть в то, что хотят донести.

Добросовестный писатель, работая над каждым отдельно взятым предложением, поставит перед собой, по крайней мере, четыре вопроса: 1. Что я пытаюсь сказать? 2. Какие слова могут это выразить? 3. Какой образ и какая идиома сделает мою мысль более ясной? 4. Достаточно ли данный образ свеж, чтобы произвести необходимый эффект?

А, может быть, писатель задаст себе ещё два дополнительных вопроса: 1. Можно ли выразить эту идею более лаконично? 2. Не допустил ли я каких-либо некорректностей, которых можно было бы избежать?

Но вас никто не заставляет подвергать себя всем этим хлопотам. Вам с лёгкостью удастся их избежать, если вы распахнёте двери своего сознания и позволите готовым фразам войти в него дружной толпой. Эти фразы сконструируют предложения за вас – они также организуют, в определённой степени, ваши мысли, а по необходимости окажут важную услугу по частичному утаиванию смысла предложения даже от вас самих. Именно на этом этапе особая связь между политикой и деградацией языка становится очевидной.

В наше время широко распространённым стало представление о

том, что текст на политическую тематику – это всегда некачественный, дурно написанный текст. А если в каких-то случаях данный факт не подтверждается, значит, это скорее исключение из правила, где автор, подобно бунтарю, выражает свою личную точку зрения, расходящуюся с «линией партии». Общепринятость, какой бы природы она не была, заставляет мыслить безжизненными и искусственными образами. Политические жаргоны, которые мы встречаем в буклетах, передовых статьях, предвыборных манифестах, правительственных документах и речах министров, конечно, варьируются от партии к партии, но всё же можно проследить общие тенденции: ни в одном из них вы не встретите яркого, неожиданного и оригинального оборота речи. Когда приходится наблюдать выступление партийного писаки, устало бросающего с платформы избитые фразы типа – *bestial (развратный)*, *atrocities (жестокость)*, *iron heel (железная пята)*, *bloodstained tyranny (кровавый деспотизм)*, *free peoples of the world (свободные народы мира сего)*, *stand shoulder to shoulder (стоять плечом к плечу)* – невольно испытываешь чувство, что выступающий человек не живое существо, а какая-то кукла; и это ощущение усиливается в моменты, когда свет, попадая на его очки, превращает их в пустые диски, за которыми, кажется, совсем нет глаз. И это совсем не странно, ведь человек, использующий подобную фразеологию, уже идёт по пути превращения в неживой механизм: его речевые органы по-прежнему издают звуки, характерные для человека, но мозг отключен и не принимает участия в выборе слов и построении предложений. Если оратор привык выдавать речи, похожие одна на другую, он уже не вникает в то, что говорит, подобно прихожанину, участвующему в церковных ектенях (произносящему ектеньи / ответа в церкви). Такое стеснённое положение сознания играет едва ли ни самую важную роль в достижении политического конформизма.

В наше время политические тексты, устные или письменные, выступают в защиту того, что является недостойным защиты. Необходимость таких действий как продление Британского владычества в Индии, русские чистки и ссылки, сброс атомной бомбы на Японию может быть оправдана, но только если привлечь аргументы, которые ужаснут большинство людей своей жестокостью и которые идут вразрез с заявленными целями политических партий. Таким образом, политики вынуждены использовать эвфемизмы, риторические вопросы и туманные фразы. На беззащитные селения обрушиваются воздушные бомбардировки, жители покидают населённые пункты, скот подвергается обстрелу, снаряды с зажигательной смесью обрушиваются на дома – это мы называем *мирный договор*. Когда миллионы крестьян, лишённые своих хозяйств, уныло плетутся по дорогам со своими немногочисленными уцелевшими пожитками, мы зовём это *перемещением населения* или *корректировкой границ*. Если людей заключают в тюрьмы без су-

да и следствия, стреляют им в спину или отправляют на лесозаготовки в Арктику, где им суждено погибнуть от цинги – это ни что иное, как *устранение ненадёжных элементов*. Такая фразеология используется в случаях, когда необходимо назвать вещи, не вызывая никаких ментальных образов. Рассмотрим, напр., какого-нибудь преподавателя английского языка, который отстаивает русский тоталитаризм. Он не может открыто сказать: «Я нахожу допустимым уничтожение противников, если это поможет вам добиться хороших результатов». Поэтому, скорее всего, он произнесёт что-то типа: «Легко признавая, что советский режим характеризуется рядом определённых признаков, которые заставят любого гуманиста содрогнуться, мы должны, по моему мнению, согласиться, что определённое ограничение прав политической оппозиции является неизбежным обстоятельством, сопутствующим любому переходному периоду, а притеснения, которым оказались подвергнуты русские, может быть вполне оправдано при учёте конкретных достижений».

Напыщенный стиль сам по себе тоже является разновидностью эвфемизма. Огромная масса латинских слов обрушивается на предметы действительности подобно лавине, стирая их очертания и укрывая детали. Главный враг чистого языка – фальшь. Когда существует расхождение между истинными и заявленными целями, человек инстинктивно начинает бросаться длинными фразами и избитыми идиомами, словно каракатица, выбрасывающая струю защитной жидкости. В нашу эпоху невозможно «держаться подальше от политики»: любая публикация – это всегда публикация на политическую тему, а политика, в сущности, есть ни что иное, как совокупность лжи, увёрток, глупых идей, ненависти и шизофрении. Если общая атмосфера неблагоприятна, страдает и язык. Осмелюсь предположить (подчеркну, что это всего лишь догадка, так как я не имею возможности проверить свою гипотезу), что немецкий, русский и итальянский языки сильно деградировали за последние десять – пятнадцать лет под воздействием диктатуры.

Однако, если мысль способна исказить язык, значит, язык тоже может отрицательно повлиять на процесс мышления. Неверное словопотребление может передаваться из уст в уста на основе обычного подражания, причём «дурную привычку» может подцепить и тот, кто знает, *как* говорить правильно и умеет это делать. Испорченный язык, о котором я веду речь, порой бывает очень удобен. Фразы типа *a not unjustifiable assumption* (небезосновательное предположение), *leaves much to be desired* (оставляет желать лучшего), *would serve no good purpose* (не принесёт ожидаемой пользы), *a consideration which we should do well to bear in mind* (мнение, которое необходимо принять во внимание) сравнимы с пачкой аспирина, лежащей под рукой, которой нельзя не соблазниться, испытывая головную боль. Пробежав взглядом по написанному мной тексту,

вы непременно заметите, что и я сам совершаю те самые ошибки, против которых так активно сейчас выступаю. С сегодняшней почтой я получил брошюру, в которой шла речь о положении в Германии. Автор пишет, что почувствовал необходимость написать её. Я открываю брошюрку наугад и читаю первое попавшееся на глаза предложение: «Союзики располагают возможностью достичь радикального преобразования социальной и политической структуры Германии для избежания националистической реакции в стране, а также положить начало формированию единой объединённой Европы». Заметьте, он «почувствовал необходимость» написать, по-видимому, считая, что обладает новой информацией, которую надо донести до читателя. Однако, его слова при этом похожи на кавалерийских лошадей, которые, услышав призывный сигнал, выстраиваются по привычной, заранее известной схеме. Ни один говорящий не в силах противиться нашествию готовых фраз (*lay the foundations* (положить начало), *achieve a radical transformation* (достичь радикальных преобразований)), каждая из которых заглушает бдительность той или иной частички мозга. Единственный способ воспротивиться вторжению незваных гостей – постоянно быть на чеку, готовым дать им отпор.

Ранее я сказал, что прогрессирующая болезнь нашего языка, скорее всего, излечима. Тот, кто с этим не согласен, по возможности постараются возразить, что язык всего лишь отражает существующие социальные условия, а потому мы не в силах повлиять на его развитие, если будем возиться со словами и конструкциями. Если говорить о характере языка в целом, то подобное замечание можно считать обоснованным, однако, картина совершенно меняется при более тщательном рассмотрении языка. Глупые слова и выражения зачастую исчезают из лексикона, но не в результате эволюционного процесса, а благодаря осознанному действиям меньшинства. Приведу два недавних примера *explore every avenue* (использовать любую возможность, букв. – прозондировать каждую улицу) и *leave no stone unturned* (использовать все возможные средства, букв. – не оставить ни один камень лежать на земле), которые не выдержали насмешек ряда журналистов. Существует длинный список заветренных метафор, от которых с лёгкостью можно было бы избавиться, если бы достаточное количество людей проявило к этому интерес. Также, вероятно, безжалостное высмеивание поможет изжить моду использовать двойное отрицание *not un-*, сократить количество латинских и греческих слов в среднестатистическом предложении, вытеснить иностранные фразы и отдельные научные слова и, главное, признать претенциозность верхом неприличия. Но это всё второстепенно. Укрепление позиций английского языка подразумевает нечто большее, однако, начнём мы с более очевидных положений.

Для начала, замечу, что это не относится к архаизмам, устаревшим

словам и оборотам речи, а также «стандарту» английского языка, от которого никто не собирается отказываться. Напротив, это имеет непосредственное отношение к тем словам и идиомам, которые уже вышли из употребления. Мы не станем касаться вопросов грамматики и синтаксиса, оставив их корректное использование на совести тех, кто хочет излагать свои мысли ясно, не станем агитировать сократить использование американизмов в речи и обучать искусству прозаического стиля. С другой стороны, мы не призываем гнаться за искусственной простотой и пытаться сделать из письменного английского языка разговорный. Мы даже не собираемся настаивать на повсеместном использовании англо-саксонских слов вместо латинских, хотя, напомним, предпочтение нужно отдавать словам, способным наиболее чётко и лаконично выразить мысль. Прежде всего, необходимо подбирать слова под смысл, а никак не наоборот. При работе с прозой, самым грубым нарушением является зависимость от слов и подчинение им. Размышляя о конкретном предмете, вы мыслите бессловесно. Затем, когда возникает желание описать данный объект, начинаете подыскивать подходящее слово, которое кажется наиболее уместным. Думая о чём-то абстрактном, вы, скорее всего, мыслите в правильном направлении и склонны выбрать верное слово, но тут в работу вашего мозга вмешиваются существующие жаргонизмы, готовые выполнить работу за вас ценой затуманивания и даже изменения исходного значения. Возможно, лучше будет, если вы сперва как можно более точно сформулируете то, что вы хотите донести при помощи мысленных образов и ощущений, не стремясь описать их словами. Впоследствии можно подобрать фразы, которые наиболее полно и точно передадут значение, затем поставить себя на место получателя информации и представить, какое впечатление данная фраза может произвести. Это последнее усилие мозга вычеркнет все избитые и смешанные образы, искусственно созданные фразы, никчемные повторы, а вместе с этим избавит текст от нелепостей и туманности. Возможно, что будут возникать сомнения по поводу того, какое воздействие окажут на читателя данное слово или фраза. Для таких случаев полезно знать некоторые правила, к которым стоит обращаться в моменты, когда интуиция не срабатывает. Полагаю, что они помогут решить все возможные проблемы: 1. Никогда не используйте метафору, сравнение или иную фигуру речи, если вы уже встречали её ранее в печатном варианте. 2. Никогда не употребляйте длинное слово, если его может заменить более коротким. 3. Если слово является лишним, обязательно вычеркните его. 4. Никогда не используйте страдательный залог, если его можно заменить активным. 5. Никогда не используйте иностранное или научное слово, а также жаргон, если мысль можно выразить обычным повсе-

дневным языком. 6. Помните, что лучше нарушить одно из этих правил, чем сразу все.

Эти правила кажутся элементарными. Таковы они и есть. Но от тех, кто дорос до того, чтобы писать в модном нынче политическом стиле, они потребуют полного пересмотра позиций. Можно придерживаться всех вышеперечисленных правил, но продолжать писать на плохом языке. Однако, пользуясь данными правилами, никто уже не осмелится написать ту чепуху, которой изобилуют примеры, приведённые мною в начале статьи.

В своей статье я рассматриваю не литературное использование языка, а просто язык как инструмент для выражения, а не утаивания мысли. Стюард Чейз и другие близко подошли к пониманию того, что все абстрактные слова лишены смысла, и используют это в качестве повода для пропагандирования политической созерцательности. Если вы не знаете, что представляет собой фашизм, как вы можете против него бороться? Нельзя принимать на веру подобную бессмыслицу, а надо осознать, что современный политический хаос связан с деградацией языка, и тогда, возможно удастся внести некоторые улучшения и предотвратить надвигающуюся кончину. Когда вы говорите на простом английском языке, вы освобождаетесь от общепринятых шаблонов. Если вы перестанете говорить стандартными оборотами, то любая допущенная вами языковая неточность станет заметной, и вы сможете вовремя её исправить. Политический язык (это можно отнести практически ко всем политическим партиям, начиная с консерваторов и заканчивая анархистами) создан, чтобы заставить ложь выглядеть правдоподобно, и вынуждает нас, забыв обо всех приличиях, признать непоколебимой истиной то, что является чистейшим вздором. Конечно, нельзя в мгновение ока изменить манеру вербального выражения, но изменить свои речевые привычки можно. Также время от времени не помешает отправлять избитые и бесполезные фразы такие, как *jackboot* (*грубая сила*), *Achilles' heel* (*ахиллесова пята*), *hotbed* (*очаг*), *melting pot* (*плавильный котёл*) (**melting pot theory** – теория «плавильного котла» («плавильного тигля»)) Теория формирования американской нации, объединившей в единый сплав иммигрантов различных рас и национальностей из многих стран мира), *acid test* (*серьёзное испытание*), *veritable inferno* (*сущий ад*)) вместе со всеми остальными словесными отходами в мусорную корзину, где им и место.

© Дж. Оруэлл, 2006

© Русова И. (перевод), 2006

РАЗДЕЛ 4. ХРОНИКА

Гиниатуллин И.А.
Екатеринбург, Россия

ХРОНИКА. О РАБОТЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА К 212.283.05. в УрГПУ (2006 г.)

Диссертационный Совет К 212.283.05. был создан в приказом Высшей аттестационной комиссии № от 1 декабря 2000 г. на базе существовавшего в УрГПУ с 1997 г. Диссертационного совета К 212.42.09. Председатель Совета – д.ф.н., проф. А.П. Чудинов, заместитель председателя – д.ф.н., проф. З.И. Комарова, ученый секретарь – к.п.н., проф. И.А. Гиниатуллин.

Диссертационному совету разрешено принимать к защите диссертации по специальностям: 13.00.02 – теория и методика обучения и воспитания (русский язык, иностранные языки); 13.00.08 – теория и методика профессионального образования.

В 2006 г. Диссертационный совет К 212.283.05 провел 12 заседаний, на которых были защищены следующие диссертации:

13.01.06. к.п.н. (13.00.02.) **Кулакова Наталья Васильевна** (Красноярский государственный педагогический университет). *Использование словообразовательных окказионализмов как текстообразующего средства при написании сочинений младшими школьниками*. Научный руководитель – В.Я. Булохов. Эксперты – М.Л. Кусова и И.С. Чудинова. Оппоненты – М.Л. Кусова и Л.А. Месеняшина. Ведущая организация – ГОУ ВПО «Хакасский государственный университет».

31.03.06. к.п.н. (13.00.02.) **Сегова Татьяна Дмитриевна** (Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия). *Обучение слушанию как виду речевой деятельности в 5-6 классах*. Научный руководитель – А.П. Чудинов. Эксперты – М.Л. Кусова и О.Г. Скворцов. Оппоненты – В.Я. Булохов и Г.И. Быкова. Ведущая организация – ГОУ ВПО «Челябинский государственный университет».

09.06.06. к.п.н. (13.00.02.) **Нестерова Юлия Витольдовна** (Уральский государственный педагогический университет). *Формирование познавательной активности в лингвистическом образовании дошкольников и младших школьников*. Научный руководитель – М.Л. Кусова. Эксперты – И.С. Чудинова и Т.В. Попова. Оппоненты – А.Н. Утехина и И.С. Чудинова. Ведущая организация – ГОУ ВПО «Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия».

09.06.06. к.п.н. (13.00.08.) **Чванов Николай Алексеевич** (Уральский государственный педагогический университет). *Формирование адекватного отношения к опасностям техносферы у будущих учителей*. Научный руководитель – С.А. Днепров. Эксперты – Б.М. Игошев и И.С. Чудинова. Оппоненты – С.А. Новоселов и Н.К. Чапаев. Ведущая

организация – ГОУ ВПО «Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия».

30.06.06. к.п.н. (13.00.08.) **Фрицко Жанна Сергеевна** (Уральский государственный педагогический университет). *Проектная деятельность студентов при обучении иностранному языку как средство формирования методических умений*. Научный руководитель – Н.Н. Сергеева. Эксперты – Л.В. Скопова и И.С. Чудинова. Оппоненты – Л.И. Корнеева и М.А. Мосина. Ведущая организация – ГОУ ВПО «Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия».

30.06.06. к.п.н. (13.00.08.) **Ковалева Дина Борисовна** (Омский государственный университет). *Формирование профессиональных устно-речевых умений информирования и убеждения при подготовке к дискуссии студентов неязыкового вуза*. Научный руководитель – Н.Н. Сергеева. Эксперты – Л.В. Скопова и И.С. Чудинова. Оппоненты – Т.С. Серова и Т.В. Четвернина. Ведущая организация – ГОУ ВПО «Уральский государственный экономический университет».

30.06.06. к.п.н. (13.00.08.) **Милюшенко Татьяна Валерьевна** (Омский государственный университет). *Коммуникативный тренинг как средство совершенствование устно-речевых умений студентов неязыкового вуза*. Научный руководитель – Н.Н. Сергеева. Эксперты – Л.В. Скопова и И.А. Гиниатуллин. Оппоненты – А.Н. Утехина и А.В. Кустова. Ведущая организация – ГОУ ВПО «Пермский государственный технический университет».

06.10.06. к.п.н. (13.00.08.) **Белоглазова Светлана Игоревна** (Уральский государственный педагогический университет). *Подготовка студентов лингвистических специальностей к самостоятельной учебной деятельности по овладению профессиональными подъязыками*. Научный руководитель – И.А. Гиниатуллин. Эксперты – Н.Н. Сергеева и И.С. Чудинова. Оппоненты – Н.Н. Сергеева и Шишкина. Ведущая организация – ГОУ ВПО «Уральский государственный технический университет».

06.10.06. к.п.н. (13.00.08.) **Сюльжина Наталья Константиновна** (Пермский государственный технический университет). *Методика создания и дидактической организации гипертекста при изучении теоретических дисциплин в профессиональной подготовке специалиста-переводчика*. Научный руководитель – Т.С. Серова. Эксперты – И.А. Гиниатуллин и И.С. Чудинова. Оппоненты – Л.И. Корнеева и О.Г. Скворцов. Ведущая организация – ГОУ ВПО «Пермский государственный университет».

20.10.06. к.п.н. (13.00.02.) **Груздева Наталья Анатольевна** (Уральский государственный педагогический университет, школа № 9). *Развитие коммуникативной компетентности старшеклассников*

при создании портретного очерка и литературного портрета Научный руководитель – Н.Б. Руженцева. Эксперты – И.С. Чудинова и О.Г. Кворцов. Оппоненты – В.Я. Булохов и И.С. Чудинова. Ведущая организация – ГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет».

20.10.06. к.п.н. (13.00.08.) **Куприна Тамара Владимировна** (Уральский государственный технический университет). *Формирование межкультурной коммуникативной компетентности у студентов-менеджеров при изучении иностранного языка.* Научный руководитель – И.Д. Возженникова. Эксперты – Н.Н. Сергеева и К.М. Левитан. Оппоненты – К.М. Левитан и И.А. Ларионова. Ведущая организация – ГОУ ВПО «Пермский государственный технический университет».

27.10.06. к.п.н. (13.00.08.) **Колобкова Анастасия Анатольевна** (Пермский государственный технический университет). *Обучение реферативному письменному изложению информации в процессе профессионально-ориентированного иноязычного чтения.* Научный руководитель – Т.С. Серова. Эксперты – Н.Н. Сергеева и И.С. Чудинова. Оппоненты – Н.Н. Сергеева и В.М. Томилова. Ведущая организация – ГОУ ВПО «Пермский государственный университет».

27.10.06. к.п.н. (13.00.08.) **Торлопова Наталья Ивановна** (Уральский государственный педагогический университет). *Разработка «электронного учебника» как условие развития проектировочных умений будущих учителей.* Научный руководитель – Е.В. Коротаева. Эксперты – И.А. Гиниатуллин и О.Г. Сворцов. Оппоненты – С.А. Новоселов и О.Н. Хан. Ведущая организация – ГОУ ВПО «Уральский государственный университет».

27.10.06. к.п.н. (13.00.08.) **Кабанова Наталья Юрьевна** (Уральская государственная академия путей сообщения). *Обучения иноязычной диалогической речевой деятельности будущих инженеров во взаимосвязи с информативным чтением.* Научный руководитель – Т.С. Серова. Эксперты – И.А. Гиниатуллин и А.П. Чудинов. Оппоненты – Т.С. Трофимова, М.А. Мосина. Ведущая организация – ГОУ ВПО «Уральский государственный технический университет».

© Гиниатуллин И.А., 2006

Пирогов Н.А.

Екатеринбург, Россия

ХРОНИКА. О РАБОТЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА Д 212.283.02 в УргПУ (2006 г.)

Диссертационный совет Д 212.283.02 утвержден в Уральском государственном педагогическом университете г. Екатеринбурга приказом Минобразования Российской Федерации от 01 декабря 2000 г. №

690-в. Диссертационному совету разрешено принимать к защите диссертации по специальностям: 10.02.01 – русский язык; по 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

В 2006 г. Диссертационный совет Д 212.283.02 провел 33 заседания: по специальности «10.02.01 – русский язык» были защищены 3 докторских и 7 кандидатских диссертаций; по специальности «10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» – 1 докторская и 14 кандидатских диссертаций.

20.01.06 к.ф.н. (10.02.20) **Корнеева Юлия Борисовна** (Уральский государственный педагогический университет). *Семантическая перспектива экзистенциальных символов в художественном тексте (на материале произведений русско-, немецко- и англоязычных авторов)*. Научный руководитель – Н.Д. Марова. Эксперты – Н.В. Пестова и Н.А. Пирогов. Оппоненты – Н.Н. Белозерова и Е.В. Шелестюк. Ведущая организация – ГОУ ВПО «Уральская государственная юридическая академия».

03.02.06 д.ф.н. (10.02.01) **Коурова Ольга Ивановна** (Шадринский государственный педагогический институт). *Русская традиционно-поэтическая лексика и фразеология как лингвокультурная ценность*. Научный консультант – А.П. Чудинов. Эксперты – К.И. Демидова, Л.М. Майданова, З.И. Комарова. Оппоненты – К.И. Демидова, Г.А. Шиганова, Ю.В. Казарин. Ведущая организация – ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет».

03.02.06 к.ф.н. (10.02.01) **Костромина Юлия Ивановна** (Уральский государственный университет). Научный руководитель – Ю.В. Казарин. *Лингвистическое исследование поэтической рифмы в раннем творчестве И. Бродского*. Эксперты А.П. Чудинов, Н.В. Пестова. Оппоненты – Н.А. Кузьмина, Е.В. Дзюба. Ведущая организация – ГОУ ВПО «Уральская государственная юридическая академия».

17.02.06 к.ф.н. (10.02.20) **Шехтман Наталья Георгиевна** (Уральский государственный педагогический университет). *Сопоставительное исследование метафорических моделей со сферами-источниками «Спорт» и «Театр» в современном российском и американском политическом дискурсе*. Научные руководители – А.П. Чудинов и Г.Н. Бабич. Эксперты – Н.А. Пирогов и В.И. Томашпольский, оппоненты – К.И. Демидова и Ю.В. Вронская, ведущая организация – ГОУ ВПО «Пермский государственный технический университет».

17.02.06 к.ф.н. (10.02.20) **Агиенко Марина Ивановна** (Кемеровский государственный университет). *Структура концептов ПРАВДА, ИСТИНА, TRUTH в сопоставительном аспекте*. Научный руководитель – М.В. Пименова. Эксперты – З.И. Комарова, В.И. Томашпольский.

Оппоненты – З.И. Комарова и Е.А. Нахимова. Ведущая организация – ГОУ ВПО «Тамбовский государственный университет».

03.03.06 д.ф.н. (10.02.01) **Долженко Наталья Григорьевна** (Шадринский государственный педагогический институт). *Русские предложения с деевблативным оборотом: синтаксический статус и семантические модели*. Научный консультант – Л.Г. Бабенко. Эксперты – Т.А. Гридина, Э.А. Лазарева и Л.М. Майданова. Оппоненты – О.Б. Акимова, В.П. Конева и М.Л. Кусова. Ведущая организация – ГОУ ВПО «Московский областной государственный университет».

03.03.06 к.ф.н. (10.02.20) **Гусева Елена Владимировна** (Уральский государственный педагогический университет). *Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности во французских и русских рекламных текстах*. Научный руководитель – В.И. Томашпольский. Эксперты – Л.М. Майданова и А.П. Чудинов. Оппоненты – Н.Б. Руженцева и И.Д. Белеева. Ведущая организация – ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет».

17.03.06 к.ф.н. (10.02.20) **Перескокова Анна Юрьевна** (Челябинский государственный университет). *Метафорическое моделирование образа российских и американских СМИ: рефлексивный аспект*. Научный руководитель – А.П. Чудинов. Эксперты – Л.М. Майданова и Н.А. Пирогов. Оппоненты – Л.М. Алексеева и А.Б. Ряпосова. Ведущая организация – ГОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет».

17.03.06 к.ф.н. (10.02.20) **Харитоновна Елена Анатольевна** (Пермский государственный университет). *Концептуализация как стратегия перевода научного текста (на материале русского и английского языков)*. Научный руководитель – Л.М. Алексеева. Эксперты – З.И. Комарова и Н.А. Пирогов. Оппоненты – З.И. Комарова и О.Г. Скворцов. Ведущая организация – ГОУ ВПО «Пермский государственный педагогический университет».

26.05.06 к.ф.н. (10.02.20) **Зацепина Марина Владимировна**. *Концептуализация феномена «Отчуждение» в русской и немецкой концептосферах*. Научный руководитель – Н.В. Пестова. Эксперты Л.Г. Бабенко и З.И. Комарова. Оппоненты – З.И. Комарова и М.В. Боровкова. Ведущая организация – ГОУ ВПО «Пермский государственный технический университет».

26.05.06 к.ф.н. (10.02.20) **Будаев Эдуард Владимирович**. *Метафорическое моделирование постсоветской действительности в российском и британском политическом дискурсе*. Научный руководитель – А.П. Чудинов. Эксперты совета – Л.Г. Бабенко и М.Л. Кусова. Оппоненты – Л.Г. Бабенко и Г.Н. Бабич. Ведущая организация – ГОУ ВПО «Уральский государственный экономический университет».

02.06.06 к.ф.н. (10.02.01) **Слаутина Марина Васильевна** (Уральский государственный университет). *Особенности репрезентации христианской картины мира в лексике русского языка*. Научный руководитель Л.Г. Бабенко. Эксперты – М.Л. Кусова и Э.А. Лазарева. Оппоненты – М.Л. Кусова и А.Ю. Ларионова. Ведущая организация – ГОУ ВПО «Тамбовский государственный университет».

02.06.06 к.ф.н. (10.02.01) **Головатина Варвара Михайловна** (Уральский государственный университет). *Репрезентация концепта «Вдохновение» в русской литературной традиции*. Научный руководитель Л.Г. Бабенко. Эксперты – Н.В. Пестова, Т.А. Гридина. Оппоненты – Т.А. Гридина и Е.Г. Соболева. Ведущая организация – ГОУ ВПО «Омский государственный университет».

23.06.06 к.ф.н. (10.02.20) **Хмелевская Инна Юрьевна** (Уральский государственный педагогический университет). *Теоретические основы лексикографического представления французской и русской терминологии спортивных игр*. Научные руководители – О.Г. Путырская и М.А. Паво. Эксперты – А.П. Чудинов и В.И. Томашпольский. Оппоненты – О.А. Турбина и И.Д. Белеева. Ведущая организация – ГОУ ВПО «Пермский государственный технический университет». *Первое в Екатеринбурге совместное заседание российского и французского диссертационных советов с одновременным присуждением российской и французской ученой степени*.

23.06.06 к.ф.н. (10.02.20) **Светоносowa Татьяна Александровна** (Уральский государственный педагогический университет). *Сопоставительное исследование «ценностей» в российском и американском политическом дискурсе*. Научный руководитель – Г.Н. Бабич. Эксперты – Н.А. Пирогов и Н.В. Пестова. Оппоненты – В.И. Карасик и М.Л. Кусова. Ведущая организация – ГОУ ВПО «Пермский государственный технический университет».

27.06.06 к.ф.н. (10.02.01) **Тагильцева Юлия Ринатовна** (Уральский государственный педагогический университет). *Субъективная модальность и тональность в политическом интернет-тексте*. Научный руководитель – Н.Б. Руженцева. Эксперты – М.Л. Кусова, Э.А. Лазарева. Оппоненты – Э.А. Лазарева, Н.В. Багичева. Ведущая организация – ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет».

27.06.06 к.ф.н. (10.02.01) **Дудорова Мария** (Уральский государственный университет). *Категоризация пространства в поэзии И. Анненского*. Научный руководитель – Л.Г. Бабенко. Эксперты – Н.В. Пестова, Л.М. Майданова. Оппоненты – Л.М. Майданова, Е.В. Дзюба. Ведущая организация – ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет».

28.06.06 к.ф.н. (10.02.20) **Передриенко Татьяна Юрьевна** (Южно-Уральский государственный университет). *Концепты «Бог» и «Дьявол» в русской и английской лингвокультурах*. Научный руководитель

– Л.Г. Бабенко. Эксперты – О.А. Турбина, В.И. Томашпольский. Оппоненты – М.Э. Рут, Е.В. Шустрова. Ведущая организация – ГОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет».

28.06.06 к.ф.н. (10.02.20) **Быкова Светлана Евгеньевна** (Уральский государственный педагогический университет). *Тезаурусное моделирование французской и русской юридической терминологии*. Научный руководитель – В.И. Томашпольский. Эксперты – О.А. Турбина, Н.В. Пестова. Оппоненты – К.И. Демидова, И.Д. Белеева. Ведущая организация – ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет».

22.09.06 к.ф.н. (10.02.01) **Иванилов Василий Михайлович** (Уральский государственный педагогический университет). *Ассоциативный потенциал слова как основа для толкования сновидений*. Научный руководитель – Т.А. Гридина. Эксперты – М.Э. Кусова, К.И. Демидова. Оппоненты – М.Э. Рут, А.В. Снигирев. Ведущая организация – ГОУ ВПО «Московский государственный областной университет».

22.09.06 д.ф.н. (10.02.01) **Данилевская Наталия Васильевна** (Пермский государственный университет). *Чередование старого и нового знания как механизм развертывания научного текста (аксиологический аспект)*. Научный консультант – М.Н. Кожина. Эксперты – З.И. Комарова, Л.М. Майданова, А.П. Чудинов. Оппоненты – З.И. Комарова, Н.А. Кузьмина и В.Е. Чернявская. Ведущая организация – ГОУ ВПО «Ставропольский государственный университет».

29.09.06 к.ф.н. (10.02.01) **Парилова Надежда Алексеевна** (Шадринский государственный педагогический институт). *Процесс семантического отталкивания в зауральских народных говорах*. Научный руководитель – К.И. Демидова. Эксперты – Г.Н. Плотникова и М.Л. Кусова. Оппоненты – Г.Н. Плотникова и С.А. Еремина. Ведущая организация – ГОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет».

29.09.06 к.ф.н. (10.02.20) **Сергиенко Наталья Анатольевна** (Уральский государственный педагогический университет). *Сопоставительное исследование ЛСГ прилагательных с семантикой «чистый/грязный» в русском и английском языке*. Научный руководитель – А.П. Чудинов. Эксперты – З.И. Комарова, Н.А. Пирогов. Оппоненты – В.И. Карасик, З.И. Комарова. Ведущая организация – ГОУ ВПО «Пермский государственный технический университет».

03.11.06 к.ф.н. (10.02.20) **Балашов Сергей Николаевич**. (Уральский государственный педагогический университет). *Когнитивная природа иронии: парадигма моделей в сопоставительном описании (на материале английских художественных произведений XX века и из русских переводов)*. Научный руководитель – Т.А. Знаменская. Эксперты – В.И. Томашпольский, А.П. Чудинов. Оппоненты – Н.Б. Руженцева,

О.Г. Скворцов. Ведущая организация – ГОУ ВПО «Уральский государственный университет».

15.12.06 д.ф.н. (10.02.20) **Федуленкова Татьяна Николаевна** (Поморский государственный университет). *Изоморфизм и алломорфизм в германской фразеологии (на материале английского, немецкого и шведского языков)*. Эксперты – В.И. Томашпольский, К.И. Демидова, Г.Н. Плотникова. Оппоненты – Л.М. Алексеева, О.А. Осипова, М.В. Пименова. Ведущая организация – ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет».

© Пирогов Н.А., 2006

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ СТАТЕЙ И ПЕРЕВОДЧИКАХ

АНДЕРСОН РИЧАРД Д. (мл.) – доктор философии, профессор Калифорнийского университета (Лос-Анжелес, США).

АНИКИН ЕВГЕНИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ – аспирант Колумбийского университета (Южная Каролина, США).

БАЛАШОВА ЛЮБОВЬ ВИКТОРОВНА – д.ф.н., профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

БУДАЕВ ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ – к.ф.н., старший преподаватель кафедры иностранных языков Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии.

БЭЙН ДЖЕССИКА – сотрудник Национального центра по исследованию Европы Кентерберийского университета (Новая Зеландия).

ВАСИЛЬЕВ АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ – д.ф.н., профессор Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск).

ВОРОШИЛОВА МАРИЯ БОРИСОВНА – к.ф.н., старший преподаватель кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета.

ГИНИАТУЛЛИН ИГОРЬ АХМЕДОВИЧ – к.п.н., профессор, профессор кафедры немецкого языка и методики его преподавания Уральского государственного педагогического университета, ученый секретарь Диссертационного Совета.

ДЖ. А. ДАНН – профессор Эдинбургского университета.

ЖУРАВЛЕВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА – к.ф.н., доцент Вятского государственного гуманитарного университета (г. Киров).

ЗАЙЦЕВА АННА БОРИСОВНА – аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета.

КЛОЧКО НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА – dr.philol., профессор Женевского университета (Швейцария).

КУШНЕРУК СВЕТАЛАНА ЛЕОНИДОВНА – к.ф.н., старший преподаватель кафедры английской филологии Челябинского государственного

педагогического университета.

ЛУКАНИНА МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА – к.ф.н., доцент факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

ЛУТОВИНОВА ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА – к.ф.н., докторант кафедры английской филологии Волгоградского государственного педагогического университета.

МАКАРОВА ВИКТОРИЯ ВЛАДИМИРОВНА – младший научный сотрудник, магистр, Вильнюсский университет, Каунасский гуманитарный факультет, Центр социокультурных исследований.

НАДЕЛЬ-ЧЕРВИНЬСКА МАРГАРИТА – доктор филологии, преподаватель Силезского университета в Катовицах.

ПИРОГОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – к.ф.н., профессор кафедры немецкого языка Уральского государственного педагогического университета, ученый секретарь Диссертационного Совета

ПШЕНКИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – к.ф.н., старший преподаватель кафедры английского языка Барнаульского государственного педагогического университета.

РУСОВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – аспирант кафедры английского языка Сургутского государственного университета.

СОРОКИНА МАРИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА – аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета.

СПИРИДОВСКИЙ ОЛЕГ ВЛАДИМИРОВИЧ – к.ф.н., преподаватель кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации Воронежского государственного университета.

СТЭТС КАТРИНА – докторант политологии Аделаидского университета (Австралия).

ТОЛМАЧЕВА МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА – аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета.

ЧАБАН НАТАЛЬЯ – доктор филологии, координатор консультационного совета Национального центра по исследованию Европы Кентерберийского университета (Новая Зеландия).

ЧУДИНОВ АНАТОЛИЙ ПРОКОПЬЕВИЧ – д.ф.н., профессор, проректор по научной и инновационной деятельности Уральского государственного педагогического университета.

ШИРМАНОВ ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ – соискатель кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского.

ШУСТРОВА ЕЛИЗАВЕТА ВЛАДИМИРОВНА – к.ф.н., докторант кафедры межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета.